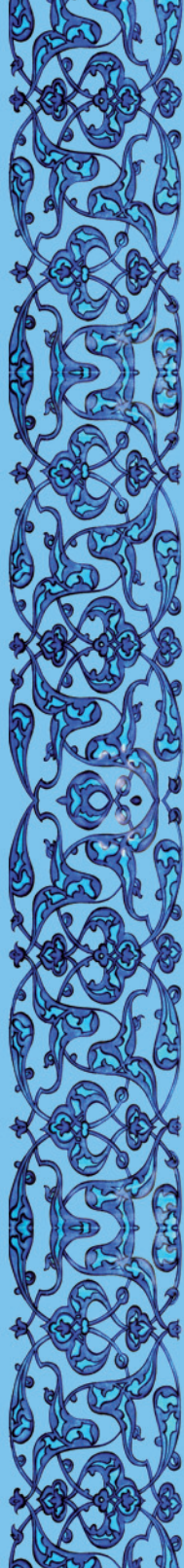

9 785919 516323

А. СЕНЬ
РУССКО-КРЫМСКО-ОСМАНСКОЕ ПОГРЯНИЧЬЕ

ДМИТРИЙ СЕНЬ

ИЗДАЕТСЯ ФОНДОМ
ИМ. СВЯЩЕННИКА ИЛИИ ПОПОВА

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
Southern Federal University
Institute of History and International Relations
Priest Iliya Popov Foundation

D.V. Sen'

**RUSSIAN-CRIMEAN-OTTOMAN BORDERLAND:
AREAS, PHENOMENA, PEOPLE
(ENDING OF THE XVII – XVIII CENTURIES)**

Selected works

Edited by
Dr. (History) V.V. Trepavlov

Rostov-on-Don
ALTAIR Publishers
2020

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Южный федеральный университет
Институт истории и международных отношений
Фонд имени священника Илии Попова

Д.В. Сень

**РУССКО-КРЫМСКО-ОСМАНСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ:
ПРОСТРАНСТВО, ЯВЛЕНИЯ, ЛЮДИ
(КОНЕЦ XVII – XVIII в.)**

Избранные труды

Ответственный редактор
доктор исторических наук В.В. Трепавлов

Ростов-на-Дону
АЛЬТАИР
2020

УДК 94(470.62)+94(470.620)+94(470.61)Крым(091)08/16”(035.3)
ББК 63.3(2)4+63.3(2)5+(2 Рос37-4 Рос)я44

С31

Ответственный редактор
*главный научный сотрудник, руководитель Центра истории
народов России и межэтнических отношений Института
российской истории РАН, д.и.н. **В.В. Трепавлов***

Сень Д.В.

С31 Русско-крымско-османское пограничье: пространство,
явления, люди (конец XVII – XVIII в.): Избранные
труды / отв. ред. В.В. Трепавлов. Ростов н/Д.:
Альтаир, 2020. 420 с.

ISBN 978-5-91951-632-3

В книгу включены работы, отражающие разные этапы и направления научно-исследовательской деятельности автора. Ключевая тема издания – история южного пограничья и нового пограничного порядка, возникающего в пространстве межгосударственного противостояния и договоров России, Крымского ханства и Османской империи, начиная с конца XVII в. Большое внимание уделено реакциям местного населения, прежде всего – номадов и казаков – на трансформацию степного пограничья и собственного уклада жизни, случившихся, в первую очередь, под влиянием внешних факторов военно-политического характера.

Предназначена для специалистов по истории внешней политики России, русско-крымско-османских отношений, истории казачества и других пограничных сообществ, включая калмыков и ногайцев.

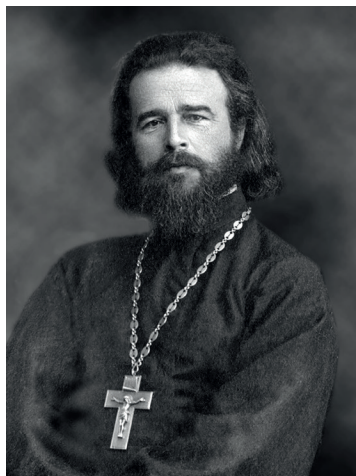
В оформлении обложки использован картуш из карты
Гийома Делиля (Guillaume Delisle): «Carte de Tartarie...», 1706 г.

УДК 94(470.62)+94(470.620)+94(470.61)Крым(091)08/16”(035.3)
ББК 63.3(2)4+63.3(2)5+(2 Рос37-4 Рос)я44

ISBN 978-5-91951-632-3

© Сень Д.В., 2020

© Оформление «Альтаир», 2020

Священник Илия Попов 1871–1937

Священник Илия Попов, сын, внук, правнук, праправнук и прапраправнук донских священно- и церковнослужителей, служил в храмах станиц четырёх округов Области Войска Донского, с 1916 года – в станице Великокняжеской (с 1925 года – станица Пролетарская). После закрытия 16 декабря 1935 года последнего в районе храма

Мучеников Флора и Лавра продолжал духовное окормление паствы. Арестован в станице Пролетарской 24 сентября 1937 года. Расстрелян в День Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября 1937 года.

В настоящее время материалы к канонизации священника Илии Попова в лике новомучеников и исповедников Церкви Русской находятся на рассмотрении Комиссии по канонизации святых Донской митрополии.

*Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное
(Мф. 5:10)*

ФОНД ИМЕНИ СВЯЩЕННИКА ИЛИИ ПОПОВА
WWW.POPOVFOUNDATION.ORG

Задачами Фонда имени священника Илии Попова являются культурно-просветительская работа по истории казачества и церковной истории, благотворительная деятельность, прославление подвига новомучеников

Содержание

Предисловие (<i>В.В. Трепавлов</i>)	11
Введение	17

РАЗДЕЛ I АЗОВ... ПОСЛЕ АЗАКА

Азовские походы и их последствия в истории Крымского ханства. Рубеж XVII–XVIII вв. (на примере ногайской Кубани).	25
Из истории борьбы России за Азов в 1695–1696 гг.: участие ахреян в защите османской крепости.	36
Администрация российского Азова и население ногайской Кубани: пограничные отношения в конце XVII – начале XVIII в.	51
После взятия Азова: российско-османское пограничье и его население в 1696–1697 гг. (на материале расспросных речей) (<i>в соавт. с П.А. Аваковым</i>).	54
Толмачи и переводчики в деятельности воеводской администрации Азова (конец XVII – начало XVIII в.)	73
«А что в тех письмах писано... того нам неведомо»: новые дипломатические практики русско-крымско-османских властей в южном пограничье (конец XVII – начало XVIII в.)	84

РАЗДЕЛ II НОВЫЕ ГРАНИЦЫ: СОЗДАТЕЛИ И НАРУШИТЕЛИ

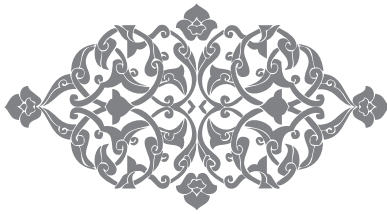
Крымское ханство в конце XVII – начале XVIII в.: внешняя и внутренняя политика в условиях новых исторических вызовов	121
--	-----

Ахреяне как образы «чужого»: славяне Приазовья и Кубани XVII – начала XVIII в.	135
«Бил челом ахреянскому атаману...»: плен, рабство и выкуп на южном пограничье (конец XVII – начало XVIII в.)	170
Переговоры о переходе кубанских ногайцев в российское подданство (рубеж XVII–XVIII вв.)	187
Информационное пространство Булавинского выступления и повстанческая переписка 1708 г. с Кубанью	201
Управленческие практики Российской империи в Северном Причерноморье и судьба Крымского ханства: проблемы историографии	213
Освоение Черномории казачеством в конце XVIII в.: случай Петра Малого и Андрея Мазанова	225
Пограничные владения Османской империи на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII – начале XIX в. и казачьи сообщества региона	244

РАЗДЕЛ III ВОЕННОЕ ЛИДЕРСТВО В ПРОСТРАНСТВЕ ЮЖНОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Новые данные о представителях потестарных структур кубанского казачества (конец XVII – XVIII в.)	271
Биографии лидеров донских и кубанских казаков-старообрядцев конца XVII – начала XVIII в.	275
Биографические данные об элитах Крымского ханства: проблемы источниковедческого изучения (случай султана Бахты-Гирея).	286

Кубанский султан Бахты-Гирей: историческое пространство индивидуальной биографии и его реконструкция.	304
Взаимоотношения калмыков и кубанского султана Бахты-Гирея: тактика и стратегия пограничного сотрудничества (середина – вторая половина 1720-х гг.)	308
«Чтоб-де к нам тот Бахты-Гирей с Некрасовым поближе пришли, то бы де нам добре было»: случай из истории казачьей старшины Гетманской Украины 1720-х гг. (<i>в соавт. с Н.И. Швайба</i>).	359
Организация убийств как инструмент политической борьбы в южном пограничье первой трети XVIII в. (случай султана Бахты-Гирея).	380
Ногайская Кубань и проблемы внутривосточного развития Крымского ханства середины XVIII в.	393
Перечень изданий, в которых впервые опубликованы труды, включенные в книгу	417

ПРЕДИСЛОВИЕ

Профессор Южного федерального университета Дмитрий Владимирович Сень заслуженно считается одним из ведущих специалистов по истории Юга России XVII–XVIII вв. Историкам хорошо известны его многочисленные труды по истории казачества, в том числе монографии «“Войско Кубанское Игнатово Кавказское”: исторические пути казаков-некрасовцев» (2001, 2002), «Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья» (2009), параграфы в нескольких коллективных монографиях 2006–2020 гг. и пр. В последнее время Д.В. Сень расширяет диапазон своих исследований, анализируя феномен межэтнического и межкультурного взаимодействия народов, населявших обширное пространство между Днепром и Кубанью, подробности отношений между государствами, которые боролись друг с другом за гегемонию в том регионе. При этом не остается без внимания и его излюбленная казачья проблематика.

В новой книге ростовского историка представлены его одновременные работы, посвященные различным аспектам истории Причерноморья, Приазовья и Северо-Западного Кавказа. Замысел этого собрания текстов, по формулировке самого автора, состоял в том, чтобы «постараться передать взаимосвязанный, сквозной характер сюжетов, демонстрирующих сложность и изменчивость пограничной жизни на Юге».

При всем разнообразии тематики статей и изучаемых исторических персонажей публикуемые очерки логично выстраиваются в три тематических блока. В первом рассматривается исторический феномен города Азака / Азова – до конца

XVII в. являвшегося крайним северным владением Османской империи – как средоточием политических, экономических, социальных, культурных, этнических и прочих процессов и дискурсов. Во втором разделе представлены работы по истории населения обширной территории, которую русские называли «Дикое поле» и «Крымская степь», крымцы – «Кюндюгуш Ногай», турки – «Кючук Хейхат». Третья подборка текстов освещает малоизвестные детали истории «Ногайской Кубани» – региона, который нечасто привлекает внимание исследователей. Во многих статьях отображается переломная эпоха в жизни Юга Восточной Европы – канун и период вхождения этих земель в состав Российского государства. Особенно это представляется актуальным в отношении Крымского ханства, т.к. после 2014 г., когда Крым был включен в научное пространство Российской Федерации, начался новый этап в изучении народов полуострова, и развитие российского крымоведения получило мощный импульс. Работы Д.В. Сеня являются достойным вкладом в развитие этого направления историографии.

Научные труды Д.В. Сеня отличаются солидной фундаментальностью, опорой на доброкачественный источниковый материал. Основанием для анализа и итоговых заключений, наряду с логикой, эрудицией и исследовательской интуицией автора, служит обширный фонд архивных материалов, привлекаемых им для рассмотрения различных проблем и аспектов. В частности, в данной книге используются документы из Российского государственного архива древних актов, государственных архивов Астрахани, Воронежа, Краснодар, Ростова-на-Дону. Многие из них впервые вводятся в научный оборот.

Свой подход к изучению и использованию сведений источников автор характеризует как изменение традиционной «исследовательской оптики», стараясь поместить в центр внимания не только высокую политику, разрабатываемую в имперских столицах, но и повседневную жизнь, поведение, мотивы поступков жителей пограничных и приграничных террито-

рий. При этом ему удается избегать устоявшейся в отечественной историографии руссоцентристской методологии освещения исторических процессов, т.е. рассматривать их с точки зрения не только русских участников событий, но и их иноэтничных партнеров по политическим, торговым и культурным контактам. Подобная трактовка взаимоотношений государств и народов, предполагающая «равностороннее» рассмотрение их позиций и интересов, все более утверждается в современной российской науке. Такая полифония применяется Д.В. Сенем по отношению, в том числе, и к Крымскому ханству XVIII в., которое предстает в его работах как самостоятельный и обладающий собственными интересами участник международных отношений, а не просто как постоянный источник беспокойства для северных соседей, объект российской внешней и османской внутренней политики.

Одним из главных предметов рассмотрения в публикуемых здесь работах Д.В. Сенья, своего рода центральным персонажем является пограничная зона – фронт. Это понятие, заимствованное из англоязычной литературы, относительно недавно пришло в российскую историческую науку и наиболее активно разрабатывается на материалах Сибири и Северного Кавказа. В отношении же южных степей, «Дикого поля», концепт фронта привлекается меньше, и приоритет здесь принадлежит, очевидно, американскому историку М. Ходарковскому. Между тем сложная система взаимоотношений различных политических и этнических сторон и сил в данном регионе была гораздо сложнее некоторых устоявшихся схем: «Россия против Турции», «казаки на службе России против турок и татар» и т.п. Д.В. Сенья представляет степной фронт как сложный и меняющийся феномен – не столько как барьер между этносами и культурами, сколько в виде зоны их регулярного контакта и взаимопроникновения. Ведь через предначертанные договорами государственные рубежи постоянно перемещались группы людей: кочевники, паломники, мигранты, разбойники...

В исследуемый автором период геополитическое положение данного региона радикально изменилось, т.к. он превратился в арену прямого военного противостояния Российской и Османской империй. Соответственно новым содержанием наполнились и связи в фронтирной зоне – то, что Д.В. Сень называет пограничной дипломатией, культурой пограничного диалога. В условиях, когда границы двух могущественных держав сомкнулись, сложилась ситуация «вынужденного соседства», когда местным провинциальным русским и турецким властям поневоле пришлось договариваться друг с другом по повседневным текущим, иногда остро конфликтным вопросам. В публикуемых статьях представлен широкий спектр поводов для таких контактов: обмен насущной информацией, торговля, разрешение пограничных споров, бегство из пределов одного государства в другое и др. Не случайно первый раздел книги отведен Азову – сначала турецкому, затем российскому местному «мегаполису», объективному центру соединения различных связей, интересов и политических интриг. В конце XVII – начале XVIII в. этот город был главным пунктом русско-мусульманских контактов.

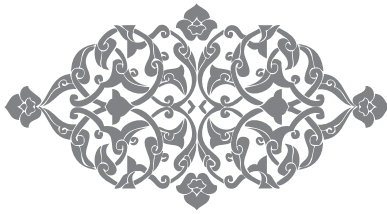
Дополнительную сложность исторической ситуации, равно как и дополнительный интерес для научного изучения черноморско-азовского фронта, представляет полиэтничность края, населенного славянами-казаками, крымскими татарами, ногайцами, черкесами, турками и др. Традиционная для автора тема казачества проявилась здесь в доскональном изучении т.н. ахреян. Эти славянские подданные тюркских падишахов и раньше упоминались в исторических трудах, но монографического описания этого любопытного явления – истинного порождения южного фронта – до Д.В. Сени не предпринималось. Присутствие ахреян в османском Приазовье и в Крымском ханстве – не обязательно «обусурманившихся» вероотступников, но всегда изменников, с точки зрения российских властей – получает в публикуемых здесь работах разностороннее освещение.

На фоне бурного XVI и отчасти XVII столетия история Крымского юрта в XVIII в. выглядит, на первый взгляд, менее насыщенной яркими событиями. Тем не менее, Д.В. Сень находит любопытные сюжеты, которые проливают свет на малоизученные аспекты истории татарского государства. К таким сюжетам относится история крымских элит, в частности, боковых ответвлений многолюдного правящего клана Гиреев, «рядовых» его представителей. Один из них – царевич (султан) Бахты-Гирей, биография которого подробно изучена Д.В. Сенем. Одно время этот отпрыск крымского царствующего дома состоял в должности наместника «Ногайской Кубани», которая тоже удостоивается особого внимания автора. Очевидно, настало время для написания научной биографии Бахты-Гирея с изложением всех перипетий его яркой и авантюрной жизни.

Статьи, представленные в книге, отражают разные тематические направления, содержат заделы для будущих исследований, раскрывают перспективы новых открытий в истории Юга России. Д.В. Сень находится в расцвете творческих сил и, несомненно, обогатит науку новыми трудами и открытиями. Хочется пожелать ему дальнейших успехов в научном поиске.

*В.В. Трепавлов,
главный научный сотрудник
Института российской истории РАН,
доктор исторических наук*

28 августа 2020 г.

*Посвящаю моей семье –
жене Надежде (Нади) и дочке Полине*

ВВЕДЕНИЕ

Включенные в книгу тексты охватывают различные аспекты истории южного пограничья. Его наиболее существенная трансформация (по крайней мере, для XVI–XVIII вв.) происходила в течение временного отрезка Нового времени, о котором идет речь в названии книги. Публикуя статьи и тезисы в формате монографического сборника, автор ставил перед собой несколько задач. Но для начала – оговорка о том, что большая часть представленных в книге материалов ранее увидела свет. Это так. Не стану апеллировать к тезису о том, что некоторые из них были опубликованы на страницах сборников, якобы (или действительно?) не очень хорошо известных коллегам. Массовая оцифровка печатных изданий и возможности современных информационных баз и сайтов, безусловно, решают подобную «проблему».

Замысел заключался в том, чтобы постараться передать взаимосвязанный, сквозной характер сюжетов, демонстрирующих сложность и изменчивость пограничной жизни на Юге, зависящей не только от воли правителей отдельных государств или от заключенных между ними договоров. Меня, как исследователя, предметно интересовали всевозможные реакции многочисленных пограничных сообществ на изменение традиционного уклада жизни, характерного для степного пограничья. Прежде всего, речь идет об отношении со стороны такого населения к формированию нового пограничного порядка, возникшего в пространстве межгосударственного противостояния и договоров России, Крымского ханства и Османской империи, начиная с конца XVII в. Предпринята попытка увидеть

общее и особенное в поведении самых разных жителей степного пограничья, во многом насильно вовлеченных в процессы делимитации и демаркации на Юге границ нового (т.н. линейного/европейского) типа. Отбирая статьи и «даже» тезисы для книги, я также руководствовался мыслью о конкретном показе с их помощью своего научного пути, движение по которому *расширяло и уточняло* мои представления о жизни людей в южном пограничье как о самостоятельной и важной теме, позволяющей по-новому взглянуть на историю внешней политики ряда государств, на историю русско-турецких войн и пр. Вот почему в моем научном творчестве все чаще стали появляться новые, как для казаковеда, сюжеты по истории пограничной дипломатии и работорговли на Юге, по истории элит Крымского ханства и пр. Попутно замечу, что с течением времени существенно трансформировалась и моя научная позиция о состоянии внешней и внутренней политики Крымского ханства в условиях новых для него исторических вызовов, начиная с конца XVII в. Если совсем коротко – я имею честь не соглашаться с коллегами, отстаивающими тезис о неизменном характере набеговой системы Крымского ханства и о якобы predetermined характере его исторической судьбы в XVIII в.

Ключевая тема книги исследована не с точки зрения «природных»/«законных» интересов какого-либо государства или т.н. главных участников, а с позиций гетерогенности и мозаичности самой пограничной жизни. История южного пограничья будет представлена как пространство конформизма и сопротивления, конфронтации и сотрудничества самих местных сообществ, а не как абстрактная территория «агрессии» или «защиты» со стороны Москвы (Санкт-Петербурга), Бахчисарая, Стамбула. Таким образом, я предлагаю существенно изменить необходимую исследовательскую оптику, акцентируя внимание на формах жизни в пограничье и на поведении его жителей, далеко не всегда определяемых, что называется, из столиц...

Именно поэтому в последние годы меня особенно занимают сюжеты, связанные с отношением многочисленных пограничных сообществ (прежде всего – казаков и номадов) к процессам и явлениям, описываемым в специальной литературе преимущественно с точки зрения империй и имперских структур. Безусловно, такой подход имеет право на существование, хотя именно здесь отдельных авторов подводит направленность (впрочем, не сам масштаб!) такой исследовательской оптики. При ее использовании резко сужается (порой намеренно!) охват процессов, явлений и участников местной пограничной жизни, зачастую характеризуемых как несущественные, антигосударственные, отсталые, архаичные и т.п. Считаю, что столь прямолинейный подход определенно препятствует изучению всего многоликого и сложноорганизованного («даже» на примере набеговой системы и работорговли) пространства пограничной жизни, безусловно, менявшегося под натиском извне. Среди составляющих такого пространства – «неофициальность» и неустойчивое равновесие, мозаичность и изменчивость местных социальных и культурных процессов, энтропия официальных властных отношений и ресурсов, направляемых государствами на покоряемое/присоединяемое население, добываясь его лояльности и необходимого контроля над ним.

Тем самым появляется следующая перспектива: сфокусировать внимание не на государственных границах, которым, как правило, приписывается прогрессивное значение в борьбе со степью, с «хищничеством» т.н. отсталых кочевников и т.п. сообществ, а на довольно обширных переходных зонах, в которых разные культурные и политические влияния и традиции взаимодействуют между собой¹. Такие переходные зоны и исследовательские проблемы успешно изучаются сторонниками более гибких подходов, нежели сторонниками мнения о правах того или иного государства на чьи бы то ни было территории. В первом случае речь идет, например, о «новой локальной истории», о «новой имперской истории», наконец, о

---

¹ *Миллер А.И.* Ментальные карты историка и связанные с этим опасности // Исторические записки. М., 2002. Вып. 5 (123). С. 328.

теории фронта². В указанной связи заслуживает внимания мысль редакторов авторитетного издания «Ab Imperio» о том, что концепты фронта, границы или переходной зоны связываются с противостоянием по отношению к господствующим метанарративам, присущим исследованиям национализма и империи³.

Эвристические возможности концепта фронта, активно используемого автором книги, по-прежнему обширны и убедительны – с его помощью успешно описываются случаи и явления, как правило, не «попадающие» в пространство многих других концептов и методик, которые маргинализируют (признавая, по сути, неисторичными) многочисленные культурные и иные процессы на территории фронтов. Другой момент, тоже для меня принципиальный – концепт фронта способствует *концептуализации и контекстуализации* новых региональных исторических исследований, необходимых для понимания процессов, выходящих за пределы государственных или национальных границ. Во взаимодействии с другими аналогичными теориями и объяснительными конструкциями концепт фронта принципиально меняет исследовательский фокус: центральным становится не описание крупных общественных единиц и идентичностей, но отношение индивидуумов к этим идентичностям, описание различий, не сводимых к обрат-

² В частности, см. новейшие дискуссии: *Sen' D.V.* Frontier research in present-day Russia: Shaky boundaries of the academic dialogue // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. № 1 (27). С. 66–80; *Басалаева И.П., Дубман Э.Л., Мильчев В.И., Мизис Ю.А., Сень Д.В., Урушадзе А.Т., Ходарковский М.* Как сегодня изучать фронтеры? Дискуссия по статье Д.В. Сень // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. № 1 (27). С. 81–105; *Грибовський В.* Межа межі. Нотатки на полях книги Ігоря Чорновола «Компаративні фронтери: світовий і вітчизняний вимір» (Киев: Критика, 2015. 376 с.) // *Фронтери міста: Історико-культурологічний альманах*. 2016. Вип. 5. С. 189–212; *Чорновол І.* Межі порубіжжя: Пограниччя проблем. (Відповідь Владиславові Грибовському) // *Фронтери міста: Історико-культурологічний альманах*. 2016. Вип. 5. С. 213–218.

³ Границы империи: в поисках пределов применимости исторических метанарративов // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 9–10.

ному тяготению фронтальной «периферии» к своему историческому / культурному «ядру». Возникновение во фронтальном пространстве новых идентичностей и новых «социальных статусов», жизнь на пограничье, далеко не во всем подконтрольная коронным властям, обилие реакций гетерогенного населения фронта на действия имперских властей в «ничейном», пограничном пространстве, – такие и многие другие явления действительно высвобождают феномен «сложного гетерогенного общества из тени исторических империй и влиятельной националистической пропаганды одномерности и чистоты»⁴.

Я пишу о разнообразии и многочисленности исторических участников в пространстве фронта, концепция которого сегодня еще более востребована для того, чтобы «встроить... неоднозначную пористость границы в наше понимание способов, с помощью которых человеческие существа стремятся разделять и отделять социальное пространство»⁵. Это такие «люди пограничья», как нарушители права, шпионы, метисы-«полукровки» (тумы), рабы и рабовладельцы, торговцы, дипломаты, толмачи и переводчики, местные администраторы и мн. др., индивидуальные и коллективные биографии которых не всегда освещались исследовательской оптикой огромного спектра колониальных и даже постколониальных исследований. Я согласен с Б. Боуком, отметившим, что задачей нового поколения исследователей фронтиров не является исключение тех или иных исторических акторов из идеализированной истории прошлого, а наоборот, большее включение «ранее незамеченных групп (женщины, дети, метисы, изгои, инородцы, меньшинства, угнетенные) и явлений (культурное взаимодействие, взаимодействия человека и природы, обычное право,

---

⁴ Новая имперская история Северной Евразии. Ч. 1: Конкурирующие проекты самоорганизации: VII–XVII вв. / Под ред. И. Герасимова. Казань, 2017. С. 10.

⁵ *Рибер А.* Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей. Казань, 2004. С. 199.

преступность, отношения между сильными и слабыми, идентичности и менталитеты)»⁶.

Автор не стал прибегать к сколь-либо существенной переработке публикуемых текстов. Изменения коснулись, главным образом, системы ссылок – для всех публикуемых материалов она унифицирована как автоматическая постраничная. Вместе с тем – аппарат ссылок остался неизменным по своему содержанию. Исправлены некоторые речевые обороты. Наконец, две статьи («Азовские походы и их последствия в истории Крымского ханства. Рубеж XVII–XVIII вв. (на примере ногайской Кубани)» и «Управленческие практики Российской империи в Северном Причерноморье и судьба Крымского ханства: проблемы историографии») публикуются в исходном рукописном варианте. Дело в том, что некоторые их фрагменты были произвольно опущены редакционными коллегиями сборников, в которых они опубликованы ранее. Список изданий, в которых представленные материалы были впервые изданы, представлен в конце книги. Отсутствие той или иной статьи в указанном списке означает, что она публикуется впервые и это отдельно не оговаривается.

Считаю своим приятным долгом поблагодарить друзей и коллег, общение с которыми способствовало раздумьям над новыми и изначально непростыми для меня темами и сюжетами, нашедшими отражение в этой книге. Их советы и дружеская критика шли долгие годы рука об руку с моими собственными рефлексиями о качестве написанных текстов, о формировании моих научных гипотез, о поэтапном оформлении и верификации моей авторской концепции. Среди таких имен обязательно назову В.И. Колесова, П.А. Авакова, Б. Боука, В.В. Грибовского, К.А. Кочегарова, О.Ю. Куца, Д.А. Ляпина, Н.А. Мининкова, В.И. Мильчева, М.В. Моисеева, У.Б. Очирова, А.А. Пригарина, В.Т. Тепкеева, В.В. Трепавлова, М.Е. Шалака. Безусловно, таких коллег в моей на-

---

⁶ Боук Б.М. Фронтир или пограничье? Роль зыбких границ в истории донского казачества // Социальная организация и обычное право: материалы науч. конф. Краснодар, 2001. С. 150.

учной жизни случилось намного больше – а потому, смею надеяться, эти и другие ученые не оставят меня в будущем нужным словом и дельным советом.

Слова особенной благодарности обращаю Владимиру Колесову – верному другу, соавтору, коллеге, единомышленнику. Как правило, он первым на протяжении долгих лет узнавал о моих творческих планах, сюжетах, темах и, конечно, о сомнениях в ходе их реализации. В большинстве случаев именно ему первому я озвучивал не только свои интерпретации нового исторического материала, но и их наиболее уязвимые аргументы – вновь и вновь обращаясь к их дальнейшему оттачиванию и критической проверке. Горжусь многолетней дружбой и плодотворным для себя общением с этим талантливым и пишущим ученым. Безусловно, на меня по-прежнему оказывают благотворное влияние его блестящая эрудиция, исключительно уважительное и вдумчивое отношение к чужому мнению, а также чуть ироничное и, вместе с тем, оптимистичное отношение ко всему тому, что именуется «ремеслом историка». А сколько круглых столов и конференций мы организовали с ним и с другими коллегами в стенах Краснодарского историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына! Кстати, именно в этом музее состоялась первая презентация книги замечательного ученого Б. Боука, посвященной казачьим сообществам и имперскому строительству в эпоху Петра Великого. Памятны встречи с В. Колесовым в «Белой березе», традиционная часть которых – доверительные разговоры о наших научных темах, о наших же исканиях и частых сомнениях – как их изучать и почему не все удастся, наконец, почему мы ими вообще занимаемся?

Наконец – глубокая благодарность моей семье, которой посвящаю свою новую книгу. Жена Надежда, историк по образованию и кандидат наук, читала мои тексты в числе первых, терпеливо обращая внимание на их «темные» для стороннего восприятия места, а порой – прозорливо советуя мне заняться той или иной темой еще более основательно. Так, благодаря ее советам, один из близких мне сюжетов – об ахрея-

нах – со временем трансформировался в цикл статей об этих «людях пограничья». Ее профессиональное мастерство перевесило мои аргументы в ходе многодневного обсуждения одного прелюбопытного документа XVIII в., став основой для выработки общей авторской позиции⁷. Четырехлетняя дочь Полина уже знает, что такое «писать статьи», а также уверенно опознает в разговоре многих моих героев – казаков, ногайцев, калмыков. Она даже изредка дает мне во время работы за компьютером советы о том, как назвать ту или иную новую статью... Эта всемерная поддержка родных окрыляет и позволяет мне надеяться на реализацию новых творческих замыслов.

---

⁷ *Сень Д.В., Швайба Н.И.* «Чтоб де к нам тот Бакты-Гирей с Некрасовым поближе пришли, то бы де нам добре было»: случай из истории казачьей старшины Гетманской Украины 1720-х гг. // Меншиковские чтения – 2015: научный альманах / гл. науч. ред. П.А. Кротов. СПб., 2015. Вып. 6 (15). С. 160–170.

РАЗДЕЛ I

АЗОВ... ПОСЛЕ АЗАКА

Азовские походы и их последствия в истории Крымского ханства. Рубеж XVII–XVIII вв. (на примере ногайской Кубани)

Заявленная тема относится к числу малоизученных, несмотря на сложившуюся в науке историографическую традицию изучения первого и второго Азовских походов, военно-политической истории ногайцев XVIII в., в более же широком контексте – истории русско-турецких и русско-крымских отношений. Речь также идет об эволюции крымско-османских отношений указанного периода¹, историю которой необходимо анализировать в контексте международных отношений и т. н. нового пограничного порядка, наступившего в отношениях между Россией и Османской империей по итогам войны 1686–1700 гг. В последней четверти XVII в. кризисные настроения по отношению друг к другу, а не только по отношению к России, охватили различные категории населения Крымского ханства и Османской империи. Рубеж XVII–XVIII вв. неслучайно стал переломным этапом в истории Крымского ханства – временем перемен, тревожившим не только крымские элиты, но и более многочисленные группы подданных Гиреев.

Успешная борьба России с Османской империей и завоевание Азова позволили ей к концу XVII в. существенно укрепиться в Северо-Восточном Причерноморье, прервать со-

---

¹ *Сень Д.В.* Международное положение Османской империи и эволюция крымско-османских отношений на рубеже XVII–XVIII вв. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2016. № 3. С. 54–59.

общение по суше между Крымом и восточными кочевниками. Нам мало известно о реакциях Стамбула и Бахчисарая в связи с утратой Азова, об ответных мероприятиях османских и крымских властей, о дальнейшем влиянии русско-турецкой войны на обстановку в Северо-Восточном Приазовье и на Кубани, входившей в состав Крымского ханства². Между тем Османская империя, действуя при поддержке Крымского ханства, не собиралась в одночасье отказываться от присутствия в регионе. В этой связи недостаточно изучены вопросы военно-политического противостояния и взаимодействия Российского государства, Крымского ханства и Османской империи конца XVII – начала XVIII в. в Северо-Восточном Приазовье и на Северном Кавказе. Безусловно, история Северо-Восточного Приазовья и сопредельных территорий указанного периода – это не только процессы российской колонизации. Среди актуальных вопросов темы – история русско-турецкого и русско-крымского пограничья, взаимодействие местных пограничных администраций друг с другом, размежевание пограничных территорий, региональные аспекты реализации Константинопольского мирного договора. Наконец, речь об изучении реакций местных подданных Гиреев и Османов (в последнем случае – речь о Кафинском эялете) на взятие российскими войсками Азова в 1696 г. – после чего их жизнь (торговля, набеги и торговля рабами, в т. ч. проведение «окупных» операций, кочевание, связи с метропольными территориями и пр.) существенно изменилась. Любопытно, что Азов продолжал оставаться для кочевников достаточно статусным местом. Так, Азов снова становится важным пунктом проведения «окупных» (выкупных) операций с рабами и их «розмена», что было известно на Кубани даже невольникам. Не-

---

² *Аваков П.А., Сень Д.В.* После взятия Азова: российско-османское пограничье и его население в 1696–1697 гг. (на материале расспросных речей) // *Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы, 1517–1918* / ред.-сост. К.А. Кочегаров, Л.К. Новосельцева, А. Форго, О.В. Хаванова. М.; СПб., 2016. С. 153–168.

вольников привозили в Азов от ногайцев, например, с кубанскими «торговыми людьми», развивавшими торговые связи через Азов и другими способами. Историкам предстоит посмотреть на историю региона рубежа XVII–XVIII вв. не только глазами победившей стороны (тем более что в науке существуют разные оценки итогов реализации Петром I «азовского проекта»)³. Исследователей ожидает более детальное изучение вопроса о готовности Османской империи отстаивать свои права на Азов и регион в целом (до 1700 г.), о тревогах Крымского ханства в связи с резким усилением в Приазовье российского влияния, т. е. о влиянии Азовских походов на внешнюю и даже на внутреннюю политику Османов и Гиреев, а также на их взаимоотношения. Ведь Россия, закрепившись в Северном Приазовье, поставила под свой контроль «коммуникации, обеспечивавшие опасные для россиян прямые контакты Порты и Крыма с калмыками, тюркским населением Поволжья и Степного Предкавказья»⁴. Самостоятельная и малоизученная научная проблема – анализ отношения различных (по национальному, конфессиональному и социальному признакам) групп населения Азово-Черноморского региона к утверждению России в Северо-Восточном Приазовье, юридически оформившемуся в 1700 г. Ногайцы Кубани не остались в стороне от наблюдения за этим процессом, за новой пограничной политикой Османов, во многом так же бурно реагируя на происходящее, как и другие подданные Гиреев. Действия султанского Дивана по реализации договоров с Россией, в т. ч. Константинопольского договора 1700 г., вызвали серьезное недовольство в Крыму, выразившееся в мятежах нурадина Гази-Гирея и хана Девлет-Гирея II⁵, в которых ногайцы приняли самое де-

---

³ *Boeck B.J.* When Peter I Was Forced to Settle for Less: Coerced Labor and Resistance in a Failed Russian Colony (1695–1711) // *The Journal of Modern History*. 2008. Vol. 80, № 3. P. 485–514.

⁴ *Приймак Ю.В.* Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). Армавир, 2011. С. 55.

⁵ *Санин О.Г.* Антисултанская борьба в Крыму в начале XVIII в. и ее влияние на русско-крымские отношения // *Материалы по архео-*

ятельное участие. Связь между этими выступлениями и новой пограничной политикой Османской империей, ударившей по интересам Крымского ханства, очевидна: сокращение коридора возможностей для осуществления набегов сильно обеспокоило не только правителей Крыма, но всех тех, кто был традиционно задействован в набеговой системе ханства. В конце XVII в. Крым стал терять влияние среди ногайцев Буджака и Аккермана, стремившихся к подчинению османским властям. Те же ногайцы негативно отреагировали на заключение Константинопольского договора, возобновив под началом мятежного Гази-Гирея грабительские набеги на жителей польских владений. Завоевав устье Дона в 1696 г., «Россия расколола территорию ханства и изолировала Кубанскую орду и Западную Черкесию от его остальных причерноморских владений»⁶. Транзитный коридор для перемещения кочевников с указанного времени стал сдвигаться к югу, на Кубань, а их проникновение в Крым стало возможным через Керченский пролив⁷. Еще во время первого Азовского похода хан Селим-Гирей в письме к турецкому султану высказывал свою озабоченность в связи с возможным падением Азова, описывая страх и смутение, охватившие его подданных⁸. Другое его заявление Порте об опасности, грозившей Азову, было ими услышано⁹; крымцы и ногайцы активно помогали осажденному гарнизону, однако в сложившихся обстоятельствах исход осады выглядит за-

---

логии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1993. Вып. III. С. 275–179.

⁶ *Артамонов В.А.* О русско-крымских отношениях конца XVII – начала XVIII в. // *Общественно-политическое развитие феодальной России.* М., 1985. С. 71.

⁷ *Артамонов В.А.* Переговоры о переходе Крымского ханства в русское подданство при Петре Великом // *Славяне и их соседи.* М., 2011. Вып. 10. С. 271.

⁸ *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты: в 2 т. Т. 1: Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века / отв. ред. С.Ф. Орешкова. М., 2005. С. 459–460.

⁹ Там же. С. 464.

кономерным. В ходе второго Азовского похода российскими войсками 19 июля 1696 г. была захвачена крепость Азов (Азак) – форпост северных владений Османов и вековой оплот их господства в Северо-Восточном Приазовье. Тем самым ликвидировался Азовский санджак Османской империи и создавались условия для вхождения Северо-Восточного Приазовья в состав России.

Падение Азова было воспринято кубанскими ногайцами болезненно и даже панически – в том же 1696 г. многие из них с семьями откочевали в Крым и Черкесию, где даже зимовали¹⁰. Складывается впечатление, что с падением Азова те же ногайцы потеряли важное организующее начало своей жизни. Османский хронист Фындыклылы тонко подметил, что через несколько лет после заключения мира между Россией и Османской империей татары «проели то, что было в их руках, и теперь обеднели. А так как московский царь вопреки договору овладел крепостью Азовом, то настали последние времена»¹¹.

В передаче бежавшего с Кубани крестьянина Т. Иванова ногайцы рассуждали: «А когда де Азов взят, так де не устоят и Нагаю» (т. е. Кубанской орде), и если российские войска опять придут к Азову, то всем им придется бежать в горы. «И ныне де те татары юрты свои все пожгли, а сами с женами из детми живут, переходя по розным местам для того, что они от приходу руского войска к себе велми опасны...»¹². Откочевка ногайцев за Кубань в «горские черкесы» носила массовый характер. В 1697 г. ногайцы «...ныне все съехались по-прежнему и стали пашню пахать»¹³. Тревожные настроения охватили тогда многих в Крыму: по словам полоняников, вышедших в Азов из Крыма в феврале 1697 г., там всерьез опасались прихо-

---

¹⁰ Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. И-5. Оп. 1. Д. 5. Л. 3, 4, 8; Оп. 1. Д. 15. Л. 13, 18.

¹¹ *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. Т. 1... С. 481–482.

¹² ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 15.

¹³ Там же. Л. 18.

да «московской силы»¹⁴. По сообщению бывшего полоняника В. Григорьева, «в городе Тамани и по деревням таманские жители збирают к себе в войско охочих людей, чтоб кто ни шол, дают на человека по семь тарелей. И чтоб было тот их войско, с кем от русских людей оборонитца»¹⁵. Если верить бежавшему из крымской неволи донскому казаку Л.А. Дорожевскому, крымский хан Селим-Гирей даже отказался выполнить приказ султана Мустафы II идти на войну против Священной Римской империи германской нации: «И хан де крымской ему в том отказал, что он сам к нему, салтану, на помощь не пойдет, и войска своего никого не пошлет, потому что де он сам от приходу к себе русского войска опасен»¹⁶. По слухам, ходившим в Тамани, султан приказал крымскому хану, чтобы тот в случае нападения России «против московского войска стоял крепко»¹⁷. В.Д. Смирнов отметил заинтересованность Селим-Гирея в быстрейшем заключении Карловицкого мира (1699 г.), убедившегося в возросшем могуществе северного соседа, теперь «наводившего своими приступами такой страх на соединенные силы крымцев и турок, что они опасались не только за целость Крыма, но и самого Стамбула»¹⁸.

Однако Османская империя не собиралась в одночасье отказываться от своих позиций в регионе: для защиты своих владений, относящихся к Кафинскому эялету, для нейтрализации российского флота и донских казаков она запланировала строительство нескольких крепостей. Речь идет о крепостях Ачуев (1697 г.) и Еникале (1703 г.). Кубанский ахреян Ф.С. Горбун сообщал в мае 1697 г., что «приезжал в Нагай турской паша, а как ево зовут – не ведает, з денежною казною для найму нагайцов под лес дубовой на городовое дело, чтоб построит город на усть Черной протоки (правый рукав р. Ку-

---

¹⁴ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 7.

¹⁵ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 16. Л. 16.

¹⁶ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 8.

¹⁷ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 16. Л. 2–3.

¹⁸ *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. Т. 1... С. 466.

бани, впадавший в Черное море. – Д.С.), опасаясь приходу на себя великого государя ратных людей морем, и чтоб занять гирло Чорного протока, чтоб тем гирлом не пропустить московских сил»¹⁹. Сообщая о действиях калги-султана Девлет-Гирея, Ф.С. Горбун рассказал, что «будет де он стоять на Чорных протоках для того: ведомость у них в орде такая, что московская сила в тех местех будто хотят город делать, а на самом морском устье хотят они делат каланчи по обе стороны Черной протоки. И посылали те нагайские мурзы и татаровя к хану говорить, чтоб в тех местех город построить для бережения от приходу московских сил. А будет де они того города в тех местех не зделают, и им де нагайцом от приходу великого государя ратных людей жить будет на Кубани опасно»²⁰. Таким образом, возведение новой крепости, вскоре ею станет Ачуев, отвечало интересам не только турок-османов, но и ногайцев – как элит, так и рядового населения.

Бежавшие из Крыма в Азов невольники сообщали воеводе князю П.Г. Львову слухи о намерении крымских и османских войск прийти «по морю в каторгах и сухим путем под Азов прежде приходу великого государя ратных людей и захватить донской и сухой пути»²¹. 8 мая 1697 г. «казачий Иванов сын» сообщил в Азовской приказной избе, что ногайцы «живут на Кубане по-прежнему. И говорят все кубанские татары меж собою, что-де ныне Озов взяли русские люди, а в другой-де год они ево возмут»²². Однако неоднократно ногайцы и турки-османы скептически отзывались о возможности отвоевать Азов. Любопытная сцена произошла в начале 1697 г. в Тамани: приезжий торговый ногаец заявил местному турку, что «в Азове силы много, и московская де сила ныне в готове и будет в Азов вскоре...»²³. Колебания не только турок-османов

---

¹⁹ Отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук (далее – ОР БАН). Основное собрание. № 32.6.24. Л. 34.

²⁰ Там же. Л. 35–35 об.

²¹ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 16. Л. 7–10.

²² ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 13.

²³ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 16. Л. 16.

могут быть отражены в словах украинского казака Г. Серженко – невольника, бежавшего из Кафы: «И зело де турской салтан и все турки о взятии Азова тужат и говорят, что он ныне велми укреплен и обведен водою. А о взятии ево назад к себе чают и не чают»²⁴.

Падение Азова и утверждение России в регионе вызвали к жизни еще одно интересное явление – неоднократные обращения кубанских ногайцев к российским властям за подданством на фоне ослабевших позиций Османской империи и ряда других факторов. Кубанские ногайцы, по-видимому, действовали под влиянием не только «азовского синдрома», но и другого, тоже внешнего для них фактора в лице самой России, «перезывавшей» Кубанскую орду в подданство до заключения мира в 1700 г. По царскому указу на Кубань из Войска Донского был отправлен казак М. Мажаров «с товарищи перезывать ногайские орды» в подданство «под высокдержавную... руку». Переговоры по ряду причин затянулись, что отразилось в переписке Войска Донского и азовского воеводы П.Г. Львова²⁵. М. Мажарову пришлось дважды ездить на Кубань, а ногайцы прислали своих представителей в Черкасск для проверки подлинности писем. В связи с планировавшимся на 1697 г. походом крымско-османских войск под Азов ногайские мурзы даже попросили повременить с окончательным ответом до будущего года: «...кому де бог поможет на лето, того де и мы вся арда, потому что дело будет болшое на лето...»²⁶. Однако в ходе третьего Азовского похода ногайцы приняли участие в составе войск калги Девлет-Гирея в сражении с Большим полком боярина А.С. Шеина 20 июля 1697 г. под Азовом, были разгромлены в ходе боя и бежали за р. Кагальник.

После заключения Константинопольского мирного договора (1700 г.) ногайцы продолжали совершать набеги с Кубани на российские владения. Эта тема требует отдельного рассмотрения в связи с тем сопротивлением, которое оказывали ко-

---

²⁴ ОР БАН. Основное собрание. № 32.6.24. Л. 39 об.

²⁵ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 9. Л. 2а – 8.

²⁶ Там же. Л. 6.

чевники новому пограничному порядку и новым международным договорам. 8 июля 1702 г. С.Б. Ловчиков писал российскому послу П.А. Толстому: «...от кубанцов чинится многое воровство и под города царского величества, которые по Волге и до Саратова, также под городки донских казаков частные набеги чинят»²⁷. Ко всему прочему, недовольство кубанских ногайцев Крымом усилилось в связи со смещением в 1702 г. с крымского престола Девлет-Гирея II, активно стремившегося вернуть отношения Москвы и Бахчисарая на прежний уровень, столь понятный кочевникам. По слухам, доходившим до русского правительства, ногайцы Кубани «новому крымскому хану подручны быть не хотят и будет-де прежней хан по прежнему на ханство не будет, и они не хотят подклонитца под высокодержавную великого государя руку»²⁸. В 1702 г., указывает В.А. Артамонов, в Азов приезжал один из самых авторитетных кубанских мурз – Кубек-мурза (Кубек-ага?) – с просьбой о русском покровительстве над кубанскими ногайцами, но получил отказ. Правда, еще в 1701 г. кубанский Кубек-ага (сейчас нет возможности однозначно идентифицировать в одном лице Кубек-агу и Кубек-мурзу) участвовал в составе группировки кубанского султана, разгромившего кубанских мурз, пожелавших уйти в российское подданство и кочевать под Азовом.

В науке недостаточно изучены пограничные контакты населения и администрации российского Азова с населением и ханской администрацией Кубани, представлявшей в регионе власть Гиреев (здесь периодически проживали калга-султаны и нурадины-султаны). В условиях пограничной жизни и, несмотря на нормализацию отношений с Османской империей в конце XVII в., российская администрация Азова предпринимала меры к защите города и региона от нападений ногайцев с Кубани. В начале XVIII в. ногайцы несколько раз нападали

---

²⁷ Российский государственный архив древних актов. Ф. 89. Оп. 1. 1702 г. Д. 1. Л. 151 об.

²⁸ Артамонов В.А. Переговоры о переходе Крымского ханства в русское подданство при Петре Великом... С. 282.

на Азов, захватывая пленных и скот. В 1704 г. ногайцы приняли участие в демаркации российско-османскими официальными лицами новых границ в Северо-Восточном Приазовье, активно противодействуя установлению в регионе линейных границ, представлявших опасность для дальнейшего существования традиционной набеговой системы. Вопрос о ногайских набегах на российские земли, в т. ч. на донские казачьи городки, неоднократно рассматривался в Стамбуле. К его рассмотрению активно привлекались российские дипломаты, представители османских крепостей Таманского острова, входивших в Кафинский эялет. История контактов населения и администрации Азова с ногайцами и представителями ханской власти успешно вписывается в проблемное поле российско-османских отношений. Без подобного рассмотрения трудно оценить роль и место ногайской Кубани в неумолимо менявшихся российско-османских и российско-крымских отношениях и, напротив, объяснить позицию российских/османских властей по сдерживанию активности как ногайцев, так и донских казаков.

В 1706 г. в Азове по предложению российской стороны была создана русско-турецкая комиссия для разбора набегов на Азов ногайцев. Азовской администрации неоднократно приходилось разбирать конфликты, связанные с действиями донских казаков и калмыков против ногайцев, а ногайцев – против Войска Донского и калмыков, часто сопровождавшимися взаимным угоном лошадей, о бегстве калмыков на Кубань. При этом азовские власти, реализуя царскую политику, старались разрушить систему давнего внеконфронтационного пограничного сотрудничества Войска Донского и кубанских ногайцев, включая дела о размене пленных, бегстве на Кубань новокрещеных калмыков, взаимном поиске и возврате похищенного имущества. Вникая в суть «окупных» операций, азовские власти организуют поездки своих представителей на Кубань, например, в Копыл к казакам-ахреям, доставлявшим неприятности населению российских пограничных территорий. Отдельного внимания заслуживают контак-

ты азовских властей с представителями ханской власти (калга Шахбас-Гирей, нурадины Гази-Гирей, Каплан-Гирей, султан Бахты-Гирей), активно участвовавшими в жизни разных групп ногайского населения Кубани, и с местными элитами (Сартлан-мурза, Аллават-мурза, Кубек-ага и пр.)²⁹. Интересна переписка азовских воевод с этими и другими крымскими и ногайскими элитами, существенно дополняющая наши знания не только о взаимных претензиях, но также о разрешении конфликтов. В ходе подобной коммуникации, сбора разведывательной информации, реализации других способов пограничного взаимодействия стороны конфликтовали и активно договаривались, узнавая друг друга. К этому их подталкивали условия нового сосуществования, не всегда определявшиеся центральными властями, в которых нашлось место уже проверенным временем способам взаимного освоения пограничного пространства.

Рассмотренный материал позволяет наметить пути для дальнейшего изучения темы, связанной с историей Крымского ханства конца XVII – начала XVIII в., представленной на фоне международной политики, едва ли не впервые (как минимум после 1681 г.) существенно повлиявшей на жизнь многих категорий ханских подданных, прежде всего номадов. Новые границы, новая для крымских татар и ногайцев пограничная ситуация, новый этап в истории крымско-османских и русско-крымских отношений сказались на внешней и внутренней политике Крымского ханства, породив среди местного населения опасения и страхи за свою дальнейшую судьбу. С этой точки зрения тезис о непрекращающейся набеговой агрессии Крыма против России нуждается в корректировке. Многочисленные формы нового и даже непривычного отношения в Крымском ханстве к происходящему в государстве и за его пределами еще предстоит изучить.

---

²⁹ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 2–16; Там же. Д. 244. Л. 15–17.

Из истории борьбы России за Азов в 1695–1696 гг.: участие ахреян в защите османской крепости

19 июля 1696 г. пала крепость Азов (Азак), военно-административный центр самого северного санджака Османской империи, осаждаемая российскими войсками уже второй месяц. Несмотря на сложившуюся в России историографическую традицию изучения первого и второго Азовских походов, отдельные аспекты военно-политического противостояния Российского государства и Османской империи в 1690-е гг. в Северо-Восточном Приазовье остаются недостаточно изученными. Один из таких аспектов – укрепление обороноспособности Азова в первой половине 1690-х гг. и между первым и вторым Азовскими походами в связи с мероприятиями султанского правительства (формы, способы, логистика). Предстоит более детально изучить вопрос о готовности Османской империи отстаивать Азов в сравнении с тревогами Крымского ханства за судьбу крепости и внешней политикой Гиреев. К числу других аспектов относится изучение состава не только профессиональных защитников османской крепости, но и других категорий населения Азова, издавна отличавшегося конфессионально-этнической пестротой. Самостоятельная и неизученная научная проблема – анализ отношения различных групп местного и окружавшего Азов (в широком географическом понимании) населения к появлению России в Приазовье, закончившемуся падением османской крепости. Ведь Азов являлся важным центром, организующим и направляющим на протяжении веков (речь о меновой и транзитной торговле товарами, набегах, работоторговле и др. аспектах «притяжения Азова») жизнь многих сообществ – казаков, ногайцев, калмыков. Например, ногайцы восприняли известие о падении Азова едва ли не как катастрофу, массово откочевав в том же 1696 г. с семьями и имуществом в Крым и Черкесию. В Крымском ханстве вообще тревожно отнеслись к самой возможности завоевания Азова русскими, полагая в таком случае угро-

зу не только господству в регионе турок-османов, но и своей собственной безопасности.

Постановка исследовательской проблемы, отраженной в названии статьи, анализ разнообразных источников, до настоящего времени фрагментарно использовавшихся специалистами, позволили осветить малоизвестную сторону борьбы России за Азов, связанную с историей славянского (казацкого, старообрядческого) населения Крымского ханства и Османской империи. Недавно В.Е. Возгрин, описывая события первого Азовского похода, не приводя источников, отметил, что «следует отдать должное украинским и русским беглым раскольникам, спасавшимся у крымцев от жестоких преследований “схизматика” Петра, они сыграли немалую роль, отчаянно сражаясь в крепости и на ближних подступах к ней бок о бок с мусульманами»¹. Однако участие славян в событиях под Азовом в 1695–1696 гг. раньше не выступало в науке как самостоятельная тема или как сюжет, заслуживающий внимания специалистов по истории Азовских походов. Нами установлено, что сражаться за крепость Азов были готовы не только турки-османы и татарско-ногайское население Крымского ханства, но и разные группы славян, известные по русским источникам как *ахреяне*², составлявшие известную часть населения крепости. Отдельные вопросы заявленной темы рассмотрены нами в других публикациях³. Новизна избранного сюжета со-

---

¹ *Возгрин В.Е.* История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма: в 4 т. 3-е изд. Симферополь, 2013. Т. 1. С. 708.

² Не путать с агарянами. Ахреянами (охреянами) в России XVII в. чаще всего назывались православные подданные московских государей, в т. ч. казаки, изменявшие/бежавшие к туркам-османам (а также в Крым?) и переходившие в мусульманство, либо казаки-старообрядцы, уходившие с Дона на Кавказ и переходившие в подданство к крымским ханам. Эти казаки, как правило, в мусульманство не переходили, но в глазах российской стороны изменяли московскому государю, без колебания оказываясь в категории *ахреян*.

³ *Сень Д.В.* Ахреяне: из истории происхождения и бытования термина // Известия Ростовского областного музея краеведения. 2012. Вып. 18–19. С. 167–177; *Его же.* «Другие славяне»: ахреяне Приазо-

стоит в том, что ахреяне Азова сыграли особую роль в истории крепости конца XVII в., представляя собой более заметное явление в жизни полиэтничного Азова, чем это раньше считалось в науке. Именно *ахреяне*, судя по всему, активно повлияли на затягивание турками-османами сдачи крепости в июле 1696 г. В истории борьбы России за крепость Азов оказалось намного больше «антигероев» (по терминологии Н.Б. Голиковой и согласно ее пристрастным оценкам⁴), нежели чаще упоминаемый в источниках и литературе голландец Яков Янсен, которого многие современники клеймили как вора и изменника.

В 1690-е гг. славянское население османского Азова было представлено не только невольниками и отступниками от христианской веры. В Азове могли постоянно и свободно проживать, перемещаться и торговать, находясь под защитой местных властей, разные группы славян, менявшие или не менявшие свое вероисповедание. Это были, например, кубанские казаки, подданные крымского хана⁵ – казаки-старообрядцы, вынужденно покинувшие Дон после разгрома старообрядческого движения⁶. В речах пленного *ахреяна* Левки Степанова находим сведения о кубанских казаках, участвовавших в

вья и Кубани XVII в. – начала XVIII в. // Липоване: история и культура русских-старообрядцев / ред.-сост. А.А. Пригарин. Одесса, 2013. Вып. X. С. 35–46; *Его же*. Ахреяне как образы «чужого»: славяне Приазовья и Кубани XVII – начала XVIII в. // CAUCASICA. Труды Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона / под ред. В.А. Захарова. М., 2013. Т. 2. С. 128–150.

⁴ *Голикова Н.Б.* Голландец Яков Янсен и его крах в России в конце XVII в. // Вестник Московского ун-та. Серия 8: История. 2004. № 4. С. 29.

⁵ Вскоре после своего появления на Кубани казаки стали получать жалованье от крымского хана и азовского бея (Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 1406. Л. 126).

⁶ *Сень Д.В.* Казаки Крымского ханства: начальный этап складывания войсковой организации и освоения пространства (1690-е гг. – начало XVIII в.) // Тюркологический сборник 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / ред. кол. С.Г. Кляшторный и др. М., 2011. С. 289–320.

набегах: «...донской казак с реки Медведицы Савка Пахомов, да разбойник, которой розбивал по Волги, Афонка Обрамов, донские казаки с городка Голубые Якушка Горожанов, с Михалева городка Васка Мануйлов и с Строи... на (Сиротина? – Д.С.) городка Давыдка Лукьянов. А иные де... *которые живут на Кубани и в Озове* (выделено мною. – Д.С.) по имяном он, Левка... не упомнит»⁷. Известно, что одно время, по крайней мере в 1694 г., в Азове проживал казачий атаман Л. Маюцкий. Кроме того, в середине 1690-х гг. в Азове могли пребывать представители кумской и аграханской казачьих общин, незадолго до того разгромленных на Кавказе при участии России. Еще за несколько лет до описываемых событий кумские казаки уверенно чувствовали себя в Азове, участвуя в военных акциях азовцев, о чем немало свидетельств имеется в сохранившихся источниках. Сообщая об опасности, исходившей от кумских казаков, о трудностях налаживания диалога с казаками Аграхани, донской станичный атаман И. Аверкиев отмечал в 1691 г.: «А оне, богоотступники и расколники, непрестанно бывают в Озове...»⁸. Кубанские казаки даже обратились однажды к азовскому бею с челобитной о предоставлении им «рускаго попа»⁹. Характерным было отношение этих казаков к Азову не только как к месту своего проживания, но и как к удобной перевалочной базе при совершении походов с Кубани и обратно. Часть своего дувана (добычи) казаки продавали или меняли в Азове, чувствуя себя там довольно свободно.

Славянское население Азова составляли не только кубанские казаки. Во время второго Азовского похода запорожские казаки «доставляли российскому командованию и *жителей крепости, среди которых было немало украинцев* (выделено мною. – Д.С.) (Кирилл Сизаренко с Харьковщины, Федор Коваль со Слобожанщины и др.). Они также дали нема-

---

⁷ Данные за 1694 г. См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 1406. Л. 126.

⁸ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 2. Л. 5.

⁹ Там же. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 1406. Л. 176.

ло важных известий о положении вражеского войска»¹⁰. Полагаем, что указанные лица вряд ли являлись рабами. Во время осады крепости страдавшим от недостатка продуктов туркам-османам «помогал... один немец и несколько человек русских, которые нашли способ, как провиант в город провозить»¹¹. Это вызвало беспокойство российского командования, учтивавшего распространившиеся тогда среди крепостного гарнизона настроения по сдаче крепости. Один из таких русских людей был вскоре пойман – оказалось, что, выходя из крепости, он покупал хлеб задешево, а потом продавал его в гарнизоне по завышенной цене. Эти люди, судя по деталям изложенной истории (свободное перемещение русских за пределы крепости, совершение ими торгово-денежных операций), названные Г.З. Байером «изменниками», также не могут быть признаны азовскими невольниками. Условия сдачи Азова, помимо прочего, предполагали выдачу российской стороне «переметчика Якушки (голландца Якова Янсена, перебежавшего в Азов к туркам, согласно сведениям генерала П. Гордона, 14 июля 1695 г. – Д.С.) и прочих ренегатов»¹². Собственно, ренегатами, т. е. вероотступниками, перешедшими из христианства в мусульманство, у Г.З. Байера названы как раз *ахреяне*, которых в крепости оказалось немало. Строго говоря, *ахреяном* можно считать самого Я. Янсена, несомненно, общавшегося в Азове с местными *ахреянами* и выданного, как многие из них, российской стороне в июле 1696 г.

История измены Якова Янсена (в православии – Якушки Дмитриева) началась во время первого Азовского похода, в ней нашлось место и *ахреянам*. Поскольку биографический путь этого незадачливого голландца, приведший его на пла-

---

¹⁰ Дядиченко В.А. Участь українських козацьких полків в Азовсько-Дніпровських походах 1695–1696 рр. // Наукові записки Інституту Історії України. Київ, 1952. Т. 4. С. 174.

¹¹ Байер Г.З. Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу. 3-е изд. СПб., 1783. С. 176.

¹² Там же. С. 178.

ху, подробно изложен в статье Н.Б. Голиковой, то обратимся лишь к деталям, имеющим отношение к теме статьи. Проверая слова Якушки, один из азовских *ахреян* был послан в качестве лазутчика в русский лагерь: все осмотрев, он вернулся в крепость¹³. Несомненно, данное свидетельство, как и его варианты, представленные в трудах других российских историков, восходит к дневнику П. Гордона, пятый том которого недавно издан благодаря Д.Г. Федосову. Любопытно, что самому П. Гордону слово «*ахреяне*» известно: он пишет об «охреяне» – отуреченном русском или схизматике, взятом казаками в плен вместе с 4 турками под Лютином¹⁴. Пленный оказался «родом русский, захваченный юным и обрезанный», судя по всему – янычар, но никак не казак-изменник. Генерал П. Гордон отметил несколько важных фактов, связанных с действиями *ахреян* во время первого Азовского похода. Так, 8 июля 1695 г. *ахреяне*, по всей видимости, казаки (выходцы с Дона?)¹⁵, прокрались в траншеи генерала А. Головина,

¹³ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. II. С. 236. Н.Г. Устрялов именует ахреянами «закоснелых раскольников, изменивших государю и отечеству». Ср. у А.Г. Брикнера, ссылающегося на цитируемую работу Н.Г. Устрялова: «В Азове находились также русские раскольники, изменившие своему отечеству. Один из них пробрался в траншеи осаждавшего Азов войска, отозвался по-русски на оклик часовых, все осмотрел и возвратился в крепость» (Брикнер А.Г. История Петра Великого. М., 2002. С. 152). Ср. у С.М. Соловьева: «Турки вышли в это время из Азова, пустивши перед собою одного из кубанских или аграханских раскольников, который, окликнутый часовыми, сказался по-русски козаком и, высмотревши, что русские беспечно отдыхают, дал знак туркам. Те стремительно ворвались в лагерь, побили сонных, и хотя были выгнаны с большим уроном, однако успели увезти 9 полевых орудий и перепортить все осадные» (Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 13–14 // Сочинения: в 18 кн. М., 1991. Кн. VII. С. 512).

¹⁴ Гордон П. Дневник 1690–1695 / пер. с англ., ст. и прим. Д.Г. Федосова. М., 2014. С. 393.

¹⁵ На это косвенно указывает именование *ахреян* не столько схизматиками «в греческой церкви», т. е. еретиками, сколько беглецами и бунтовщиками (Гордон П. Дневник 1690–1695... С. 374). Еще одно косвенное подтверждение их принадлежности к казачеству – характер вылаз-

«снесли солдату голову и увели с собой одного пленного»¹⁶. Эпизод с *ахреяном*, проверявшим слова Я. Янсена, в описании П. Гордона выглядит следующим образом: из сада, расположенного вдоль траншеи осаждающих крепость российских войск, 15 июля 1695 г. турки-османы подослали «одного схизматика в обличьи казака; говоря по-русски, он сказался казачком, идущим к своим товарищам. Ему поверили и не шелохнулись; тот, видя их столь беспечными, подал знак туркам, кои вышли в ров в великом числе»¹⁷, нанеся большой урон осаждающим. Если признать отправившегося из Азова на вылазку *ахреяна* одним из кубанских казаков (донским по происхождению?), осведомленным об участии казаков в осаде Азова, то он мог не опасаться своего разоблачения, по крайней мере до встречи с казаками, верными Москве. Однако перед *ахреяном* ставилась другая задача, и с ее выполнением он справился успешно. Примечательно, что даже в крупных работах, описывающих вылазку азовских турок на русские траншеи после бегства Я. Янсена, не всегда говорится о прямой связи османского успеха не только с поступком беглого голландца, но и с проворством азовского *ахреяна*¹⁸. Мы располагаем еще одним косвенным свидетельством возможного участия кубанских казаков в боевых действиях под Азовом. Речь идет о присутствии там Кубек-аги¹⁹, в начале 1690-х гг. специально присланного из Азова к казакам на Кубань и сыгравшего в их жизни заметную роль²⁰. Кубанские казаки неоднократно уча-

---

ки из Азова, предполагающий профессионально организованную доставку «языка».

¹⁶ Гордон П. Дневник 1690–1695... С. 374.

¹⁷ Там же. С. 376.

¹⁸ Богословский М.М. Петр Великий: материалы для биографии: в 6 т. / отв. ред. С.О. Шмидт; подгот. текста А.В. Мельникова. М., 2005. Т. 1. С. 227.

¹⁹ Гордон П. Дневник 1690–1695... С. 394.

²⁰ Сень Д.В. Казаки Крымского ханства: начальный этап складывания войсковой организации... С. 298.

ствовали в набегах вместе с Кубек-агой²¹, поэтому они могли пребывать с ним и под Азовом.

По результатам первого Азовского похода османская крепость устояла – немаловажную роль сыграло то обстоятельство, что тогда не удалось блокировать Азов с моря; имелись и другие причины. Весной 1696 г. начался второй Азовский поход, и в июне российские войска вновь осадили Азов. *Ахреяне* приняли самое деятельное участие в жизни крепости, проявив себя неожиданно, по-видимому, даже для турок-османов. Важное свидетельство о действиях *ахреян*, имеющее отношение к решению вопросов об их составе, численности и характере влияния на защиту Азова в тех непростых условиях, находим в почтовом сообщении из-под Азова за июль 1696 г.: «Вылазка была из города в шестой бой июля в 1 день, и ничего не учинили; но их же побили многих, и хотят сдать город турки, но *охреяны* *возбраняют* (выделено мною. – Д.С.), и промысел, чаем, будет вскоре над городом Азовом»²². 3 июля «из Азова пришли два турченина, говорят, что в Азове от пушек и от бомб наших вельми трудно... а меж себя пря идет, одни хотят сдать, а другие хотят там помереть, а все держит немчин да *охреяны* наши»²³. В «немчине» угадывается не раз упоми-

---

²¹ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 9. Л. 7; Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 1406. Л. 124.

²² *Желябужский И.А.* Дневные записки // Рождение империи / И. Корб, И. Желябужский, А. Матвеев. М., 1997. С. 290–291. В издании «Записок» 1987 г. слово «охреяны», важное для понимания той ситуации, оказалось опущенным (Записки Ивана Афанасьевича Желябужского // Россию поднял на дыбы...: в 2 т. / сост., предисл., вступ. ст. к документам Н.И. Павленко, коммент. В.А. Артамонова, Н.И. Павленко. М., 1987. Т. I. С. 430).

²³ Війскові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах / упор. С. Павленко. Київ, 2009. С. 296. В тексте опубликованного «Сказания», где стоит «3 июня», допущена ошибка, должно быть «3 июля». Ошибка восходит к публикации Н.И. Новикова 1791 г. (см. сноску № 40, где на с. 270 напечатано «3 июня»). Вывод сделан при анализе источников и историографии и в ходе решения вопросов о *последовательности* отражения в почте из-под Азова тамошних событий, а также сравнении интересовавших нас данных в источниках разного проис-

навшейся нами Я. Янсен, к тому времени принявший мусульманство, активно занимавшийся усилением крепостной артиллерии и даже ходивший на вылазки из Азова. Твердая позиция *ахреян*, как видим, обратила на себя внимание не только турок-османов, но и российской стороны. *Свободных* славян в Азове конца XVII в. оказалось достаточно, чтобы не согласиться с возможной сдачей крепости турками-османами. *Рабы*, случись такое, вряд ли сумели бы заявить хозяевам крепости о своем несогласии и своих частных интересах. *Ахреяне* выступили активной стороной конфликта, оказавшей влияние на умонастроения других защитников крепости. Конфликт приобрел ожесточенный характер, судя по всему, на самом вершине азовской администрации. В него оказались замешаны азовский бей, «начальные турки» (т. е. офицеры) и янычары, от имени которых голос недовольства возвысил янычарский голова²⁴. При этом позиция *ахреян* оказалась ближе к янычарским настроениям, нежели к позиции азовского бея и «начальных голов», подумывавших о сдаче Азова. Не станем вместе с тем преувеличивать панические настроения среди жителей крепости, постепенно склонявшихся к той же мысли. Об этом свидетельствовал потом на допросе Я. Янсен: азовские жители «меж собою говорили: хотя де ныне мы город и здадим, только де для взятъя того города Азова опять они будут зимою»²⁵. Зададимся вопросом: могли ли тогда находиться в Азове или участвовать в боях за крепость кубанские казаки? Такой возможности исключать нельзя, поскольку Кубек-ага и кубанцы

хождения (напр., «Сказание» и «Дневные записки» И.А. Желябужского). Так, 1 июня 1696 г. боев под Азовом, не говоря о бомбардировках крепости, еще не было. Напротив, большое воздействие на защитников крепости оказал бой 1 июля 1696 г., после чего и стало известно о позиции азовских *ахреян*. Наш вывод о дате 3 июля подтвердился при сличении фрагмента опубликованного текста «Сказания» с рукописью произведения, хранящейся в ОР БАН, где указано 3 июля. Благодарим за прodelанную работу к.и.н. П.А. Авакова.

²⁴ Війскові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах... С. 298.

²⁵ Цит. по: *Голикова Н.Б.* Голландец Яков Янсен и его крах... С. 25.

(«с Кубани орда») неоднократно сражались под Азовом²⁶, а сами казаки, как писалось выше, подчинялись Кубек-аге и не раз вместе с ним ходили в походы.

18июля 1696 г. начались переговоры о капитуляции крепости, камнем преткновения на которых стали не ахреяне, а... Я. Янсен, отчаянно просивший турок-османов не выдавать его русским. Азовскому бею было жестко заявлено, что турок из крепости выпустят, «только б они отдали изменника Якушка; отговаривался бей, что отдать не возможно для того, что обусурманен, а наши стали упорно, естли его не отдадут, то город приступом возмут, а их порубят; много было споров, а по споре вывели его, Якушку, связаны руки и ноги, и отдали в шатре, где кричал Якушка, отсеките мне голову, а к Москве не давайте. Взяли Якушку и заковали, сидит ныне у каланчей, а везть его к Москве, как и Стенька Разина»²⁷. Сообщая впоследствии в письме Ю. Ромодановскому о взятии Азова, Петр I отмечал с удовлетворением, что турки-османы «изменника Якушку (Янсена) отдали жива в руки наши». В грамоте Петра I патриарху Адриану уточнялось, что турки-османы, соглашаясь на сдачу крепости, «отдали немчина Якушку, который, изменя, из войск наших ушел к ним в Азов и обусурманился прошлого году»²⁸. Свой переход в мусульманство Я. Янсен позже на допросе отрицал, что не помогло ему сохранить жизнь. Казнь голландца была совершена 7 октября 1696 г. в Москве путем колесования и отсечения головы, которую «взоткнули» потом на кол²⁹.

Судьба *ахреян* османского Азова сложилась в целом иначе. Русская сторона о них не забыла: азовский бей «обещал город сдать с пороховою казною и со всеми пушками, и русской полон, что ныне есть у азовцов, весь отпустить на волю,

---

²⁶ Желябужский И.А. Дневные записки... С. 288–290.

²⁷ Війскові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах... С. 297.

²⁸ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 13–14... С. 517.

²⁹ Байер Г.З. Краткое описание всех случаев... С. 179; Голикова Н.Б. Голландец Яков Янсен и его крах... С. 28.

и полоняников, во время войны которые на боях взяты, свободить же, также и охреянов несколько оставить...»³⁰. Таким образом, требование об *ахреях* исходило от русской стороны: их полагалось *оставить* (т. е. отдать, а фактически выдать) победителям, а не побежденным туркам. Н.Г. Устрялов уточняет, что об ахреях или раскольниках условились заранее: если всех русских невольников турки отдавали без исключения, то из числа ахреян «выдавали только тех, которые не обусурманились»³¹. После сдачи крепости турки стали освобождать всех русских пленных и невольников, а из перебежчиков выдавали тех, кто не принял «басурманскую веру»³². По *требованию* донских казаков турки-османы выдали «несколько охреян, главных заводчиков. Их отослали в Черкасск для всенародной казни за измену», а донской атаман Фрол Минаев принял участие в опознании этих «славных воров и заводчиков»³³. В «Сказании о взятии города Азова...», основанном на широкой документальной базе, содержатся некоторые важные детали истории с выдачей *ахреян*: «Невольников русских людей азовцы оставили 29 человек мужеска и женска полу, да 20 человек полоняников нынешних, взятых на боях, да 6 человек охреянов, а иных охреянов обусурманенных поступили к турком, а взяли из них славных воров и заводчиков, которых узнал Флор Минаев, и те охреяны посажены на каланчах, а казнь им будет в Черкасском»³⁴.

В действительности «обусурманенным» ахреям, казалось, уже отпущенным, повезло не всем. Современник событий Н. Дружинин, сообщая 1 августа 1696 г. неустановленному лицу о прощении Петром I пленных турок-османов численностью 2,5 тыс. человек и об отправлении их «в дома», указал, что до падения Азова там «сидели ахреян сот с пят», которых после сдачи крепости «всех взяв, роздали донским

---

³⁰ Війскові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах... С. 297.

³¹ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого... С. 290.

³² URL: <http://slavakazakam.ru/azovsk1> (дата обращения: 15.02.2012).

³³ Там же.

³⁴ Війскові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах... С. 298.

казакам...»³⁵. Это свидетельство о численности *ахреян* в Азове исключительно важно, подтверждая наш вывод об их действительно заметной роли в конфликте вокруг сдачи крепости. Цифра 500 чел. выглядит основательной даже на фоне сведений о 3000 турок-османов, покинувших крепость после капитуляции³⁶, куда включались члены их семей и другие жители Азова. Анализ других источников привел к еще одному выводу о том, что среди *ахреян* были как православные (старообрядцы?), так и множество лиц, принявших ислам, представителям которых тоже не удалось избежать выдачи. Активное участие в указанной процедуре донских казаков и их атамана, слова о «ворах» и «заводчиках» наводят на мысль о связи какой-то части азовских *ахреян* с донским казачеством, с их возможным проживанием ранее на Дону. Их появление в Азове можно предположительно связать с событиями старообрядческого движения на Дону, современники и участники которого бежали не только на Кавказ, но также в Крым и Азов³⁷. При этом на происхождение азовских *ахреян*, на хронологию их появления в крепости необходимо смотреть более широко, поскольку бегство донских казаков в Азов отмечено в имеющихся источниках уже в середине 1650-х гг.³⁸ Полагаем, что именно «обусурманенные» *ахреяне* попали к донским казакам в качестве военной добычи (дувана) и что российское коман-

---

³⁵ Грамотки XVII – начала XVIII века. М., 1969. С. 38.

³⁶ *Богословский М.М.* Петр Великий... С. 329. Согласно сведениям, поступившим в Посольский приказ, «от азовских татар и турецких янычен посажено на 25 бударах 3000 человек с лишком, с женами и с детьми» (*Желябужский И.А.* Дневные записки... С. 294). Ср. у В.Н. Бенды – 3700 чел. Источник не приведен (*Бенда В.Н.* Анализ военно-политической обстановки, сложившейся на южных рубежах Российского государства в конце XVII века // Альманах современной науки и образования. 2014. № 8(86). С. 31).

³⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 1406. Л. 121, 176; *Сень Д.В.* Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.). Ростов н/Д., 2009. С. 53–54, 138.

³⁸ *Сень Д.В.* Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа... С. 50–52; *Его же.* Казаки-перелеты // Родина. 2010. № 3. С. 63–65.

дование пошло на это сознательно. У донских казаков к *ахреям* был свой счет. В Москве отлично знали о болезненной реакции Войска Донского на бегство казаков в Азов и на Кубань, тотчас становившихся *ахреями* – изменниками и богоотступниками! При этом российская сторона могла быть уверена в *правильной* позиции Войска Донского по отношению к выданным *ахреям*, которые уже не станут упорствовать в старой вере. Иначе власти, жестоко подавившие движение донских старообрядцев, вряд ли позволили бы уцелевшим раскольникам беспрепятственно вернуться на Дон. Поэтому нет оснований согласиться с М.М. Богословским, который писал: «Турки обязались также вернуть всех пленных и укрывавшихся в Азове “охреян”, раскольников, за исключением тех, которые приняли мусульманство»³⁹. Если же историк выражался в том смысле, что *ахреями*, согласно Н.Г. Устрялову и А.Г. Брикнеру, *называли* раскольников (см. сноску № 13), то его фраза никак не коррелируется с нашим предположением о связи азовских *ахреян* с Донской землей. В таком случае она соотносится с происхождением не группы *ахреян*, а соответствующего термина – «ахреяне».

Последующую судьбу *ахреян*, выданных донцам, проследить пока не удастся, хотя можно предположить, что жизнь некоторых из них, потом судимых по войсковому праву, оборвалась в Черкасске. Среди дальнейших направлений архивного поиска следует указать на сплошной просмотр архивных дел фонда № 111 (Донские дела) из РГАДА за 1696 (1697?) г. Стоит также ожидать публикации шестого тома дневника П. Гордона, охватывающего по хронологии и событиям второго Азовского похода. Генерал П. Гордон был активным участником осады крепости, человеком наблюдательным и, как выясняется, отчасти знакомым с действиями *ахреян* под Азовом. Кем были 6 «небусурманенных» *ахреян*, переданных турками-османами русской стороне, и как сложилась их судьба – наверняка неизвестно. Это могли быть люди из числа кубанских, кумских, аграханских казаков или совсем недавние выходцы

---

³⁹ *Богословский М.М.* Петр Великий... С. 329.

из Войска Донского, но, без сомнения, когда-то бывшие в московском подданстве. Ведь за *ахреями* всегда тянулся след измены российским государям, впрочем, не обязательно связанной со сменой вероисповедания.

В ходе исследования были установлены новые факты из жизни *ахреян* османского Азова, некоторые сведения об их численном и религиозном составе, а также об их роли в обороне крепости в период 1695–1696 гг. История *ахреян* Азова (проживавших там компактно?) – неотъемлемая часть прошлого этого поликультурного центра османских владений в Северо-Восточном Приазовье. Основная масса местных *ахреян* была связана с Азовом такими прочными основаниями, которые позволяли им опасаться за свою судьбу в случае завоевания крепости Россией. Среди *ахреян* преобладали люди русского (православного) происхождения, включая украинцев, выходцев из Войска Донского и т. п. сообществ, в т. ч. связавшие свою судьбу с Азовом через смену вероисповедания. Однако по своему составу *ахреяне* Азова не только вероотступники, что подтверждает сделанный нами ранее вывод о многозначности слова «*ахреяне*» в XVII в. Среди местных *ахреян* оказались те, кто, укрываясь в крепости, оставаясь верным своей вере, оказывая при этом туркам-османам разные услуги. Различные группы казаков (кубанские, кумские и аграханские) тоже именовались в русских источниках *ахреями*: их прошлое органично связано с историей Азова и местных *ахреян*, а некоторые казаки приняли участие в событиях 1695–1696 гг. под Азовом. Информация об *ахреяхах* в связи с азовскими событиями отразилась в русских литературных произведениях, например в «Сказании о взятии города Азова и о преславной победе над Турки и Татары, яже всеильный Господь Бог показа преславному Христианскому народу храбростию и мужеством великого Государя Царя и Великого Князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя России Самодержца» и «Повести о взятии Петром I Азова в

1696 г.»⁴⁰. Далее необходимо исследовать источники и формы распространения тех дискурсивных практик, которые влияли на бытование/распространение как самого понятия «*ах-реяне*», так и его значений. Прошлое *ахреян* Азова оказалось переплетено с историей донского казачества и российского старообрядчества, с событиями на османо-казачьем пограничье, а также с религиозной политикой Османской империи, Крымского ханства и с жизнью славянских подданных турецких султанов и крымских ханов. Рассмотренный в статье материал позволяет ставить новые исследовательские проблемы и предлагать пути для их перспективного изучения.

---

⁴⁰ Древняя российская вифлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии, российские касающиеся, изданная Николаем Новиковым, членом Вольного Российского Собрания при Императорском Московском университете. 2-е изд. Ч. XVI. С. 251–282; Древнерусские повести и сказания // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1988. Т. 41. С. 49–52.

Администрация российского Азова и население ногайской Кубани: пограничные отношения в конце XVII – начале XVIII в.

В ходе второго Азовского похода 19 июля 1696 г. российскими войсками была захвачена крепость Азов (Азак) – форпост северных владений Османов и оплот их господства в Северо-Восточном Приазовье. Тем самым был ликвидирован Азовский санджак Османской империи и созданы условия для вхождения Северо-Восточного Приазовья в состав России. В Азове быстро формируется новая российская администрация, представленная воеводой и его «товарищами» (заместителями), а также дьяческо-подьяческими кадрами Азовской приказной палаты (избы), пришедшей на смену Азовскому разрядному шатру, находившемуся в ведении разряда. Первым азовским воеводой стал стольник князь П.Г. Львов (июль 1696 г. – июль 1697 г.), с которым прибыли первые дьяки. В разные годы город-крепость Азов и прилегающие к нему территории подчинялись Пушкарскому, Разрядному, Адмиралтейскому приказам. Воеводами Азова в разное время были А.П. Прозоровский, С.И. Салтыков, С.Б. Ловчиков, И.А. Толстой, ставший в 1706 г. первым губернатором Азова. Генерал-губернатором Азова, с образованием Азовской губернии в 1709 г., стал назначенный в 1710 г. адмирал Ф.М. Апраксин, которому подчинялся губернатор И.А. Толстой. По итогам русско-турецкой войны 1710–1711 гг. Азов передавался туркам-османам, что произошло 2 января 1712 г.

Пограничные контакты населения и администрации российского Азова с населением и администрацией Кубани, представлявшими ханскую власть, недостаточно исследованы в науке. Актуальность и новизна темы представлены на фоне других достигнутых наукой существенных результатов по изучению колонизации (освоения) Россией Северо-Восточного Приазовья в 1696–1711 гг. (А.А. Пушкаренко, О.В. Андрющенко, Б. Боук, П.А. Аваков). В условиях пограничной жизни, несмотря на нормализацию отношений с Османской империей

(Карловицкое перемирие 1699 г. и Константинопольский мирный договор 1700 г.), азовская администрация предпринимала меры к защите города и региона от нападений ногайцев Кубани, входившей в состав Крымского ханства. Конфронтационный потенциал российско-ногайских отношений, в преломлении к кубанскому вектору деятельности азовской администрации, был высок. Взятие Азова в 1696 г. и слухи о возможном нападении калмыков вызвали почти панику среди ногайцев, которые, «собрався з женами и з детми и з животы», стали массово откочевывать за Кубань к черкесам. Они стали говорить, что «куды прислонитца неведомо, к Белому царю или к турскому». Ногайцы занимали определенное место в действиях Османской империи и Крымского ханства по восстановлению status quo в Северо-Восточном Приазовье. Они приняли участие в составе войск калги Девлет-Гирея в сражении с Большим полком боярина А.С. Шеина 20 июля 1697 г. под Азовом, были разгромлены в ходе 10-часового боя и бежали за р. Кагальник. В начале XVIII в. ногайцы несколько раз нападали на Азов, захватывая пленных и скот. В 1704 г. ногайцы приняли участие в демаркации российско-османскими представителями новых границ в Северо-Восточном Приазовье, на деле противодействуя установлению в регионе линейных (государственных) границ, представлявших опасность для дальнейшего существования их традиционной набеговой системы. Вопрос о ногайских набегах на российские земли, в т. ч. на донские казачьи городки, неоднократно рассматривался в Стамбуле. К его рассмотрению были привлечены российские дипломаты, представители османских крепостей Таманского о-ва. Поэтому история пограничных контактов населения и администрации Азова с ногайцами и представителями ханской власти успешно вписывается в проблемное поле российско-османских отношений. Вне такого рассмотрения трудно оценить положение ногайской Кубани в трансформирующихся российско-османских и российско-крымских отношениях и, напротив, объяснить позицию российских и османских властей по сдерживанию «набеговой активности» как ногайцев, так и донских казаков.

В 1706 г. в Азове по предложению российской стороны была создана русско-турецкая комиссия для разбора дела о набегах на Азов кубанских ногайцев. Азовской администрации неоднократно приходилось разбирать конфликты, связанные с действиями донских казаков и калмыков против ногайцев, а ногайцев – против Войска Донского и калмыков, часто сопровождавшимися взаимным угоном лошадей. При этом азовские власти, реализуя царскую политику, активно стараются разрушить систему неконфронтационного пограничного сотрудничества Войска Донского и кубанских ногайцев, включая дела о размене пленных, бегстве на Кубань новокрещенных калмыков, взаимном поиске и возврате похищенного имущества и пр. Так, Азов становится важным пунктом «окупных» (выкупных) операций с рабами и их «розмена», что было известно на Кубани даже невольникам. Невольников привозили в Азов от ногайцев, например, с кубанскими «торговыми людьми», развивавшими торговые связи через Азов и другими способами. Вникая в суть «окупных» операций, азовские власти даже организуют поездки своих представителей на Кубань, например в Копыл к казакам-ахреям, доставлявшим своей военной активностью неприятности населению российских пограничных территорий.

Отдельного внимания заслуживают контакты азовских властей с представителями ханской власти (калга Шахбас-Гирей, нурадины Гази-Гирей, Каплан-Гирей, султан Бахты-Гирей и пр.), активно участвовавшими в жизни разных групп ногайского населения Кубани, и с местными элитами (Сартлан-мурза, Аллат-мурза и пр.). Особенный интерес представляет переписка азовских воевод с этими и другими лицами, конкретизирующая наши представления не только о взаимных претензиях, но и о гибких путях разрешения конфликтов. В ходе такой коммуникации, сбора разведывательной информации, реализации других способов взаимодействия стороны не только конфликтовали, но также активно формировали представления друг о друге. Этого требовали условия нового пограничного соседства, которые не всегда определялись центральными властями и в которых нашлось место старым, проверенным временем способам освоения пограничного пространства.

П.А. Аваков, Д.В. Сень

После взятия Азова: российско-османское пограничье и его население в 1696–1697 гг. (на материале расспросных речей)

19 июля 1696 г., в результате двухмесячной осады российскими войсками капитулировала крепость Азов (Азак) – военно-административный центр самого северного санджака Османской империи. Северо-Восточное Приазовье вошло в состав Российского государства, началась правительственная колонизация региона, включавшая в себя не только военное строительство, но и мероприятия по его хозяйственному освоению¹. Складывавшаяся в течение более двух столетий (с 1475 г.) геополитическая карта Азово-Черноморского региона оказалась перекроена самым кардинальным образом, что повлекло за собой дезорганизацию жизни местного населения, полиэтничного и поликонфессионального в своей основе, и стало причиной появления новых феноменов в его повседневном укладе. Ведь на протяжении многих лет Азов являлся важным военно-административным, экономическим и культурным центром, организующим и направляющим жизнь многих народов и сообществ – казаков, ногайцев, калмыков, жителей османских крепостей Таманского острова и др. В данном случае речь идет о набегах, торговле, в том числе рабами, и об иных аспектах разнообразного «притяжения» Азова.

Несмотря на сложившуюся в российской науке историографическую традицию изучения первого и второго Азовских походов, некоторые аспекты военно-политического противостояния Российского государства и Османской империи конца XVII – начала XVIII в. в Северо-Восточном Приазовье и на

---

¹ *Пушкаренко А.А.* Приазовский край в конце XVII – начале XVIII в. (очерки заселения и хозяйственного освоения): дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 1966; *Аваков П.А.* Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства в конце XVII – начале XVIII в.: завоевание, колонизация, управление: дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2011.

сопредельных территориях остаются недостаточно изученными. Мы мало знаем о реакциях Стамбула и Бахчисарая на потерю Азова, об ответных мероприятиях османских властей, о дальнейшем ходе русско-турецкой войны 1686–1699 гг. в Приазовье. Между тем Османская империя, действуя при поддержке Крымского ханства, не собиралась в одночасье отказываться от своего присутствия в регионе.

Историкам еще предстоит посмотреть на историю региона на рубежа XVII–XVIII вв. глазами не только победившей стороны (тем более что в науке существуют разные оценки итогов реализации Петром I «азовского проекта»²). Исследователей ожидает более детальное изучение вопроса о готовности Османской империи отстаивать Азов, о тревогах Крымского ханства в связи с резким усилением в Приазовье российского влияния, т. е. о воздействии Азовских походов на внешнюю политику Османов и Гиреев. Самостоятельная и совершенно неизученная научная проблема – анализ отношения различных (по национальному, конфессиональному и социальному признакам) групп населения Азово-Черноморского региона к появлению России в Северо-Восточном Приазовье, завершившемуся его юридической интеграцией в 1700 г. Наконец, на повестке дня – расширение и углубление источниковедения истории Азовских походов, включая изучение и научную публикацию документальных и нарративных источников, в том числе литературно-публицистических произведений и причисленных к ним текстов³. Обширная документальная основа та-

---

² *Boeck B.J.* When Peter I Was Forced to Settle for Less: Coerced Labor and Resistance in a Failed Russian Colony (1695–1711) // *The Journal of Modern History*. 2008. Vol. 80. № 3. P. 485–514.

³ *Гордон П.* Дневник: 1690–1695 / пер., ст., примеч. Д.Г. Федосова. М., 2014; Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 15. Д. 6; Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 89. Оп. 1. 1695–1696 гг. Д. 1; Отдел рукописей Библиотеки Академии наук (далее – ОР БАН). Основное собр. № 17.8.9, 32.6.24; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Собр. М.П. Погодина. № 1609; Основное собр. рукописной книги. Q. XVII.-46, F. IV.-38.

ких произведений⁴ позволяет привлекать их в качестве ценного исторического источника по истории военно-политического утверждения России в Северо-Восточном Приазовье. Некоторые из них никогда полностью не публиковались, хотя известны с XVIII в., равно как и нынешние места их хранения. Налицо неравномерность в использовании учеными известных письменных источников по истории первого и второго Азовских походов 1695–1696 гг., с одной стороны, и аналогичных материалов по истории третьего Азовского похода 1697 г. – с другой. Напрямую сравнивать первый и второй Азовские походы с третьим, разумеется, некорректно ввиду несопоставимости их исторического значения и масштаба. Третья военная экспедиция к Азову носила оборонительный характер, ее целью были защита крепости от ожидавшегося посягательства османско-крымских войск и развертывание в крае фортификационного строительства. Таким образом, фрагментарную изученность истории Азовского похода 1697 г. по сравнению с итогами изучения предшествовавших ему походов можно связать как с победной тенью событий 1696 г., ознаменованных участием в них Петра I, так и с непропорциональной источниковедческой разработанностью указанной проблемы.

В этой связи большой интерес для исследователя представляет хранящаяся в Отделе рукописей Библиотеки Российской академии наук (г. Санкт-Петербург) рукописная книга, содержащая описание Азовского похода воеводы Большого полка А.С. Шеина 1697 г. (Основное собрание рукописей, № 32.6.24). До настоящего времени этот рукописный памятник остается неопубликованным, хотя давно известен историкам. В третьем «разделении» (отделе) так называемого камерного каталога Библиотеки Санкт-Петербургской академии наук (ныне – Библиотека Российской академии наук) 1742 г.

---

⁴ Речь идет о сложившемся в XVII в. особом типе литературно-документальных компиляций, посвященных крупным военно-политическим событиям, обычно обозначаемом в литературе как сказания или повести. Такие тексты сочетают в себе признаки, свойственные как делопроизводственным, так и публицистическим памятникам.

он учтен под № 21 как «Журнал о походе боярина Алексея Семеновича Шеина под Азов, и о строении Таганьрога лета 7205»⁵. Следовательно, рукопись попала в собрание библиотеки до 1742 г. Наиболее раннее ее упоминание в литературе содержится в биографическом словаре Н.И. Новикова (1744–1818), который в статье об А.С. Шеине отметил: «Его сочинения журнал о походе к Азову и о построении крепости Таганьрога, 1697 г., рукописною книгою хранится в Императорской библиотеке»⁶ (речь идет о Библиотеке Санкт-Петербургской академии наук, которую в XVIII в. называли в обиходе Императорской Санкт-Петербургской библиотекой). В словаре «журнал» фигурирует потому, что Н.И. Новиков ошибочно считал его автором А.С. Шеина, хотя для такого вывода нет оснований (к тому же в тексте памятника речь о воеводе идет от третьего лица).

В научный оборот источник ввел Н.Г. Устрялов (1805–1870)⁷. Наиболее полно содержание рукописи отражено в статье Н.Е. Бранденбурга (1839–1903). Оценивая информационный потенциал памятника, он справедливо связал его с неравномерностью научного изучения первого, второго и третьего Азовских походов⁸. Такое положение, с некоторыми оговорками, характерно и для современной историографической ситуации. В последние годы, изучая российскую колонизацию Северо-Восточного Приазовья в конце XVII в., историки снова обращаются к этому информативному источнику⁹.

---

⁵ Российские рукописные книги: Камера W. Шкап 20, 21, 22 / сост. А.И. Богданов. СПб., 1742. С. 69.

⁶ *Новиков Н.И.* Опыт исторического словаря о российских писателях / из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий собрал Николай Новиков. СПб., 1772. С. 246.

⁷ *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 2. С. 296; Т. 3. С. 11–12, 78–83.

⁸ *Бранденбург Н.Е.* Азовский поход Шеина. 1697: материалы для истории военного искусства в России // Военный сборник. 1868. Т. 63, № 10. Отд. 2. С. 181.

⁹ *Аваков П.А.* Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства... С. 33, 129–135, 139.

Коротко охарактеризуем рукопись, представляющую собой книгу объемом 123 листа формата *in folio*, в кожаном переплете с золотым тиснением и завязками. Бумага иностранного производства, датируемая 1684 г.¹⁰ Текст написан каллиграфической скорописью конца XVII в., разными почерками. Рукопись не имеет сплошной нумерации – пронумерован лишь каждый десятый лист. Выполненная красной тушью на титульном листе стилизованная надпись гласит: «Изъявление в книге сей о походе боярина и воеводы Алексея Семеновича Шеина под Азов, и о строении Таганрога, в лето: 7205 апреля в 6-й день»¹¹. Надпись трудно полагать названием книги, поскольку она носит справочный характер, указывая на ее содержание. К тому же титульный лист не современнее остальной рукописи, о чем свидетельствуют качество бумаги и особенности его оформления. Нанесенная черными чернилами внизу титульного листа маргиналия «Крекшин» позволяет предположить, что прежним владельцем книги был известный собиратель манускриптов и историк-любитель П.Н. Крёкшин (1684–1763). Возможно, с его именем и следует связывать появление этого титульного листа.

Авторы «Описания Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР» сформулировали название книги так: «Полдневный журнал о втором походе боярина и воеводы А.С. Шеина (sic! – П.А., Д.С.) под Азов и о строении Таганрога»¹². Однако оно не вполне точно отражает сложную структуру памятника, имеющую мало общего с известными походными дневниками рубежа XVII–XVIII вв. Основное содержание книги действительно заключается в подробном, по дням, описании похода Большого полка воеводы А.С. Шеина к Азову. Но помимо этого в рукопись включены обширная выписка из воеводского наказа с именной росписью всего начальствующего со-

---

¹⁰ Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1971. Т. 3. Вып. 3. С. 311–312.

¹¹ ОР БАН. Основное собр. № 32.6.24. Л. 1.

¹² Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. С. 311.

става Большого полка (в том числе дьяков), сметный список участвовавших в походе войск, а также расспросные речи захваченных «языков» и выходцев с территории Османской империи и Крымского ханства, допрошенных в воеводском разрядном шатре, и другие документы. При этом в тексте ничего не говорится о строительстве крепости на Таганроге, если не считать упоминания о необходимости ее построить в цитате из наказа от 6 апреля 1697 г., врученного А.С. Шеину при отправке в поход¹³. Рукопись написана деловым языком приказной документации XVII в. и лишена каких-либо литературных приемов, характерных для книжной культуры того времени. Форма, структура, язык и содержание памятника позволяют атрибутировать его либо как список записной книги разрядного шатра воеводы А.С. Шеина 1697 г., составленной по окончании похода (возможно, прошедшей минимальную редакционную обработку), либо (что менее вероятно) как авторскую компиляцию текущих делопроизводственных материалов этого разрядного шатра. Бесспорно одно: памятник имеет не литературный, а сугубо документальный характер. Исходя из вышесказанного, мы считаем более резонным определить рукопись как записную книгу Азовского похода 1697 г. Характерно, что текст книги не совпадает с текстом так называемого статейного списка этого похода, опубликованного Н.Н. Мурзакевичем (1806–1883), в котором описаны те же события¹⁴.

Осуществление в будущем полноценного источниковедческого изучения памятника позволит уточнить предложенную нами атрибуцию и прояснить историю его создания. Самостоятельными исследовательскими задачами являются установление авторства и времени написания рукописи, выявление и сличение других ее списков (наличие которых нельзя исключать), наконец, определение протографа памятника и его

---

¹³ ОР БАН. Основное собр. № 32.6.24. Л. 2.

¹⁴ Статейный список похода в Азов боярина и воеводы Алексея Семеновича Шеина, в 1697 году / публ. Н.Н. Мурзакевича // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. 1868. Т. 7. С. 135–165.

делопроизводственных источников, а также сопоставление его содержания с другими материалами по истории третьего Азовского похода.

Археографическая публикация отрывка записной книги Азовского похода 1697 г., представленного расспросными речами Федора Степановича Горбуна, осуществляется впервые. Объясним мотивы, которыми руководствовались публикаторы при выборе конкретного фрагмента рукописи. Во-первых, в нашем распоряжении имеется сделанный Н.Е. Бранденбургом пересказ показаний Ф.С. Горбуна¹⁵, проверить точность которого удалось в ходе работы с оригиналом рукописи. Были установлены некоторые ошибки и пропуски важной информации, допущенные Н.Е. Бранденбургом при передаче расспросных речей пленника донских казаков Ф.С. Горбуна (ошибочно поименованного историком «Федькой Горюном»). В частности, это касалось сведений о первых кубанских казаках, прошлое которых занимает важное место в истории отношений казачества Дона и Северного Кавказа с Крымским ханством и Османской империей. Во-вторых, несмотря на ввод в научный оборот новых источников конца XVII – начала XVIII в. о кубанских казаках¹⁶, решение многих исследовательских задач нуждается в дополнительном расширении источниковой базы.

¹⁵ *Бранденбург Н.Е.* Азовский поход Шеина... С. 188–190.

¹⁶ *Боук Б.М.* К истории первого Кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе // Восток. 2001. № 4. С. 30–38; *Сень Д.В.* Казаки Крымского ханства: начальный этап складывания войсковой организации и освоения пространства (1690-е гг. – начало XVIII в.) // Тюркологический сборник 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / ред. кол.: С.Г. Кляшторный (предисл.) и др. М., 2011. С. 289–320; *Его же.* Документальные источники по истории казачьих сообществ Северного Кавказа (Крымского ханства) конца XVII в. – начала XVIII в.: результаты и перспективы архивной эвристики // Архивы и архивное дело на Юге России: история, современность, перспективы развития: материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 16–17 октября 2015 г.) / отв. ред. Д.В. Сень, Д.П. Исаев, М.Е. Шалак. Ростов н/Д., 2015. С. 48–60; *Усенко О.Г.* Начальная история кубанского казачества (1692–1708 гг.) // Из архива тверских историков: сб. науч. ст. Тверь, 2000. Вып. 2. С. 63–77.

Особое значение мы отводим выявлению источников, связанных происхождением со средой кубанского казачества. Перспективный для этого сегодня путь – поиск и анализ расспросных речей выходцев с Кубани и соседних территорий, когда источник создавался в экстремальной для указанных лиц ситуации допроса. Такие документы особенно содержательны, поскольку в ходе расспроса информанты зачастую сообщали о событиях, недоступных для фиксации сторонними наблюдателями. Расспросные речи Ф.С. Горбуна – из этой категории источников, поскольку он жил на Кубани с другими казаками как свой, придя сюда с Дона «с своею братьею розных верхних донских городков с казаками <...>». Информационный потенциал показаний Ф.С. Горбуна подробно охарактеризован в комментариях к публикуемому документу. В-третьих, публикуя фрагмент записной книги, мы рассчитываем привлечь внимание исследователей к ней как ценному и содержательному источнику не только по военной истории третьего Азовского похода, хотя и этот сюжет нуждается в более обстоятельном научном освещении, чем это имеет место в историографии. Данная военная операция не должна затеряться на фоне победоносных итогов второго Азовского похода – тем более что Османская империя вплоть до 1700 г. вынашивала реваншистские планы в отношении Азова. В рукописи имеются расспросные речи других русских людей (С.Т. Ковалев, Г. Серженко и др.), не менее информативные и интересные, чем известия Ф.С. Горбуна. Они содержат ценнейшие сведения о настроениях среди населения Прикубанья и Крыма, связанных с потерей Османской империей Азова, о составе и действиях османского флота в Черном и Азовском морях, строительстве турками новой крепости – Ачуева. В-четвертых, на примере комментирования расспросных речей Ф.С. Горбуна мы попытались определить приблизительный объем комментирования других аналогичных источников в составе рукописи. Параллельно этому решались исследовательские задачи, связанные с вопросами репрезентативности и достоверности известий Ф.С. Горбуна. Постановка таких промежуточных

задач подчинялась более масштабной перспективе – определению информационного потенциала всего памятника в контексте источниковедения истории Азовских походов. Мы полагаем, что в перспективе записная книга Азовского похода 1697 г. должна быть опубликована полностью.

Ф.С. Горбун был допрошен в разрядном шатре воеводы А.С. Шеина 20 марта 1697 г., когда направляющийся из Острогожска к Азову Большой полк *«пришел к реке Северскому Донцу к переправе, где построены чрез тою реку для переправы три мосты»*, переправился через нее и «стал в лугах подле той же реки» – на ее правом берегу, недалеко от казачьего Гундорова городка¹⁷ (сегодня это окрестности городов Донецк и Каменск-Шахтинский Ростовской обл.).

Источник публикуется в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990). Орфографические и стилистические особенности подлинника сохранены, вышедшие из употребления буквы русского языка, а также буквенные обозначения чисел заменены созвучными им современными буквами и соответствующими цифрами. Выносные буквы внесены в строку, сокращения слов раскрыты, твердый знак в конце слов не воспроизводится. Знаки препинания расставлены согласно современным литературным нормам.

**20 мая 1697 г. – Расспросные речи
кубанского ахреяна Ф.С. Горбуна
в Большом полку воеводы боярина А.С. Шеина**

|| (Л. 32) И того числа у реки Северского Донца явились ему, боярину и Большого полку воеводе¹, з Дону ис Черкасского² Донского Войска атаман Лукьян Максимов³ з донским казаками и с калмыки⁴, а з собою привели ахреяна⁵ русково человека. А сказали: в нынешнем в 205-м году⁶ в апреле месяце, в котором числе – того не упомянут, посылали они з Дону из Черкасского донских казаков – походного атамана Павла Григорьева да ясаула Никиту Костянтинова с товарищи под на-

---

¹⁷ ОР БАН. Основное собр. № 32.6.24. Л. 31 об.

гайские места, под Темрюк⁷, судовою, и под иные неприятельские улусы, для взятъя языков. И те де их посланные донские казаки приехали к ним в Войско в Черкасской мая во 12-м числе, а с собою привели взятых языков – черкеса, да вышепомянутого с Кубании⁸ ахреяна, которого они привели с собою к нему, боярину и воеводе, в обоз Болшого полку, а черкеса оставили на Дону, в Черкасском, потому что он велми ранен, и за тою раною вести было ево им с собою не мочно.

|| **(Л. 32 об.)** И того числа по приказу боярина и Болшого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина с товарищи тот приводной ахреян роспрашиван, а в роспросе сказал:

Родом он русской, Федкою зовут, Степанов сын Горбун, родился в Шацком уезде в селе Апушкине⁹ за Наумом Мерлиным во крестьянстве¹⁰. В прошлых годах из Шацкого уезду сошел на Дон в Паншин¹¹, а ис Паншина пошел с своею братьею розных верхних донских городков¹² с казаками на Кубань¹³, тому ныне четыре года¹⁴, в городок Капынь Агачь, которой построен на реке Кубани в лесу¹⁵, и живут в тем такие ж ахреяны з женами и з детьми¹⁶, человек со ста и болши¹⁷. И в нынешнем в 205-м году тому ныне третья неделя, в апреле месяце, в котором числе не упомнит, ис того городка поехал он Федка с арменином Саперком¹⁸ в Темрюк для торгового || **(Л. 33)** промыслу¹⁹. И как будут в устье Кубанском, напали на них донские казаки, и в том месте ево, Федку, и армянина взяли, а третей товырыщ их, увидя их, донских казаков, с лотки ушел в камыш²⁰. Да в том ж месте на рыбной ловле те донские казаки взяли темрюцких жителей татар четырех человек. И, взяв языков, те донские казаки пошли на море, и отшед, пристали на косе к морскому берегу есть варить. И в то де время нашли на них турки на семнатцати фуркатах²¹ с пушки, и с теми казаками билис, и взяли у них две лотки с казаками, и взятых темрюцких татар и арменина у них отбили, а досталные казаки человек з дватцать и болши в одной лотке отошли, и ево, Фетку и черкеса с собою увезли. А будучи он на Кубани, слышел от своей братии охреянов, что великого государя ратные люди будут под Азов, и они де, охреяны, || **(Л. 33 об.)** посы-

лали в Крым к хану дву человек, чтоб им указал в Крыму место, где жить, убоясь приходу на Кубань великого государя ратных людей, и хан де им в том отказал²². Да они ж де посылали от себя в Кафу²³ дву ж человек проведыват, есть ли в присылке какая турецкая сила²⁴, и те их посланные видели в Кафе турецкие каторги²⁵ и фуркаты те, которые в прошлом в 204-м году были на море против Азова²⁶, а по взятии Азова зимовали в Кафе, да вновь ныне в Кафу ж пришли два паши голенными²⁷ и каторги и фуркаты. А всех их тех прежних и нынешних турецких судов видели они две голены ж, да семь каторг, да несколько фуркатов, а сколько тех фуркатов числом, також и людей с пашами пришло – того не ведает. А збираютца де те каторги и фуркаты для городского || **(Л. 34)** строения меж Керчи и Тамани²⁸ в урочище Чючка-Бурун²⁹. Да приезжал в Нагай³⁰ турецкой паша, а как еву зовут – не ведает, з денежною казною для найму нагайцов под лес дубовой на го родовое дело, чтоб построит город на усть Черной протоки³¹, опасаясь приходу на себя великого государя ратных людей морем, и чтоб занять гирло Чорного протока, чтоб тем гирлом не пропустить московских сил³². Да он же де слышал от турецких людей: буде ныне великого государя ратные люди к Азову не будут, и они для промыслу и взятья к Азову придут, а естли будут – и они к Азову не будут³³, а станут делать город в вышепомянутом урочище, опасая города Темрюк, Керчь, Тамань³⁴. А говорят де в Нагаех и тое речь, что нынешняго лета будет под Азов и везирь с силою, а сколько при нем сил будет – того он не слышал. Да он же слышел, || **(Л. 34 об.)** будучи в Нагаях, что нынешняго году писал из Астрахани Ишей³⁵ в Нагай х калге-салтану³⁶, которой зимовал в Кабарде³⁷, чтоб он сам шол, собрався с силою к ним под Астрахань для войны, а он де, Ишей, в той войне будет ему всякую помощь чинить. А как придет, и он быв то время подослал малых людей, а он де, Ишей, станет говорить астраханскому воеводе³⁸, чтоб ему дал русских людей конных и стрелцов бутто в погоню за ним, салтаном. А как русские люди выдут, и он бы, салтан, с одну сторону, а з другую он, Ишей, тех русских людей всех пору-

били б. А порубя, он, Ишей, со всеми астраханскими татары з женами и з детьми поднявся совсем, пойдут к нему, салтану, в нагайские улусы, будто ему, Ишею, в Астрахани стало жить тесно, и он бы, салтан, ево оттуды выручал. И непрестанно де || **(Л. 35)** из Астрахани астраханские татары в Нагаи приезжают, а иные живут з женами и з детьми, так ж и нагайцы в Астрахань непрестанно ж ездят, и всякие товары из Астрахани к себе привозят. И калга де салтан под Астрахань пойдет ли – того он не ведает. А силы де ныне при калге-салтане собралос с тысяч с пять, и еще к нему збираютца. А будет де он стоять на Чорных протоках для того: ведомость у них в орде такая, что московская сила в тех местех бутто хотят город делать, а на самом морском устье хотят они делат каланчи³⁹ по обе стороны Черной протоки. И посылали те нагайские мурзы и татаровя к хану⁴⁰ говорить, чтоб в тех местех город построить для бережения от приходу московских сил. А будет де они того города в тех местех не зделают, и им де нагайцом от приходу великого || **(Л. 35 об.)** государя ратных людей жить будет на Кубани опасно⁴¹. А про хана де крымского слышел он, что к Азову нынешняго лета не будет, опасаяс на себя приходу великого государя ратных людей – великороссийских и малороссийских войск⁴². И то де он слышел, которые нагайцы были в Крыму, что люди нынешней весны от нужды мерли и на лошади голод великой. А Муртоза де паша кафинской⁴³ ныне где, и что при нем войска – того он, Федка, не ведает. А в прошлом в 204-м году⁴⁴, как великого государя ратные люди Азов взяли и с реки Кубани многие охреяны пошли в Кумыки к шевкалу, и на Терек, и в Астрахань, а из Астрахани пришли на Дон⁴⁵, а сколко человек – того не ведает.

*ОР БАН. Основное собрание. № 32.6.24. Л. 31 об. – 35 об.
Рукопись. Список.*

Комментарии

¹ Алексею Семеновичу Шеину.

² Черкасск – военно-административный центр Войска Донского в 1644–1805 гг., ныне – станция Старочеркасская Аксайского района Ростовской области.

- ³ Лукьян Максимов – войсковой атаман Войска Донского в 1697, 1699 (временно) и 1701–1708 гг., с перерывом в 1704–1705 гг.
- ⁴ Речь идет о калмыках, служивших в Войске Донском.
- ⁵ Ахреяне (охреяне) – обозначение-инвектива по отношению к православным подданным русских царей, измена которых состояла в бегстве на территорию мусульманских государств, а также в переходе, как считалось, в ислам. Слово «ахреяне» (возможно, греческого происхождения) – неологизм для русского языка XVII в., не зафиксированное в источниках первой половины XVII в. Особенно активно применялось в русских источниках второй половины XVII – начала XVIII в. по отношению к казакам-старообрядцам, ушедшим с Дона на Северный Кавказ и ставшим подданными крымских ханов (см.: *Сень Д.В.* Ахреяне как образы «чужого»: славяне Приазовья и Кубани XVII – начала XVIII в. // *CAUCASICA: Труды Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона* / под ред. В.А. Захарова. М., 2013. Т. 2. С. 128–150; *Его же.* Из истории борьбы России за Азов в 1695–1696 годах: участие ахреян в защите османской крепости // *Меншиковские чтения – 2014: науч. альманах* / гл. науч. ред. П.А. Кротов. СПб., 2014. Вып. 5 (13). С. 160–167).
- ⁶ В 1697 г.
- ⁷ Темрюк (тур. *Temruk*) – османская крепость в низовьях р. Кубани, входившая в Кафинский эялет Османской империи. Сегодня – г. Темрюк, районный центр в Краснодарском крае.
- ⁸ Так в тексте.
- ⁹ В наши дни – с. Апушка Кривоулицкого сельского поселения Шацкого района Рязанской области.
- ¹⁰ Таким образом, социальное происхождение Ф.С. Горбуна – из крепостных крестьян. Его владелец – помещик Шацкого уезда Наум Семенович Мерлин. См.: РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 460. Л. 348, 351.
- ¹¹ Паншин городок (Паншинская станица) – старинное, известное с конца XVI в. казачье поселение на Верхнем Дону. В 1708 г. было сожжено правительственными войсками в ходе подавления Булавинского восстания и навсегда прекратило существование.
- ¹² Важно, что казачьи городки упомянуты во множественном числе. Перед нами еще одно документальное свидетельство заметного присутствия среди отступивших на Кубань казаков жителей донских верховых городков (см.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1406. Л. 177, 178).

Эта же характерная черта будет присуща составу ушедших летом 1708 г. с Дона на Кубань казаков-некрасовцев.

- ¹³ Начальный период освоения донскими казаками-старообрядцами Кубани приходится на конец 1680-х – начало 1690-х гг. (*Боук Б.М.* К истории первого Кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе... С. 30–38; *Усенко О.Г.* Начальная история кубанского казачества (1692–1708 гг.)... С. 63–77; *Сень Д.В.* Казаки Крымского ханства... С. 289–320).
- ¹⁴ То есть примерно в 1693 г., что соответствует времени, когда выходцы с Дона – казаки-старообрядцы – уже обустроили на Кубани укрепленный городок. Группа выходцев с Дона, в которую входил Ф.С. Горбун, таким образом, не была первой.
- ¹⁵ Уникальное свидетельство о названии городка первых (старых) кубанских казаков, впервые вводимое в научный оборот. Копынь-агач (по-ногайски – «копын-агаш») – «выкорчеванный лес». Слово «копын», вероятно, связано с корнем «коп» («выворачивать»). Публикаторы благодарят за консультацию к.и.н. А.А. Ярлыкапова, с.н.с. Института этнологии и антропологии РАН. Возвести в 1693 г. этот укрепленный городок в междуречье Кубани и Лабы казакам помогли ногайцы (*Сень Д.В.* Казаки Крымского ханства... С. 298, 300–301). Ногайское название городка указывает не только на его расположение, но, возможно, и на особенности его внешнего вида. Выгодное с точки зрения безопасности расположение городка в лесу должно было затруднить для неприятеля путь к нему.
- ¹⁶ Указанный половозрастной состав казачьего сообщества Кубани фиксируется также в других документах конца XVII в., свидетельствуя о семейном характере казачьего исхода с Дона.
- ¹⁷ Приведенная цифра коррелируется с другими количественными данными за 1690-е гг., сообщенными одним из кубанских казаков: «И ныне де из расколщиков живет на Кубани человек со двести и болши» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1406. Л. 177). Существенное пополнение рядов кубанского казачества с нескольких десятков до нескольких сотен произошло после событий 1692 г. (см.: *Сень Д.В.* Казаки Крымского ханства... С. 294–301).
- ¹⁸ Редкое для армян мужское имя тюркского происхождения. Вероятно, перед нами русифицированный вариант имени Сафар, распространенного среди черкесогоаев (закубанских армян) и, возможно, среди крымских армян. В армянской транскрипции встречается форма Сапар. Таким образом, возможен следующий ряд: Сафар – Сапар – Саперко. Публикаторы благодарят за консультацию В.И. Колесова,

зав. отделом истории и этнографии Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына. Самостоятельная научная задача – составление сводки имен армянских торговцев, отмеченных в источниках в связи с пограничными контактами России, Крымского ханства и Османской империи.

- ¹⁹ Армяне, подданные крымских ханов и турецких султанов, играли заметную роль в торговых операциях и разнообразных политических контактах на территории Северного Причерноморья и Приазовья (Аваков П.А. Армяне на Дону в XVII–XVIII вв. (до 1779 г.) // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы Всерос. науч. конф. (30 мая – 2 июня 2012 г., г. Ростов-на-Дону). Ростов н/Д., 2012. С. 120–125; Сень Д.В. Участие армян в пограничных контактах России, Крымского ханства и Османской империи (XVII в. – начало XIX в.) // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы II Междунар. науч. конф. / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2015. С. 152–157). Участие казаков в торговом промысле армян можно считать одной из форм освоения ими нового жизненного пространства.
- ²⁰ Поездка в Темрюк осуществлялась ее участниками, судя по всему, водным путем, на лодке (предположительно казачьей). Указание информантом на устье р. Кубани свидетельствует, что торговому армянину и ахреянам почти удалось достичь цели поездки, поскольку Темрюк расположен в кубанской дельте.
- ²¹ Фурката (тур. *firkata*) – парусно-гребной фрегат, малая галера.
- ²² Событие случилось в третьем правлении хана Селим-Гирея I. Слухи о готовящемся походе турок-османов для отвоевания Азова распространялись в 1696–1697 гг. среди местного населения наряду с известиями о новом походе русских войск, порождая нервную обстановку и новые страхи. Помимо ногайцев и турок-османов, проживавших на Тамани, подобные настроения, как видим, захватили кубанских казаков. Поездка казаков в Бахчисарай была совершена до того, как в апреле 1697 г. Ф.С. Горбун попал в плен. Его известие находит подтверждение в словах бывшего пленника В. Гаврилова, сообщившего, что в 1696 г. казаки «посылщиков посылали к хану крымскому, чтоб их хан крымской к себе принял. И хан де крымской им в том отказал, а велел им жить тут же по-прежнему. А слышел де он, Васка, что они казаки боятца государевы силы, а нагайцы боятца от них казаков» (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 5. Л. 10). Несмотря на то, что обстановка на Кубани затем стабилизировалась, через

несколько лет казаки оставили городок Копынь-агач и массово переселились в Копыл.

- ²³ Кафа (тур. *Kefe*) – портовый город в Крыму, административный центр одноименного эялета Османской империи. Ныне – г. Феодосия.
- ²⁴ Акция не выглядит разведывательным заданием со стороны турок-османов или надзиравшего за казаками ногайца Кубека-аги. Вероятно, была организована ими самостоятельно.
- ²⁵ Кадырга (тур. *kadirga*) – галера.
- ²⁶ Речь идет о событиях второго Азовского похода 1696 г., когда османский флот не сумел оказать существенной помощи Азову, блокированному с моря и с суши российскими войсками.
- ²⁷ То есть пришли на галеонах. Галеон (исп. *galeon*, тур. *kalyon*) – многопалубный трехмачтовый корабль.
- ²⁸ Керчь и Тамань – турецкие крепости на Керченском и Таманском полуостровах соответственно, опорные пункты Османской империи на границе с Россией и Черкесией. Входили в Кафинский эялет. В XVII в. Таманский остров представлял собой остров, отделенный от материка сетью рек и протоков.
- ²⁹ Мыс Чочка, в наши дни – коса Чушка на Таманском полуострове. Свидетельство Ф.С. Горбуна является одним из первых известий о спровоцированном потерей Азова намерении османских властей построить на берегу Керченского пролива новые крепости в целях нейтрализации российского флота (см.: *Аваков П.А.* «Превеликой имеют страх от московской военной флоты»: Керченский пролив и русская разведка в начале века // *Родина*. 2014. № 7. С. 135–138). Несколько раньше, в феврале 1697 г., бежавшие из Темрюка и Тамани два украинских казака рассказали в Азовской приказной избе об услышанных от татар планах султана Мустафы II «делает на море на острове против города Темрюка город, чтоб не пропускать под те их города донских казаков» (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 16. Л. 12, 13). Реализация данного плана в несколько измененном виде началась в 1703 г., когда была основана крепость Еникале (Кале и-Джедид).
- ³⁰ То есть в ногайскую Кубанскую орду.
- ³¹ Черная Протока (тур. *Kara-Kuban*) – правый рукав р. Кубани, впадает в Азовское море.
- ³² Речь идет о намерении турок-османов построить новую крепость, которая должна была в какой-то степени восполнить потерю ими Азова. Турки-османы торопились – крепость Ачувев была возведена вес-

ной 1697 г. (Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 3... С. 81; Бранденбург Н.Е. Азовский поход Шеина... С. 189). Использованные Н.Г. Устряловым и Н.Е. Бранденбургом рассказные речи украинского казака С.Т. Ковалева, содержащиеся в записной книге Азовского похода 1697 г., включают в себе ценные сведения о строительстве Ачуева и устройстве его укреплений.

- ³³ Известие не следует рассматривать как отказ Османской империи и Крымского ханства бороться за возвращение Азова в 1697 г. Бежавшие из Крыма в Азов невольники сообщали городовому воеводе, князю П.Г. Львову дошедшие до них слухи о намерении крымских и османских войск прийти «по морю в каторгах и сухим путем под Азов прежде приходу великого государя ратных людей и захватить донской и сухой пути» (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 16. Л. 7–10). В словах и поведении ногайцев и турок-османов все же чувствуется скепсис в отношении будущего военного мероприятия. Показательная сцена случилась в начале 1697 г. в Тамани: приезжий ногаец заявил местному турку, что «в Азове силымного, и московская де сила ныне в готове и будет в Азов вскоре», и если «турския люди вскоре не будут, а московская сила к ним придет, и они де, нагайцы, им здадутца». Турок в ответ стал бранить ногайца за пораженческое настроение: «...русские люди и не бывали, а ты де здаешься» (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 16. Л. 16). Ожидания не одних только турок-османов могут быть охарактеризованы словами украинского казака Г. Серженко, бывшего невольника, бежавшего из Кафы: «И зело де турецкой салтан и все турки о взятии Азова тужат и говорят, что он ныне велми укреплен и обведен водою <...> А о взятии ево назад к себе чают и не чают» (ОР БАН. Основное собр. № 32.6.24. Л. 39 об.).
- ³⁴ Темрюк, Керчь и Тамань являлись относительно небольшими крепостями. Возведение новой крепости, таким образом, представлялось в Стамбуле мероприятием стратегической важности.
- ³⁵ Ишей (Ишай) Кашкарин – табунный голова астраханских «юртовских татар» (ногайцев). Заметный представитель местной элиты конца XVII – начала XVIII в. Обладал разветвленными связями в российских административных кругах (Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией / подг. М.А. Коркунов. СПб., 1842. Т. 5. С. 419; Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII в.: сб. док. / подг. Н.Б. Голикова. М., 2004. С. 35, 36, 93, 138, 166, 182, 235, 256, 258, 373), поддерживал отношения с калмыцким ханом Аюкой, а также с элитами Крымского ханства. В 1695 г. И. Кашкарин известил азовских турок о готовящемся походе на крепость российских войск, получив за это по-

дарки от азовского бея и просьбу о присылке «военных своих людей» (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1695 г. Д. 3. Л. 4, 5, 30–31). В изложении Ф.С. Горбуна табунный голова рисуется лицемерным и изворотливым человеком, способным к организации выступления против российской администрации в Астрахани с помощью крымцев и даже к откочевке со своими людьми на Кубань. Изогранный план И. Кашкарина тогда не сработал, и на Кубань он не откочевал: еще во время Астраханского восстания (1705–1706 гг.) табунный голова выказывал верноподданническое отношение российским властям. И. Кашкарин фигурировал в документах еще в 1710 г., умер не позднее 1712 г. (*Торопцын И.В.* Астраханская юртовская знать в системе феодальных отношений XVIII в. // Гасырлар авазы: Эхо веков. 2014. № 3–4. С. 19).

- ³⁶ Калга-султан – титул второго по значению лица в династической иерархии Гиреев, как правило, ближайший родственник (брат или сын) правящего крымского хана. Калгой-султаном в третьем правлении хана Селим-Гирея I (1692–1699 гг.) был его старший сын Девлет-Гирей, впоследствии – хан. Именно Девлет-Гирей командовал крымско-ногайским войском в сражении с Большим полком А.С. Шеина под Азовом 20 июля 1697 г.
- ³⁷ Пребывание калги-султана зимой 1696–1697 гг. в Кабарде находит свое подтверждение в показаниях другого выходца с Кубани, допрошенного в Азовской приказной избе в апреле 1697 г. (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 4).
- ³⁸ Окольничему Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину, занимавшему должность астраханского воеводы в 1695–1700 гг.
- ³⁹ Башни.
- ⁴⁰ Селим-Гирею I.
- ⁴¹ Падение Азова было воспринято кубанскими ногайцами болезненно и даже панически – в том же 1696 г. многие из них с семьями откочевали в Крым и в Черкессию, где даже зимовали (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 13, 18; Д. 5. Л. 3, 4, 8). В передаче бежавшего с Кубани крестьянина Т. Иванова ногайцы рассуждали: «А когда де Азов взят, так де не устоят и Нагаю» (т. е. Кубанской орде), и если российские войска опять придут к Азову, то всем им придется бежать в горы. «И ныне де те татары юрты свои все пожгли, а сами с женами и з детми живут, переходя по розным местам для того, что они от приходу руского войска к себе велми опасны» (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 15). Таким образом, возведение новой крепости в Восточ-

ном Приазовье отвечало интересам не только турок-османов, но и ногайцев – как элиты, так и рядового населения.

⁴² По словам полоняников, вышедших в Азов из Крыма в феврале 1697 г., там всерьез опасались прихода «московской силы» (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 7; Д. 16. Л. 6, 9, 10). Если верить бежавшему из крымской неволи донскому казаку Л.А. Дорожевскому, крымский хан Селим-Гирей I даже отказался выполнить приказ султана Мустафы II идти на войну против Священной Римской империи германской нации: «И хан де крымской ему в том отказал, что он сам к нему, салтану, на помощь не пойдет, и войска своего никого не пошлет, потому что де он сам от приходу к себе русского войска опасен» (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 8). По слухам, ходившим в Тамани, султан приказал крымскому хану, чтобы тот в случае нападения России «против московского войска стоял крепко» (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 16. Л. 2–3).

⁴³ Муртаза-паша – бейлербей Кафинского эялета. Принимал участие в обороне Азова в 1695–1696 гг.

⁴⁴ В 1696 г.

⁴⁵ Другие источники не подтверждают массового возвращения казаков-старообрядцев в Россию в 1695–1697 гг. С доверием стоит отнестись к известию Ф.С. Горбуна о географии тех мест, куда с Кубани устремлялись казаки. Многочисленные документы говорят о том, что они негативно отнеслись к завоеванию Россией Азова, правомерно опасаясь за свою дальнейшую судьбу. При этом характерно, что они оказывались под влиянием негативных эмоций и настроений, массово охвативших местное население. Некоторые из казаков хотя и принесли повинную, но дальнейшую жизнь все равно связали с близкими им казачьими территориями. Другие, как мы видим, предпочли вернуться на Северо-Восточный Кавказ – во владения шамхала Тарковского.

Толмачи и переводчики в деятельности воеводской администрации Азова (конец XVII – начало XVIII в.)

Заявленная тема является актуальной и малоизученной по нескольким основаниям. Во-первых, постановка проблемы потребовала организации нового этапа архивной эвристики: наиболее информативными из новейших находок оказались документы из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Государственного архива Воронежской области (ГАВО). Ряд документальных источников конца XVII – начала XVIII в. впервые вводится в научный оборот. Во-вторых, тема органично увязана с историей мероприятий российских властей по формированию в Северо-Восточном Приазовье административного аппарата управления (после завоевания Азова в 1696 г.) путем создания в Азове центрального властного учреждения с опытным составом чиновников¹. В-третьих, речь идет об истории пограничных контактов российской администрации с представителями крымских и османских властей (Кафа, Керчь, Тамань, ногайская Кубань и т. д.), с которыми необходимо было взаимодействовать (вести переговоры, обмениваться письмами, разрешать конфликтные ситуации и пр.). *Непонимание* в буквальном смысле текстов, написанных на восточных языках, либо устной речи носителей таких языков создавало для азовской администрации определенные трудности в налаживании пограничного сотрудничества с кубанскими ногайцами, с турками-османами и прочими участниками местной пограничной жизни, в реализации азовскими воеводами самых разнообразных форм т. н. пограничной дипломатии, накоплении необходимых знаний о противной стороне в условиях новой пограничной ситуации. В некоторых случаях пограничная дипломатия и ее инициативы положительно сказывались на межгосударственных отноше-

---

¹ Андрющенко О.В. Население и администрация города Азова в 1696–1711 годы. Воронеж, 2008. С. 13–14, 193.

ниях, на усилении тенденции к межгосударственному диалогу². Информационное пространство южного пограничья того времени трудно представить без обращения к опыту межкультурной коммуникации (причем искажения в передаче речи и текстов были неизбежны, что представляет собой отдельную исследовательскую проблему³), важным звеном в организации которой являлись толмачи и переводчики (а также другие лица – пленные турки-османы и др.), находившиеся в ведении азовского воеводы и его администрации. Азовская администрация активно использовала различные способы решения данной проблемы, которые в науке были рассмотрены фрагментарно. В-четвертых, актуально исследовать происхождение указанных профессиональных групп с точки зрения среды их формирования и пополнения, например, за счет служащих Посольского приказа неславянского происхождения, калмыков, покидавших свои улусы и переходивших на царскую службу, и пр. В-пятых, актуально изучить конфессиональный и этнический состав, генеалогические связи, а также другие культурные характеристики таких людей, причины и порядок их приема на службу, их квалификацию и социальные связи, в некоторых случаях – историю профессиональных перемещений. Ведь из Москвы в Азов и обратно неоднократно направлялись толмачи и переводчики, ранее принятые на службу в Посольский приказ, в том числе те, о которых речь идет в статье. Тема статьи позволяет расширить наши представления о *позднейшей* судьбе отдельных толмачей и переводчиков (через Посольский приказ, повторимся, связанных с «азовской

---

² *Аваков П.А.* У истоков российской пограничной дипломатии в Крыму: миссия подьячего Алексея Рудеева в Кафе 1701 г. // Границы и пограничье в южнороссийской истории: материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов н/Д., 2014; *Сень Д.В.* Администрация российского Азова и население Кубани: пограничные отношения в конце XVII в. – начале XVIII в. // Ломоносовские чтения. Востоковедение: тез. докл. науч. конф. М., 2013. С. 264–267.

³ *Сень Д.В.* Расспросные речи как источник по истории казачьего населения Крымского ханства и информационного пространства южного пограничья // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2018. № 2. С. 7–14.

службой»), начинавших свою профессиональную карьеру в Москве еще в последней четверти XVII в. В-шестых, предстоит выяснить роль и место разных толмачей и переводчиков, по аналогии с мнением М. Ходарковского⁴, как непосредственных участников процесса *колонизации сознания степного населения* в ходе реализации новой московской политики на юге. Указанные люди не только переводили тексты и устную речь с одного языка на другой, т. е., казалось, выполняли очевидную техническую работу. Те из них, кто становился новообращенным христианином, кто учил русский язык и грамоту, были полезны и даже необходимы российской администрации на юге в нескольких отношениях. Новокрещеные толмачи способствовали миссионерским усилиям светских и церковных властей (прежде всего, среди калмыков). Необходимые для Москвы термины и имперскую риторику, различные просьбы от населения степного пограничья следовало передавать *подобающим имперским языком*⁵. Трансляторами подобной лексики, смысловой направленности информации, исходившей от российских администраторов разного уровня, а также получаемой ими извне, регулярно выступали именно толмачи и переводчики.

Биографии интересующих нас лиц необходимо исследовать на фоне более крупной научной проблемы – истории толмачей и переводчиков восточного происхождения, служивших в Посольском приказе⁶, а также мусульманской общины Москвы, среди представителей которой на протяжении долгого времени встречаются толмачи/переводчики из известных семей – например, Байцыных и Тевкелевых⁷. Потомственным

---

⁴ Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М., 2019. С. 108.

⁵ Там же.

⁶ Беляков А.В. Касимовские татары – станичники, толмачи и переводчики Посольского приказа // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2001. Т. 2. С. 36–42; *Его же*. Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб., 2017.

⁷ Хайретдинов Д.З. Мусульманская община Москвы в XIV – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 68, 87–89, 151–175 (приложения).

переводчиком в Посольском приказе являлся Резеп Байцын (служба которого также была связана с Азовом), его отец Абдула и дед – «Биляль Безиргенов сын Байцын» – из касимовских татар, также были переводчиками Посольского приказа⁸. Интересно наблюдение А.В. Белякова о родственных связях одной из ветвей Тевкелевых с Абдулой Байцыным⁹.

Целесообразно проследить судьбу таких специалистов восточного происхождения, какое-то время служивших в Азове и связанных с Посольским приказом (даже создававших семейные династии, представители которых впоследствии находились на службе уже в Коллегии иностранных дел). Понадобится составление персональной базы данных – для реконструкции коллективной биографии толмачей и переводчиков, привлекаемых азовской администрацией к решению широкого круга вопросов. В ряде случаев потребуются установить степень родства между представителями одной фамилии (Тевкелевы, Тонкачевы, Байцыны), среди которых, например, Сулейман-мурза Сагеев Тонкачев, Сулейман Тонкачев, Кутлумабет Тонкачев. Подчеркнем, что определенная работа (правда, в другом исследовательском контексте) была недавно начата: выявлены некоторые новые имена из состава служащих Посольского приказа, в т. ч. ранее в науке неизвестные¹⁰. Некоторые из учтенных А.Г. Гуськовым имен имеют прямое отношение к теме заявленной статьи.

Наконец, деятельность местных толмачей и переводчиков актуально связать с историей делопроизводства в Азове. Новейшие исследования показывают, что уже в первые годы деятельности новой российской (воеводской) администрации

---

⁸ *Хайретдинов Д.З.* Мусульманская община Москвы в XIV – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 67. См. также: Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 138. Оп. 1. 1697 г. Д. 26.

⁹ Беляков А.В. Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. ... С. 334.

¹⁰ *Гуськов А.Г.* Материалы к справочнику о служащих Посольского приказа (начало XVIII в.) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: материалы XXXI Междунар. науч. конф. (г. Москва, 12–14 апреля 2018 г.). М., 2018. С. 129–131.

активно развивалось местное делопроизводство, число дьяков и подьячих здесь возрастало, постоянно расширялся круг подведомственных им вопросов и пр. Недаром уже к 1700 г. Азовская приказная изба с учетом штата и исполняемых функций выросла и по праву могла называться приказной палатой¹¹.

Азовские власти должны были оперативно решить проблему устного перевода известий и показаний самого разного нерусского населения, а также письменного перевода на русский язык соответствующих текстов на восточных языках, разными путями поступавших в крепость. По-видимому, после событий лета 1696 г. в приоритете оказались ситуативные способы решения новой и столь острой для России проблемы на юге. В указанном отношении обращает на себя внимание пространство тюремного двора – одного из центров тогдашней межкультурной коммуникации и местной азовской жизни, а не только места содержания пленников-мусульман. Находившиеся там турки-османы использовались в т. ч. для перевода текстов с османо-турецкого («турского»)¹² и татарского языков. Выразительна ситуация, в которой письмо с Кубани от султана Бахты-Гирея «чол тюремного двора неволник турчин Алейка, а на русской язык переводил калмыцкой толмач Парфенко Мергень»¹³. Этот толмач, *Парфен Мерген Иванов*, живший в Азове, был новокрещеным и фигурой авторитетной для части калмыков, пожелавших принять крещение и служить русскому государю¹⁴. Так, 22 сентября 1700 г. он привел в приказную избу свою жену и сына, а также других калмы-

---

¹¹ *Андрющенко О.В.* Население и администрация города Азова в 1696–1711 годы... С. 196.

¹² Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. И-5. Оп. 2. Д. 242. Л. 3.

¹³ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 244. Л. 17.

¹⁴ *Иванюк С.А.* Поступление калмыков в начале XVIII в. на царскую службу (по материалам Азовской приказной избы (палаты) // *Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VII Токаревские чтения): материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 11–12 мая 2018г.)*. Ростов н/Д., 2018. С. 108.

ков, выразивших желание креститься¹⁵. Необходимо отметить, что контакты с калмыками занимали важное место во внешней политике России, что на данном направлении для центральных/местных властей существовало немало проблем. Парфен Мерген Иванов неоднократно участвовал (предположим, как и другие калмыки: в некоторых документах толмач с калмыцкого языка *не назван* по имени) в расспросах азовскими властями калмыков¹⁶. Любопытно, что к одной из «сказок» вместо «толмача Парфена Мергена по его велению руку приложил» тамбовский площадный подьячий С. Маслов¹⁷. На поступок же Парфена Мергена («брат наш калмыцкого языка толмач Парфен Иванов восприял себе православную... веру греческого закона») калмыки ссылались в ряде важных для себя жизненных ситуациях¹⁸. Весной 1700 г. толмачом не только с калмыцкого, но также с турецкого и татарского языков¹⁹, согласно царской грамоте, был назначен другой крещеный калмык – Костька Тимофеев²⁰, явившийся 29 марта 1700 г. в Азов. Несмотря на небольшой денежный оклад, власти решили другую важную задачу, выделив ему двор, располагавшийся за Азовом, за Казачьей слободой²¹.

Возвращаясь к культурной ситуации текст – устная речь – текст (на примере действий невольника Али и толмача Парфена Мергена), отметим, что при создании русскоязычного документа происходили искажения в передаче исходного текста. По сути, русским подьячим конструировался новый текст, а исходному письму азовскому воеводе – от кубанских ногайцев за печатями Сартлана-мурзы и кубанского султана Бахты-Гирея (1700 г.) – неизбежно придавались новые смыслы и характеристики. Судя по всему, тот же невольник

---

¹⁵ *Иванюк С.А.* Поступление калмыков в начале XVIII в. на царскую службу... С. 108.

¹⁶ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 364. Л. 1; Там же. Оп. 1. Д. 235. Л. 4.

¹⁷ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 364. Л. 1 об.

¹⁸ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 190. Л. 1.

¹⁹ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 168. Л. 86.

²⁰ *Андрющенко О.В.* Население и администрация города Азова в 1696–1711 годы... С. 208.

²¹ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 168. Л. 86; Там же. Д. 280. Л. 6.

Али (Алейка Меметов) зачитывал в том же году другое письмо Бахты-Гирея воеводе С.И. Салтыкову, а толмачил его речи толмач *Константин Матвеев*²². Из протокола допроса крымского татарина Кара-Али от 1 ноября 1696 г. становится известно, что его речи толмачил другой, теперь тоже нам известный толмач *Афанасий Микифоров*²³. Другие «слова переводил с татарского на русской язык Николаева полку Васильева казак Максим Иванов»²⁴. Вероятно, М. Иванов был неграмотным: недаром к тексту, зафиксировавшему его перевод речей кубанских ногайцев в июне 1700 г., руку приложил писарь одного из азовских полков М. Чернояров²⁵.

В интересах местных властей в Азове толмачили также иностранцы – например, боцман *Андрэ (Андрей) Миющик*, неоднократно общавшийся с известным нам невольником «турченином» Али, читавшим письма с Кубани²⁶. На каком же, однако, языке невольник Али озвучивал текст таких писем, регулярно получаемых в Азове? В одном случае А. Миющик переводил Али на русский с *турецкого* языка, в другом – с *татарского*²⁷. Соответственно, они оба владели указанными языками в той или иной степени. В качестве толмача А. Миющик принял участие в миссии подполковника И. Нестерова в Керчь и в Кафу (1703 г.), в т. ч. носившей разведывательный характер²⁸. В частности, боцману надлежало «втайне ж турецким и татарским языком с кем возможно прове́дывать о всяких ведомостях»²⁹.

Азовская администрация достаточно гибко, хотя не всегда результативно (по разным причинам), подходила не только к

---

²² ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 14.

²³ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 27. Л. 17.

²⁴ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 13.

²⁵ Там же. Л. 12 об.

²⁶ Там же. Л. 7.

²⁷ Там же. Л. 3, 7.

²⁸ *Аваков П.А.* «Превеликой имеют страх от московской военной флоты». Керченский пролив и русская разведка в начале XVIII века // *Родина*. 2014. № 7. С. 137.

²⁹ Там же.

поиску толмачей устной речи с восточных языков (при наличии одного-двух толмачей русского происхождения в Азовской приказной избе – М. Иванова и А. Микифорова), но и к адаптивным способам перевода документов на восточных языках, переводить которые до поры до времени в Азове было некому. Любопытно, что решить проблему языковой и иной коммуникации с Азовом пытались и кубанские султаны – представители крымских ханов, обращавшиеся к услугам своих толмачей³⁰.

На данном этапе изучения темы можно сказать, что поиск толмачей являлся для азовских властей насущной проблемой. Хотя и не системно, но ее остроту удалось снять в первые годы после завоевания Азова, т. е. в 1696–1700 гг. С переводчиками же дело обстояло еще хуже. Когда в сентябре 1699 г. из Керчи в Азов на трех судах прибыли турецкие купцы, то они подали воеводе С.И. Салтыкову пять писем, три из которых³¹ адресовались ему кафинским бейлербеем Муртазой-пашой. Содержание документов «татарского письма» осталось в Азове непонятым («а что в тех письмах писано, того нам, холопям твоим, не ведомо») из-за отсутствия именно переводчиков!

Воевода сетовал, что в Азове некому переводить документы и толмачить речи не только *татарские*, но и *калмыцкие*: «писем и языка их... переводить и толмачить некому»³². С.И. Салтыков обращался к царю с просьбой о присылке толмачей и переводчиков «турецкого, и татарского, и калмыцкого писем и языка». Что касается писем Мустафы-паши, то почтой их отправили в Пушкарский приказ. Уместно обратить внимание на то, что *увеличение* количества интересующих нас документов было связано с изменениями во взаимоотношениях между Россией, с одной стороны, и Османской империей / Крымским ханством – с другой, как раз на рубеже XVII–XVIII вв. Пограничные власти (включая представителей крымских ханов на Кубани) стали проявлять большую заинтересованность в разрешении конфликтных ситуаций и ста-

---

³⁰ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 6.

³¹ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 168. Л. 4 об. – 5.

³² Там же. Л. 5.

билизации местной пограничной жизни. Отсюда – появление и развитие нового явления – *регулярного обмена письмами* между пограничными «начальными» всех трех государств, на что ранее в науке обращалось только фрагментарное внимание.

Предположим, что именно поэтому ситуация с переводчиками в Азове стала постепенно улучшаться – благодаря царской воле и действиям Посольского приказа. Безусловно, свою роль сыграли и челобитные самих азовских воевод, заинтересованных в решении столь наболевшей проблемы. Активность царских властей не случайна: *именно* после 1699 и 1700 гг. (когда были заключены Карловицкое перемирие и Константинопольский мирный договор) появились как новые проблемы, так и достижения в межгосударственных отношениях Москвы, Стамбула и Бахчисарая. Нами сделано наблюдение, что именно в *первое десятилетие XVIII в.* «азовские посылки» сделались регулярными для переводчиков Посольского приказа. В ф. 138 РГАДА (Дела о Посольском приказе и служивших в нем) сохранились документы о направлении из Посольского приказа в Азов на службу нескольких переводчиков с восточных языков³³. Это представители уже тогда известных в Москве фамилий, перечень имен которых предстоит уточнить и, возможно, расширить. В настоящее время составленный нами список выглядит следующим образом:

– *Байцын Резеп* («Резепка мурза Абдулков сын Байцын», отправленный в Азов «для переводу и толмачения татарского языка и писем, присланных ис Керчи и с Кубани». Сам он уточнял, что переводил «с турецких и с татарских писем»);

– *Багинин (Богинин) Тахтаралей* (переводчик «турецких и татарских писем»), отправленный на службу в Азов и Троицкий³⁴. Находка из РГАВМФ позволила уточнить данные А.Г. Гуськова: выходит, что Т. Багинин – у А.Г. Гуськова

---

³³ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1701 г. Д. 35; 1703 г. Д. 28, 44, 51; 1704 г. Д. 18; 1705 г. Д. 5, 17; 1706 г. Д. 9, 23, 35; 1707 г. Д. 3.

³⁴ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее – РГАВМФ). Ф. 176. Оп. 1. Д. 32. Ч. 1. Л. 125, 125 об. Документ любезно предоставлен к.и.н. П.А. Аваковым.

ошибочно указано Бочинин – все же был принят на службу в Посольский приказ по итогам челобитной от 28.11.1706. Правда, по данным С.А. Белокурова, Т. Багинин уже в 1689 г. являлся штатным переводчиком в Посольском приказе. Любопытно, что вопрос о «перемене» этого переводчика другим, которым в итоге оказался Рамазан Тевкелев, был решен на основании положительного рассмотрения челобитной жены Т. Багинина – Асылбек Каплановой, оставившей арабографичный автограф³⁵;

– *Тевкелев Рамазан* (переводчик с татарского языка);

– *Тонкачев (Тонкачев) Сулейман* (переводчик с «турского и татарского языков»);

– *Тонкачев (Тонкачев) Кутлумамет* (переводчик с татарского и турецкого языков).

Имеются сведения еще об одном переводчике с «турского и татарского языков». В частности, речь идет о *Дмитрии Асанове* (в сводке А.Г. Гуськова отмечен *Родион Асанов*), отправленном вместе с С. Тонкачевым под Азов еще в 1694–1695 гг. Документы РГАДА позволяют решить ряд вопросов о сроках азовской службы служащих Посольского приказа, ее повторяемости и некоторых особенностях (иногда переводчики направлялись в Азов для «перемены» одного на другого), денежных и иных выплатах переводчикам и пр. Немаловажная деталь – в ряде случаев, благодаря сведениям одних переводчиков о жаловании других, становится известно об отправке некоторых из вышеуказанных лиц в Азов еще в *конце XVII в.*³⁶ В отдельных случаях удастся продвинуться в изучении другого немаловажного вопроса – о составе семьи того или иного переводчика, например Сулеймана Тонкачева (Тонкачева), имевшего жену и как минимум одного сына³⁷. А выше писалось о жене переводчика Т. Багинина – А. Каплановой. Наконец, по-своему уникальны отдельные сведения, встречающиеся в челобитных переводчиков. Р. Байцын, например, ука-

---

³⁵ РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 32. Ч. 1. Л. 126; Там же. Ч. 2. Л. 53.

³⁶ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1701 г. Д. 35.

³⁷ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1705 г. Д. 17; 1706 г. Д. 23; 1707 г. Д. 3.

зал, что по указу адмиралтейца Ф.М. Апраксина (в 1702 г.?) он «переводил в Азове на роскатной башне и на иных, и на мечете, и во дворце на камнях подпись турецкую»³⁸. Сказанное имеет отношение к малоизученному в науке вопросу о состоянии бывшей османской крепости после 1696 г., об использовании российскими властями старых культовых и светских построек османского времени в новых условиях и для новых потребностей.

Другое перспективное направление поиска новых документальных источников – Ф. И-5 ГАВО (Азовская приказная палата). Здесь необходимо искать документы, связанные со службой вышеуказанных и других лиц, направляемых из Посольского приказа в Азов, в т. ч. на годовую службу. Например, сегодня нам доступны новые данные об адаптации в Азове Кутлумамета Тонкачева (Тонкачеева), подавшего челобитную в Посольский приказ 27 ноября 1703 г.³⁹ В Азов его направили «для переводу... государевых посольских дел», а в феврале 1704 г., находясь там, он подал челобитную на имя царя. В связи с вынужденным оставлением старого куреня в г. Алексеевском он просил построить ему новый курень либо выделить двор в самом Азове⁴⁰. Интересно, что в том же курене, принадлежавшем донскому казаку П. Турченину, ранее проживал переводчик Р. Байцын⁴¹, тоже отправленный из Москвы в «азовскую посылку»⁴². В заключение нужно сказать о необходимости пополнения персональной базы данных о толмачах и переводчиках, представленных в данной статье. Это позволит не только больше узнать об их биографиях, но также расширит наши знания о формах и механизмах управления Россией своими пограничными владениями на юге в конце XVII – начале XVIII в.

---

³⁸ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1701 г. Д. 35. Л. 2.

³⁹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1703 г. Д. 44. Л. 1–3.

⁴⁰ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 440. Л. 3.

⁴¹ Там же. Л. 3 об.

⁴² РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1701 г. Д. 35.

**«А что в тех письмах писано... того нам неведомо»:
новые дипломатические практики
русско-крымско-османских властей
в южном пограничье
(конец XVII – начало XVIII в.)**

После завоевания Россией османского Азова летом 1696 г. воеводской администрации пришлось решать не требующие отлагательства проблемы военно-оборонительного, административного и хозяйственного характера, направленные на укрепление российского присутствия в Северо-Восточном Приазовье¹. С одной стороны, неоднократные «военные тревоги» стали для российского Азова и его населения существенной приметой местной жизни. Власти и местное население болезненно реагировали на различную информацию о действиях «противной стороны» (ногайцев, крымских татар, турок-османов), поступающую в распоряжение воеводской администрации Азова со второй половины 1696 г.² С другой стороны, властям требовалось поскорее наладить пограничный диалог – прежде всего, с элитами ногайской Кубани, близкой к новым российским владениям на Юге. Кроме того, сохранялся «османский фактор» влияния на местную пограничную жизнь и на многочисленные действия Азовской воеводской администрации. Несмотря на фактическую утрату турками-османами Азакского (Азовского) санджака, сохранялся Кафинский эялет, в состав которого он входил; продолжалась и русско-турецкая война.

---

¹ *Андрющенко О.В.* Население и администрация города Азова в 1696–1711 годы. Воронеж, 2008. 282 с.; *Перепечеева Л.Б.* Крепость и посад Азов (конец XVII – начало XX вв.). Азов, 1995. С. 28–55; *Воеск В.Ж.* When Peter I Was Forced to Settle for Less: Coerced Labor and Resistance in a Failed Russian Colony (1695–1711) // *The Journal of Modern History.* 2008. Vol. 80. № 3 (September). P. 485–514.

² Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. И-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 2, 4; Там же. Оп. 1. Д. 14. Л. 5, 12; Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 10, 11; Там же. Оп. 2. Д. 20. Л. 2; Там же. Оп. 2. Д. 14. Л. 5–7.

Рассчитывая на поддержку Крымского ханства, Османская империя не собиралась тогда отказываться от территорий, находившихся в ее владении с последней четверти XV в. Она планировала вернуть Азов в 1697 г. и, судя по всему, даже усилить натиск на донские казачьи городки. А вскоре Османы принялись укреплять свои военные позиции по обоим берегам Керченского пролива, включая мероприятия по ремонту старых (Керчь, Тамань, Темрюк) и строительству новых крепостей (Ачуев, Ени-Кале) на территории Кафинского эялета, сохранявшего для турок-османов стратегическое значение в этой части Северного Причерноморья.

Отдельные аспекты истории местной пограничной жизни указанного периода, в т.ч. пересечения на Юге интересов пограничных властей России, Крымского ханства и Османской империи, исследованы в новаторских трудах П.А. Авакова³, О.В. Андрющенко⁴, Б. Боука⁵. П.А. Аваков впервые в науке обратился к истории дипломатических контактов азовских воевод и кафинских бейлербеев. Он изучил некоторые случаи отправки на Кубань азовскими воеводами своих «посыльщиков» в 1700–1701 гг. Б. Боук изучил совместное обеспечение российскими и османскими властями нового пограничного режима на Юге, затронувшего экономические и иные интересы донских казаков и ногайцев, в т.ч. сферу выкупа пленных и обмена ими. Он же исследовал трансформацию местного фронта под воздействием бюрократического контроля, который российские и османские власти оперативно стали устанавливать в условиях новой пограничной конфигурации и новых межгосударственных договоренностей. О.В. Андрю-

---

³ Аваков П.А. У истоков российской пограничной дипломатии в Крыму: миссия подьячего Алексея Рудеева в Кафе в 1701 г. // Границы и пограничье в южнороссийской истории: мат-лы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов н/Д., 2014. С. 7–20.

⁴ Андрющенко О.В. Указ. соч. С. 41–42.

⁵ Boeck B.J. Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great. N. Y.: Cambridge University Press, 2009. 255 p.

щенко описала важный эпизод из истории русско-ногайских пограничных отношений – действия группы донских казаков «М. Можара – Ф. Болдыря», с ведома азовских властей отправившейся осенью 1696 г. на Кубань. Как и Б. Боук, она привела некоторые новые данные о толмачах и переводчиках в Азове, обеспечивавших устную и письменную коммуникацию воевод с Кубанью и пр. При анализе мероприятий российских властей по сбору и анализу информации, поступавшей в Азов, большое значение имеют расспросные речи выходцев с Кубани, в т.ч. опубликованные В.В. Грибовским⁶. Нами были исследованы отдельные вопросы из истории переговоров о подданстве между российскими властями и кубанскими ногайцами в 1696 г.; некоторые случаи из история плена, рабства и выкупа людей на южном пограничье, в т.ч. сделки с рабами, совершавшиеся в российском Азове и в Черкасске; изучены практики разрешения региональными российскими и крымскими властями конфликтных и иных ситуаций на южном пограничье, включая налаживание взаимной устной и письменной коммуникации с помощью толмачей и переводчиков⁷.

Источниковая основа статьи представлена копийными и оригинальными делопроизводственными документами российского и восточного происхождения второй половины 1690-х –

⁶ *Грибовський В.* Протоколи допитів утікачів з ногайського полу в російському Азові 1696 р. (За документами державного архіву Воронізької області) // Архіви України. 2014. № 1 (289). С. 121–141; Степове порубіжжя XVII – поч. XVIII ст. у документах Державного архіву Воронізької області РФ / упор. В. Грибовський. Київ, 2016. 122 с.

⁷ *Сень Д.В.* «Бил челом ахреянскому атаману...»: плен, рабство и выкуп на южном пограничье (конец XVII в. – начало XVIII в.) // Вестник Калмыцкого Института гуманитарных исследований РАН. 2018. № 1. С. 36–46; *Его же.* Толмачи и переводчики в деятельности воеводской администрации Азова (конец XVII – начало XVIII вв.) // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы Международной научной конференции. М., 2019. С. 134–143; *Его же.* Переговоры о переходе кубанских ногайцев в российское подданство (рубеж XVII–XVIII вв.) // *Magna adsurgit: historia studiorum.* 2019. № 2. С. 109–119.

начала 1700-х гг. Указанные источники, большая часть которых впервые вводится автором в научный оборот, отложились в нескольких фондах двух федеральных архивов (РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-Морского Флота; РГАДА – Российский государственный архив древних актов) и одного государственного архива (ГАВО – Государственный архив Воронежской области).

Цель статьи состоит в изучении различных форм дипломатического взаимодействия на Юге «пограничных начальников» трех государств, осуществлявшегося по официальным и по неофициальным каналам устной и письменной коммуникации. Речь идет о действиях пограничных администраций и некоторых других местных властных структур и лиц России, Крымского ханства и Османской империи. Акцент сделан на установлении и поддержании между ними новой, после 1696 г., письменной (бюрократической) коммуникации, изначально представлявшей для крымско-османской и российской сторон немалые языковые трудности. Предстоит выяснить, каким образом стороны наладили взаимный обмен делопроизводительной документацией различного содержания, написанной на разных языках, как они решали проблему *письменного* перевода документов. Сопутствующая задача связана с ответом на вопрос о формах и способах *устной* коммуникации крымских, османских и российских подданных, история которой также включена нами в пространство т.н. пограничной дипломатии. Ключевыми фигурами в первом и во втором случае выступали толмачи и переводчики, персональный состав которых также рассмотрен в статье.

Тема русско-крымско-османских дипломатических отношений в такой постановке изучается в исторической науке впервые, имея в виду события и процессы 1696 г. – начала 1700-х гг. в Северо-Восточном Приазовье и на территории соседних владений Османов и Гиреев. Приведенный в статье перечень случаев устной и письменной коммуникации, соотнесенных с формами/способами т.н. пограничной дипломатии, представляется репрезентативным. Он отражает много-

численные управленческие практики кафинского бейлербея, ачувского мухафыза, ханских наместников Кубани, азовских воевод и ногайских мурз Кубанской орды. Они предпринимали немалые *личные* усилия не только для сбора оперативной информации о «противной стороне», но и для организации взаимного диалога, для достижения некоторых общих целей в условиях нового пограничного порядка на Юге. Такие сведения использовались при реализации российской политики на южном направлении (налаживание трансграничной торговли через Азов, выкуп и обмен пленных, переговоры с ногайскими Ордами о подданстве и пр.). Кроме того, они способствовали расширению в России т.н. пространства знания о периферии *Rax Ottomanica* – об этническом и социальном составе ее населения, о специфике его культурного поведения и т.п.

Взаимовыгодная пограничная дипломатия местных властей нашла свое дальнейшее развитие после заключения между Россией и Османской империей Карловацкого перемирия (14 января 1699 г.) и Константинопольского мирного договора (3 июля 1700 г.). Считаем, что интенсификация обмена письмами между крымско-османскими администраторами и азовскими воеводами была органично связана с изменениями во взаимоотношениях между Османской империей / Крымским ханством и Россией рубежа XVII–XVIII вв. Россия и Османская империя, впервые в своей истории обретя общую границу, активизировали совместные усилия по делимитации и демаркации в Северном Причерноморье границ т.н. европейского (линейного) типа. В этих условиях функциональная роль представителей пограничных администраций существенно возросла.

11-я статья Константинопольского мирного договора недаром определяла значение пограничных «начальных» («меж порубежными губернаторы, и пашами, и ханами и салтанами и иными...») в разрешении споров и ссор⁸. Царским указом от 10 мая 1701 г. повелевалось «в Азове ныне и впред бу-

---

⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т. 1 (1688–1701). С. 376.

дучим воеводам о порубежных делах и ссорах в Крым к хану и к салтаном и х керченскому и иных турских и крымских порубежных городов к градодержавцом писать и с теми листами посылать, не отписываясь к нему великому государю и не пропуская времени, потому что по нынешним с салтаном турским мирным договорам велено всякие заходящие ссоры разсматривать и успокоивать с обеих сторон градодержавцом порубежным»⁹. Обратим внимание на деталь, связанную с повелением царя Петра I азовскому воеводе С.Б. Ловчикову – ссылаться с крымцами и с турками-османами *именно письменно!* В указе также шла речь о необходимых для этого «разумных и заобычных людях». Некоторым образом в нем же регламентировался порядок встречи в Азове «посыльных людей» с письмами от «хана крымского, и от салтанов, и ис порубежных турских и крымских городов от градодержавцев»¹⁰. Так, их надлежало принимать на дворе, «которой построен на берегу реки Дону и велено тех присылщиков ставить за городом же на дворе или где пристойно»¹¹. Далее следовали разъяснения о том, каким образом воеводам письменно же давать «о порубежных ссорах ответы... чтоб мирным договором какова нарушения не было»¹². Вопрос об отправке азовским воеводам «образцовых писем» для ответов их крымских и османских адресатов возлагался на Посольский приказ¹³.

Местные пограничные власти (включая наместников крымских ханов на Кубани и даже ногайских мурз) стали проявлять большую заинтересованность в установлении регуляр-

---

⁹ *Пушкаренко А.А.* Приазовский край в конце XVII – начале XVIII в.: (Очерки заселения и хозяйственного освоения): дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 1966. С. 294–295. Цитата уточнена нами по русскоязычной копии документа, хранящейся в РГАВМФ. Необходимые исправления внесены в цитату. Вместе с тем неизменным остается приоритет А.А. Пушкаренко по введению данного источника в научный оборот.

¹⁰ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее – РГАВМФ). Ф. 177. Оп. 1. Д. 14. Л. 737 об.

¹¹ Там же. Л. 737 об. – 738.

¹² Там же. Л. 738.

¹³ Там же. Л. 747.

ных контактов друг с другом и в разрешении острых пограничных ситуаций. Отсюда – появление и быстрое развитие нового явления – *регулярного и взаимного* обмена письмами, а также интенсификация иных форм межкультурной коммуникации. Между местными российскими и крымско-османскими администраторами устанавливаются деловые отношения, далекие от нарочитой конфронтации и частично направленные на обеспечение совместного контроля над жизнью «нелояльных» подданных русских царей, османских султанов и крымских ханов.

Подобные явления активизировали деятельность и других участников местной пограничной жизни, игравших роль *посредников* в передаче писем от одного корреспондента к другому и обратно. Им принадлежала особая роль в установлении контактов между крымскими/османскими властями с их российскими визави – когда «коридор возможностей» для завязывания официальных контактов изначально был ограничен. Например, речь идет о т.н. торговых армянах с Кубани, среди которых своими связями выделялся Минас Семенов (Симонов), заметный участник торговых и иных сделок в Азове и в Черкасске. Такие посредники активно использовались российской администрацией Азова в ходе налаживания связей с кубанцами, при передаче писем, в решении проблем, связанных с захватом казаками и ногайцами полона, с отгоном лошадей и пр.¹⁴ Некоторые документы доставлялись с помощью османских и других купцов, а также работорговцев и посредников, сопровождавших т.н. окупные/разменные операции с невольниками по направлению «Керчь – Азов», «Кубань – Азов», «Кубань – Черкасск» и пр. Реконструируя количество и состав корреспонденции, поступавшей в Азов и отправлявшейся оттуда многочисленным крымско-османским адресатам азовских воевод, подобную информацию тоже необходимо учесть.

Местные власти, как российские, так и нероссийские, зачастую проявляли недюжинные способности и личную инициативу, реализуя действительно новую пограничную дипло-

---

¹⁴ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 181. Л. 6–9.

матию. Подобные практики быстро совершенствовались, причем в условиях обоюдного недостатка управленческих ресурсов и системного опыта (раз)решения однотипных проблем в сфере пограничной коммуникации. Даже если предположить, что российские и османские политики предвидели столь «простую, но фундаментальную проблему, как письменное сообщение, любопытно, что ни одна из сторон не была хорошо подготовлена к первоначальным встречам»¹⁵. Без этого властям трудно было рассчитывать на взаимопонимание как в краткосрочных делах (напр., при расследовании конкретного пограничного инцидента), так и при создании «системы совместного бюрократического регулирования и наказания» (по Б. Боуку) населения местного пограничья. Одна из наиболее существенных проблем для российской стороны состояла в буквальном непонимании *устной речи «посыльщиков» и текстов на восточных языках* от различных адресантов из Калмыцкого ханства, Кафы, Керчи, с Кубани (Ачуев, Кубанская орда). Это, в свою очередь, вызывало к жизни неоднократные и разнообразные попытки со стороны азовских воевод найти выход(ы) из затруднительного положения. Указанная проблема являлась существенной приметой местной пограничной жизни. Крымско-османские власти и местные элиты, начиная от кафинского Муртазы-паши и заканчивая мурзами Кубанской орды, проявили заинтересованность, в целом аналогичную мотивации азовских воевод (П.Г. Львова, А.П. Прозоровского, С.И. Салтыкова, С.Б. Ловчикова; И.А. Толстого – сначала воеводы, а с 16 апреля 1706 г. – азовского губернатора).

Различные векторы внешних административных связей азовских воевод требовали устойчивого обеспечения *устных и письменных переводов*, причем с нескольких восточных языков. Как свидетельствуют источники, российским властям требовались переводы, прежде всего, с «турского» (османотурецкого) языка, татарского» языка (если говорить о письменных текстах, то речь о тюрки́ или, как полагают некоторые специалисты, о крымском тюрки́), а также с калмыцкого

¹⁵ *Boeck B.J. Imperial Boundaries... P. 149.*

языка. Между тем, в конце XVII – начале XVIII в. Азову не доставало ни толмачей, ни переводчиков. Новые трудности в сфере коммуникации с «противной стороной», возникшие перед азовскими властями в начале XVIII в., связываются нами не только с качеством переводов или с недостатком профессиональных кадров. В это же время увеличилось количество случаев, требовавших языкового (со)участия, вызванных как пограничными конфликтами, так и ростом их документированного предупреждения, обсуждения, разрешения.

Один из первых случаев, характеризующих проблему письменного перевода в Азове «нерусского» документа, произошел осенью 1696 г. Из отписки азовского воеводы П.Г. Львова, отправленной в Разряд 25 декабря 1696 г., следует, что вместе с татарами, приехавшими с Кубани в Черкасск 22 ноября того же года с невольниками, находился «арменин с товары и торгует у них в Черкасском и хотел у них жить на вечном житье»¹⁶. Вероятно, в декабре 1696 г. этому армянину было прислано «с присылными тремя человеки с татары» письмо с Кубани, «чтоб он поехал по-прежнему на Кубань, потому что де вскоре от них под Азов и под Черкасской будет война»¹⁷. «И то письмо прислали они к нам, – продолжал воевода, – холопом твоим, а что в том письме написано, того у нас в Азове перевести некому...»¹⁸. И хотя язык документа нам неизвестен (грабар, тюрки?), ответ воеводы симптоматичен; само же письмо приложили к отписке, отправленной, как писалось выше, из Азова в Москву. Еще более показательные для анализируемой ситуации случаи произошли позже, после заключения между Россией и Османской империей 14 января 1699 г. Карловацкого перемирия. П.А. Аваков справедливо обратил внимание на то, что своеобразная инициатива по нормализации пограничных отношений после указанного события принадлежала крымской и османской сторонам – в лице наместника крымского хана на Кубани калги-султана Шахбаз-Гирея

---

¹⁶ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 14. Л. 13.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

и кафинского бейлербея Муртазы-паши¹⁹. Речь идет о трех (П.А. Аваков указал только на два) посланиях калги-султана за август-сентябрь 1699 г. и о трех – кафинского бейлербея, адресованных азовскому воеводе С.И. Салтыкову. Все эти документы остались в Азове непереуведенными и были отправлены в «Пушкарский приказ, в ведении которого с января 1697 г. по февраль 1700 г. находилось Северо-Восточное Приазовье»²⁰.

Действительно, 19 августа 1699 г. в Азов приехали с Кубани тринадцать ногайцев (в документе – «татары»), в т.ч. двое – с письмом, сказавшиеся посланниками калги-султана Шахбаз-Гирея²¹. Они привезли и вернули семерых русских полоняников, захваченных ногайцами и казаками-ахреями на Азовском взморье, «а которое письмо привезено с Кубани, того письма в Азове перевести некому»²². С русскими людьми в крепости ногайцы общались в крепости через *толмача*, предоставленного, по всей видимости, российской стороной²³. В устном переводе всевозможных «нерусских» речей азовская администрация продвинулась вперед несколько раньше, нежели решая проблему перевода письменных текстов с восточных языков: толмач(и) с восточных языков появились (зафиксированы) в крепости уже во второй половине 1696 г. Из расспросных речей крымского татарина Кара-Али от 1 ноября 1696 г. следует, что его слова на русский язык переводил толмач Афанасий Микифоров²⁴. Другой случай зафиксировал устное общение российской стороны с кубанскими ногайцами в Азове в том же 1696 г. Считаем, что их расспросные речи не могли

---

¹⁹ Аваков П.А. У истоков российской пограничной дипломатии... С. 8–9.

²⁰ Там же. С. 9.

²¹ Вернадский Г.В. К истории колонизации Азовского побережья: Азовские дела по сношениям с Крымом и Кубанью (1698–1701), хранящиеся в Историческом архиве Таврической ученой архивной комиссии // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1920. Т. 57. С. 272.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 27. Л. 17.

появиться в письменном виде (т.е. в результате *вторичной* фиксации) без устного (первоначального) перевода. Из отписки воеводы П.Г. Львова царю Петру I следует, что 22 ноября 1696 г. он отправил в Москву со своей отпиской четырех татар, вместе с русскими невольниками для размена, а также их расспросные речи, «да роспись русских невольников, которых кубанские и нагайские татары повезли в Черкасской на розмену ж двадцат пят человек»²⁵. Общение воеводы с ногайцами из «второй группы» повторилось: возвращаясь из Черкасска уже в декабре, они заезжали в Азов, везя с собой только двух человек, «а двадцать три человека розменяли в Черкаском»²⁶. В Азове ногайцы просили об указе разменять этих оставшихся полоняников «человек на человека», но размен так и не состоялся²⁷.

Возвращаясь к истории переписки калги-султана Шахбаз-Гирея и воеводы С.И. Салтыкова, заметим, что 9 сентября 1699 г. в Азов прибыла с Кубани новая группа торговых людей во главе с М. Семеновым. Она доставила не только четверых донских казаков, ранее захваченных ногайцами, но также два письма от Шахбаз-Гирея²⁸. В период с 15 по 17 сентября того же года из Керчи в Азов на трех «карбусах» приплыли османские купцы Хилим и Мустафа с «товарыщи» в количестве 55 чел., включая армян и греков. Предполагая, что торговля в Азове может оказаться неприбыльной, купцы запросились «водяным и сухим путем» в Черкасс, что вызвало опасение воеводы С.И. Салтыкова²⁹. Купцы подали ему пять писем, три из которых адресовались воеводе кафинским бейлербеем Муртазой-пашей; адресантом двух других запечатанных писем являлся российский посланник в Стамбул думный дьяк Е.И. Украинцев³⁰. Заметим, что османские купцы действитель-

---

²⁵ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 14. Л. 8.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 168. Л. 4 об.

²⁹ Там же. Л. 4.

³⁰ Там же. Л. 4 об. – 5.

но основательно подготовились к поездке – при них имелся толмач («ис турчан»)³¹. Судя по всему, с ним и осуществлялась коммуникация со стороны администрации Азова.

Содержание документов «татарского письма», как их небрежно охарактеризовал воевода, осталось в Азове неизвестным из-за отсутствия там переводчиков («а что в тех письмах писано, того нам, холопьям твоим, неведомо»³²)! В той же отписке он сообщил о приезде в Азов калмыков с письмами. Несколько сгущая краски, С.И. Салтыков сетовал, что в Азове некому переводить документы и толмачить речи не только татарские, но и калмыцкие: «И тех, государь, вышеписанных татарских и калмыцких писем и языка их в Азове перевести и впредь переводить и толмачить некому»³³. Тут же С.И. Салтыков обращался к царю с фактической просьбой о присылке в Азов толмачей и переводчиков «с турецкого, и татарского, и калмыцкого писем и языка»³⁴.

Сделаем оговорку, объединив примеры 1696 и 1699 гг. с «неслучившимися» в Азове переводами нескольких документов. Дело в том, что еще во время первого Азовского похода (1695 г.) сюда были отправлены переводчики «турского и татарского» языков Дмитрий Асанов и Сулейман Тонкачев³⁵. После завоевания Азова (1696 г.) в крепость направили переводчиков Посольского приказа Сулеймана Тонкачева и Рамазана Тевкелева³⁶; а в 1698/1699 г. – снова Рамазана Тевкелева, как переводчика «татарского языка»³⁷. Выходит, что по каким-то причинам переводчики (по хронологии случаев «подходят» С. Тонкачев и Р. Тевкелев) не видели этих документов, либо, что наиболее вероятно, отсутствовали тогда в Азо-

---

³¹ РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 27. Л. 54.

³² ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 168. Л. 5.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 138. Оп. 1. 1701 г. Д. 35. Л. 4.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. Л. 4 об.

ве. Собственно, воеводы П.Г. Львов, С.И. Салтыков и указали на данное обстоятельство в своих отписках. Причина такого положения дел могла быть связана, например, с завершением у переводчиков сроков «азовской посылки».

Что касается трех писем бейлербея Мустафы-паши и двух писем калги-султана Шахбаз-Гирея, то вместе с воеводской отпиской их отправили из Азова в Пушкарский приказ 26 сентября 1699 г. 10 октября того же года письма были поданы в Пушкарский приказ³⁸. Воевода С.И. Салтыков слабо разбирался в османской номенклатуре должностей, по-своему оценивая значение временного местопребывания Мустафы-паши. Так, бейлербей неверно назван «турецким правителем Керчи»³⁹, где, кстати, он действительно проживал в собственном доме еще в 1703 г.⁴⁰. Из переводов писем, сделанных в Москве (в Посольском приказе?), следует, что они посвящены торговым вопросам, в т.ч. оказанию поддержки османским купцам, приплывшим в Азов из Керчи. Муртаза-паша просил воеводу о том, что «как они к вам будут, и чтоб им поволно было торговать. И как они товары свои распродают, також что им годно купят, и вы б також, дав им по тому же писмо, отпустили без задержания»⁴¹. Во втором письме, сообщая об отправке в Азов очередной группы торговцев в составе 10 чел., Муртаза-паша просил об их пропуске, «буде им какая нужда будет», в Черкасск⁴². Как указал А.А. Пушкаренко, третья группа торговцев в составе 35 чел. доставила из Керчи в Азов письмо, аналогичное предыдущим. Изучение текста данного письма⁴³ позволяет согласиться с данным суждением. Можно также об-

---

³⁸ РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 27. Л. 102 об. – 104.

³⁹ *Пушкаренко А.А.* Приазовский край в конце XVII – начале XVIII в. ... С. 291. Точнее, следуя тексту документа, он назван «керчинским Мустафой-пашей» – РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 27. Л. 102 об.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1703 г. Д. 11. Л. 668.

⁴¹ *Пушкаренко А.А.* Приазовский край в конце XVII – начале XVIII в. ... С. 291. Цитирование уточнено нами по русскоязычной копии документа, хранящейся в РГАВМФ.

⁴² Там же.

⁴³ РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 27. Л. 103 об. – 104.

ратить на следующую деталь – во всех трех своих письмах Мустафа-паша просил воеводу С.И. Салтыкова отправить ему из Азова с купцами ответные письма⁴⁴. И еще – письма бейлербея переводил в Москве действительно знающий человек, обративший внимание на то, что приведенная в них дата не содержит указания на месяц⁴⁵.

Неизвестно, ответил ли С.И. Салтыков на письма Муртазы-паши. Но в следующем 1700 г. он, как минимум, один раз списывался с бейлербеем о возвращении имущества торговых турок-османов и армян, ограбленных и убитых казаками Азовского конного полка полковника А.З. Колошина⁴⁶. 13 сентября 1699 г. С.И. Салтыков отправил калге-султану Шахбаз-Гирею ответное письмо с кубанскими ногайцами М. Турандиным и М. Доингилдеевым. В его письме шла речь о розыске и доставке в Азов похитителей донцов – кубанских казаков-ахреян, а также трех беглых казаков из Азова, отогнавших оттуда сто лошадей⁴⁷. Случай, нашедший отражение в доставке С.И. Салтыкову писем от Муртазы-паши и Шахбаз-Гирея и в его ответном письме калге-султану, положил начало «дипломатическим отношениям между российской администрацией Северо-Восточного Приазовья, османскими властями Крыма и ханским наместником в Прикубанье»⁴⁸.

На переговоры и на переписку азовской администрации с Кубанью активно повлияли центральные российские учреждения в Москве, откуда воеводам регулярно направляли царские грамоты и указы. Грамота, поступившая в Азов из Пушкарского приказа, требовала написания письма калге-султану Шахбаз-Гирею – в связи с отысканием казаков-ахреян, захвативших на р. Кагальник «русских людей», трех выше упомянутых беглых казаков, принявших ислам в Ачугеве, а так-

---

⁴⁴ РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 27. Л. 103, 103 об., 104.

⁴⁵ Там же. Л. 104 – 104 об.

⁴⁶ *Аваков П.А.* У истоков российской пограничной дипломатии в Крыму... С. 11, 15.

⁴⁷ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 15.

⁴⁸ *Аваков П.А.* У истоков российской пограничной дипломатии в Крыму... С. 9.

же в связи с другими вопросами местной пограничной жизни⁴⁹. Царской грамотой, присланной в Азов 10 января 1700 г., воеводе повелевалась написать на Кубань Шахбаз-Гирею о возвращении группы крещеных калмыков во главе с мурзачем Янтемиром и Янгурчеем, бежавшими из Азова с женами, с детьми и отогнавшими у других калмыков 572 лошади⁵⁰.

Именно по этой грамоте воевода С.И. Салтыков организовал отправку на Кубань 14 января 1700 г. прапорщика М.А. Озерова с письмом⁵¹, адресованным калге-султану Шахбаз-Гирею⁵². П.А. Аваков пишет, что «первым дипломатическим представителем администрации российского Приазовья, совершившим поездку на территорию Крымского ханства и Османской империи, а именно – в Прикубанье, стал прапорщик... Михаил Артемьевич Озеров, отправленный С.И. Салтыковым к Шахбаз-Гирею 14 января 1700 г.»⁵³. Это не вполне верно, поскольку еще «группа Матвея Можара – Филиппа Болдыря», отправленная с Дона на Кубань в октябре 1696 г. с ведома азовских властей, решала, по сути, вопросы дипломатического характера, связанные с планировавшимся переходом кубанских ногайцев в российское подданство⁵⁴. О деятельности этой группы, дважды посетившей Кубань, тамошние ногайцы вспоминали еще в 1701 г., что нашло отражение в их переписке с азовскими властями⁵⁵.

Миссия М.А. Озерова на Кубань, впрочем, являлась *знаковой* для только формировавшихся связей азовской администрации с кубанскими элитами и с ханскими наместниками на Кубани. В письме С.И. Салтыкова Шахбаз-Гирею со-

---

⁴⁹ ГАВО. Ф. И.-5. Оп. 2. Д. 168. Л. 62.

⁵⁰ Там же. Л. 62 об.

⁵¹ *Вернадский Г.В.* К истории колонизации Азовского побережья... С. 280–281.

⁵² ГАВО. Ф. И.-5. Оп. 2. Д. 168. Л. 62 об.

⁵³ *Аваков П.А.* У истоков российской пограничной дипломатии в Крыму... С. 9–10.

⁵⁴ *Сень Д.В.* Переговоры о переходе кубанских ногайцев в российское подданство... С. 109–119.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1701 г. Д. 5. Л. 69.

держались настойчивые просьбы об урегулировании нескольких острых пограничных конфликтов. Один из наиболее существенных пунктов данного воеводой М.А. Озерову наказа гласил, чтобы калга-султан приказал «закубанской орде и горским черкесам» быть с российскими подданными «в совете и в любви по договорным статьям мирного поставления»⁵⁶. Впрочем, Шахбаз-Гирея на тот момент уже не было в живых: по приказу нурадына Саадет-Гирея он был убит «горскими черкесами» в декабре 1699 г. Примечательно, что письмо воеводы С.И. Салтыкова для нурадына озвучивал Максим Иванов⁵⁷ – казак Азовского конного полка полковника Н.В. Васильева, исполнявший функции толмача и в других случаях⁵⁸. Тот же толмач активно участвовал в расспросах местного населения и невольников по пути следования группы М.А. Озерова на встречу с новым нурадыном Гази-Гиреем. М.А. Озерову довелось побывать в Ачуге, увидеться с тамошним Хасаном-пашой, а также с новым нурадыном Гази-Гиреем, заметившим, что у него «русского писма честь и переводить некому». Нурадын ограничился уклончивыми ответами на запросные статьи русской стороны. 1 февраля 1700 г. группа М.А. Озерова вернулась с Кубани в Азов с проезжим письмом, выданным Гази-Гиреем, и с его письмом, адресованным воеводе С.И. Салтыкову⁵⁹. Каким же образом азовский воевода и его подчиненные на этот раз справились с переводом «татарского письма»? Оказалось, что письмо Гази-Гирея «переводил турчанин Ибраим, а толмачил Николаева полку казак Максимка Иванов»⁶⁰. Нам неоднократно встречались примеры того, что письмо, написанное, скажем, на османско-турецком языке, зачитывал чело-

---

⁵⁶ Вернадский Г.В. К истории колонизации Азовского побережья... С. 284.

⁵⁷ Там же. С. 278.

⁵⁸ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 13.

⁵⁹ Вернадский Г.В. К истории колонизации Азовского побережья... С. 286.

⁶⁰ Там же.

век, им владевший, а переводил на русский язык – другой человек, воспринимавший на слух содержание документа.

Уже в 1699 г. ситуация с толмачами в Азове была не столь безнадежной, как пытался представить дело воевода С.И. Салтыков в своей сентябрьской описке. Найден документ о том, что в числе других толмачей, о которых писалось выше и которых, конечно, не хватало, был, как минимум, еще один, присланный из Посольского приказа (!) – Р. Сакаев. 5 августа 1699 г. из Азова на Кубань отправились дьяк И. Молчанов и толмач Посольского приказа Р. Сакаев к торговому человеку М. Семенову – разговаривать о пограничных конфликтах с участием кубанцев, казаков-ахреян и донских казаков, а также о торговых делах⁶¹. Именно через Р. Сакаева дьяк общался с М. Семеновым, выступившим в роли посредника между воеводскими «посыльщиками» и одним из кубанских султанов. Р. Сакаев не был зафиксирован в наших предварительных данных о толмачах и переводчиках, отмеченных в «азовских посылках»⁶². В новейшем списке переводчиков Посольского приказа фигурируют К.Р. Сакаев (Секаев) и К.С. Сакаев (Секаев)⁶³. Выскажем гипотезу о родстве Р. Сакаева с ними, учитывая развитые внутрикорпоративные связи в среде толмачей и переводчиков Посольского приказа.

Приведем еще одно свидетельство о лицах, выполнявших функции толмачей в Азове до отправки в Москву цитировавшейся выше отписки С.И. Салтыкова. 23 сентября 1699 г. с Кубани в Азов приехал торговый человек М. Семенов со своим работником-армянином, с двумя ногайцами и с «немчином» А. Котием, расспрос которых поручили подьячему А. Рудееву. Для общения с приехавшими кубанцами властями был затре-

⁶¹ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 181. Л. 7–9.

⁶² *Сень Д.В.* Толмачи и переводчики в деятельности воеводской администрации Азова... С. 141–143.

⁶³ *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: персональный состав (предварительные данные) // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы Международной научной конференции. М., 2019. С. 199.

бован переводчик, а фактически – толмач. Им стал «татарин» Гришка Лоб (отец которого был русским, а мать – татаркой), живший в Азовской казачьей слободе и нанятый А. Рудеевым, по сути, на случайную работу. Он стал переводчиком «татарской речи» М. Семенова⁶⁴. 3 марта 1700 г. в Черкасск с Кубани приезжал Есенея-мурза «для розменного дела»⁶⁵. После этого он отправился в Азов, где беседовал с воеводой С.И. Салтыковым через тамошнего толмача⁶⁶. К слову, о Минасе Семенове и его роли в поддержании азовских контактов с ногайской Кубанью хорошо знали в Москве. 21 ноября 1700 г. Пушкарский приказ затребовал от воеводы С.И. Салтыкова прислать в Москву письма от султана Шахбаз-Гирея на имя воеводы А.С. Шеина, которые якобы «объявил» в Азове М. Семенов⁶⁷. Воевода ответил, что иных писем, кроме двух отправленных из Азова в Москву, М. Семенов «не объявлял».

Устные речи посланцев с Кубани переводились в Азове также при помощи толмача Войска Донского⁶⁸. 4 августа 1701 г. войсковой толмач Иван Ярунченко сопровождал в Азов донского базового татарина, вернувшегося с Кубани⁶⁹. 12 августа 1701 г. с Кубани приехали ногайцы «Бекмаммет с товарищи шесть человек», которые привезли с собой четыре «листа» от ногайских мурз, переведенные в Азове переводчиком Резепом Байцыным⁷⁰. Адресантами писем оказались султан Шагин-Гирей, Сартлан-мурза, Мухаммед Шабек-мурза и еще несколько ногайских мурз⁷¹. 19 августа 1701 г. из Азова в

---

⁶⁴ Вернадский Г.В. К истории колонизации Азовского побережья... С. 276, 277, 278.

⁶⁵ Воеводе С.И. Салтыкову о принятии в Черкасском на жительство Есенея-Мурзы с семейством и с улусными татарами // Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские акты. Воронеж, 1887. С. 191.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 168. Л. 38.

⁶⁸ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 27. Л. 15.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1701 г. Д. 5. Л. 1.

⁷⁰ Там же. Л. 67.

⁷¹ Там же. Л. 68–71.

Черкасск последовал воеводский запрос о присылке «добрых и знатных людей» для расспроса приехавших татар. Ими стали приехавшие 25 августа 1701 г. из Войска Донского казаки Абросим Савельев и Василий Большой Позднеев (Позднеев) «с товарищи»⁷². В сопровождении дьяка Кузьмы Рудеева они отправились на гостиный двор встречаться с ногайцем Бекмаметом, речи которого были записаны⁷³. По итогам встречи воевода С.Б. Ловчиков отправил из Азова на Кубань к султану Бахты-Гирею новый «лист», в котором разбирались многие вопросы – как острые конфликтные, так и касающиеся активизации торговых дел⁷⁴.

Азовским воеводам приходилось время от времени обращаться к услугам плененных турок-османов, находившихся на Азовском тюремном дворе. Они привлекались ими для перевода писем с османско-турецкого («турского»)⁷⁵ и с «татарского» языков. Письмо от кубанских мурз, удостоверенное печатью кубанского султана Бахты-Гирея, в ноябре 1700 г. читал в Азове «тюремного двора неволник турченин Алейка, а на русской язык переводил калмыцкой толмач Парфенко Мергенъ (Парфен Мерген Иванов. – Д.С.)»⁷⁶. Вероятно, тот же Али (Алейка Меметов) зачитывал в июне 1700 г. письмо кубанского султана Бахты-Гирея, адресованное воеводе С.И. Салтыкову, а переводил устную речь турка-османа толмач Константин Матвеев⁷⁷. При этом, слова ногайцев, доставивших с Кубани данное письмо, «переводил с татарского на русской язык Николаева полку Васильева казак Максим Иванов»⁷⁸. Очевидно, казак был неграмотен, поскольку писарь одного из азовских полков, М. Черноярков, «приложил» руку к переводу речей кубанских ногайцев, сделанному М. Ивановым⁷⁹.

⁷² РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1701 г. Д. 5. Л. 71.

⁷³ Там же. Л. 72–74.

⁷⁴ Там же. Л. 75–76.

⁷⁵ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 242. Л. 3.

⁷⁶ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 244. Л. 17.

⁷⁷ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 14.

⁷⁸ Там же. Л. 13.

⁷⁹ Там же. Л. 12 об.

Что касается турок-османов с Азовского тюремного двора, то кустным переводам документов, поступавших на имя азовских воевод, их привлекали и позже. Вероятно, в 1701 г. воевода С.Б. Ловчиков запрашивал переводчика из Москвы, поскольку он «все ещё использовал турецкого заключенного, взятого у Казыкермена, и на него опасно полагаться»⁸⁰. Мог ли этот турок-осман использоваться в качестве «переводчика» в Азове раньше, учитывая, что крепость Казикермен (Газикерман) была взята российскими войсками в 1695 г.? Тем не менее вывод Б. Боука («...в первые годы своего существования Азов пользовался услугами турецких заключенных для чтения османских документов»⁸¹) нуждается в корректировке, и вот почему: 1) переводы писем с османо-турецкого языка на русский проблематично анализировать в отрыве от переводов документов с других восточных языков; 2) перевод документов с османо-турецкого языка на русский не заканчивался после прочтения письма кем-то из пленных турок-османов: следом в дело вступал толмач, пока в Азове не появились переводчики из Посольского приказа.

Парфен Мерген Иванов являлся заметной фигурой среди других толмачей-калмыков: помимо калмыцкого и русского языков, он владел татарским и, возможно, османо-турецким. Сомнение связано с тем, что упоминаемый выше невольник Али, с которым общался этот толмач, владел как османо-турецким, так и татарским языками. Между тем, приведенный ранее документ за 1700 год умалчивает, на каком языке невольник Али зачитывал Парфену Мергену Иванову письмо, поступившее с Кубани. Власти использовали способности этого толмача и за пределами Северо-Восточного Приазовья. В августе 1701 г. воевода С.И. Салтыков писал на Кубань через Кубека-мурзу султану Бахты-Гирею о том, чтобы тот отпустил подьячего И. Дровнина и сопровождавших его лиц, а также «изменников» – калмыцких мурз. Именно Парфен Мерген Иванов был отправлен на Кубань вместе с Кубеком-

---

⁸⁰ *Boeck B.J.* Imperial Boundaries... P. 150.

⁸¹ *Ibid.*

мурзой для ведения переговоров⁸². Сомнительно, чтобы их поручили вести ногайцу Кубеку-мурзе, не владевшему, к тому же, русским языком. Вернувшись с Кубани в Азов 10 сентября 1701 г., толмач привез воеводе письмо от нурадына Каплан-Гирея и отписку от подьячего И. Дровнина, находившегося в неволе у ногайского мурзы Аллавата⁸³.

«Некрещеной калмык Чючюль» общался 4 марта 1702 г. словесно перед воеводой С.Б. Ловчиковым через «толмача Парфена Мергена»⁸⁴. Не исключено, что Парфен Мерген Иванов участвовал в расспросах азовскими властями калмыков и в тех случаях, когда имя толмача в источнике опущено⁸⁵. 29 января 1700 г. в Троицком был расспрошен, при помощи толмача с калмыцкого языка, Баахан-тайши мурза, о чем сообщал воевода Троицкой крепости В. Янов⁸⁶. Любопытно, что к одной из «сказок» вместо «толмача Парфена Мергена по его велению руку приложил» тамбовский площадный подьячий С. Маслов⁸⁷. Калмыки ссылались на пример Парфена Мергена («послыша мы, что брат наш колмыцкого языка толмач Парфен Иванов восприял православную христианскую веру греческого закону и живет в Азове») в важных для себя ситуациях, желая после крещения «служить тебе, великому государю с ним, братом своим, Парфеном, и с ыными новокрещеными калмыки»⁸⁸. Царским указом от 16 января 1703 г. воевода С.Б. Ловчиков определил Н. Нелидову ехать в калмыцкие улусы «для проведывания про приезд «Аюки тайши Кунделека сына к нему Мункотемира для какого дела он приехал»⁸⁹, а с ним – «калмыцкого языка толмачю Парфену Мергеню». Вероятно, данное известие проливает свет на откочевку тайши

---

⁸² РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1701 г. Д. 5. Л. 67.

⁸³ Там же. Л. 77, 81.

⁸⁴ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 364. Л. 1.

⁸⁵ Там же; ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 235. Л. 4.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1700 г. Д. 3. Л. 7.

⁸⁷ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 364. Л. 1 об.

⁸⁸ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 190. Л. 1.

⁸⁹ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 327. Л. 71.

Чемета и младшего сына хана Аюки Гунделека на Дон в начале 1703 г., о чем хан писал царю Петру I⁹⁰.

Согласно царской грамоты, присланной в Азов весной 1700 г., толмачом не только с калмыцкого, но также с турецкого и татарского языков⁹¹ определялся еще один крещеный калмык – Костыка Тимофеев, явившийся 29 марта того же года в Азов⁹². Несмотря на назначение толмачу скромного денежного (помимо хлебного) жалованья, власти решили важную для толмача проблему, выделив ему двор, располагавшийся вне Азова за Казачьей слободой⁹³. Недавно обнаружены сведения еще об одном толмаче из новокрещеных калмыков: в нашем предварительном списке, таким образом, их уже трое. 8 сентября 1702 г. воевода С.Б. Ловчиков велел уплатить жалованье калмыцкому новокрещеному мурзе, «Моисею Баагашу Бакши» (точнее, Моисею Баахан-тайши Алексееву) – 2 руб., а полтину – толмачу Ивану Комыщу (Камыщу), отправившимся из Азова к «Еману-мурзе з братьями с листом»⁹⁴. Влиятельный среди калмыков Яман Мазанов, сын Мазан-Баатра, являлся правителем Эркетеневского улуса в Калмыцком ханстве и главой суда Зарго при хане Аюке. В феврале 1702 г., по данным В.Т. Тепкеева, он откочевал вместе с братьями на Дон⁹⁵, куда могли направляться «посыльщики» азовского воеводы.

В интересах азовских властей с восточных языков также толмачили иностранцы, среди которых – боцман Андрэ (Андрей) Миющик – неоднократно общавшийся с уже известным нам невольником Али, зачитывавшим письма с Кубани⁹⁶. На каком же языке, зададимся вопросом, невольник Али озвучивал тексты писем, регулярно получаемых в Азове? Однажды А. Миющик переводил речи Али на русский с турецкого

---

⁹⁰ Тепкеев В.Т. Аюка-хан и его время. Элиста, 2018. С. 185.

⁹¹ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 168. Л. 86.

⁹² ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 280. Л. 6.

⁹³ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 168. Л. 86; Там же. Оп. 2. Д. 280. Л. 6.

⁹⁴ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 327. Л. 33.

⁹⁵ Тепкеев В.Т. Аюка-хан и его время... С. 178.

⁹⁶ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 7.

(османо-турецкого) языка, в другой раз – с «татарского»⁹⁷. Следовательно, они оба владели указанными языками в той или иной степени. Когда 14 февраля 1700 г. из Керчи в Азов прибыли посланцы Муртазы-паши во главе с Кокомон-мурзой, то письмо кафинского бейлербея перевел боцман А. Миющик⁹⁸. Его же отправили к этим приехавшим от Муртазы-паши татарам для «проведыванья... всяких ведомостей (sic! – Д.С.)», после чего 16 февраля 1700 г. в Москву направили почтой «скаску» боцмана, письмо бейлербея и его перевод. Недавно удалось выяснить, что именно А. Миющик толмачил в Азове речи Есенея-мурзы в марте 1700 г.⁹⁹, о чем частично писалось выше. А когда в 1702 г. в Азове снарядили и отправили для торговли корабль «Благое начало» (впрочем, не проследовавший дальше Керчи), то именно Андрэ (Андрей) Миющик был определен в поездку «для толмачества»¹⁰⁰. В качестве толмача А. Миющик принял участие в миссии подполковника И. Нестерова в Керчь и в Кафу (1703 г.), в т.ч. носившей разведывательный характер¹⁰¹. В частности, боцману надлежало «втайне ж турецким и татарским языком с кем возможно проведывать о всяких ведомостях»¹⁰².

Анализируя ситуацию 1696 г. – начала 1700-х гг., мы констатируем, что при Азовской приказной избе начинают фиксироваться *местные* толмачи русского и нерусского происхождения, привлекаемые к устным переводам с восточных языков как на постоянной основе, так и эпизодически. Такой факт, имевший как культурное, так и политическое значение, мы относим к итогам небезуспешной, напряженной деятельности азовских воевод, активно решавших проблему

⁹⁷ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 3, 7.

⁹⁸ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 168. Л. 67.

⁹⁹ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1700 г. Д. 3. Л. 24.

¹⁰⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1889. Т. 2 (1702–1703). С. 319.

¹⁰¹ *Аваков П.А.* «Превеликой имеют страх от московской военной флоты». Керченский пролив и русская разведка в начале XVIII века // Родина. 2014. № 7. С. 137.

¹⁰² Там же.

дипломатической коммуникации на «восточном направлении». Теперь хорошо известно о том, что местные толмачи владели несколькими восточными языками. Когда 23 февраля 1701 г. в Азовской приказной палате толмач «Мунко-Темировых улусов... Ивашко Белорус» подал воеводе С.Б. Ловчикову письмо от Мункотемира-тайши, то на русский язык документ был переведен не им, а толмачом Константином Матвеевым¹⁰³. Таким образом, этот толмач владел двумя, как минимум, восточными языками – калмыцким и османо-турецким (см. выше о переводе К. Матвеевым речей невольника Али). Однако непонятно, занимался ли К. Матвеев *только* переводом документов с калмыцкого на русский или, кроме того, понимал калмыцкую речь? 26 февраля того же года И. Белорус передал в Азовской приказной палате другое письмо от тайши Мунко-Темира, хотя имя переводчика в источнике опущено¹⁰⁴.

Эпизод с толмачом И. Белорусом рассмотрим в связи с вопросом о том, каким образом кубанские и османские визави азовских воевод решали *общую* для южного пограничья проблему языковой коммуникации? Мы упоминали, что, например, кубанские султаны могли в ходе общения с азовскими властями обращаться к услугам своих толмачей¹⁰⁵. Если признать трактовку конкретного документа ошибочной (усмотрев в замеченной персоне толмача не с Кубани, а из Войска Донского)¹⁰⁶ – то озвученный вопрос остается открытым, требуя хотя бы частичного ответа. Необходимо сказать, во-первых, что из числа лиц, доставлявших с Кубани в Азов письма от султанов и мурз, почти никто не владел русским языком. В отдельных случаях кубанские «посыльщики» действительно обращались к услугам войскового толмача. Некоторые услу-

---

¹⁰³ Письма Тайши Мунко-Темира Азовскому воеводе С.Б. Ловчикову // Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские акты. Воронеж, 1887. С. 316.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ *Сень Д.В.* Толмачи и переводчики в деятельности воеводской администрации Азова... С. 143.

¹⁰⁶ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 6.

ги кубанцам по части устной коммуникации оказывали местные «торговые армяне». Своеобразным примером могут служить действия известного нам М. Семенова, общавшегося с азовскими толмачами по-татарски и владевшего, помимо родного армянского, как минимум, еще одним языком – греческим. 24 марта 1701 г. к Азову приехала группа людей с Кубани в составе одного армянина, говорившего *по-русски*, трех турок-османов и трех татар, которые привезли на окуп русского полоняника А.Г. Познякава, незадолго до того захваченного в бою на Миусе с крымскими татарами¹⁰⁷.

Отметим, что Войско Донское тоже осуществляло устное и письменное сообщение с кубанскими ногайцами, и что обе стороны успешно выработали гибкие формы и способы взаимной коммуникации задолго до 1696 г. (замирение, обмен письмами и отписками, окупные/разменные операции и пр.). Переписка кубанцев и донских казаков носила устойчивый и регулярный характер. В ней находили свое отражение вопросы, имевшие для казаков и номадов существенное значение (напр., обмен информацией о действиях как своих верховных правителей, так и других представителей власти)¹⁰⁸. Обратимся к примерам, относящимся ко времени после Азовских походов, когда подобные контакты стали больше контролироваться Азовской воеводской администрацией. В 1700 г. Войско Донское направило на Кубань султану Шагин-Гирею грамоту, сообщая о приезде от него мировщиков для «юртового дела» с письмом от султана¹⁰⁹. В грамоте описаны процедуры обычноправового разрешения острых конфликтов и спорных ситуаций (барантование, окупные операции), включая переговорный процесс с участием мировщиков, клятвы и пр. действия¹¹⁰. Вероятно, в

---

¹⁰⁷ Вернадский Г.В. К истории колонизации Азовского побережья... С. 290.

¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1700 г. Д. 3. Л. 29; ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 14. Л. 5.

¹⁰⁹ Вернадский Г.В. К истории колонизации Азовского побережья... С. 287.

¹¹⁰ Там же. С. 277–278.

первой половине 1699 г. с Кубани приезжали ногайцы «Кубека аула... (Кубека-мурзы или Кубека-аги? – Д.С.) по договору... для розмены со многими полоняники»¹¹¹. Причем, «войсковой атаман и казаки тех приезжих нагайцов по договору... сняли на себя, надеясь на твой, великого государя, указ»¹¹². Похожая ситуация повторилась осенью, когда 23 октября того же года Кубек-ага прислал с Кубани в Черкасск «*по прежним их обыкностям...* (выделено мною. – Д.С.) людей своих... для прежних их полоняничных розменов и окупов, которые меж ними за руками отпускаваны полоняники, чтобы им о том между собою и росправа учинит»¹¹³. В ноябре 1700 г. на Кубань из Войска Донского ездили казаки С. Кочет и Д. Калинин «для розмены неволников, которые взяты за миром у них кубанцов, и у них казаков на взморье»¹¹⁴. Пребывавший на Кубани нурадын Каплан-Гирей писал осенью 1700 г. азовскому воеводе С.Б. Ловчикову о том, чтобы тот сообщил атаману Войска Донского в Черкасск: «...пущай пришлют нам человека... которые люди к вам попали или от вас к нам ест ли, которые живы или померли, про тех людей по душам разыщем и отдадим...»¹¹⁵. В том же 1700 г. группа кубанцев отправилась в Азов для размена «трех человек казаков, да дву человек, стрелца да салдата»¹¹⁶, к которой присоединился крымский татарин К. Исупов, планировавший разменять свою сестру, содержавшуюся в Москве, на русского полоняника. В 1701 г. татары и турки-османы несколько раз привозили с Кубани в Азов русских полоняников на «окуп» или на размен¹¹⁷. В ряде случаев отмечен торговый интерес разных турок-османов и ногайцев к поездкам на Дон, информация о которых активно соби-

---

¹¹¹ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 168. Л. 30 об.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же. Л. 31.

¹¹⁴ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 253. Л. 1.

¹¹⁵ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 6.

¹¹⁶ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 27. Л. 15.

¹¹⁷ *Вернадский Г.В.* К истории колонизации Азовского побережья... С. 290, 293.

ралась в Азове. Например, 1 марта 1700 г. там узнали, что в Черкасск приезжали «турки и татаровя многие люди»¹¹⁸.

Рассмотрим вопрос о расширении внешних связей азовских воевод, начиная с 1699–1700 гг., а также форм и способов устной и письменной коммуникации крымско-османской и российской сторон. Значительная часть вопросов, поднимаемых, например, в переписке, была посвящена пограничным конфликтам, в т.ч. многочисленным «обидам» российским подданным со стороны кубанцев. Данное обстоятельство, в числе других факторов и причин, вынуждало азовских воевод писать «противной стороне» больше и чаще. Вот почему среди адресатов воеводы С.Б. Ловчикова, перечисленных в документе 1702 г., *одновременно и закономерно* оказались крымский хан Девлет-Гирей II, кубанские султаны, Муртазапаша и Хасан-паша¹¹⁹. Любопытна оговорка российской стороны о том, что писать и отправлять им *русских* «посыльщиков» из Азова невозможно, т.к. их «на Кубани и в иных местах держивают, и бьют, и грабят, и лошади крадут...»¹²⁰. Очевидно и то, что информация о положении дел на Кубани собиралась воеводами по разным каналам, включая расспросы русских выходцев с Кубани, а также передачу сведений в Азов «татарами»-доброхотами (ногайцами?) на возмездной основе¹²¹. На фоне заметного снижения уровня межгосударственных дипломатических связей России и Крымского ханства активизировались контакты азовских воевод с ханскими наместниками Кубани (калгой и нурадынами) – Шахбаз-Гиреем, Гази-Гиреем, Каплан-Гиреем; с другими царевичами-Гиреями (Шагин-Гиреем, Бахты-Гиреем), с мурзами Кубанской орды (Агиш-мурзой, Аллаватом-мурзой, Кубек-мурзой, Сартлан-мурзой и др.). Мы видим, что среди кубанских адресатов/адресантов Азова – представители династии Гиреев, обладав-

---

¹¹⁸ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 168. Л. 70–70 об.

¹¹⁹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1701 г. Д. 4. Л. 87.

¹²⁰ Там же. Л. 87 об.

¹²¹ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 327. Л. 99; РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1703 г. Д. 11. Л. 664.

шие властными полномочиями разного уровня, иногда конфликтовавшие друг с другом и не всегда выступавшие «единым фронтом» против России, общаясь с российской стороной при помощи «посыльщиков» и писем. Интенсификация взаимной переписки в условиях т.н. вынужденного соседства способствовала накоплению обеими сторонами информации друг о друге, частичному разрешению острых пограничных ситуаций, расширению контактов в сфере торговли, проведению окупных/разменных операций и пр. 1 июня 1700 г. к воеводе С.И. Салтыкову прибыл с письмом посланец от султана Бахты-Гирея, содержащим предложения по разрешению конфликтов и удовлетворению взаимных обид¹²². 5 июня 1700 г. С.И. Салтыков написал султану ответное послание, представив свой список неудовлетворенных/частично удовлетворенных претензий к кубанской стороне¹²³. Письмо кубанских мурз¹²⁴, аналогичное по направленности письму Бахты-Гирея, 2 ноября 1700 г. привезли с Кубани в Азов новые посланцы. В нем содержалась ценная информация о барантовании – традиционном занятии донских казаков и ногайцев (в анализируемых документах фигурируют чаще всего именно они; см. также¹²⁵). 4 октября 1700 г. кубанские ногайцы доставили в Азов письмо от султана Шагин-Гирея, содержащее в т.ч. претензии кубанской стороны донским казакам, якобы приходившим «за миром» на Кубань для воровства¹²⁶. В документе также обрисованы взаимоотношения между различными ногайскими группировками Кубани. Воевода С.И. Салтыков откликнулся на указанное письмо своим пространством ответом¹²⁷. А в письме, доставленном в Азов 5 ноября 1700 г., нурадын Каплан-Гирей сообщал о необходимости возмещения ущерба, нанесенного друг другу едисанцами и донскими казаками. Он же заметил

---

¹²² ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 12–14.

¹²³ Там же. Л. 15–16.

¹²⁴ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 244. Л. 16–17.

¹²⁵ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 168. Л. 22 об. – 23 об.

¹²⁶ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 2–3.

¹²⁷ Там же. Л. 4–6.

воеводе, что «вы ныне в граничном городе с нами. Вам надобно и нам чинить, чтоб меж нам никакова худа не было...»¹²⁸.

Заметно активизировались контакты воеводы С.Б. Ловчикова с ачуевским мухафызом Хасаном-пашой, пребывавшим в этой должности в 1702–1710 гг. и успевшим поработать также с И.А. Толстым. То же самое, имея в виду характер *взаимной* коммуникации, можно сказать об истории пограничных сношений азовских воевод с кафинским бейлербеем Муртазой-пашой. Особое место в них заняла поездка подьячего А.К. Рудеева из Азова в Кафу весной 1701 г.¹²⁹. П.А. Аваков справедливо связал воедино два вектора «дипломатических связей Азова» – кубанский и кафинский¹³⁰. В устном разговоре он сообщил автору статьи о том, что толмач не был включен в число сопровождавших А.К. Рудеева лиц. 5 мая 1701 г. по царскому указу из Азова на Кубань к султану Каплан-Гирею были отправлены поручик В. Маслов, подьячий И. Дровнин и пять человек казаков конной службы. Их сопровождали донские казаки и ногайцы, присланные от Каплан-Гирея в Азов «для договоров и розделки во всяких прежде бывших делех»¹³¹. Вместе с ними воевода С.Б. Ловчиков отправил султану Каплан-Гирею свое письмо. Однако вскоре его «посыльщики» были задержаны на Кубани Аллаватом-мурзой. В июле того же года в Азов вернулся лишь В. Маслов с тремя казаками конной службы¹³². Подьячий И. Дровнин продолжал находиться в неволе осенью 1701 г. и даже позже – в начале 1702 г.¹³³

Что касается миссии А.К. Рудеева в Кафу, то с формальной точки зрения она увенчалась успехом – бейлербей Муртаза-паша получил письмо воеводы С.Б. Ловчикова; имелись и дру-

---

¹²⁸ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 7.

¹²⁹ Аваков П.А. У истоков российской пограничной дипломатии в Крыму... С. 12–18.

¹³⁰ Там же. С. 11 и др.

¹³¹ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1701 г. Д. 5. Л. 66.

¹³² Там же.

¹³³ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 210. Л. 3–4.

гие последствия указанной поездки¹³⁴. Документы расходных книг Азовской приказной палаты позволили нам дополнительно аргументировать вывод о налаженной в начале XVIII в. системе *взаимной* коммуникации между крымско-османскими и российскими властями на южном пограничье. В процессе ее реализации стороны развивали культуру вполне «рабочих» и в чем-то доверительных отношений друг с другом, включая отpravку, передачу и получение различной корреспонденции. Из переписки российского посла в Стамбуле П.А. Толстого и воеводы С.Б. Ловчикова за весну 1703 г. следует, что мухачызы Ачуева Хасан-паша оказал содействие в передаче писем от воеводы в Стамбул, врученных П.А. Толстому через переводчика султанского Дивана А. Шкарлата (Маврокордато)¹³⁵. Могло случаться так, что в Азов из Стамбула приезжал капычи-баша с «листами» от турецкого султана и крымского хана, как это было в 1703 г.¹³⁶. Правда, документы так и не были вручены С.Б. Ловчикову капычи-башой, миссия которого в Азове носила разведывательный характер. По царскому указу 30 мая 1702 г. воевода С.Б. Ловчиков велел выдать приехавшему из Кафы от бейлербея Муртазы-паши Хусейну-аге с товарищами («всего пяти человеком») спиртного с кружечного двора и денег на все время пребывания в Азове, в т.ч. аге – по 10 денег на день, а его спутникам – по 4 деньги¹³⁷. 13 августа 1702 г. по царскому указу воевода С.Б. Ловчиков повелел выплатить жалованье трем казакам конного полка полковника Н. Васильева за поездку «из Азова в Кефу к Муртазе-паше с листом»¹³⁸. По аналогичному указу воевода приказал 14 января 1703 г. уплатить жалованье Г. Кириллову, В. Гаврилову и Л. Федорову «за посылку в крымской город Кефу того горо-

---

¹³⁴ Аваков П.А. У истоков российской пограничной дипломатии в Крыму... С. 17–18.

¹³⁵ РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1703 г. Д. 11. Л. 656.

¹³⁶ Там же. Л. 664 об. – 665.

¹³⁷ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 327. Л. 14.

¹³⁸ Там же. Л. 23.

да ко владетелю с листом»¹³⁹ – каждому по 1 руб., причем, «в прибавок» к выплаченным деньгам за такую же (!) «посылку» 28 октября 1702 г. Краткое упоминание о ней удалось найти в том же документальном комплексе. Указом от 28 октября 1702 г. казакам Азовского конного полка полковника Н. Васильева – Г. Кириллову, В. Гаврилову, Л. Федорову – было выплачено жалованье («из неокладных доходов» по 1 руб. каждому) за поездку в Кафу к Муртазе-паше с «листом», который «...послан против грамоты государя», поступившей из Разряда в Азов 21 октября 1702 г. за приписью дьяка Ф. Замятина¹⁴⁰. Двум другим провожатым, доехавшим с этими казаками до Ачуева, полагалось «по полтине человеку».

1 марта 1703 г. воевода С.Б. Ловчиков указал выплатить жалованье приехавшим из Ачуева от Хасана-паши «с листом» Джумак-аге и трем татарам (аге – по 6 денег, татарам – по 4 деньги каждому в день), начиная с 1 марта того же года и вплоть до отпуска посланцев из Азова¹⁴¹. 25 апреля 1703 г. С.Б. Ловчиков направил Хасану-паше письмо, в котором он просил, в частности, вернуть двух русских невольников, захваченных Кубек-мурзой в Азове «за мирным состоянием»¹⁴². 10 июня 1703 г. по царскому указу С.Б. Ловчиков повелевал уплатить денежное жалованье казакам конной службы Г. Кириллову, Д. Демьянову и С. Лавринову «для посылки» в Керчь к Муртазе-паше и в Ачуев к Хасану-паше «с листами»¹⁴³. Аналогичный источник от 19 октября 1703 г., времени воеводства уже И.А. Толстого, сообщал о выплате жалованья калмыкам-новокрещенам Мине Батме, Ивану Чецулю (Чючюлю) «для посылки на Кубань к капитану Н. Ростопчину с указом великого государя и к салтану Бахти-Гирею», а также к присланному от крымского хана Хаджи Селим-Гирея I деф-

---

¹³⁹ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 327. Л. 69 об.

¹⁴⁰ Там же. Л. 39 об.

¹⁴¹ Там же. Л. 49.

¹⁴² РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 25. Ч. 1. Л. 835–835 об.

¹⁴³ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 327. Л. 92.

тердару Алхаджи (?) Алею-аге «с листами»¹⁴⁴. Капитан Н. Ростопчин ездил из Азова на Кубань не впервые: еще в указе от 27 сентября 1702 г. говорилось о выдаче ему различных напитков «для кубанской посылки»¹⁴⁵. По всей видимости, интенсивные взаимоотношения обеих сторон были характерны и для воеводства И.А. Толстого, сменившего больного С.Б. Ловчикова в июне 1703 г. 2 октября 1703 г. по царскому указу И.А. Толстой приказал выплатить жалованье казакам конной службы Г. Кириллову, Ф. Иванову, Г. Прокофьеву для поездки в Ачуев к Хасану-паше «с листом»¹⁴⁶. По царскому указу 10 ноября 1703 г. И.А. Толстой повелел уплатить жалованье Я. Леонтьеву, ротмистру конной службы полка Н. Васильева, и трем рядовым «для посылки» их в Ачуев к Хасану-паше и на Кубань к калге-султану «с листом»¹⁴⁷. Переписка между воеводой И.А. Толстым и мухадзызом Хасаном-пашей сопровождала процесс разграничения российско-османских владений в Северо-Восточном Приазовье и к юго-востоку от него в 1704 г.¹⁴⁸. Так, прапорщик Т. Григоров доставил 24 сентября 1704 г. в Азов письмо от Хасана-паши, переведенное в крепости. Предположим, что, отправляясь из Азова в Ачуев (активизация переговоров о разграничении принадлежала российской стороне), прапорщик вез письмо воеводы И.А. Толстого на имя Хасана-паши. В источнике, к тому же, отсутствует информация о сопровождении прапорщика толмачом. Это значит, что информация для Хасана-паши была передана, скорее всего, в письменном виде.

В заключительной части статьи рассмотрим вопрос о переводчиках Посольского приказа с восточных языков, охарактеризовав ситуацию с толмачами и переводчиками в Азове как *меняющуюся в начале XVIII столетия в лучшую сторону*. Немаловажная часть указанной проблемы связана с ре-

---

¹⁴⁴ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 327. Л. 39.

¹⁴⁵ Там же. Л. 96.

¹⁴⁶ Там же. Л. 108.

¹⁴⁷ Там же. Л. 113.

¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1704 г. Д. 11. Л. 1–2 об.

гулярностью / нерегулярностью отправки переводчиков из Посольского приказа в Азов. Ее удалось решить не сразу, причем, как писалось выше, неоднократные попытки предпринимались центральными и местными учреждениями еще до вступления И.А. Толстого в должность азовского воеводы. Нами составлен список лиц, регулярно фигурирующих в документации Посольского приказа в связи с «азовскими посылками»¹⁴⁹. Контингент переводчиков, направляемых из Москвы в Азов, представлен следующими фамилиями, выявленными в документах ф. 138РГАДА и ф. 176РГАВМФ¹⁵⁰:

Багинин (Богинин) Тахтаралей (переводчик «турецких и татарских писем»), отправленный на службу в Азов и в Троицкий после рассмотрения его челобитной от 28 ноября 1706 г.;

Байцын Резеп («Резепка мурза Абдулков сын Байцын», направленный в Азов «для переводу и толмачения татарского языка и писем, присланных ис Керчи и с Кубани»¹⁵¹. Сам же Р. Байцын уточнял, что он переводил «с турских и с татарских писем»);

Тевкелев Рамазан (переводчик татарского языка);

Тонкачев (Тонкачев) Сулейман (переводчик «турского и татарского языков»);

Тонкачев (Тонкачев) Кутлумамет (переводчик татарского и турецкого языков, причем известна его служба и толмачом, например, в Тавани – 1697 / 1698 гг.).

Почти все лица этого «основного списка» – представители переводческих фамилий татарского происхождения (главным образом, касимовские служилые татары)¹⁵², служившие

---

¹⁴⁹ *Сень Д.В.* Толмачи и переводчики в деятельности воеводской администрации Азова... С. 141–142.

¹⁵⁰ РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 32. Ч. 1. Л. 125, 125 об.; Там же. Ч. 2. Л. 53 (документы любезно предоставлены к.и.н. П.А. Аваковым); РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1701 г. Д. 35; Там же. 1703 г. Д. 28, 44, 51; Там же. 1704 г. Д. 18; Там же. 1705 г. Д. 5, 17; Там же. 1706 г. Д. 9, 23, 35; Там же. 1707 г. Д. 3.

¹⁵¹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1703 г. Д. 51. Л. 1.

¹⁵² *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в. ... С. 201–202.

в Посольском приказе. Учитывая специфику информационного пространства южного пограничья и нехватку толмачей, их могли привлекать в Азове также к переводу *устных речей* с восточных языков, а также направлять на службу в другие крепости Северо-Восточного Приазовья. И это при том, что совмещение обязанностей толмачей и переводчиков *было нехарактерно для* обеих профессиональных групп.

Документы свидетельствуют о том, что постепенно стал формироваться круг лиц, наиболее активно привлекаемых центральными властями к службе в Азове. Одни и те же переводчики направлялись туда по несколько раз. Б. Боук пишет, что еще в 1701 г. в Азов «не было прислано ни одного правительственного переводчика, который мог бы читать османский турецкий язык»¹⁵³. Это не так: в статье приведены примеры о переводчиках в Азове с осmano-турецкого языка, относящиеся к концу XVII в. Другое дело, что в начале XVIII в. ситуация в Азове как с переводчиками, так и с толмачами, существенно улучшилась. Начиная с середины 1701 г., власти неоднократно привлекали к «азовским посылкам» переводчика Рамазана Тевкелева¹⁵⁴ (отца другого переводчика Посольского приказа – Муртазы Тевкелева). Из документов архивного дела видно, что продолжительность такой «посылки» составляла один год. В одной из своих челобитных Р. Тевкелев указал, что по указу адмиралтейца Ф.М. Апраксина (в 1702 г.?) он «переводил в Азове на роскатной башне и на иных, и на мечете, и во дворце на камнях подпись турецкую»¹⁵⁵. Служил он переводчиком в Азове и позже, например, еще в августе 1703 г., сделав в приказной палате перевод несколько писем с Кубани¹⁵⁶. Еще 31 мая 1703 г. он участвовал в расспросе воеводой С.Б. Ловчиковым «греченина», доставившего из Стамбула письма от российского посла П.А. Толстого¹⁵⁷. Се-

---

¹⁵³ *Boeck B.J. Imperial Boundaries...* P. 150.

¹⁵⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1701 г. Д. 35.

¹⁵⁵ Там же. Л. 2.

¹⁵⁶ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 327. Л. 99.

¹⁵⁷ РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1703 г. Д. 1 1. Л. 682–682 об. и др.

годня у нас больше сведений об адаптации в Азове переводчика Кутлумамета Тонкачева (Тонкачеева), подавшего челобитную в Посольский приказ 27 ноября 1703 г.¹⁵⁸. Его отправили в Азов «для переводу... государевых посольских дел (с «татарского языка». – Д.С.)», а в феврале 1704 г., находясь в крепости, он подал новую челобитную на царское имя. В связи с вынужденным оставлением старого куреня в г. Алексеевском, К. Тонкачев просил построить ему новый курень, либо выделить двор в самом Азове¹⁵⁹. К слову, в том же старом курене, принадлежавшем донскому казаку П. Турченину (Рамазану), проживал раньше другой переводчик Посольского приказа – Р. Байцын¹⁶⁰.

Заметим, что турки-османы тоже старались решить общую с русскими проблему языковой коммуникации, в т.ч. пытаясь переводить документы, поступавшие им из Азова. Так, мухафыз Хасан-паша, неоднократно получая в Ачуеве письма, написанные на русском языке, любезно попросил воеводу И.А. Толстого писать ему в Ачуев по-гречески или по-французски, «поскольку у него под рукой были люди, читавшие на этих языках»¹⁶¹. Стороны активно искали пути решения застарелой проблемы, однако «большая часть корреспонденции Толстого, адресованной османской стороне, оставалась непереуведенной, в то время как османские официальные лица в некоторых случаях писали Толстому на итальянском языке, который зачитывался вслух, а затем переводился на русский язык»¹⁶². Впрочем, оставались вопросы к качеству переводов, сделанных российскими переводчиками, некоторые из которых, как, например, Кутлумамет Тонкачев (Тонкачеев), признавали это¹⁶³. Еще в ноябре 1706 г. И.А. Толстой писал в Москву: «В этом почтовом пакете переводы [турецких] писем не

---

¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1703 г. Д. 44. Л. 1–3.

¹⁵⁹ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 440. Л. 3.

¹⁶⁰ Там же. Л. 3 об.

¹⁶¹ *Voeck B.J.* Imperial Boundaries... P. 150.

¹⁶² Ibid.

¹⁶³ Ibid.

отправляются, потому что Хасан-паша и кубанский Сартлан Мурза направили своих представителей непосредственно перед отправкой сообщения. Более того, переводчик очень плохой и не своевременный. Он переводит письма с турецкого на русский с большой медлительностью. Кроме того, в разговорах представители часто спорят с его переводами и говорят, что он переводит неправильно. Поэтому нужно отправить хорошего переводчика»¹⁶⁴. Другое дело, что переписка губернатора И.А. Толстого и мухафыза Хасана-паши имела продолжение. Например, они списывались друг с другом во время Булавинского восстания на Дону (1707–1708 гг.) и, вероятно, вплоть до 1710 г., когда мухафыз Хасан-паша был переведен в Очаков на аналогичную должность.

В заключение отметим, что проанализированный материал существенно расширяет наши представления об особенностях управления Россией своими новыми владениями на Юге после Азовских походов. Перед нами, вместе с тем, пространство *общих* для России, Крымского ханства и Османской империи пограничных проблем, возникших по итогам русско-турецкой войны 1686–1699 гг. Несмотря на различное отношение сторон к ее итогам и к характеру противостояния на южном пограничье, на рубеже XVII–XVIII вв. наметилась тенденция к нормализации отношений между пограничными администрациями названных государств. Она существенно усилилась после заключения Карловацкого перемирия (1699 г.) и Константинопольского мирного договора (1700 г.).

Установлено, что в условиях т.н. нового пограничного порядка крымско-османские и российские пограничные «градодержавцы» весьма быстро пошли на установление и развитие формальных и неформальных связей друг с другом. Наибольшую активность в указанном отношении проявили кафинский бейлербей, ачуевский мухафыз, азовские воеводы, наместники крымского хана на Кубани и наиболее влиятельные мурзы Кубанской орды. Исследованные в статье формы и способы взаимной передачи ими разнообразной информации сви-

---

¹⁶⁴ Boeck B.J. Imperial Boundaries... P. 149–150.

детельствуют не только о трансляции политической линии правящих дворов, но также об их многочисленных начинаниях навстречу друг другу на местном уровне. Крымцы, кубанцы, турки-османы активно передавали азовским воеводам информацию по торговым и по другим каналам. Воеводы неоднократно им отвечали, организуя отправку из Азова своих всевозможных «посыльщиков». Они также активно использовали авторитет, способности и немалые связи купцов и т.н. торговых людей, работоторговцев, а также других представителей местных сообществ (в лице казаков и номадов).

Вместе с тем был сделан вывод о том, что устная и письменная (бюрократическая) коммуникация изначально представляла для крымско-османской и российской сторон немалые языковые трудности. Впервые в историографии было исследовано общее и особенное в их опыте устных и письменных переводов всевозможных речей и документов, в формировании которого ключевую роль сыграли толмачи и переводчики. Доказано, что наибольшую активность и последовательность в поиске и в использовании подобных специалистов проявила, в лице азовских воевод, российская сторона. Выявлены новые имена толмачей, в т.ч. из числа калмыков-новокрещенов, активно привлекаемых властями к устному переводу речей с четырех, как минимум, восточных языков. В статье также установлена существенная роль Посольского приказа в обеспечении письменных переводов в Азове с восточных языков – прежде всего, с османо-турецкого и тюрки. Впервые в науке приведены данные о том, что переводчики Посольского приказа появились в Азове еще в конце XVII в., а не в начале XVIII в. Наконец, обнаруженные документальные сведения о русских и нерусских толмачах и переводчиках свидетельствуют о том, что к началу XVIII в. ситуация с их хронической нехваткой в Азове существенно улучшилась.

РАЗДЕЛ II НОВЫЕ ГРАНИЦЫ: СОЗДАТЕЛИ И НАРУШИТЕЛИ

Крымское ханство в конце XVII – начале XVIII в.: внешняя и внутренняя политика в условиях новых исторических вызовов

Заявленная тема относится к числу актуальных и недостаточно разработанных в науке, несмотря на прочные историографические традиции по изучению крымско-османских и русско-крымских отношений. *Во-первых*, тема статьи определена нами как *самостоятельная* в научно-исследовательском плане, поскольку история Крымского ханства рассматриваемого периода – одна из наименее изученных в исторической науке. Отмечая основательные труды по близкой тематике/хронологии (В.А. Артамонов, В.Е. Возгрин, Н. Кроликовска, А.А. Новосельский, Ю.В. Приймак, Г.А. Санин, О.Г. Санин, В.Д. Смирнов, С.Ф. Фаизов), можно констатировать: получение нового научного знания возможно путем обращения к новым тематическим сюжетам, ранее остававшимся на периферии исследовательских интересов ученых нескольких поколений. В частности, речь идет об эволюции набеговой системы Крымского ханства, чутко реагирующей на новые явления в сфере международной политики заявленного периода; о массовых настроениях на территории ханства в связи с завоеваниями России на юге и новыми договорами между Россией и Османской империей; о новых формах и способах лавирования крымских ханов между этими государствами в борьбе за свою независимость и за свои *собственные* интересы.

Предлагаемый нами подход позволяет выйти за границы традиционных исследовательских сюжетов, например, о защи-

те Россией южных границ от набегов кочевников и экспансии Османской империи¹, или о том, что «татарская масса» могла жить только за счет «чужих народов, за счет грабежа...»². Необходимость уточнения или даже возможного отказа от столь жесткой исследовательской оптики, не учитывающей динамики наблюдаемых явлений, разной мотивации организаторов/участников внешней политики Крымского ханства (в т. ч. реализуемой через набеговую систему), вполне очевидна. Здесь же вспомним о едва ли не тотальном влиянии, оказанном на отечественную литературу о Крымском ханстве двухтомником выдающегося российского востоковеда В.Д. Смирнова³. И.В. Зайцев справедливо указывает, что усвоенный В.Д. Смирновым и его российскими последователями пренебрежительный тон в отношении политического устройства Крыма «имеет своим источником османский взгляд на крымских татар»⁴. Так, В.Д. Смирнов категорично отозвался о перспективах существования Крымского ханства в XVIII в., полагая, что «буйно прожитые их предками два века пропали даром для внутреннего развития и для упрочения международного положения их государства»⁵. Мнение И.В. Зайцева дополним следующим: наряду с «османцентричным» взглядом на крымскую историю В.Д. Смирнов демонстрирует ориентацию на культуртрегерскую миссию России в деле воспи-

---

¹ *Санин О.Г.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в первой четверти XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 3.

² *Санин О.Г.* Антисултанская борьба в Крыму в начале XVIII в. и ее влияние на русско-крымские отношения // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.* Симферополь, 1993. Вып. III. С. 276.

³ *Зайцев И.В.* Крымское ханство: вассалитет или независимость // *Османский мир и османистика: сб. ст. к 100-летию со дня рождения А.С. Тверитиновой.* М., 2011. С. 289.

⁴ Там же.

⁵ *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты: в 2 т. Т. 2: Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII веке до присоединения его к России / отв. ред. С.Ф. Орешкова. М., 2005. С. 8.

тания «диких татар»⁶. Полагаем, что скептическое отношение В.Д. Смирнова к якобы predetermined судьбе Крыма в XVIII в. отрицательно сегодня сказывается на историографическом осмыслении имеющихся в науке трудов по истории Крымского ханства XVII–XVIII вв. *Во-вторых*, до сих пор, насколько известно, отсутствует устоявшаяся (необязательно единственная) сквозная периодизация исторического прошлого Крымского ханства XV–XVIII вв., рубежные основания внутри которой получили бы специальное научное обоснование. В указанном смысле, моделируя будущую академическую дискуссию о периодизации истории Крыма, предлагаем рассмотреть события конца XVII – начала XVIII в. как часть более заметного периода, охватывающего 1681–1700 гг. Перед нами – переломный этап в истории Крымского ханства (от Бахчисарайского договора до Константинопольского договора), в ходе которого существенно ухудшилось международное положение Крымского ханства, когда оно не по своей воле оказалось включено в процессы создания, демаркации и поддержания новых границ т. н. европейского типа. Кроме того, именно тогда принципиально изменился характер русско-крымских отношений, обострились крымско-османские отношения и пр. Наконец, впервые в истории ханства стала прослеживаться такая тенденция: события выделенного нами периода (верхняя граница которого в ходе дальнейших изысканий, вероятно, переместится в начало XVIII в.) осознаются современниками как *время перемен*, эмоционально переживавшееся как элитами, так и обычными подданными Гиреев, а не только правящими крымскими ханами, о чем ученые пишут чаще всего. *В-третьих*, предложенный нами подход позволяет говорить о наличии у Крымского ханства *собственных* по-

---

⁶ Перспективно в будущем исследовать, как деятельность и взгляды В.Д. Смирнова соотносились с развитием в России научных представлений о Востоке и практиками колониального господства (рассмотрение аналогичной проблемы см.: *Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Мирза Казем-Бек и Казанская школа востоковедения // Новая имперская история постсоветского пространства: сб. ст. Казань, 2004. С. 243–270).

литических интересов, о видении им собственных внешнеполитических перспектив и, вероятно, о новых тенденциях (в связи с ослаблением Османской империи на рубеже XVII – начала XVIII в.) в борьбе за свою самостоятельность. Г.А. Санин так высказался об этой проблеме в 1993 г.: «Вопрос о борьбе Крымского ханства за государственную самостоятельность в XVII в. практически не исследован, имеются только случайные упоминания в сопутствующих работах»⁷. К сожалению, за последние годы конкретная исследовательская ситуация изменилась несильно, не считая появления немногочисленных работ современных российских и украинских авторов (В.А. Артамонов, В.Е. Возгрин, Ю.В. Приймак, В.В. Станиславский⁸). При этом целесообразно говорить об органической связи указанного вопроса с другим, близким ему по проблематике – об эволюции крымско-османских отношений указанного периода⁹. Эти отношения актуально исследовать именно в контексте новых международных отношений и т. н. нового погра-

---

⁷ Санин Г.А. Некоторые проблемы истории Крымского ханства в XVII в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1993. Вып. III. С. 224.

⁸ Артамонов В.А. Переговоры о переходе Крымского ханства в русское подданство при Петре Великом // Славяне и их соседи. М., 2011. Вып. 10. С. 269–286; Возгрин В.Е. Политические отношения Карла XII с крымскими ханами и турецким султаном в годы Северной войны // Скандинавские чтения 2008 года: этнографические и культурно-исторические аспекты: сб. ст. СПб., 2010. С. 97–117; Приймак Ю.В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). Армавир, 2011. 359 с.; Станіславський В.В. Політичні відносини Запорозької Січі і Кримського ханства напередодні Полтавської битви // Українській історичній журнал. 1998. № 1. С. 76–86; *Его же*. Запорозька Січ у політичних відносинах з Кримським ханством (початок XVIII ст.) // Українській історичній журнал. 1995. № 6. С. 3–21.

⁹ Сень Д.В. Международное положение Османской империи и эволюция крымско-османских отношений на рубеже XVII–XVIII вв. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2016. № 3. С. 54–59.

ничного порядка, наступившего в отношениях между Россией и Османской империей по итогам войны 1686–1700 гг. На взаимоотношения Крыма и Османской империи оказывали влияние и другие участники тогдашнего политического процесса: Речь Посполитая предложила Крыму в 1684 г. даже отделиться от Османской империи¹⁰. Перспективно уделить внимание исследовательскому направлению, связанному с историей борьбы крымских ханов за возвращение к *status quo* в отношениях с Портой и с Россией, с поиском ими новых возможностей ослабить влияние Стамбула на вмешательство в дела ханства. Так, хан Девлет-Гирей II, реалистично оценивая перспективы крымско-османских отношений, неслучайно оказался способен на странные и провокационные действия. В начале XVIII в. он несколько раз инициировал переговоры о переходе Крыма в российское подданство. Даже если признать подобные действия своеобразной дипломатической игрой хана с Россией, то в пространстве современной дискуссии вновь необходимо обратиться к убедительной версии В.А. Артамонова о том, что Девлет-Гирей II, «видимо, пытался втянуть Россию в переговоры и вернуть русско-крымские отношения к состоянию 1681 г.»¹¹, т. е. до заключения *невыгодного* для Крыма Бахчисарайского мирного договора.

Проанализированный нами исторический материал (позволивший сформулировать и выдвинуть рабочую гипотезу) свидетельствует о регулярном и закономерном *несовпадении* внешнеполитических интересов Стамбула и Бахчисарая на рубеже XVII–XVIII вв. Целесообразно выявить и сравнить различные *реакции* со стороны населения Крымского ханства на международные договоры, заключенные с участием России и Османской империи, наносившие удары по вековой, социально мотивированной и системно организованной набеговой си-

---

¹⁰ Артамонов В.А. Очаги военной силы украинского народа в конце XVI – начале XVIII в. // Белоруссия и Украина: история и культура: ежегодник 2003. М., 2003. С. 65.

¹¹ Артамонов В.А. Переговоры о переходе Крымского ханства... С. 278–279.

стеме Крымского ханства. При этом важно учитывать, что в последней четверти XVII – начале XVIII в. кризисные настроения охватили разные группы населения Крымского ханства и Османской империи не только по отношению к России, но также и по отношению *друг к другу*. Во многом это было связано с «малодушной» реакцией Стамбула на неоднократные просьбы крымцев об их защите в связи с военными успехами России в низовьях Днепра и в Северо-Восточном Приазовье в середине – второй половине 1690-х гг. Наконец, вышесказанное позволяет системно оценить масштабы трансформаций, произошедших в Крымском ханстве в описываемый период, избегая схематичных оценочных суждений о нем как государстве, «застрявшем в средневековье из-за паразитического существования за счет работорговли»¹². В случае реализации предлагаемого нами подхода появятся новые возможности для изучения политической и социальной истории Крымского ханства на новом исследовательском уровне, для чего, впрочем, понадобится определенный консенсус в российском научном сообществе. К сожалению, достижение подобного консенсуса не представляется возможным в среднесрочной перспективе. Одно из косвенных тому подтверждений – однотипная, по сути, реакция российских историков на исследования В.Е. Возгрина о крымских татарах и Крымском ханстве. Между тем этот историк пытается говорить не только о планах России завоевать Крым, но также о *разном* отношении населения Крымского ханства и его правителей к происходившему в сфере международных отношений того времени, в т. ч. серьезно опасаясь приближения России к границам ханства. Взвешенную позицию занял В.В. Станиславский, проанализировавший «московские статьи» 1689 и 1691 гг.¹³ Историк полагает, что хотя у Москвы и

---

¹² *Артамонов В.А.* [Рец.]. Османы в Европе. Начало отката. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.: главные тенденции политических взаимоотношений. М., 1998. 288 с. // *Славяне и их соседи*. М., 2001. Вып. 10. С. 294.

¹³ *Станіславський В.* Маловідомі документи щодо планів південної політики Російської держави у другій половині 80-х рр. XVII ст. //

не было в конце XVII в. стратегической программы по захвату Крыма, но возможность утверждения на полуострове рассматривалась российскими элитами в зависимости от конкретной ситуации.

Событиям последней четверти XVII – начала XVIII в. принадлежит особое место в истории крымско-османских, русско-крымских отношений и собственно в истории Крымского ханства, по-новому реагировавшего на непривычные для себя исторические вызовы. Прежде всего, речь идет о формировании в Северном Причерноморье и в Северном Приазовье новых границ европейского типа, выдавливании ханства со стороны Османов из европейской политики, увеличении (первые в истории ханства!) подданных Гиреев за счет разных групп казаков и пр. Крымские ханы пытались тогда не просто уклоняться от исполнения султанской воли или от выражения покорности падишаху. Напротив, сильная Османская империя (даже в смысле противодействия российской экспансии) тоже внушала ханам ряд опасений. Так, хан Девлет-Гирей II опасался, «когда б они (турки-османы. – Д.С.) силны были против царского Величества, тогда могут их, как хана, так и мурз, давити и голов снимати, как они чинят»¹⁴. По аналогии с мыслью А.А. Новосельского о причинах живучести Крымского ханства заметим, что в описываемое время их можно связать не с выгодной для него международной обстановкой¹⁵, как раньше, а с попытками Гиреев оперативно и пластично отреагировать на ее ухудшение, пытаясь минимизировать возможные негативные последствия и даже их упредить.

Поэтому мнение В.Д. Смирнова о «политической бестактности» потомков хана Селим-Гирея I (ум. 1704 г.), приближавших «конец самостоятельного существования Крымского

Українська козацька держава: витоки та шляхи історичного розвитку. Київ, 2007. Вип. 7. С. 340–356.

¹⁴ Российский государственный архив древних актов. Ф. 123. Оп. 4. Д. 1. 1712 г. Л. 5 об. – 6.

¹⁵ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 421.

ханства»¹⁶, о связи последнего периода его правления (1702–1704 гг.) с предыдущими веками в истории Крыма, которые якобы прошли даром, предстает малодоказательным и категоричным. Ханы оказались способны на заключение новых политических альянсов – со шведами, Запорожской Сечью¹⁷, пересматривая свои отношения с традиционными политическими партнерами/противниками. Так, в отношениях Крыма и Сечи постепенно берет верх новая тенденция, которая была ощутимой, но все еще второстепенной для XVII в. – тенденция развития мирных взаимоотношений, объединения перед угрозой со стороны более сильного внешнего врага¹⁸. После завоевания Россией Азова в 1696 г. ханские представители высокого уровня инициировали переговорный процесс с российской администрацией Азова – например, по вопросам пограничного сотрудничества, рассмотрения спорных ситуаций и пр. Пристального внимания заслуживают контакты азовских властей с представителями ханской власти (калга Шахбас-Гирей, нурадины Гази-Гирей, Каплан-Гирей, султан Бахты-Гирей), активно участвовавшими в жизни разных групп ногайского населения Кубани, и с местными элитами (Сартлан-мурза, Аллават-мурза, Кубек-ага и пр.)¹⁹. Другое дело, что подданные Гиреев, например, ногайцы, активно сопротивлялись новым российско-османским механизмам контроля над степным порубежьем, стремясь различными путями либо нарушать но-

---

¹⁶ *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты: в 2 т. Т. 1: Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века / отв. ред. С.Ф. Орешкова. М., 2005. С. 494.

¹⁷ *Возгрин В.Е.* Политические отношения Карла XII с крымскими ханами... С. 97–117; *Станіславський В.В.* Політичні відносини Запорозької Січі и Кримського ханства напередодні Полтавської битви... С. 76–86; *Его же.* Запорозька Січ у політичних відносинах... С. 3–21.

¹⁸ *Станіславський В.В.* Запорозька Січ у політичних відносинах... С. 5.

¹⁹ Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 2–16; Там же. Д. 244. Л. 15–17.

вые границы, либо вовсе противодействовать их устроению (демаркации и пр.).

Недовольство в Крыму султанской властью и страхи крымцев и ногайцев за свою дальнейшую судьбу усилились в связи с утратой турками-османами Азова, когда Россия вплотную приблизилась к границам ханства. Завоевав устье Дона в 1696 г., «Россия расколола территорию ханства и изолировала Кубанскую орду и Западную Черкесию от его остальных причерноморских владений»²⁰. Успешная борьба России с Османской империей и завоевание Азова позволили ей к концу XVII в. существенно укрепиться в Северо-Восточном Причерноморье, прервав сообщение по суше между Крымом и восточными кочевниками. Усилившись в регионе, Россия поставила под свой контроль «коммуникации, обеспечивавшие опасные для россиян прямые контакты Порты и Крыма с калмыками, тюркским населением Поволжья и Степного Предкавказья»²¹.

По образному выражению В.А. Артамонова, «в начале XVIII в. ногайцы буквально метались в поисках нового протектора»²², подобное поведение которых (точнее, разных ногайских орд в составе Крымского ханства) уместно связать с изменившимся международным положением Крымского ханства, в т. ч. вызванным итогами русско-турецкой войны 1686–1700 гг. Еще во время первого Азовского похода хан Селим-Гирей I высказывал в письме к турецкому султану озабоченность в связи с возможным падением Азова, описывая *страх и смятение*, охватившие его подданных²³. Другое его заявление Порте об опасности, грозившей Азову, было услы-

---

²⁰ Артамонов В.А. О русско-крымских отношениях конца XVII – начала XVIII в. // Общественно-политическое развитие феодальной России. М., 1985. С. 71.

²¹ Приймак Ю.В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах... С. 55.

²² Артамонов В.А. Переговоры о переходе Крымского ханства... С. 271.

²³ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. Т. 1... С. 459–460.

шано турками-османами²⁴; крымцы и ногайцы активно помогали осажденному гарнизону Азова, однако в сложившихся обстоятельствах исход осады стал закономерным. Азов был взят российскими войсками 19 июля 1696 г.; фактически ликвидировался Азовский санджак Османской империи и создавались условия для вхождения Северо-Восточного Приазовья в состав России. Падение Азова было воспринято кубанскими ногайцами болезненно и даже панически – в том же 1696 г. многие из них с семьями откочевали в Крым и Черкесию, где даже зимовали²⁵.

Складывается впечатление, что с падением Азова ногайцы (и не только они!) утратили важный жизненный ориентир. Указанное событие повлекло за собой интересное явление – обращения кубанских ногайцев к российским властям за подданством. Они говорили, что «куды прислонитца неведомо, к Белому царю или к турецкому». Примечательно, что ногайцы других орд, например, Буджакской, несколько раз на рубеже XVII–XVIII вв. обращались к России с просьбами о подданстве, но безуспешно. Кубанские ногайцы, по-видимому, действовали не только под влиянием «азовского синдрома», но и позиции самой России, призывавшей Кубанскую орду сменить подданство до заключения мира в 1700 г. По царскому указу на Кубань из Войска Донского был отправлен казак М. Мажаров «с товарищи» – призывать «ногайские орды» «под высокодержавную... руку». Переговоры по ряду причин затянулись, что отразилось в переписке Войска Донского и азовского воеводы П.Г. Львова²⁶.

Нам недостаточно известно о реакциях Стамбула и Бахчисарая на утрату османского Азова, ответных мероприятиях османских и крымских властей, дальнейшем влиянии закончившейся русско-турецкой войны на обстановку Крыму, в Северо-Восточном Приазовье и на Кубани, входившей в состав

---

²⁴ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. Т. 1... С. 464.

²⁵ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 5. Л. 3, 4, 8; Д. 15. Л. 13, 18.

²⁶ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 9. Л. 2а – 8.

Крымского ханства²⁷. Между тем Османская империя, действуя при поддержке Крымского ханства, не собиралась в одночасье отказываться от присутствия в регионе. В этой связи недостаточно изучены вопросы военно-политического противостояния / взаимодействия Российского государства, Крымского ханства и Османской империи конца XVII – начала XVIII в. в Северо-Восточном Приазовье и на Северном Кавказе. Наконец, речь об изучении реакций со стороны подданных Гиреев и Османов (в последнем случае – речь о Кафинском эялете) на взятие российскими войсками Азова в 1696 г., после чего их жизнь (торговля, набеги и торговля рабами, в т. ч. проведение «окупных» операций, кочевание, связи с метропольными территориями и пр.) существенно изменилась. Любопытно, что Азов продолжал оставаться для кочевников достаточно статусным местом. Так, Азов снова становится важным пунктом проведения «окупных» (выкупных) операций с рабами и их «розмена», что было известно на Кубани даже невольникам. Невольников привозили в Азов от ногайцев, например, с кубанскими «торговыми людьми», развивавшими торговые связи через Азов и другими способами.

Негативные настроения действительно охватили разные группы населения Крымского ханства и пограничных с ним владений Османской империи. Крымский хронист Сейид-Мухаммед Риза тонко подметил, что с того времени (после заключения Карловацкого договора и поездки Е. Украинцева в Стамбул, как излагает события В.Д. Смирнов. – Д.С.) «обитатели Крыма стали поглядывать через двери страха и ожиданий на события времени»²⁸. Османский хронист Фындыклылы указывал, что через несколько лет после заключения в 1700 г.

²⁷ Аваков П.А., Сень Д.В. После взятия Азова: российско-османское пограничье и его население в 1696–1697 гг. (на материале расспросных речей) // Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы, 1517–1918 / ред.-сост. К.А. Кочегаров, Л.К. Новосельцева, А. Форго, О.В. Хаванова. М.; СПб., 2016. С. 153–168.

²⁸ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. Т. 1... С. 473.

мира между Россией и Османской империей татары «проели то, что было в их руках, и теперь обеднели. А так как московский царь вопреки договору овладел крепостью Азовом, *то настали последние времена* (выделено мною. – Д.С.)»²⁹. Подтверждение таким суждениям находим в разных документальных источниках описываемого времени. Так, выходец с Кубани волошенин В. Николаев, допрошенный в Азове в октябре 1700 г., показал, что после заключения в 1700 г. Константинопольского мира он слышал от кубанских татар, что «их татарские обызы (абызы / хафизы. – Д.С.) по чтению книг своих размышляют, *что де у них и Крыму не быт, потому что пришло де последнее время* (выделено мною. – Д.С.), и живут де они кубанцы от ево, великого государя, ратных людей в великом опасении...»³⁰. По словам крымского татарина Кара-Али (1696 г.), хан Селим-Гирей I оказался способен на провокационную риторику в отношении Стамбула, предполагая, что султан Мустафа II может не прислать войска в Крым для будущего отвоевания Азова: «А будет салтан... войска к ним... ныне не пришет, и он де, хан, роспустит вес Крым, кто куды хошет, да и сам де хан Крым хошет покинут»³¹.

Собственно, обеспокоенность крымцев стала заметной еще раньше – во второй половине 1680-х гг., связанных со строительством российских укреплений в низовьях Днепра, с Крымскими походами 1687 и 1689 г. Оговоримся, что ничего подобного (по крайней мере – по отношению к масштабу переживаний и страхов) население Крыма, судя по всему, раньше 1680-х гг. не испытывало. Известно об опасениях хана Девлет-Гирея II за судьбу ханства, озаботившегося отправкой письма султану Мустафе II с просьбой о присылке из Стамбула ответственного лица для проверки ситуации на месте в связи с действиями России. Однако, несмотря на приезд в Крым осман-

---

²⁹ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. Т. 1... С. 481–482.

³⁰ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 237. Л. 11.

³¹ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 27. Л. 17.

ского чиновника Кеблели-аги, Девлет-Гирею II не удалось добиться желаемого³².

В.Е. Возгрин пишет о *тревоге* крымского хана Девлет-Гирея II за обороноспособность крымско-татарского государства в связи с заключением Константинопольского мирного договора³³. Опасения этого хана усилились также в связи с другими активными мероприятиями России, хотя говорить о захвате Крыма как о достижимой тогда цели российской внешней политики, скорее всего, не приходится. Тревожное ожидание опасностей в связи с будущим державы Гирев³⁴ отныне *постоянно* сопровождает жизнь, поведение и рассуждения самых разных крымских подданных, массовые настроения которых (в т. ч. отрефлексированные современниками – хронистами и пр.) еще не подвергались сравнительному изучению. Параллельно происходило сжатие коридора возможностей для успешной реализации ханами набеговой системы и внешней политики на рубеже XVII–XVIII вв. Так, ногайцы негативно отреагировали на заключение Константинопольского договора, возобновив под началом мятежного Гази-Гирея грабительские набеги на жителей польских владений, «пряча добычу в укромные места (выделено мною. – Д.С.), на случай если бы от них стали требовать возврата ее»³⁵. Ханы пытались лавировать, активно борясь не только за будущее своего государства,

³² Возгрин В.Е. История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма: в 4 т. 3-е изд. Симферополь, 2013. Т. I. С. 718–720.

³³ Возгрин В.Е. Политические отношения Карла XII с крымскими ханами... С. 98.

³⁴ Интересно провести параллели с аналогичными настроениями (пророчества и пр.), которые, по некоторым данным, возникли в среде казанских татар перед падением ханства в 1552 г. Благодарю за ценное наблюдение д.и.н. В.В. Трепавлова. Вероятно, в будущем имеет смысл в компаративном отношении исследовать похожие проявления массовой психологии в тюрко-татарских государствах на переломных этапах их истории XVI–XVIII вв., включая события и периоды всевозможных столкновений ханств с Россией.

³⁵ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты. Т. 1... С. 474.

но также за контроль над набеговой системой, без поддержания которой, впрочем, их власть теряла огромную ресурсную базу. Вот почему обостренно воспринимавшееся крымскими ханами описываемого времени сложившееся положение вещей (например, Селим-Гиреем I или Девлет-Гиреем II, шаблонно именуемым О.Г. Саниным «заядлым врагом России») малопродуктивно объяснять с позиций якобы особой и традиционной агрессивности Крыма в отношении России.

Рассмотренный материал позволяет наметить пути для дальнейшего изучения темы, связанной с историей Крымского ханства конца XVII – начала XVIII в., представленной на фоне международной политики и существенной трансформации внутренней жизни в ханстве. Новые явления в русско-османских отношениях едва ли не впервые (после 1681 г.) системно повлияли на жизнь различных категорий ханских подданных, прежде всего кочевников. Новые границы, новая для крымских татар и ногайцев пограничная ситуация, новый этап в истории крымско-османских и русско-крымских отношений сказались на внешней и внутренней политике Крымского ханства, породив среди населения опасения за дальнейшую судьбу юрта. С этой точки зрения тезис о непрекращающейся набеговой агрессии Крыма против России нуждается в корректировке. Сделан вывод о стремлении правящих Гиреев минимизировать потери от ухудшившейся для ханства международной обстановки, об их попытках наладить новый политический диалог с самыми разными государствами и сообществами.

Ахреяне как образы «чужого»: славяне Приазовья и Кубани XVII – начала XVIII в.

Тема славянского присутствия в османском Приазовье и на территории Крымского ханства приобрела в последние годы новое звучание. Причина тому – применение новых подходов к изучению османо-крымско-казачьего взаимодействия (сотрудничества, внеконфронтационного сосуществования), а также результаты архивной эвристики (Архив СПбИИ РАН, РГАДА, ГАВО и др.). Историографическая ситуация такова, что поставленные и во многом уже решенные проблемы истории казачьих сообществ Северного Кавказа (общины Кумы, Аграхани и Кубани) позволяют теперь обратиться к более частным аспектам темы¹. Среди них выделяются: социальная стратификация казачьих сообществ Кавказа, выходцев с Дона (религиозный, половозрастной, имущественный состав); отношение казаков к перспективам своего пребывания в новом крымском подданстве и к соседству с османским Азовом; военное сотрудничество казаков с народами Кавказа и их элитами; занятия казаков Кавказа в связи с традициями донского казачества и новыми условиями проживания в регионе, включая занятие работорговлей.

Один из недостаточно изученных в историографии вопросов – история обозначения казаков-старообрядцев *ахреянами* в сравнении с другими практиками словоупотребления термина. *Ахреянами* в России XVII века назывались либо православные, в т.ч. казаки, изменившие государю, бежавшие к туркам-османам (в Крым?) и перешедшие в мусульманство, либо казаки-старообрядцы, ушедшие с Дона на Кавказ (примечательно, не переходившие, как правило, в мусульманство, однако изменившие, в глазах российской стороны, госуда-

¹ Выражаем признательность друзьям и коллегам – к.и.н. А.А. Пригарину, д.и.н. В.И. Мильчеву, к.и.н. Н.И. Швайба, к.и.н. П.А. Авакову – за советы и замечания, высказанные в ходе написания работы и за предоставленные материалы.

рю), ставшие подданными крымских ханов, либо старообрядцы в целом. При этом внешнее для них именование (*ахреяне, ахреянин*), сопровождаемое другими нелестными характеристиками, носило инвективный характер, за которым скрывались отголоски конфликта между разными составляющими православного мира. В ходе работы определились расширенные границы поиска, связанные не только с судьбами казачье-старообрядческого населения Крымского ханства, но также с историей славянского населения османского Азова, среди которого были помимо невольников и свободные славяне. При этом изучение славянского населения Приазовья по своей научной значимости выходит за пределы таких сюжетов как адаптация в Азове беглых казаков из Войска Донского второй половины XVII в. Перед нами более масштабное историческое явление, нежели история славянского (казачьего) населения Крымского ханства конца XVII – начала XVIII в. Если установленные факты окажутся звеньями одного процесса, то в истории славянского населения Приазовья и Кубани XVII – начала XVIII в., истории русско-османского сотрудничества откроются новые направления поиска.

Развивая дискуссию, отметим, что термин «ахреяне» не встречается в источниках ранее XVII в. Следовательно, можно предположить, что появление термина и начало его бытования связаны с неким заметным (новым?) социальным явлением, *повторяемость* которого была отмечена современниками, либо с явлением, *переживаемым* по-новому, что не замедлило отразиться в языковой лексике. Вместе с тем источники первой половины XVII в. знают «ахреян»; в отношении же «раскольников» указанное слово употреблялось не в первоначальном своем смысле. За пределами России, в частности, в Болгарии, *ахреянами* называли других славян-«отступников» – болгар-мусульман, или *помаков*². Такой экзоним, маркирующий *инаковость* этих славян, находился в ряду других обозначений указанной группы со стороны православных болгар – «бели

---

² *Райчевски С.* Българите мохамедани. Втор. издание. София, 2004.

циганы, боганци, потурнаци, чеченци»³. *Ахреянами* называли болгар-мусульман в Родобах и Беломорской Тракии. Этимологию слова «*ахреяне*» некоторые болгарские специалисты связали со средневековым названием Родоп/Восточных Родоп – Ахрида/Ахридос, а также с османской областью «Ахърчелеби»⁴. Другая версия, на наш взгляд, еще менее правдоподобная, производит *ахреян* от староболгарского слова «*хрид*», означающего «скалу, холм, горы»⁵. Выделим другое: *ахреян (ахреянин)* – это перешедший в другую веру, т.е. ставший мусульманином, потурнаком.

В словаре русского языка XI–XVII вв. находим: «Ахреян, м., отступник от христианской веры»⁶. Одними из первых к этимологии слова *ахреяне* обратились Дж. Гарибян и В.И. Чернышев⁷. Первый из них подчеркнул, что «этимология слова “ахреян” (“охреян”)... нам пока представляется неясной»⁸. Первоначальное значение слова, по словам ученого – «отступник», «изменник своей веры и вообще “изменник”»⁹. Выдвигая свою точку зрения, Дж. Гарибян полемизировал с В.И. Чернышевым, считавшим, что *ахреян* является производным от имени Ефрем, произносившегося как Охрим: «... этим, искаженным в простонародном употреблении именем никоновцы называли в насмешку старообрядцев»¹⁰.

³ Помаци [Электронный ресурс] // URL: <http://bg.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 10.02.2012).

⁴ Хюсеин Мехмед. Помацие и торбешите в Мизия, Тракия и Македония. София, 2007. С. 36.

⁵ Тодорова Богдана. Етно-конфесионална самоидентификация на българите-мюсюлмани [Электронный ресурс] // URL: http://www.balkans21.org/2010_7/todorova_7_6.pdf (дата обращения: 25.03.2012).

⁶ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975. С. 59.

⁷ Гарибян Дж. Несколько лексических уточнений // Известия Академии наук Армянской ССР. 1956. № 11. С. 97–99; Чернышев В.И. Происхождение некоторых нарицательных имен из собственных. Омельфа, Охреян, Охрюта, Пентюх // Язык и мышление. М.; Л., 1935. Т. III–IV. С. 172–173.

⁸ Там же. С. 99.

⁹ Там же. С. 98.

¹⁰ Там же. С. 97.

Признавая такое толкование сомнительным, отметим другое: В.И. Чернышев связал употребление термина «*ахреяне*» с раскольниками (указанное значение он считал первоначальным), а его появление – с событиями церковного раскола второй половины XVII в. Не подтверждается версия, точнее, частное замечание Н. Бранденбурга о том, что «ахреяне или охреяне – одна из раскольничьих сект»¹¹. Старообрядчество не знало группы с таким названием; при этом сами старообрядцы никогда себя так не называли. Другие дореволюционные специалисты, неоднократно применявшие указанный термин по отношению к беглым казакам (старообрядцам), включая казаков-некрасовцев, как правило, свои краткие высказывания не развивали. Л.Б. Вейнберг ставит знак равенства между «ахреянами» и «раскольниками»¹². П.П. Короленко, общая о связях К.А. Булавина с кубанскими казаками, отмечал, что «верные донцы, проведав об этом, сообщили крымскому хану, чтобы он названных казаков окреан, развращавших возмутительными делами мир царя с султаном, к Булавину не пустил»¹³. Повествуя о бунте Булавина, Н. Краснов писал: «Со стороны Булавина все состояло в выборе предмета и момента действия. И тот, и другой соображены с замечательным искусством, и мы вполне уверены, что то сделано не им лишь, а при подстрекательстве, с одной стороны, Мазепы,

---

¹¹ *Бранденбург Н.* Азовский поход Шеина: 1697 (Материалы для истории военного искусства в России) // Военный сборник. СПб., 1868. Т. 63. № 10. Отд. II. С. 188.

¹² *Вейнберг Л.Б.* Распространение христианства на Украине (Краткий исторический очерк, составл. по неизданным документам). Воронеж, 1889. С. 20.

¹³ *Короленко П.П.* Некрасовские казаки // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. 1900. Вып. 2. С. 15. В подстрочном примечании автор дает сноску на «Русский архив» (1894. № XI. С. 303) и отмечает: «Окреанами донцы называли тех казаков, которые бросивши свою родину жили между мусульманами в Азове и других местах». При этом П.П. Короленко ссылается на исследование В.Д. Сухорукова «Историческое описание Земли Войска Донского» (Т. II. С. 573).

и с другой, Игнатия Некрасова, энергического ахреянина, перешедшего в подданство турецкого султана»¹⁴.

В новейшей историографии ситуация вокруг *ахреян* меняется: выделим неопубликованный доклад С.В. Черницына, представленный на VIII межрегиональной научной конференции «Человек второго плана в истории» (г. Ростов-на-Дону, 6–7 мая 2010 г.), называвшийся «Охреяне – группа “второго плана” в ранней этнической истории донского казачества». В другом своем исследовании С.В. Черницын сделал несколько интересных замечаний о бытовании термина «*ахреяне*» в разных сообществах в связи с маркированием «чужого»¹⁵. Несколько раз об «*окреанах*», обращаясь к ранней истории кубанского казачества, упоминал известный специалист О.Г. Усенко¹⁶. Термин «*ахреяне*», кроме выходцев из Войска Донского, оказался связан с прошлым казаков, хотя и связанных происхождением с Доном, но оставшихся в истории благодаря *кавказскому* вектору своего развития. Так, казаков-старообрядцев («раскольников») Крымского ханства¹⁷ в рус-

---

¹⁴ *Краснов Н.* Исторические очерки Дона. Усмирение Петром Великим Булавинского бунта // Русская речь. 1882. Апрель. С. 123. В подстрочном примечании находим: «Охреянами назывались раскольники, принимавшие мусульманскую веру».

¹⁵ *Черницын С.В.* Образ «чужого» в этнических коммуникациях [Электронный ресурс] // URL: <http://dikoepole.com/2011/01/29/chernitsin-obraz> (дата обращения: 14.02.2012). Ученый заметил, что «во всех группах казачества людей, перешедших к неприятелям и принявшим ислам, называли “охреяне”, “потурнаки” и обычно не щадили». Источники, правда, свидетельствуют о разном отношении Войска Донского к таким людям: казнили их не всегда.

¹⁶ *Усенко О.Г.* Начальная история кубанского казачества (1692–1708 гг.) // Из архива тверских историков: сб. науч. тр. Тверь, 2000. Вып. 2. С. 66, 67 и др.

¹⁷ *Боук Б.М.* К истории первого Кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе // Восток (Oriens). 2001. № 4; *Усенко О.Г.* Начальная история кубанского казачества (1692–1708 гг.) // Из архива тверских историков: сб. науч. тр. Тверь, 2000. Вып. 2; *Сень Д.В.* Казаки Крымского ханства: начальный этап складывания войсковой организации и освоения пространства (1690-е гг. – начало XVIII в.) //

ских источниках неоднократно именуют *ахреянами*. Раскольники тоже считались «неверными», «богоотступниками», «нечестивыми». Нами, кроме того, опубликованы отдельные результаты обращения к новой для российской историографии теме: бегству донских казаков в османский Азов, сопровождавшемуся принятием мусульманства и пр.¹⁸. Анализ таких событий позволяет нам рассмотреть историю употребления слова «*ахреяне*» в широком социокультурном контексте, связав бытование термина с *поводами* включения разных случаев в письменные тексты, представленные материалами российского делопроизводства и некоторыми другими.

Считаем, что термин «*ахреяне*» является производным от «*агарян*». Появление слова, нового для русского языка XVII в., было связано с процессами христианско-мусульманского взаимодействия, включая конфликты, в пространстве пограничных владений трех держав – России, Крымского ханства и Османской империи. Неслучайно, что именно татар и турок в России сознательно и постоянно именуют агарянами. При этом более очевидной предстает связь между словами «*ахреяне*» и «*агаряне*»¹⁹, нежели смысловое созвучие между «*ахреянами*» и *Аграханью* (река на Северном Кавказе), либо с казаками-*аграханцами*, как предполагал С.М. Соловьев²⁰. Такое предположение маститого историка разделял Г.В. Вернад-

---

Тюркологический сборник 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / ред. кол. С.Г. Кляшторный и др. М., 2011; *Его же*. Из «вольных» казаков – в поданные крымских ханов: казачьи сообщества Дона и Кавказа в конце XVII – начале XVIII вв. // Восток (Oriens). М., 2011. № 5.

¹⁸ *Сень Д.В.* Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.). Ростов н/Д., 2009. С. 50–57.

¹⁹ Опустим в словах *агаряне* и *ахреяне* гласные буквы, кроме начальной буквы «а». Находим: аг[а]р[я]н[е] – «агрн»; ахр[е][я]н[е] – «ахрн».

²⁰ С.М. Соловьев, обратившись к сюжету с участием одного из *ахреян* в обороне Азова (1695 г.), предположил: «Не из *Аграханов* ли вышло *Охреяне?*» (*Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 13–14 // Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. VII. М., 1991. С. 512).

ский, публиковавший документы Азовской приказной палаты²¹. Кажется, именно схожее звучание слов «ахреяне» и «аграханцы» вызвало со стороны П.Л. Юдина фразу о том, что во время Азовского похода 1695 г. среди защитников крепости «оказались аграханцы, служа туркам в качестве лазутчиков и шпионов; из них некоторые попали в плен после покорения города...»²². Между тем, русские источники фиксируют слово *ахреяне* раньше того периода (конец 1680-х гг.), когда на р. Аграхани поселились казаки, вынужденные покинуть Дон после жестокого подавления местного старообрядческого движения²³. Следовательно, указанный гидроним не мог повлиять на появление такого экзонима (соционима) как *ахреяне*. Вместе с тем история казаков Аграхани, как и Кумы, и Кубани – часть прошлого *ахреян* Приазовья и Северного Кавказа.

Остановимся на этимологии слова «агаряне», хорошо знакомого и русским книжникам, и приказным людям допетровской Руси, и образованному человеку эпохи рождения империи²⁴. Словарь М.Р. Фасмера определяет *агарян* так: «...Магометане, турки. Еще в XVIII в. и в устном народном творчестве. Также русск.-цслав. агарѣне, болг. агарянин. Из греч. «Αγαρηνοί» от «Αγάρ», «Агарь» – побочная жена Авраама и мать Исмаила (цслав. Агарь)»²⁵. Слово «агаряне» – книжно-

²¹ Г.В. Вернадский писал: «Предположение Соловьева мне кажется правильным. Если не от “ахреянов”, то во всяком случае сами “ахреяне” произошли от аграханцев» (К истории колонизации Азовского побережья: Азовские дела по сношениям с Крымом и Кубанью (1698–1701), хранящиеся в Историческом архиве Таврической ученой архивной комиссии / публ. Г.В. Вернадского // Известия Таврической ученой архивной комиссии (далее – ИТУАК). Симферополь, 1920. Т. 57. С. 253).

²² Юдин П.Л. Из-за старой веры (Из истории религиозных движений в Гребенском казачестве) // Записки Терского общества любителей казачьей старины. 1915. № 13. С. 11. Другое дело, что до падения Азова турки-османы хорошо знали кумских и аграханских казаков.

²³ Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889; Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа... С. 100–142.

²⁴ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1. Л., 1984. С. 20.

²⁵ Фасмер М.Р. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986. Т. I. С. 60.

го, точнее, библейского происхождения. Ветхозаветный сюжет повествует нам о служанке Сарры, жены праотца Авраама – египтянке Агари, матери его первенца – Измаила²⁶. Из-за ссоры с Саррой, родившей Аврааму Исаака, Агарь была отправлена прочь: Авраам «взял хлеба и мех воды, и дал Агари, положив ей на плечи, и отрока, и отпустил ее»²⁷. Заблудившись в пустыне, мать и сын чуть не погибли, но были спасены Богом²⁸. Заключительное упоминание об Агари в Библии встречается в Послании к Галатам. Апостол Павел говорит о ней как о рабыне, а о Сарре – как о свободной женщине: «В этом есть иносказание. Это два завета: один от горы Синайской, рождающий в рабство, который есть Агарь, ибо Агарь означает гору Синай в Аравии и соответствует нынешнему Иерусалиму, потому что он с детьми своими в рабстве»²⁹. Измаил, претерпев немало жизненных лишений, как было обещано Богом, родил 12 сыновей³⁰, каждый из которых стал родоначальником племени. Потомки Измаила «жили от Хавилы до Сура, что пред Египтом, как идешь к Ассирии»³¹. Потомки Измаила, сына Агари, именуются в Библии *агарянами*. Они неоднократно воевали с евреями, но безуспешно³². Прожив долгую жизнь, Измаил после смерти был погребен в Мекке близ Каабы. Согласно Корану, испытание Господом Авраама его сыном и первенцем связано не с Исааком, как в Библии, а с Исмаилом (Измаилом). Данное происшествие положило начало празднику жертвоприношения (Курбан-байрам), одного из священных праздников мусульман. Кедар (или Кидар, дважды упоминаемый в Библии), один из сыновей Измаила, считался прямым предком пророка Мухаммеда³³, происходившего из мекканского рода курайш. Сам Мухаммед называет Из-

---

²⁶ Быт. 16:15–16, 2 Пар 31:15.

²⁷ Быт. 21:14.

²⁸ Быт. 21:17–20.

²⁹ Гал. 4:24–25.

³⁰ Быт. 17:20, Быт. 25:13, 1 Пар 1:28–31.

³¹ Быт. 25:18.

³² 1 Пар 5:10, 19–20.

³³ Еврейская энциклопедия. М., 1991. Т. 8. Стлб. 358.

маила посланником и пророком³⁴. При этом в мусульманской традиции роль Измаила признается более значительной, чем в библейской, а сам он считается образцом правоверия. Мусульмане и иудеи считают Исмаила (Измаила) прародителем арабов, которых христианская средневековая традиция называет также измаильтянами, а мусульман – агарянами³⁵.

В русской литературе находим применение обоих терминов по отношению к мусульманам («неверным»): «...милостив бо есть бог и силен, елико хочет и может, еще и ныне милость его велика есть на нас, яко избавил ны есть господь от руки враг наших татар, избавил ны есть от сеча и от меча и от кровопролития, мышцею силы своей разгнал есть врагы наша, сыны Агаряны, рукою крепкою и мышцею высокою и устрасил есть сыны Измаилевы»³⁶. А. Сидоров в своей «Краткой истории донского казачества» указывал, что «старикиказаки говаривали, что “мы – Саррины”, т.е. от Сары – жены Авраама, а не от Агари, от которой агаряне – “арабы Аравии”». В общем смысле, риторически, *агарянами* именовались все «неверные»³⁷, мусульмане, включая турок и татар. Шах Ирана в «Грузинских делах» Посольского приказа поименован «агарянским царем»³⁸. Маркируя «врагов веры Хри-

---

³⁴ Коран 19:54.

³⁵ Русский энциклопедический словарь, издаваемый профессором С.-Петербургского университета И.Н. Березиным. СПб., 1873. Отд. I. Т. I. С. 194; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975. С. 20.

³⁶ Повесть о Темир-Аксаке [Электронный ресурс] // URL: http://az.lib.ru/n/neizwestnye/text_0300.shtml (дата обращения: 03.02.2012).

³⁷ «Агаряне, потомки Агари, наложницы Авраама. От ее единственно-го сына Измаила происшедшие племена северной Аравии носили название то измаильтян, то А-н. Иногда всех аравитян называли этими именами; вследствие этого А-ми стали называть вообще всех мусульман, а в нашей древней письменности даже вообще неверных» (Большая энциклопедия / под ред. С.Н. Южакова. СПб., 1904. С. 111).

³⁸ Перевод с письма кахетинского царя Теймураза I к русскому царю Алексею Михайловичу 1649 года 13 августа [Электронный ресурс] // URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVII/1640-1660/Posolstvo_Tolocanova/text1.htm (дата обращения: 03.02.2012).

стойкой», церковные деятели и миряне использовали указанное слово в инвективном смысле. Турки выступают как «безверные», «злые», «несправедливые» агаряне³⁹; они же – «нечестивые безбожные агаряне»⁴⁰. Такие же «безбожные агаряне» для русских – это волжские булгары⁴¹. «Сибирская летопись» (XVII в.) неоднократно сообщает о *нечестивых агарянах*, имея в виду и языческое население Сибирского ханства. Повествуя о приходе Ермака Тимофеевича с товарищами в 1579 г. на Чусовую (приток Камы), летопись указывает: «Атаманы же и казаки обещахася им (Строгановым. – Д.С.) противу безбожных агарян стояти крепче...»⁴². *Агарянами* именуется дальше вогулы (остяки), с которыми казаки бились как с «безбожными агаряны сурово и немилостивно»⁴³; они же названы «безбожниками», «окаянными», наконец, «погаными агарянами»⁴⁴. «Безбожные и нечестивые агаряне» во главе с «варваром» Карачей, подданные хана Кучума, убили атамана И. Кольцо с товарищами⁴⁵. Повествуя о населении Сибирской земли, автор подчеркивает, что там «жителствуют мнози невернии языцы, Бога не знающе, ни закона его сведуще, но держащее закон Моаметов, поклоняющееся идолом и жертву

---

³⁹ *Опарина Т.А.* «Исправление веры греков» в Русской Церкви первой половины XVII в. [Электронный ресурс] // URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/oparina.htm (дата обращения: 04.02.2012).

⁴⁰ Перевод с письма кахетинского царя Теймураза I к русскому царю Алексею Михайловичу 1649 года 13 августа [Электронный ресурс] // URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVII/1640-1660/Posolstvo_Tolocanova/text1.htm (дата обращения: 03.02.2012).

⁴¹ *Измайлов И.Л.* «Безбожные агаряне»: Волжская Булгария и булгары глазами русских (X–XIII вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Контакты, зоны контактов и контактные зоны: XI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто: мат-лы конференции. М., 1999.

⁴² Летописи сибирские / сост. и общ. ред. Е.И. Дергачевой-Скоп. Новосибирск, 1991. С. 122.

⁴³ Там же. С. 122.

⁴⁴ Там же. С. 123, 166.

⁴⁵ Там же. С. 155.

приносящее бесом. Разныя же многия языцы: татара, остяки, калмыки, самоед»⁴⁶. «В лето 6997 тое же весны июня в 11 день (11 июня 1489 г.) посылал князь великий Иван Васильевич Всеа Руси рать свою на Вятку за их неисправление князя Данила Васильевича Щеня да Григория Васильевича Морозова Попляву и иных воевод со мною силою. Они же, шедше, гряды Вятцкие взяша, а Вятчан людей к целованью приведоша, а арских князей и иных агарян к роте приведоша», – рассказывает летопись о присоединении Вятской земли к великому княжеству Московскому⁴⁷.

Другие тексты также отражают враждебное восприятие православными людьми тюрко-татарского мира через религиозные средневековые представления. Например, татары именуются в «Киевском синопсисе» *погаными*: так русские стали называть «чужеродных пришельцев языческой веры. Тот же смысл имеют и обозначения в “Синопсисе” татар и турок как “безбожных агарян” и “измаильтян”»⁴⁸. А в «Повести о разорении Рязани Батыем» (Волоколамский список XVI в.) князь Ингвар Ингваревич восклицает: «О братие моя и господие, помогайте мне во святых своих молитвах на супостаты наши – на агаряне и внуци измайлтеска рода»⁴⁹. Конечно, мусульмане были вписаны в библейскую генеалогию народов. Однако чаще мусульмане-татары рассматривались в европейской средневековой анналистике с точки зрения «тартарского террора»; «...татары изображались как предвестники конца света, и в этом качестве их пытались “вписать” в библейские рассказы, называя народом Гога и Магога, чьим предназначением явля-

---

⁴⁶ Летописи сибирские... С. 126.

⁴⁷ URL: <http://borgheus.livejournal.com/8169.html> (дата обращения: 01.02.2012).

⁴⁸ Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674) / предисл. и подг. текста. О.Я. Сапожникова, И.Ю. Сапожниковой. М., 2006. С. 30, 156, 166, 217.

⁴⁹ Воинские повести Древней Руси / под ред. члена-корреспондента АН СССР В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1949. С. 17.

лось наказание божьего народа за грехи...»⁵⁰. Уже в XIII в. монголов (татар) стали сравнивать с ветхозаветными исмаилитами; более того, «звуковые ассоциации, которые возникали при сравнении этнонимов “моал” (монгол) и “татар” ... с “исмаилитами” или же “тартарами” превратили робкие вопросы в уверенность, а после 1241 г., когда монгольское нашествие стало реальностью, и в парализующий ужас»⁵¹.

В связи с ветхозаветными известиями об Агари нашествие монголо-татар могло трактоваться как вторжение врагов христианства, отвергнутых Богом, в православные земли. Отказ от включения татар и турок в свой мир и в свою историю привел к использованию в тексте устойчивых речевых оборотов – нечестивые варвары, поганые, поганые татары и пр.⁵² «Нечеловечность» татар и турок подчеркивалась указанием на их антропофагию: «...хотяще православных яко гладнии зверие всячески пожреше»⁵³. Мусульмане, по контексту – жители Крыма – именуются в письмах патриарха Иоакима конца XVII в. не только «измаильтескими людьми», но также «проклятыми агарянами»; речь идет об их «агарянском злобозном свирепстве»⁵⁴. Любопытен пассаж об «измаилтесских людях проклятых агарянах татарских ордах»⁵⁵. По-своему реагируя на события второго Крымского похода, правительница Софья писала своему возлюбленному В.В. Голицыну: «Свет мой, братец Васенька! Здравствуй, батюшка мой, на многие лета! И паки здравствуй, божиею и пресвятыя богородицы милостию и твоим разумом и счастьем победив агаряне! Подай

---

⁵⁰ *Карнаухов Д.В.* Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения. Новосибирск, 2010. С. 162.

⁵¹ *Гёкеньян Х.* Западные сообщения по истории Золотой Орды и Поволжья. 1223–1556 // Источниковедение истории улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2001. С. 83.

⁵² Мечта о русском единстве... С. 148, 150, 167.

⁵³ Там же. С. 226.

⁵⁴ Війскові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах / упор. С. Павленко. Київ, 2009. С. 21–23.

⁵⁵ Там же. С. 79.

тебе, господи, и впредь враги побеждать!»⁵⁶. Знали ли об особом звучании «агарян» на Дону? Несомненно. В войсковой записке от 8 декабря 1637 г. о взятии казаками Азова находим: «...Ис того града Азова от бусурманские веры, Агаренского изчадия поганского языка от злохищренных волков чинилось пакость великая твоей, великого государя царя, отчине...»⁵⁷. В «Исторической повести о взятии Азова» есть фрагмент о разорении христианской веры «от тех окаянных и немилостивых волков поганского языка...», о гонении на веру «от тех злохитренных... немилостивых волков поганского языка бусурманския веры, от агарянского изчадия»⁵⁸. Обратим внимание на особый символизм последнего речевого оборота, манифестирующего о связи мусульман-агарян с адом. В «Поэтической повести» Богородица «глаголющее умилным гласом: “Мужайтесь казаки, а не ужасайтесь! Се бо град Азов от беззаконных агарен зловерием их обруган и суровством их, нечестивых, престол предтечин и николин осквернен”»⁵⁹.

Несколько меньшей стала сфера применения *нового* для реалий XVII в. термина «ахреяне», близкого по смыслу *агарянам*. Термин «ахреяне» был хорошо известен на Дону. В словаре А.В. Миртова приводится несколько значений слова *ахриян/охриян*: «грязный, оборванный человек», «оборванец, забияка», «отступник, ренегат»⁶⁰. Там же, со ссылкой на труд Левочкина в «Известиях Варшавского императорского университета», находим, что раньше *ахреянином* называли «казака-запорожца, перешедшего в магометанство, теперь полу-ласкательное, полу-ругательное выражение»⁶¹. Интересно, что в словаре В.И. Даля инвективно-уничужительный

⁵⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 14 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/soloviev/solovlec.htm> (дата обращения: 08.02.2012).

⁵⁷ Донские дела. СПб., 1898. Кн. 1. Стлб. 636.

⁵⁸ Цит. по: Воинские повести Древней Руси... С. 48.

⁵⁹ Там же. С. 78.

⁶⁰ Миртов А.В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д., 1929. Стлб. 10.

⁶¹ Там же.

смысл слова *охреян* / *ахреян* уже размыт: «Охреян... лентяй, неотесанный, неуклюжий, грубый, мужиковатый увалень»⁶². Произойти это могло, как нам представляется, со временем и в связи с *диалектным* употреблением слова, что также отмечено в указанном словаре. Возможно, быстрее это случилось вдали от зоны мусульманско-христианских контактов – там, где память об изменниках-*ахреянах* угасла быстрее всего. Любопытна выдержка из статьи известного ученого М. Миллера: «Казачи-старообрядцы, бежавшие к ногайцам или туркам, назывались на Дону “ахреяне”. Это слово на Дону было бранным еще в 19 ст. Моя мать говорила мне, что ее бабушка бранила своего мужа “ахреяном” за то, что он “лба не перекрестит, а уже за трубкой тянется”⁶³. При взятии Азова Петром I в 1696 г. Петр согласился выпустить турецкий гарнизон с оружием, при условии выдачи ему “ахреян”. Ахреяне были выданы, кажется, около 1000 человек, и по приказу Петра – казнены⁶⁴. Кубань была постоянным прибежищем ахреян. Поэтому то и Некрасов повел сюда своих казаков»⁶⁵.

И нарративные тексты, и материалы российского делопроизводства указывают на знакомство донского казачества со словом «*ахреяне*», на практики номинирования им разных *изменников*. В войсковой отписке от 3 декабря 1637 г. донские казаки сообщали об «Охреяне Осанке», толмаче при султанском «после» Ф. Кантакузине: «...Тот Охреян Асанка толмач своим злым волшебством нам... чинил пакости великия, сверху по Дону на низ в наши таборы нарядныя чары деючи пуцал»⁶⁶. Текст повести позволяет уточнить подробности, связанные с

---

⁶² *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка в четырех томах. М., 1989. Т. 2. С. 774. Правда, второе значение слова В.И. Даль рассматривает в связи с раскольниками времен Петра I.

⁶³ *Ахреянин*, таким образом, здесь не мусульманин, но нарушитель религиозной морали, отступающий от норм поведения.

⁶⁴ Подробнее указанный сюжет рассмотрен ниже. Здесь же отрывок из М. Миллера приведен в связи с логикой законченного текста.

⁶⁵ *Миллер М.* Еще о старообрядцах-некрасовцах // Родимый край. 1964. № 51. С. 7.

⁶⁶ Донские дела. СПб., 1898. Кн. 1. Стлб. 638.

ахреянством Асанки: «И отпали они (Асанка и Ф. Кантакузин. – Д.С.), окаянные, от нашия православные христианския веры самоволством (добровольно. – Д.С.) – ни прелестию, ни мукою турских людей. И за то того посла Фому и ахреяна Асанка толмача и их людей за их измену казнили»⁶⁷. Любопытно, что другой литературный источник называет Ф. Кантакузина «греческия веры родом». Из письма Зульфикара-аги, переводчика османских падишахов, царю Михаилу Федоровичу следует, что переводчик Хасан был чаушем⁶⁸. Из текста другой отписки Войска Донского от 9 июня 1646 г. следует: «Да с теми ж, государь, крымскими Языки взяли мы, холопи твои, ахреяна, русково мужика, Мартинком зовут. А сказался, государь, нам: взят де он в полон невелик да и побосурманен»⁶⁹. Как видим, оба случая употребления термина связаны с замеченным переходом русских людей в мусульманство и, как уже отмечалось выше, задолго до событий церковного раскола. Вероятно, первоначальное значение слова «ахреяне», включенного современниками в сферу разговорного языка, было связано с переходом русских (т.е. православных) людей в чужую веру, а именно – в мусульманство. Однако вскоре (если не параллельно применению слова «ахреяне» в указанном выше смысле) тема перехода в иное вероисповедание приобрела характер *измены* – и вере, и единственному православному государю, т.е. московскому царю. Предположим, что указанные практики «бусурманства», отмеченные современниками именно в этой зоне христианско-мусульманских контактов, привели к появлению слова «ахреяне» в книжном и разговорном языках, что зафиксировали разные русские источники. При этом явление возникло и стало развиваться в ситуации обо-

⁶⁷ Воинские повести Древней Руси... С. 52.

⁶⁸ Мейер М.С., Фаизов С.Ф. Письма переводчика османских падишахов Зульфикара-аги царям Михаилу Федоровичу и Алексею Михайловичу, 1640–1656: турецкая дипломатика в контексте русско-турецких взаимоотношений. М., 2008. С. 70. Чауш (чавуш) – дознаватель в Османской империи. Помимо профильных функций, как указывают С.Ф. Фаизов и М.С. Мейер, чауш мог исполнять функцию гонца (Там же. С. 5).

⁶⁹ Донские дела. Кн. 3. СПб., 1909. Стлб. 46.

стренного внимания донских казаков к бывшим представителям «своей» группы, активно интегрирующимся в чужую культуру⁷⁰. Т. Опарина, исследовавшая несколько иную ситуацию, отмечает, что с особенной ненавистью «истинные» православные относились к «тайным христианам», принимавшим ислам: «Запорожские казаки обозначали неофитов “потурнаками”, донские – “ахриянами”, русские литературные тексты называли их “окаянными отступниками от православных христианских веры”»⁷¹. Во второй половине XVII в. слово «ахреяне» получает новые смыслы.

Другая исследовательская проблема, в контекст которой успешно вписывается история *ахреян*-перебежчиков, – внеконфронтационные отношения Войска Донского и османского Азова, представленные, помимо прочего, «обменом» населением⁷² и разного рода информацией. Источники второй половины XVII в. фиксируют один за другим случаи бегства (перехода) донских казаков в Азов, где они могли принимать мусульманство, а впоследствии даже возвращаться на Дон⁷³. Ин-

---

⁷⁰ Черницын С.В. Образ «чужого» в этнических коммуникациях [Электронный ресурс] // URL: <http://dikoepole.com/2011/01/29/chernitsin-obraz> (дата обращения: 14.02.2012).

⁷¹ Опарина Т. «Корыстное крещение». Указ 1623 г. и следы его реализации // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2012. Вып. 9. С. 103.

⁷² Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа... С. 50–57; Его же. Казаки-перелеты // Родина. Российский иллюстрированный журнал. 2010. № 3. С. 63–65.

⁷³ Составление сводки таких уходов (побегов) казаков – дело ближайшего будущего. Ее анализ связан не с выявлением числа «изменников» в целях распространения частных выводов на природу служения казаков разным государям или идеализации османо-казачьих отношений (см. интересную ремарку, все еще характеризующую традиционное отношение к теме перехода казаков на сторону «врагов России»: Малов А.В. Молодинская битва в контексте военно-политической ситуации в мусульманско-христианской контактной зоне // Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. ст. Вып. 2. Казань, 2010. Сноска № 24). Речь о другом – наличие в контактной зоне османо-казачьего пограничья нескольких центров культурной, политической ориентации порождало в

формационный обмен – еще один аспект осmano-казачьих отношений, в котором перебежчики, как и другие носители информации (необязательно, кстати, изменявшие «своей» стороне), играли свою роль. Договариваться и обмениваться информацией, когда хотели, на Дону и в Азове умели: из показаний станичного атамана Фрола Минаева в Посольском приказе 30 декабря 1672 г. следует, что «с азовцы де у них договор был таков: естли в Азов или к ним прибудут внов люди, и им меж себя о том чинить ведомо»⁷⁴. Вряд ли речь шла о беглецах – более очевидно указание на обмен оперативной информацией, имеющий свои традиции. Еще в 1655 г. актуальным было свидетельство о том, что «у донских де казаков с азовцы мир... а замирено де... на том, что им друг другу про всякие вести сказывать». Интересно, что стороны находились тогда в очередной ссоре – несмотря на предоставление азовцами «турских» и «крымских» вестей, донцы перестали в ответ сообщать туркам-османам о содержании грамот, присылаемых на Дон⁷⁵. Каналы получения казаками необходимой информации замыкались не только, скажем, на сообществе «городовых азовских людей», но порой на фигуре самого азовского бея⁷⁶. В письме Зульфикара-аги боярину И. Д. Милославскому (4 октября 1650 г.) прямо говорится, что после примирения «донские казаки приходят в Азов, а азовские люди ходят

казачьей среде соблазн перейти «границу миров», сделать *индивидуальный* выбор вопреки довлеющей со стороны большинства *традиции*. Особая роль могла принадлежать здесь тумам (полукровкам), кочевникам, нарушителям войскового права и т.п. лицам, т.е. всем тем, кто менее других был склонен воспринимать Другое по ту сторону границы как явную угрозу. Говоря другими словами, это те, кто охотнее других реагировал на «пористость границы» (по А. Риберу) самыми разными способами, включая ее пересечение туда/обратно. Проблема, таким образом, в большей степени имеет культурно-психологическую природу – кстати, как в случае с русскими перебежчиками, приехавшими в Азов в 1571 г. (Малов А. В. Указ. соч. С. 194).

⁷⁴ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 111. Оп. 1. Кн. 3. Л. 102 об.

⁷⁵ Донские дела. СПб., 1913. Кн. 4. Стлб. 948.

⁷⁶ Там же. Стлб. 442.

к донским казакам, и так предотвращается нанесение ущерба друг другу»⁷⁷. Из показаний вернувшегося с Дона полуголовы московских стрельцов Василия Волжинского в Посольском приказе от 18 ноября 1675 г. (сообщавшего о нежелании большинства донцов совершить морской поход в 1674 г.) следует: «И в то время от казаков к азовцам перекинулись с ведомостью два человека. Да и в ыные де времена какое великого государя дело зайдет, или присланы бывають о каких промыслех великого государя грамоты, и от казаков бывають в Азов переметчики. И ж[и]в[я] в Азове года по два и по три, приезжают назад в Азов (имеется в виду обратное возвращение «переметчиков» в крепость после временного ее оставления, надо думать, и в целях поездки на Дон. – Д.С.), а казни тем людем казаки... толко по своему казачью приговору чинят тех людей лысым[и], естли с кем учнет бранитца, и ево волно бить, а суда не давать»⁷⁸. Таким образом, не всех возвращавшихся на Дон перебежчиков Войско Донское карало смертью, хотя и «награждало» указанных людей признаком, маркирующим «чужого» (мусульманина?) – *обрыванием головы налысо*. Соответственно, ссорясь с полноправным донским казаком, такой «переметчик» обладал заведомо более скромными правами – шансов быть избитым при общем попустительстве оказывалось больше, нежели судиться по войсковому праву.

Отметим, что при исследовании вопроса о связях *разных* казачьих сообществ с Азовом уместно обратиться к практикам запорожских казаков. У нас почти нет сомнения в том, что не донские казаки, а они стали *раньше* переходить в Азов, оставаясь там жить. Донцы, что примечательно, об этом знали: «А в Запорожье де живут Черкасы люди непостоянные и худые: как увидят неприятельской приход, и они многие изменяют и передаютца из Запорожья в Очаков, а з Дону в Озов, и в Азове де Черкасс умножено, и учинен де у них в Азове черкасской атаман Бердниченко»⁷⁹. В этих расспросных речах от

---

⁷⁷ Мейер М.С., Фаизов С.Ф. Указ. соч. С. 91.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 2221. Л. 10.

⁷⁹ Донские дела. Петроград, 1917. Кн. 5. Стлб. 254.

1 декабря 1657 г. донцы сообщали также о многочисленных фактах участия Бердниченка и самих черкас в набегах азовцев – на Торец (Тор), Валуйки, Новый Оскол, «по речкам и государевым городам».

В 1688 г. «выбежал» на Дон из Азова казак Рыковского городка Якушка, «которой изменил им казаком и из Черкасского в прошлых годах ушел и жил в Азове»⁸⁰. Перебежчика заслушали в кругу, и его, как предоставившего ценную информацию, судя по всему, Войско простило, о чем казаки сообщили в Москву. Последнее обстоятельство примечательно в том смысле, что в своих отписках донцы не упускали, как правило, случая рассказать о казни над изменниками. Следовательно, отношение Войска к таким людям являлось дифференцированным: сам по себе факт ухода казака в Азов не означал немедленной казни «изменника» в случае обратного возвращения на Дон. В том же 1688 году Войско Донское сообщало в отписке на имя царей о проживавшем ранее на Дону казаке Микишке Хохлаче, «перекинувшемся» в Азов и, судя по всему, женившемся там⁸¹. Поведение Хохлача (выходца из Сечи?) рисовалось донцами в соответственных тонах: «...Многие шкод нам чинил и людей подводил... везде знал и под морских похожих под наших козаков он же азовцов подвел, многие пакости учинил...»⁸². Хохлач ходил в походы с азовцами и под городок Тор (на р. Торе или Торце – притоке Северского Донца) в качестве лазутчика, где его пленили. Особенно в войске озаботились тем фактом, что Хохлача позже освободили, и направился он в Новгород на стрелецкую службу. Казаки предупреждали царей, что изменник все равно сбежит в Азов, где «азовцы ево к себе ждут, чают ему быть скоро, а как он будет в Азове, и он будет чинить по прежнему»⁸³. Религиозную или этническую принадлежность жены Хохлача

---

⁸⁰ Дополнения к Актам историческим, собранныя и изданныя археографическою комиссиею. СПб., 1872. Т. 12. С. 227.

⁸¹ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1687 г. Д. 13. Л. 78.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

определить трудно, равно как ответить на вопрос – стал ли казак мусульманином? Вместе с тем нельзя не отметить широту реализованных Хохлачом вариантов поведения в Азове: возможность участвовать в набегах, жениться и пр.

Уходя с Дона, казаки не просто так стремились попасть в Азов. Повторяемость указанных практик неслучайна – Азов сознательно избирается беглецами в качестве высокостатусного места, маркирующего переход пограничной зоны. Из показаний кубанского казака Д. Башмака, пойманного и допрошенного в 1694 г., следует, что он, покинув семью примерно в 1690 г., «пошел в Озов один... и явился озовскому бею Темеше. И жил у него во дворе месяца с два»⁸⁴. Любопытно, что адаптация не потребовала от казака перехода в мусульманство, хотя признаки антиповедения налицо: в посты, а также в среду и пятницу, «по их босурманской обыкности», Башмак употреблял мясо. Но и Азов не был единственным местом, маркирующим переход фронтальной зоны – например, 1699 год отмечен бегством в османский Ачуев трех «русских людей» из Азова, сменивших там вероисповедание⁸⁵. В заключение сюжета об «азовских практиках» казачьих сообществ Дона и Северного Кавказа отметим, что в Азове с конца XVII в. почасту и подолгу стали бывать кубанские казаки-старообрядцы⁸⁶, которых русские источники охотно именуют *ахреями*. Для них Азов стал удобным перевалочным пунктом при совершении набегов и продажи, на пути обратного следования на Кубань, награбленного и ясыря. Были знакомы с бурлящей жизнью азовских кварталов и местного невольничьего рынка, с двором азовского паши еще кумские и аграханские казаки. Донской казак О. Данилов, плененный азовцами весной 1689 г.,

---

⁸⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стлб. 1406. Л. 176.

⁸⁵ Доба гетьмана Ивана Мазепи в документах / упор. С. Павленко. Київ, 2007. С. 577.

⁸⁶ Данные за 1694 г. См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стлб. 1406. Л. 126. Известно также, что какое-то время в Азове проживал сам Л. Маноцкий; по крайней мере, применительно к событиям 1694 г. об этом говорится в настоящем времени.

свидетельствовал позже в Посольском приказе, что азовский бей допрашивал его «по наговору воров и расколников донских казаков, будучих в то время с кумы реки для жалованья, и били их и мучили (казак попал в плен не один. – Д.С.), чтоб они сказали о всем подлинно»⁸⁷. Обращает на себя внимание, что кумские казаки чувствовали себя в Азове весьма уверенно – неслучайным поэтому предстает их участие в военных акциях азовцев, о чем в источниках содержится немало свидетельств. Сообщая об опасности, исходившей от кумских казаков, о трудностях налаживания диалога с казаками Аграхани, донской станичный атаман И. Аверкиев замечал в 1691 г.: «А оне, богоотступники и расколники, непрестанно бывают в Озове...»⁸⁸.

Об *ахреянах* Азова русские источники заговорили снова во время Азовских походов. Как это часто бывает в науке, эвристическая работа (связанная здесь с изучением словоупотребления «*ахреян*») способна привести к новым исследовательским запросам, к очередным гипотезам и возможным открытиям. Оказалось, что *ахреяне* Азова сыграли особую роль в истории крепости конца XVII в., представляя собой более заметное явление в жизни полиэтничного Азова, чем это считалось в науке. Речь, прежде всего, о том, что славянское население Азова было представлено не только невольниками. Вопрос, конечно, нуждается в дальнейших исследованиях, однако некоторые предварительные наблюдения сделаем. Считаем, что разные группы славян, как менявшие, так и не менявшие свое вероисповедание, могли *постоянно* проживать в Азове, торговать и находиться под защитой местных властей. Обратим внимание, что во время второго Азовского похода запорожские казаки «доставляли российскому командованию и жителей крепости, среди которых было *немало украинцев* (выделено мною. – Д.С.) (Кирилл Сизаренко с Харьковщины, Федор Коваль со Слобожанщины и др.). Они также дали

---

⁸⁷ Розыскные дела о Петре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1888. Т. 3. Стлб. 936.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 2. Л. 5.

немало важных известий о положении вражеского войска»⁸⁹. На наш взгляд, вряд ли указанные лица были рабами. Далее – туркам-османам, во время осады крепости страдавшим от недостатка продуктов, «помогал... один Немец и несколько человек Русских, которые нашли способ, как провиант в город провозить»⁹⁰. Это вызвало беспокойство российского командования, учитывавшего настроения к сдаче крепости, распространившиеся по гарнизону. Вскоре один из таких «русских людей» был пойман – оказалось, что, выходя из крепости, он покупал хлеб задешево, а продавал его потом в гарнизоне по завышенной цене. Судя по контексту всей истории (перемещение русских за пределы крепости, совершение ими торгово-денежных операций), указанные люди, названные Г.З. Байером «изменниками», также не могут быть признаны невольниками. Условия сдачи Азова, помимо прочего, предполагали выдачу российской стороне «переметчика Якушки (голландца Якова Янсена, перебежавшего в Азов к туркам около в ночь с 14 на 15 июля 1695 г.⁹¹ – Д.С.) и прочих ренегатов»⁹². Оказалось, таких отступников в крепости было немало – причем указанный факт оставался до последнего времени вне пристального внимания со стороны исследователей.

История Я. Янсена началась во время первого Азовского похода, в которой нашлось место и *ахреям*. Так, проверяя слова Якушки, один из азовских *ахреян* в качестве лазутчика был послан в русский лагерь: все осмотрев, он затем вернулся

---

⁸⁹ Дядиченко В.А. Участь українських козацьких полків в Азовсько-Дніпровських походах 1695–1696 рр. // Наукові записки Інституту Історії України. Київ, 1952. Т. 4. С. 174.

⁹⁰ Байер Г.З. Краткое описание всех случаев касающихся до Азова от создания сего города до возвращения онаго под Российскую державу. Изд. 3-е. СПб., 1783. С. 176.

⁹¹ Подр. о биографии Я. Янсена см.: Голикова Н.Б. Голландец Яков Янсен и его крах в России в конце XVII в. // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 2004. № 4. С. 11–29.

⁹² Байер Г.З. Указ. соч. С. 178.

в крепость⁹³. Сам Якушка сумел в итоге построить в Азове артиллерийский раскат, приняв предложение турок-османов возглавить его и следить со состоянием всего сооружения. Его «крах» случился в следующем, 1696 году. Сам Петр I, сообщая в письме Ю. Ромодановскому о взятии Азова, отмечал, что турки-османы «изменника Якушку (Янсена) отдали жива в руки наши». В грамоте Петра I патриарху Адриану уточнялось: турки-османы, соглашаясь на сдачу крепости, «отдали немчина Якушку, который, изменя, из войск наших ушел к ним в Азов и обусурманился прошлого году»⁹⁴. Казнь Я. Янсена была совершена в Москве – незадачливого артиллериста колесовали, после чего отсекли голову, которую и «взоткнули» потом на кол⁹⁵.

---

⁹³ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. II. С. 236. Н.Г. Устрялов именует ахреянами «закоснелых раскольников, изменивших государю и отечеству». Ср. у А.Г. Брикнера, ссылающегося на цитируемую работу Н.Г. Устрялова: «В Азове находились также русские раскольники, изменившие своему отечеству. Один из них пробрался в траншеи осаждавшего Азов войска, отозвался по-русски на оклик часовых, все осмотрел и возвратился в крепость» (Брикнер А.Г. История Петра Великого. М., 2002. С. 152). Ср. у С.М. Соловьева: «Турки вышли в это время из Азова, пустивши перед собою одного из кубанских или аграханских раскольников, который, окликнутый часовыми, сказался по-русски козаком и, высмотревши, что русские беспечно отдыхают, дал знак туркам. Те стремительно ворвались в лагерь, побили сонных, и хотя были выгнаны с большим уроном, однако успели увезти 9 полевых орудий и перепортить все осадные» (Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 13–14 // Соловьев С.М. Сочинения. В 18кн. Кн. VII. М., 1991. С. 512).

⁹⁴ Там же. С. 517. Есть и иная точка зрения, собственно говоря, представленная словами самого Я. Янсена, о том, что в мусульманство он не переходил. В подтверждение слов голландец сослался на то, что не прошел обряда обрезания. Однако случаи такого перехода при несоблюдении указанного обряда имели место – см. сноску № 112. Кроме того, сами турки-османы уверяли российскую сторону, что Янсен принял мусульманство и был записан в янычары – см.: Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 26–27.

⁹⁵ Байер Г.З. Указ. соч. С. 179. Обратим внимание на символизм казни, на *знаки*, сопровождавшие последние моменты жизни Я. Янсена.

Судьба *ахреян* османского Азова в целом сложилась иначе. Важное дополнение характеристикам группы находим в письме неизвестного участника второго Азовского похода за 1696 г. в Москву: «...Вылазка была из города в шестой бой июля в 1 день, и ничего не учинили; но их же побили многих, и хотят сдать город турки, но охреяны возбраняют, и промысел, чаем, будет вскоре над городом Азовом⁹⁶. Н. Дружинин, сообщая 1 августа 1695 г. неустановленному лицу о прощении Петром I пленных турок-османов общей численностью 2,5 тыс. человек и об отправлении их «в дома», отметил, что в Азове до его падения «сидели ахреян сот с пят», которых после сдачи крепости «всех взяв, роздали донским казакам...»⁹⁷. После сдачи крепости турки стали освобождать всех русских пленных и невольников, а из перебежчиков выдавали тех, кто не принял «басурманскую веру»⁹⁸. Н.Г. Устрялов уточняет, что об «ахреянах или раскольниках» условились заранее: если всех русских невольников турки отдавали без исключения, то из числа ахреян «выдавали только тех, которые не обусурманились»⁹⁹. По требованию донских казаков турки-османы выдали «несколько охреян, главных заводчиков. Их отослали в Черкасск для всенародной казни за измену», а в опознании «славных воров и заводчиков» принял участие донской атаман Фрол Минаев¹⁰⁰.

Итак, *свободных* славян в османском Азове конца XVII в. оказалось достаточно, чтобы выразить коллективное несогласие с позицией турок-османов о судьбе Азова. *Рабы*, случись такое, вряд ли сумели бы заявить хозяевам крепости о своих интересах. Основная масса местных *ахреян* была связа-

---

Показательно и то, что тело Я. Янсена отправили в скудельницу – т.е. «убогий дом», уготовив ему судьбу «заложного покойника». См. также: Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 28.

⁹⁶ Желябужский И.А. Дневные записки // Рождение империи. М., 1997. С. 290–291.

⁹⁷ Грамотки XVII – начала XVIII века. М., 1969. С. 38.

⁹⁸ URL: <http://slavakazakam.ru/azovsk1> (дата обращения: 15.02.2012).

⁹⁹ Устрялов Н.Г. Указ. соч. С. 290.

¹⁰⁰ URL: <http://slavakazakam.ru/azovsk1> (дата обращения: 15.02.2012).

на с Азовом такими основаниями, которые позволяли им опасаться за свою судьбу в случае сдачи крепости российским войскам. Иначе зачем было местным *ахреям* сопротивляться пораженческим устремлениям турок-османов? Это были люди, несомненно, русского (православного) происхождения, среди которых могли быть украинцы, выходцы из Войска Донского и т.п. элементы, в т.ч. связавшие свою судьбу с Азовом через смену вероисповедания. Можно предположить, что какую-то часть *ахреян* Азова на момент 1696 г. составляли не православные славяне, а лица, перешедшие из православия в мусульманство. Впрочем, среди местных *ахреян* были те, кто, укрываясь в крепости, оставался верен «старой» вере, оказывая при этом туркам-османам разные услуги. Известная часть таких *ахреян* Азова (среди которых выделим постоянных жителей и лиц, временно пребывающих в крепости) могла быть представлена казаками Кубани¹⁰¹. В речах пленного *ахреяна* Левки Степанова находим список кубанских казаков, участвовавших в набегах: «...Донской казак с реки Медведицы Савка Пахомов, да разбойник, которой розбивал по Волги, Афонка Обрамов, донские казаки с городка Голубые Якушка Горожанов, с Михалева городка Васка Мануйлов и с Строи... на (Сиротина? – Д.С.) городка Давыдка Лукьянов. А иные де... *которые живут на Кубани и в Озове* (выделено мною. – Д.С.) по имяном он, Левка... не упомнит»¹⁰². Известно также, что какое-то время в Азове проживал атаман Л. Маноцкий; по крайней мере, применительно к событиям 1694 г. об этом говорилось в настоящем времени. Кроме того, в Азове могли пребывать члены разгромленных в недавнем прошлом кумской и аграханской общин – однако их число в общем контингенте защитников крепости может быть признано минимальным¹⁰³.

¹⁰¹ Вскоре после своего появления на Кубани казаки стали получать жалованье от хана и от *азовского бея* (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стлб. 1406. Л. 126).

¹⁰² Данные за 1694 г. См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стлб. 1406. Л. 126.

¹⁰³ У нас нет оснований говорить о *массовом* участии кубанских казаков в обороне Азова. Вряд ли, кроме того, *боевой* состав казачества Кубани был близок цифре в 500 человек.

Анализ приведенных выше свидетельств не дает оснований полагать, что российская сторона видела в *ахреях* Азова одних лишь *раскольников*. Иначе вряд ли власти, незадолго до того подавившие движение старообрядцев Дона, позволили бы сдавшимся в Азове «раскольщикам» снова вернуться в казачьи городки. Дальнейшую судьбу выданных *ахреян* Азова проследить пока не удастся. Одно из возможных направлений дальнейшего архивного поиска – сплошной просмотр «Донских дел» РГАДА, скажем, за 1696–1697 гг.

В заключение рассмотрим сюжет о казаках Кубани, многократно отмеченных в русских источниках как *ахреяне*. Нельзя сбрасывать со счетов мотив «информационной войны», связанной с обвинением казаков-«богоотступников» в измене не только государю, но и вере, что на деле случалось крайне редко. Слишком серьезную проблему представляли собой эти казаки Кубани – подданные Гиреев, чтобы не связать частое упоминание о них и о казаках Кумы/Аграхани как об *ахреях* с эмоционально окрашенными оценками их примера наряду с «изменниками», «богоотступниками» и пр. Масштаб явления настолько обеспокоил современников, что это не замедлило сказаться на *частоте* употребления термина в русских источниках конца XVII – начала XVIII в. Казаков-«изменников», страшивших и удивлявших массовостью перехода во «тьму бусурманскую»¹⁰⁴, мало было обозвать «ворами», «воровскими казаками-расколщниками» и т.п.¹⁰⁵: их необходимо было заклеить *ахреями*, либо *казаками-ахреями*. Обратим внимание на среду, в которой фиксируется слово «ахреяне» и которая вполне могла способствовать его распространению

---

¹⁰⁴ Подобным образом, согласно документу, современники оценивали действия аграханских казаков – РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1691 г. Д. 3. Л. 18. Считаем, что поведение казаков Кубани российские наблюдатели рассматривали в тех же категориях – особой разницы в *антиповедении* кумских, аграханских и кубанских казаков наблюдатели тех лет не видели.

¹⁰⁵ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12185. Л. 2; Там же. Д. 12350. Л. 1, 3; Там же. Д. 12364. Л. 2; Там же. Д. 12366. Л. 1.

за пределами канцелярских текстов и книжного пространства. Это приказной люд, служащие приказных изб, создававшие документы в Белгороде, Азове и т.п. местах, где интересующее нас явление фиксировалось чаще всего – в силу близости к Крыму и к Османской империи. Возможно, здесь наблюдается такое же влияние, какое оказывали дьяки, создатели приказного делопроизводства, на развитие деловой письменности Московской Руси и вообще на развитие русского национального языка¹⁰⁶.

Применительно к казакам Кубани слово «*ахреяне*» часто встречается в приказной документации тех лет наряду с другими уничижительными словами – вор, изменник¹⁰⁷. Иногда в плен попадали сами *ахреяне*, точнее, те «изменники», которые поименованы подобным образом в русских источниках. Интересны показания пленного «*охреяна*», захваченного в апреле 1697 г. в ходе экспедиции походного атамана Павла Григорьева «под нагайские места под Темрюк судовою, и под иные неприятельские улусы для взятъя языков», и доставленного 20 мая войсковым атаманом Лукьяном Максимовым воеводе А.С. Шеину, следующему с войском к Азову¹⁰⁸. Пленником оказался Федор Горбун, крестьянин села Апушкина Шацкого уезда¹⁰⁹. Сбежав с другими казаками с Дона на Кубань за четыре года до описываемых в речах событий

---

¹⁰⁶ Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С. 324.

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стлб. 1406. Л. 116 об. и др.

¹⁰⁸ Отдел рукописей библиотеки Академии наук (далее – ОР БАН). Основное собр. № 32.6.24 (Рукописная книга о третьем Азовском походе 1697 г.). Л. 32 (пользуемся нумерацией листов, предложенной П.А. Аваковым).

¹⁰⁹ Там же. Позже Шацкий уезд входил в состав Тамбовской губернии. «Апушкинская волость» входила в состав уезда еще в XIX в. Ныне с. Апушка – центр одноименного сельского округа в Шацком р-не Рязанской области.

(т.е. примерно в 1693 г.)¹¹⁰, он оказался в городке Копынь-Агач (Копыле?), «где живут такие же ахреяне, как и он сам»¹¹¹. Поскольку нам хорошо известно о населении этой крепости казаками-старообрядцами, то уверенно можно говорить о том, что Горбун мусульманство не принимал. Из допрошенных в Белгороде двух *ахреян* (1694 г.), связанных с казачьими сообществами Кумы, Аграхани и Кубани, а также с османским Азовом, мусульманство принял лишь один – М. Тарасенко, который хотя и «не обрезывался» в Азове, но имя «по босурманской вере» получил – Юсупка¹¹². При этом для лиц, фиксировавших расспросные речи *ахреян* Кубани, было очевидно, что допрашиваемые лица и круг их ближайшего общения – «раскольщики»¹¹³. Здесь, как и во многих других случаях¹¹⁴, наблюдается расширенное толкование слова: *ахрея-*

---

¹¹⁰ Сведения, приводимые Ф. Горбуном о проживании казаков в Копыле в первой половине 1690-х гг., крайне важны в той связи, что в науке нет единого мнения о хронологии и географии расселения казаков-старообрядцев по территории Кубани в конце XVII в.: *Сень Д.В.* Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа... С. 173, 189–190, 199; *Усенко О.Г.* Указ. соч. С. 63. Возможно, что какая-то часть казаков (отдельные люди?) поселилась в Копыле до массового их прихода сюда после оставления городка в междуречье Кубани и Лабы.

¹¹¹ *Бранденбург Н.* Азовский поход Шеина... С. 188.

¹¹² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стлб. 1406. Л. 122.

¹¹³ Там же. Л. 124, 125 и др. Уже в середине 1690-х гг. среди казаков Кубани находилось восемь чернецов, имена трех из числа которых известны – Варлаам, Савватий, Киприан. Любопытно, как поступили казаки после отказа азовского паши дать им «русского попа»: «и они меж собою наставили сами в попы тоболца Исачку» (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стлб. 1406. Л. 177). Согласно данным за 1697 г., среди кубанских казаков находился «поп белой» с Медведицы, «да чернецов члвк з дватцать живут с ними казаками особно куренем, а сказывают те чернецы, что они ушли для того, что их в вере неволят по-новому» (РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 9. Л. 8).

¹¹⁴ *Усенко О.Г.* Указ. соч. С. 73. Речь идет о допросах «выходцов из Кубани на Дон», состоявшихся в 1702 г. Один из выходцев, Семен Иванов, уточнял, что претерпел от казаков в Копыле немало обид за то, что «по их обыкновению веру не держал» (Там же. С. 74). Он же представил важные сведения о количестве казаков, проживавших в Копы-

не в смысле «изменников». Падение османского Азова вызвало тревогу кубанских казаков, как и ногайцев, за свою дальнейшую судьбу¹¹⁵. Бывший пленник В. Гаврилов сообщал в 1696 г., что «казаки-охреяны», жившие на Кубани под началом Кубек-аги, «посылщиков посылали к хану крымскому, чтоб их хан крымской к себе принял. И хан де крымской им в том отказал, а велел им жить тут же по-прежнему. А слышел де он, Васка, что они казаки боятца гсдры силы, а нагайцы боятца от них казаков»¹¹⁶. Дело дошло даже до обмена сторон аманатами¹¹⁷. О страхах кубанских казаков сообщил в 1697 г. «русский человек» Ф. Горбун: «...А будучи он на Кубани слышел от своей братии охреянов, что великого государя ратные люди будут под Азов, и они де, охреяны посылали в Крым к хану дву человек, чтоб им указал в Крыму место, где жить, убоясь приходу на Кубань великого государя ратных людей, и хан им в том отказал»¹¹⁸. Кроме того, казаки направили двух человек в Кафу проведать, «есть ли в присылке какая турецкая сила»: там казаки-наблюдатели увидели турецкие галеры и фуркаты (фыркаты), зимовавшие там с 1696 г., и вновь прибывшую туда флотилию¹¹⁹.

Часть старообрядческого населения Кубани решилась на очередное переселение: «...А в прошлом в 204-м году, как великого государя ратные люди Азов взяли, и с реки Кубани

ле – 120 человек вместе с атаманом С. Пахомовым. При этом *охреяном* в речах выходцев назван только один кубанский казак – Федот Иванов сын Боярченков, которому в Копыл был продан другой выходец – Иван Алексеев. Впрочем, Емельян Иванов, еще один казак из Копыла, фигурирующий в указанных документах РГАДА (Там же. С. 72), назван *охреяном* в расспросных речах другого выходца с Кубани – Ивана Семенова (1701 г.) – см. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. И-5. Оп. 1. Д. 360. Л. 1. Тот же источник именует *охреяном* и Савелия Пахомова, лидера кубанских казаков, проживавших в Копыле (Там же. Л. 1).

¹¹⁵ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 5. Л. 10.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Боук Б.М. Указ. соч. С. 34–35.

¹¹⁸ ОР БАН. Основное собр. № 32.6.24. Л. 33–33 об.

¹¹⁹ Там же. Л. 33 об.

многие охреяны пошли в Кумыки к шевкалу, и на Терек, на Астрахань, а из Астрахани пришли на Дон...»¹²⁰. Подобные настроения грозили охватить разные казачьи группы Кубани. Согласно данным за 1697 г., «ис тех де казаков, которые живут на Кубане, молодчие люди члвк со сто думают идти на Дон..., а удерживают их пущие воры атаман Савка Пахомов, Стенка Жетура, Васка Мануйлов с товарищи члвк с десят»¹²¹. Вскоре, однако, казаки озаботились другими проблемами, среди которых: конфликты с Кубек-агой, «надзирающим» за ними, и отправка депутаций в Бахчисарай, налаживание религиозной жизни после «азовского потрясения» и т.д.

При этом вряд ли в конце XVII – начале XVIII в. казачье сообщество понесло существенные потери со стороны тех, кто предпочел покинуть Кубань. Из показаний пленного кубанского татарина Алея, доставленного воеводе А.С. Шеину в Азов посланцами калмыцкого тайши Мункотемира 11 июня 1697 г.: «...А охреянов ныне на Кубани человек з 200»¹²². Войсковой толмач А. Федоров определял численность казаков Кубани, называемых им аграханскими, так: «...а тех казаков человек с полтораста»¹²³. Всего же казаков на Кубани было еще больше, учитывая достаточное распространение в их среде семейно-брачных отношений. Выходец из татарского плена показал в Азове (октябрь 1698 г.), что в бытность его на Кубани приезжал к его хозяину-ногайцу казак-*охреянин* для лечения лошади. По словам кубанского казака, *охреян* на Кубани насчитывалось «человек с пятсот»¹²⁴. Безусловно, при подсчете численности казаков необходимо учитывать такие факторы, как естественную убыль, гибель казаков в сражениях, пополнение их сообщества за счет пришлого элемента с Дона

---

¹²⁰ ОР БАН. Основное собр. № 32.6.24. Л. 35 об.

¹²¹ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 9. Л. 8.

¹²² ОР БАН. Основное собр. № 32.6.24. Л. 49 об.

¹²³ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 9. Л. 4.

¹²⁴ Архив СПбИИ РАН. Коллекция 238. Оп. 2. Картон 249. Л. 1 об. Публикацию документа см.: К истории колонизации Азовского побережья... С. 269.

и пр. Нам представляется, однако, что цифра в 500 человек, включающая в себя казаков и членов их семей, может быть принята за основу при исследовании вопроса о численности казачьего населения Кубани конца XVII в. Приведенные данные могут быть использованы, кроме того, в дискуссии об объединительных процессах в казачьей среде (аспекты семейно-брачных отношений, складывание на Кубани войсковой организации и пр.).

Приказное делопроизводство насыщено свидетельствами об *ахреянах* (*охреянах*) Кубани¹²⁵, об их антропонимии, о происхождении, о военных акциях, о захватах ими российских подданных в плен и последующих «окупных» операциях. Характерной представляется здесь история «Ивашки Семенова сына Труневского», характеризуемая источниками, начиная с 1700 г. Он служил в полку боярина А.С. Шеина и был захвачен кубанцами на Кагальнике, после чего продан «ахреяну казаку Емелке Киселеву» за 35 руб. С Кубани привез его в Азов на «окуп» один кубанский мурза, к делу оказались причастны «ахреянский атаман» Савелий Пахомов и «хозяин» полоняника – казак Е. Киселев. Для выяснения подробностей дела российские посланцы побывали у казаков в Копыле, встречались с казаками-ахреянами, сообщившими подробности пребывания И. Семенова на Кубани, условия предполагавшейся «окупной операции» и пр.¹²⁶. Информация об этой истории сохранилась и в других документах, обрастая деталями и показывая масштаб событий, в которые оказались вовлечены многие – и казаки-ахреяне, и российская сторона, и татары-посредники¹²⁷. В ходе работы обнаружилось сведения о другой полонянке, Анне Михайловой, привезенной с Кубани на «окуп» в Азов от другого ахреянина – Софрона Тимофеева¹²⁸. Сведения об И. Семенове и А. Михайловой встрети-

---

¹²⁵ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 17; Там же. Д. 373. Л. 12, 13; Там же. Д. 376. Л. 11 и др.; Там же. Оп. 2. Д. 130. Л. 7.

¹²⁶ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 376. Л. 9–13.

¹²⁷ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 360. Л. 1–10.

¹²⁸ Там же. Л. 4.

лись нам в документах еще одного дела¹²⁹. Сюжет о роли и месте работорговли в жизни кубанских казаков крайне важен¹³⁰, новых источников об этом становится известно все больше, а тема нуждается в отдельном исследовании.

Азовские приказные люди были включены самым активным образом в процесс фиксации в устной и письменной речи «ахреян». Примечательно, что тема *ахреян* часто возникала в переписке представителей азовской администрации с такими лицами Крымского ханства как калга-султан, нурадын-султан. Так, после неудачной попытки добиться у нурыдын-султана наказания ахреян, захвативших полоняников на Кагальнике, воевода С.И. Салтыков обратился в том же 1700 г. к султану Бахты-Гирею¹³¹. Интересны документы фонда «Азовская приказная палата», хранящегося в РГАДА¹³². В частности, речь о тексте, зафиксировавшем слова кубанских татар в 1699 г. «... ахреяны, кои пришед ис казачьих донских городков казаки, живут у них на Кубани»¹³³. Обратим внимание на то, что вряд ли татары применяли указанный термин в своей речи – более того, по-русски они не говорили¹³⁴. Напротив, роль обстановки и людей (писарей, дьяков, имена которых мы находим в текстах), влиявших на характеристики перевода, очевидна. Именно эти служащие, составлявшие тексты, влияли на распространение информации о казаках-ахреянах и других «богооступниках»¹³⁵, негативных образов, рождавшихся и

---

¹²⁹ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 373. Л. 1–13.

¹³⁰ См. также. *Сень Д.В.* Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа... С. 197–198; *Усенко О.Г.* Указ. соч. С. 69, 72–74.

¹³¹ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 15–16.

¹³² См. также отпуски воеводских отписок из Азова в Москву, частично опубликованные в ИТУАК (Симферополь, 1920. Т. 57), насыщенные информацией об ахреянах – с. 260, 269, 273, 274, 275 и др.

¹³³ РГАДА. Ф. 1032. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

¹³⁴ К истории колонизации Азовского побережья... С. 272.

¹³⁵ Так, из отписки азовского воеводы С.И. Салтыкова царю Петру I узнаем о бегстве 3 казаков из Азова, которые «отогнали с собою сто лошадей и в Ачове (Ачуеве. – Д.С.) обусурманились» (К истории колонизации Азовского побережья... С. 282).

транслировавшихся в сознании современников. Поэтому неудивительно, что нурадын-султан¹³⁶, тоже не говоривший по-русски, «вдруг» заговорил об ахреях на страницах русского письменного источника¹³⁷. В царской грамоте от 14 июля 1698 г. боярину А.П. Прозоровскому говорилось, со ссылкой на предыдущую грамоту, о необходимости держать «охреянов выходцов Тимошку Руднева с товарищи осми человек... за караулом... и ходить им ахреям к церкви Божий, и смотреть... нет ли за ними какова расколу...»¹³⁸. Новая грамота повелевала прислать всех этих *ахреян* в Пушкарский приказ – чем закончилась история, пока неизвестно. Не вполне ясно, являлись ли указанные «выходцы» мусульманами. Более очевидным предстает именование их *ахреями* в связи с возможной принадлежностью к расколу; между тем как тема их *измены* предельно размыта. В третьем томе «Розыскных дел о Шакловитом», напротив, речь шла об «ахреях изменниках донских казаках»¹³⁹. Итак, *ахреянин* – не всегда *вероотступник* (перешедший в мусульманство), но всегда – *изменник*. В любом случае, для конца XVII в. слово *ахреяне* являлось более многозначным, чем для ситуации первой половины столетия. Обратим внимание, что в документах, фиксирующих слово «*ахреяне*», часто присутствует формант *-де*, указывающий на фиксацию устной речи. Участвовали в подобной коммуникации и донские казаки, знакомые с *ахреями* Кубани не понаслышке, конечно, как и с самим словом¹⁴⁰.

История словоупотребления термина «ахреяне» показывает: его смыслы менялись, пройдя путь от маркирования лиц, переходивших в мусульманство, до обозначения *конкретных* (не всех!) групп «изменников», бежавших из России в «об-

¹³⁶ Нурадын – третье по значению лицо в Крымском ханстве после правящего хана и калги.

¹³⁷ К истории колонизации Азовского побережья... С. 284.

¹³⁸ Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские акты. Воронеж, 1887. Т. 1. С. 175.

¹³⁹ Дж. Гарибян прав, когда пишет, что в данном случае неясно, были ли эти казаки «раскольниками» (*Гарибян Дж.* Указ. соч. С. 98).

¹⁴⁰ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 253. Л. 1.

ласть турецкого царя» и в земли, подвластные крымским ханам. Произошло указанное слово от «агарян»: таким образом, его связь с русской книжной культурой очевидна. Закрепление термина в русском языке оказалось связано с практиками образованных лиц – приказных служащих. Еще один вывод состоит в том, что *ахреяне* Приазовья и Северного Кавказа – большая, внутренне неоднородная социальная общность, действительно «имеющая крупный социологический интерес»¹⁴¹. Ее прошлое оказалось связано со следующими научными проблемами, все еще фрагментарно, за малым исключением, привлекающими внимание российских ученых, в т.ч. казаковедов:

– итоги и последствия старообрядческого движения на Дону (конец 1680-х гг.), включая вопрос о географии Исхода для активной части религиозных нонконформистов;

– этнокультурное взаимодействие в русско-османском пограничье, включая богатую палитру внеконфронтационных отношений между Войском Донским и османским Азовом;

– роль османского Азова как центра, организующего жизнь в пограничье для разных его участников (казачество, ногайцы, калмыки и пр.), включая все аспекты «притяжения Азова»;

– судьбы славянского (христианского) населения на территории Османской империи. Указанную проблему уместно рассмотреть в связи с аналогичными исследованиями иной хронологической привязки¹⁴²;

– казачество Дона и Северного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья («ахреянами» многих казаков стали именовать в связи с их переходом, иногда сопровождаемым сменой вероисповедания, в пространство «нечестивых» татар и турок). Групповые переходы, как

---

¹⁴¹ К истории колонизации Азовского побережья... С. 253. Ахреяне, по словам Г.В. Вернадского, «представители вольной русской колонизации, враждебной русскому государству».

¹⁴² *Королев В.Н.* Славяне турецкого Азова // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1999. № 1, 2.

правило, не влекли за собой перехода в мусульманство; напротив, таких *ахреян* Крым и османский Азов системно поддерживали в удовлетворении жизненных запросов, включая религиозные;

– социальная стратификация и социальные сети славянского населения Крымского ханства;

– история само/обозначения славянского (казацкого, старообрядческого) населения Приазовья и Северного Кавказа, включая номинирование сторонними наблюдателями *новых* для рубежа XVII–XVIII вв. казачьих групп (казаки Кумы, Аграхани и Кубани). При этом учитываются способы фиксации информации об *ахреянах*, объекты обозначения и субъекты соответствующих культурных практик (российские делопроизводители, грамотная часть донского казачества и др.) – все те, кто создавал дискурс *ахреян*, маркируя подобным образом далеко не всех людей, «изменявших» русским государям в XVII – начале XVIII в.

«Бил челом ахреянскому атаману...»: плен, рабство и выкуп на южном пограничье (конец XVII – начало XVIII в.)

История плена и работорговли в южном пограничье (включая Северное Причерноморье и Северо-Восточное Приазовье) – актуальная исследовательская проблема, органично сочетающаяся с изучением социальной структуры и набеговой системы Крымского ханства, эволюции русско-крымско-османского пограничья и местных пограничных обществ. Столь масштабная тема представлена в трудах ученых с разной степенью результативности – учитывая длительную хронологию и обширную географию бытования работорговли и ее неоднозначное влияние на судьбы народов и государств¹. Среди актуальных вопросов истории плена и рабства на южном пограничье – состав организаторов и участников «окупных»/«розменных» операций, в числе которых

¹ *Возгрин В.Е.* Рабство в странах Черного моря (Позднее Средневековье – Новое время) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2011. Вып. 3. С. 90–100; *Грибовський В.В.* Протоколи допитів утікачів з ногайського полону в російському Азові 1696 р. (За документами державного архіву Воронізької області) // Архіви України. 2014. № 1(289). С. 121–141; *Жуков В.Д.* «Крымские пленяники» и их выкуп в 50-х гг. XVII в.: к истории колонизации южной окраины Московского государства // Вестник РУДН. Серия «История России». 2012. № 4. С. 31–43; *Козлов С.А.* Русские пленные и полоняничные деньги (вторая половина XVI в. – 20-е годы XVIII в.) // Меншиковские чтения. СПб.: Изд-во «XVIII век», 2016. Вып. 7(17). С. 225–236; *Лавров А.С.* Военный плен и рабство на границах Османской империи и Российского государства в XVII – начале XVIII века [Электронный ресурс] // DHI Moskau: Vortrdge zum 18Jahrhundert. 2010. № 5. URL: http://www.perspectivia.net/publikationen/vortraege-moskau/lavrov_kriegsgefangenschaft (дата обращения: 12.02.2017); Степове порубіжжя XVII – поч. XVIII ст. у документах Державного архіву Воронізької області РФ / упор. В.В. Грибовський. Київ: Інститут української археографії ім. М.С. Грушевського, 2016; *Voeck B.J.* Cossacks Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009. P. 136–157.

были представители разных этнических и социальных групп по обе стороны границы (пограничья); этнический, конфессиональный и социальный состав полоняников; местные особенности совершения «окупных» и т.п. операций, география которых изменялась и не ограничивалась Валуйками (Разменным городком под Валуйками) или Окупным Яром на Дону; плен и рабство как пространство культурного трансфера (включая социальные практики полоняников: их женитьба или замужество; переход в мусульманство; попадание невольников в новые этнические, географические и т.п. ландшафты и перемещение в них; освоение чужих языков; бегство из плена; идентичности полоняников, неслучайно проявляющиеся именно в плену и отраженные в расспросных речах; формы и содержание фиксации / проверки / трансляции пограничными властями информации, сообщаемой бывшими полоняниками).

Заявленная тема характеризует не только межгосударственные русско-крымские отношения и конфронтацию государств. Она относится к истории взаимодействия многочисленных сообществ в крымско-российско-османском пограничье (Северо-Восточное Приазовье и Северо-Западный Кавказ), существенно трансформировавшемся на рубеже XVII–XVIII вв. Среди них – донские казаки, черкесы и ногайцы, турки-османы из Азова (Азака), торговые армяне и татары – подданные Гиреев и Османов, общение которых на протяжении длительного времени определялось не только конфликтами. *Внеконфронтационные* отношения составляли неотъемлемую часть жизни указанных и др. сообществ в условиях пограничья. Ведь фронтиры еще больше, чем границы, по аналогии с высказыванием А. Рибера, «склонны быть... пористыми, нежели непроницаемыми»². Местное пограничье соотнесено нами с переходными зонами (фронтами), в которых естественным путем происходит «взаимодействие между двумя или более

---

² Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства: сборник статей. Казань: Центр Исследований Национализма и Империи, 2004. С. 199.

различными культурами или политическими структурами»³. Интенсивность и открытость подобного взаимодействия в указанной контактной зоне способствовали созданию специфической культуры пограничных отношений, создатели и трансляторы которой – различные военизированные и иные сообщества. Мы полагаем возможным говорить о *культуре их пограничного диалога в условиях вынужденного соседства*. Среди ее составляющих – торговые отношения, обмен различной информацией, бегство подданных одного государства на территорию другого, богатый исторический опыт разрешения взаимных пограничных конфликтов и т.п.

С некоторыми оговорками (поскольку принудительный характер обращения в рабство очевиден) к составляющим подобного сотрудничества может быть отнесена торговля «ясырем», включая «окуп» (выкуп), хорошо знакомая и донским казакам, и туркам-османам, и ногайцам, и другим народам Северного Кавказа. Дело в том, что «окупные» операции были рассчитаны на получение торговцами «живым товаром» материальной выгоды. Следовательно, причинение физических увечий полоняннику или конфликт во время выкупа могли в разы сократить предполагаемый успех «дела». Для нас важнее другое – будущая сделка способствовала формированию обширного круга участников, включая посредников. Она зависела от выполнения ряда условий (владение необходимым языком вербальной коммуникации, выявление информации о конкретных людях, обращенных в рабство; знание цен на «ясырь», путей его доставки и пр.). С указанной точки зрения заявленная тема представляется малоизученной и перспективной. «Одной из важнейших статей доходов донских казаков в XVII в. была торговля “ясырем” – пленниками-мусульманами, захватывавшимися казаками во время походов с Дона на соседние земли»⁴. Иногда казаки привозили их сотнями из похо-

---

³ Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта... С. 199.

⁴ Куц О.Ю. Цены на ясырь на Дону в конце 20-х – начале 30-х гг. XVII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVIII вв.: сборник материалов международной научной конференции

дов, а для их покупки так называемые торговые люди приезжали на Дон из русских городов. Обратим внимание на приоритетный захват казаками женщин, молодежи и, напротив, на умерщвление ими взрослых мужчин-ногайцев и татар⁵. Таким образом, работоторговля относилась к числу традиционных занятий донских казаков. Тем же, по отношению к донским казакам и к другим подданным московских царей, активно занимались ногайцы, активно включенные в набеговую систему Крымского ханства. При этом часть полоняников оставалась в домашнем рабстве у ногайцев, на что указывают слова, что, мол, (имярек) полоняник «работал черную работу»⁶. Вместе с тем обе стороны активно практиковали отдачу полоняников на так называемый «окуп» (выкуп), который мог осуществляться в разных формах, знакомых не только владельцам, но и самим полоняникам. К социальным практикам, имеющим непосредственное отношение к теме военного плена и рабства, конечно, относился и «розмен» полоняниками, активно практиковавшийся властями России и Крымского ханства.

На рубеже XVII–XVIII вв. по этой традиционной для степного уклада системе был нанесен основательный удар. Это случилось вследствие новой пограничной ситуации, затронувшей интересы России, Крымского ханства и Османской империи⁷. Россия и Османская империя тогда попытались догово-

---

(г. Санкт-Петербург, 17–20 сентября 2001 г.). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2001. С. 50.

⁵ *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1948. С. 238–239.

⁶ Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. И-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 7, 9.

⁷ *Грибовский В.В.* Разграничение степных владений Османской и Российской империй в 1704 и 1705 гг. // *Scriptorium nostrum*. 2014. № 1. С. 225–246; *Сень Д.В.* Османская империя и Крымское ханство во второй половине XVII в. – начале XVIII в.: управление пограничными процессами и характер взаимоотношений // *Границы и пограничье в южнороссийской истории: материалы Всероссийской научной конференции* (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов н/Д.: Издательство ЮФУ, 2014. С. 512–522.

риться о взаимном возвращении полона, что болезненно было воспринято в Крымском ханстве. Донские казаки, как крымцы и ногайцы, стали терять существенную статью доходов. Кроме того, самостоятельность Войска Донского, особенно после 1696 г., все больше ограничивалась российской администрацией Азова⁸. Азов становится местом совершения размена полоняниками и пр. В 1696 г. крымский татарин ехал для «розмены» русского полоняника на свою сестру в Черкасск, но затем оказался в Азове⁹. Примечательно, что этот татарин присоединился к группе кубанцев, ехавших в Черкасск и взявших с собой для размена «трех человек казаков, да дву человек, стрелца да солдата»¹⁰.

Шло активное наступление российских властей и на другие привилегии Войска Донского. В июне 1699 г. на Дон была прислана царская грамота, по которой казакам запрещалось без указов государя или грамот из Посольского приказа «напрямую вести дела о размене пленными или имуществом с ногайцами и кубанцами. Теперь атаман и все Войско были обязаны “бить челом” царю, ставя его в известность о своих намерениях в этом вопросе, и ждать на то его указаний»¹¹. Но еще 23 октября 1699 г. Кубек-ага прислал с Кубани в Черкасск «по прежним их обыкностям... (выделено мною. – Д.С.) людей своих, Кичи Махметя с товарищи для прежних их полоняничных розменов и окупов, которые меж ними за руками отпускиваны полоняники, что о том между собою и росправа учинит»¹².

Неслучайно кубанский султан Каплан-Гирей осенью 1700 г. писал именно азовскому воеводе С.Б. Ловчикову, что-

---

⁸ *Сень Д.В.* Администрация российского Азова и население Кубани: пограничные отношения в конце XVII в. – начале XVIII в. // Ломоносовские чтения. Востоковедение: тезисы докладов научной конференции. М.: ИД «Ключ-С», 2013. С. 264–267.

⁹ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 27. Л. 12–16.

¹⁰ Там же. Л. 15 об.

¹¹ *Андрющенко О.В.* Население и администрация города Азова в 1696–1711 годы. Воронеж: Истоки, 2008. С. 182–183.

¹² ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 168. Л. 31.

бы тот отписал в Черкасск атаману Войска Донского: «...Пущай пришлют нам человека... которые люди к вам попали или от вас к нам ест ли, которые живы или померли, про тех людей по душам разыщем и отдадим... вы ныне в граничном городе с нами. Вам надобно, и нам чинить, чтоб меж нами накакова худа не было»¹³. Недаром в 1701 г. среди кубанских полоняников распространилась информация о том, что «в Азове чинят русским людям на татар розмену»¹⁴. Размен пленными мог осуществляться и в кубанских владениях Гиреев, но при этом – с разрешения азовских властей. В ноябре 1700 г. Войско Донское отправило казаков С. Кочета и П. Калининкова «для розмены неволников, которые взяты за миром (т.е. в мирное время. – Д.С.) у них кубанцов, и у них казаков на взморье»¹⁵.

Полагаем, что особенно недовольна случившимся оказалась войсковая верхушка, традиционно контролировавшая пограничные связи донцов с ногайцами, надо думать, в сфере торговых связей и, конечно, работорговли. Повторимся, путь торговых людей с Кубани и из османских владений теперь все чаще замыкался на Азове. В сентябре 1699 г. из османской Керчи в Азов прибыла группа торговых людей в составе 55 «турчан» и армян, напрасно просивших пропустить их «водяным и сухим путем» в Черкасск для торговли¹⁶. В мае 1701 г. в Азов приехали «для торгового промыслу» около 20 торговых татар на семи арбах, захвативших с собой на выкуп русскую полонянку¹⁷. Торговых людей с Кубани насчитывалось в другом случае 55 чел., при которых находились два русских полоняника¹⁸.

В Азове на тюремном дворе содержалось немалое количество полоняников из числа подданных Гиреев и Османов,

---

¹³ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 6.

¹⁴ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 360. Л. 1.

¹⁵ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 253. Л. 1.

¹⁶ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 168. Л. 4.

¹⁷ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 373. Л. 11.

¹⁸ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 360. Л. 5.

причем в крепости могли находиться люди, персонально интересовавшие крымцев. В 1701 г. они привезли в Москву двух русских пленников, предполагая обменять их на двух своих земляков. В итоге их ожидал успех – столь нужные крымцам пленники были найдены в Азове и отпущены на свободу¹⁹. В разменных операциях с христианами были задействованы торговые армяне из Крыма, в том числе сами державшие людей в домашнем рабстве. Одного такого человека, принадлежавшего армянину Карабину (?) из Кафы, торговцы привезли в Азов летом 1701 г., предполагая разменять его на «турченина» Делибекера²⁰.

Заметной фигурой в жизни местного пограничья являлся другой армянин – Минас Семенов (Симонов), активно курсировавший между Кубанью и Азовом. В сентябре 1699 г. он привез с Кубани в Азов воеводе С.И. Салтыкову не только четырех донских казаков, плененных ногайцами, но также два письма от находившегося на Кубани калги-султана Шахбаз-Гирея²¹. Его видели под Азовом вместе с работником-армянином и с двумя ногайцами, приезжавшим «для торгу с товары в Азов и ездили они для продажи и покупки товаров в Черкасской». Предприимчивый М. Семенов интересовался не только «красным товаром», но и возможностью заработать на выкупных операциях. У него побывали разные люди, ранее попавшие в плен к ногайцам, в том числе Антоний Котий, имперский (цесарский) подданный, минер на российской службе. История с его выкупом длилась долго и успешно закончилась для главного героя. М. Семенов, владевший греческим языком, сумел так воспользоваться ситуацией вокруг А. Котия, что сманил из Азова на Кубань двух греков-матросов²², которых видели потом у кубанских казаков-ахреян. Фигуры посредников в окупных операциях – отдельная исследовательская тема, заслуживающая внимания специалистов. Им при-

---

¹⁹ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 376. Л. 15–16.

²⁰ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 360. Л. 12–15.

²¹ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 168. Л. 4 об.

²² ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 15–15 об.

надлежала особая роль в сближении позиций всех сторон по вопросам выкупа, в преодолении языковых барьеров, в осуществлении пограничной дипломатии, расширявшей этническое и т.п. пространство взаимного «узнавания».

На рубеже XVII–XVIII вв. сохранялись определенные условия для сохранения рабства и работорговли в Северном Причерноморье, несмотря на новые договоренности между Россией и Османской империей. В частности, речь идет о ст. IX Константинопольского мирного договора 1700 г.²³ С одной стороны, размену и выкупу подлежали полоняники, захваченные до заключения мира. С другой стороны, царские подданные, попавшие в плен «за миром», должны были быть отпущены безвозмездно. Обеспечивался, кроме того, беспрепятственный проезд по разным территориям российских представителей с «проезжими грамотами» для освобождения полоняников, кроме принявших ислам. Но еще по Карловицкому перемирию 1699 г. «Порта... впервые без учета интересов Крыма гарантировала прекращение враждебных действий со стороны крымских татар. Последствием... стало осложнение крымско-османских... отношений и частичная переориентация набеговой системы ханства от походов против России, Украины и Речи Посполитой к вторжениям в периферийные области своих же владений в Приазовье и на Кавказе»²⁴.

Управлять отдаленным Прикубаньем можно было не иначе, как используя традиционный способ поддержания авторитета верховной власти в кочевнических сообществах – проводить регулярные и успешные набеги. Такое испытанное средство в очередной раз использовал хан Хаджи Селим-Гирей, который во время своего последнего пребывания на престоле (1703–1704 гг.) организовал набег на Царицын, Пензу, Сим-

---

²³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. IV. 1700–1712. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 70–71.

²⁴ *Приймак Ю.В.* Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). Армавир: Полипринт, 2011. С. 56.

бирск и Саратов. Причем калмыки, обещавшие российским властям охранять степное порубежье, не оказали кубанцам активного противодействия²⁵. Несмотря на запреты и угрозы Бахчисарая, кубанские кочевники продолжали осуществлять набеги на русские окраины, включая Дон²⁶. Попытки крымских чиновников найти в этом виновных зачастую имитировались.

Впрочем, именно с 1700 г. активизировалась совместная работа сторон по размену, например, пленных татар и казаков²⁷. Вместе с тем деятельность пограничной комиссии, проводившейся в Азове и Ачуге еще в 1706 г., оказалась безрезультатной из-за нежелания крымских властей обострять отношения с кубанскими элитами. Заключенное во время комиссии соглашение не действовало. Летом 1706 г. кубанцы вновь напали на российский Азов, разграбили близлежащие донские городки и опустошили калмыцкие улусы. Русское правительство отреагировало на это требованием немедленного исполнения турками-османами взятых на себя обязательств и возмещения убытков. Требование возымело действие: в сентябре 1707 г. в Азов прибыли османские и крымские представители, доставившие туда 129 пленяников и 62 лошади. Стамбул, в свою очередь, имел основания требовать от России возмещения ущерба своим подданным, причиненного донскими казаками и калмыками, отбившими у крымцев больше 12 тыс. лошадей и взявшими в плен 146 чел.²⁸ Таким образом, претензии российских властей могли блокироваться аналогичными аргументами противоположной стороны. Впрочем, пограничные власти названных государств старались не доводить до крайности ситуации с разменом пленяников и возвратом награбленного. Особенно наглядно это прослеживается в отно-

---

²⁵ *Тепкеев В.Т.* Калмыцко-крымские отношения в XVIII веке (1700–1771 гг.): дис. ... к.и.н. М., 2005. С. 28.

²⁶ Им регулярно оказывал поддержку кубанский султан Бахты-Гирей, который «потакает им все... и на воровство их посылает, и лошади свои дает» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1702 г. Д. 1. Л. 152).

²⁷ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 210.

²⁸ *Тепкеев В.Т.* Указ. соч. С. 32.

шениях между кубанскими наместниками крымского хана (регулярно назначавшимися в регион с конца XVII в.), другими Гиреями, тоже пребывавшими на Кубани, и российской администрацией Азова²⁹.

Ниже рассмотрим примеры из истории работорговли на южном пограничье, органично вписывающиеся в ее предшествующую историю и, вместе с тем, отражающие то новое, что происходило с ней в условиях разрушения старого пограничного порядка. В частности, в конце XVII в. к числу участников, активно задействованных в местной работорговле, добавились казаки-старообрядцы, новые подданные крымских ханов³⁰. Именно они были выходцами с Дона, что позволяет исследовать вопрос о преемственности подобных практик с предыдущим опытом донского казачества. Специфика ситуации состояла в том, что кубанские казаки-христиане (старообрядцы) регулярно захватывали в плен других *христиан* – российских подданных. Это, впрочем, не помешало первым кубанским казакам включиться в местный процесс торговли ясырем, что тоже можно отнести к числу их традиционных занятий. При этом на проблему работорговли в казачьей среде необходимо смотреть шире: с начала 1690-х гг. *различные* группы «воровских казаков», ушедших на Северный Кавказ, захватывали в полон стрельцов, казаков, работных людей и др. российских подданных. География таких захватов была обширной – от Белгородской черты до прикаспийских территорий³¹. Примерно в 1691 г. казаки объединились для набега с

---

²⁹ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 244. Л. 16–17; Там же. Д. 243. Л. 2, 6, 12–16.

³⁰ *Сень Д.В.* Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.). Ростов н/Д.: Издательство ЮФУ, 2009. С. 169–203.

³¹ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12163, 12371, 12352; *Усенко О.Г.* Начальная история кубанского казачества (1692–1708 гг.) // Из архива тверских историков. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. Вып. 2. С. 63–77; *Сень Д.В.* Казаки Крымского ханства: начальный этап складывания войсковой ор-

азовскими татарами, а захваченный славянский полон продали в Азове³². Около 1692–1693 гг. 150 кубанских казаков и азовских татар, выступившие под командой Кубек-аги, «били под Маяцкой», захватив в полон 17 человек³³. Свою часть полоняков кубанские казаки беспрепятственно продали в Азове, получив за каждого полоняника по 10 алтынов, после чего направились на Кубань.

Уместно привести некоторые данные о количестве полоняков в Азове незадолго до его взятия в 1696 г. Бывший полоняник Л. Иванов, находившийся ранее в Азове, в «респросе» показал, что колодников «розных земель» пребывало тогда в крепости примерно 600 чел.³⁴ В 1696 г. еще одна крупная партия кубанских казаков напала на астраханских стрельцов на Каспийском море, захватив часть людей в плен³⁵. Бежавший из ногайского плена стрелец М. Казанец показал на допросе в Азовском разрядном шатре 20 сентября 1696 г., что весной 1695 г. вместе с другими служилыми людьми он был отправлен на Каспийское море «для воровских людей казаков-охреянов в стругах двести человек»³⁶. На р. Ярке, впадавшей в море, его струг подвергся нападению казаков-охреян, численность которых стрелец определил в «полтора ста и болши». Судя по тому, что М. Казанец был пленен казаками, а затем сбежал из ногайского плена («позад Кубани-городка из-за реки Кубани от нагайских татар ушел»), можно предположить, что казаки продали его ногайцам.

В 1697 г. «человек с полтора ста» кубанских казаков-охреян и черкесов напали неподалеку от Астрахани на работников рыбного «насада» и частью их полонили³⁷. Бывшая по-

---

ганизации и освоения пространства (1690-е гг. – начало XVIII в.) // Тюркологический сборник 2009–2010 / ред. кол.: С.Г. Кляшторный и др. М.: Восточная литература, 2011. С. 289–320.

³² ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 10.

³³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стлб. 1406. Л. 124.

³⁴ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

³⁵ Там же. Л. 9.

³⁶ Там же.

³⁷ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 130. Л. 7.

лонянка Марфа Тимофеева показала в Азове 18 мая 1697 г., что была пленена татарами и «охреянами» по дороге из Полатова в Усерд, «не доезжая Полатова» (возможно, речь идет о Новом Полатове. – Д.С.)³⁸. Полонянка Анна рассказала в мае 1701 г., что была пленена кубанскими едисанами вместе с мужем, двумя сыновьями и стрельцами между крепостями Черный Яр и Терки. Пленников «роздували всех», причем в захвате полна казаки-охреяне не участвовали. Однако Анна досталась именно «охреяну казаку Софрону Тимофееву, которой живет на Кубане с охреянами ж в городке»³⁹. В другом случае «кубанцы и воровские казаки» совместно «дувалили» полон – 12 астраханских стрельцов⁴⁰.

Таким образом, архаичный по своей сути дуван часто оказывался ключевым фактором, определявшим дальнейшие судьбы полоняников, и к которому традиционно прибегали другие участники набегов⁴¹. Походы в Поволжье и на Каспийское море, полагаем, регулярно приносили удачу кубанским казакам и всем тем, кто принимал в них участие, несмотря на вероятность столкновения со стрельцами и др. царскими служилыми людьми. Донские казаки, сообщая в 1693 г. о выступлении Кубека-аги с казаками-охреянами и с ногайскими мурзами к Волге на рыбные ватаги, указывали на связь такого события с успешной для «воинских людей и росколщиков» *прежней добычей*, как сказано в документе⁴². Пребывание в плену не лишало полоняников определенной правоспособности: Анна, по ее словам, сумела выкупить из ногайского плена одного из своих сыновей, заплатив за него 53 левка («левок»/«аслан» – серебряная монета, разновидность талера). Некоторых полоняников ожидали неожиданные повороты судьбы: *толмач* кубанских казаков, Афонька Федоров, вспоминал в конце 1690-х гг., что его из плена в горах выку-

---

³⁸ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 17.

³⁹ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 373. Л. 12.

⁴⁰ Усенко О.Г. Указ. соч. С. 77.

⁴¹ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 237. Л. 4.

⁴² НИА СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12364. Л. 2.

пил «войсковой атаман Савелий Пахомов»⁴³. Повезло и другим донским казакам, захваченным было в полон ногайцами: у них оказались казаки-свойственники в Копыле, с подачи которых кубанский Шагим-султан приказал освободить донцов и велел им жить и служить в Копыле⁴⁴.

Согласимся с мнением о том, что «рабовладение у кубанских казаков было нормой. Для продажи “ясыря” к ним ехали отовсюду – и кубанские татары, и ногайские, и кумыцкие... Но “окреане” и продавали рабов – тем же кочевникам... армянским купцам, а может быть, и туркам»⁴⁵. О.Г. Усенко привел данные о 4-летнем пребывании в неволе у кубанских казаков И. Алексева, бежавшего в Азов летом 1702 г. и ранее купленного в Копыле казаком Ф. Боярченком у кубанского татарина Аммета⁴⁶. Часто случалось, что невольники сопровождали кубанских казаков во время их рыбного лова на Черном море, где казаки-ахреяне устраивали зимовки⁴⁷. Еще один факт в поддержку мнения о традиционности занятий кубанских казаков работоторговлей находим в докладах, составленных для астраханских старшин по челобитным разных лиц. Просительница И. Петрова писала о своем пленном муже, что «он... на Кубане, а в Астрахани ныне с Кубану... послы есть. А казак кубанской, ясырь русской выбирает и перед салтана водит, и тот казак про моего мужа знает»⁴⁸. Часть полоняников, по-видимому, казаки держали вместе. Российские солдаты из Азова, плененные ахреянами, очевидно, в 1699 г., сообщали, что «привезши их, ахреяны взяли к себе на Кубань и посадили в тюрьму... (выделено мною. – Д.С.)»⁴⁹.

---

⁴³ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 9. Л. 3.

⁴⁴ Усенко О.Г. Указ. соч. С. 74.

⁴⁵ Там же. С. 69.

⁴⁶ Там же. С. 73.

⁴⁷ Там же. С. 72, 74.

⁴⁸ Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века: сборник документов / подг. Н.Б. Голикова. М.: Древлехранилище, 2004. С. 235.

⁴⁹ Доба гетьмана Івана Мазепи в документах / упор. С. Павленко. Київ: Києво-Могилянська академія, 2007. С. 577.

Обратим внимание на другие детали, важные для раскрытия темы: набеги (походы) казаками и последующая ими продажа ясыря способствовали быстрейшему знакомству местных казаков с различными ландшафтами кубанского и северокавказского регионов и их «освоению». Так, казачий атаман С. Пахомов сторговал «смоленина Ивашку Семенова сына Труневскаго» у приехавших черкесов⁵⁰. Полоняники, очевидно, были интересны казакам еще потому, что их можно было отправлять или брать на «окуп», получая деньги за ясырь либо полностью, либо несколько большую сумму, чем того требовал хозяин раба. Так, солдат В. Переносов рассказывал в 1702 г., что, будучи пленен кумыками, он был отвезен своим «хозяином» Уразаем на Кубань и отдан «на выкуп городка Копыла казаку Емельяну Иванову за тридцать за пять рублей»⁵¹. Кубанский татарин Алабердей запросил слишком много за полоняника И. Труневского (переданного ему казаком-ахреяном Е. Киселевым), что в числе прочих обстоятельств сорвало сделку в Азове в 1701 г. Упомянувшийся выше С. Тимофеев хотел в 1701 г. взять 100 руб. «окупу» за полонянку Анну или, как он повелел посредникам – торговым татарам, вернуть ее из Азова назад на Кубань. Во всем этом тоже видится продолжение традиций, бытовавших еще у донских казаков и сохранявшихся при согласии царских властей, разрешавших донцам устраивать сбор «окупных денег» в Азове (конец XVII в.)⁵².

В окупных операциях могла быть задействована «цепочка» разных заинтересованных лиц, включая кубанских казаков, ногайцев, черкесов, армян и донских казаков. Вероятно, в местную систему «распределения» полона казаки действительно сумели интегрироваться быстро и основательно, а торговля ясырем приносила им немалые доходы. Впрочем, денежный эквивалент «окупа» мог быть заменен на месте другим. Так, в ответ на различные запросы посредника в отноше-

---

⁵⁰ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 373. Л. 4.

⁵¹ Усенко О.Г. Указ. соч. С. 72.

⁵² Доба гетьмана Івана Мазепи в документах... С. 573 и др.

нии упоминавшейся полонянки Анны российские власти предложили прислать «за нее с сыном... в Азове или на Кубань» одного татарина или «турченина»⁵³. В другом случае кубанским торговцам в Азове был предложен аналогичный вариант, правда, неравноценный: за двух русских полоняников – одного татарина⁵⁴.

Характерной во всех смыслах является история пребывания в плену у казаков-ахреян «смоленина Ивашки Семенова сына Труневского», отраженная в источниках, начиная с 1701 г. Он служил в полку боярина А.С. Шеина и был захвачен в полон, после чего продан с согласия атамана С. Пахомова за 35 руб. «ахреяну казаку Емелке Киселеву». Его привез на «окуп» с Кубани в Азов кубанский мурза Алабердей: к делу оказались причастны азовская администрация, «ахреянский атаман» Савелий Пахомов и хозяин полоняника – кубанский казак Е. Киселев. Информация об этом случае сохранилась и в других документах⁵⁵, наглядно демонстрируя функционирование системы, «втягивавшей» в пространство выкупных операций множество людей, ссорившихся, торговавшихся и, конечно, по-разному описывавших свое участие в них. Для выяснения подробностей дела российские представители побывали у казаков в Копыле, встречались с казаками-ахреянами, сообщившими им подробности пребывания И. Труневского на Кубани, условия предполагавшейся «окупной операции» и пр.⁵⁶

Основанием для расследования по «делу И. Труневского», плененного в 1697 г., послужило вызывающее для властей Азова поведение посредника – татарина Алабердея. Недаром было решено просить «таких неправдивых людей с Кубани» смирить и более в Азов не присылать. В. Маслов и И. Дровнин, получившие инструкции и отправленные из Азова на Ку-

---

⁵³ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 373. Л. 3.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 360. Л. 1–11.

⁵⁶ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 376. Л. 9–13.

бань 16 мая 1701 г.⁵⁷, встретившиеся в Копыле с основными фигурантами дела – с С. Пахомовым (именно ему «Ивашка бил челом... чтоб ево... отпустил для окупу в Азов»), Е. Киселевым и с И. Труневским. Очная ставка позволила узнать новые сведения об обстоятельствах пребывания И. Труневского в плену (первоначально он утверждал, что его пленили кубанцы и что казаку Е. Киселеву его продал ногаец Булхан), о том, какие стратегии выбирал конкретный человек, чтобы вернуть себе свободу⁵⁸. Там же, в Копыле, И. Труневский был «торгован вновь»: Е. Киселев несколько уступил в цене, и полоняника вторично отправили на «окуп» в Азов 25 мая 1701 г.

Благодаря случаю И. Труневского, стали доступны для анализа важные детали «окупных» операций, которые часто оставались неизвестными сторонним наблюдателям, включая российских администраторов. В частности, речь идет о договоренностях по линиям «хозяин – полоняник» и «хозяин – посредник». Например, тот же Е. Киселев, казалось, договорившийся о цене за полоняника с татаринном Алабердеем, взял у того «в заклад девку». Важно также отметить роль разных клятвенных обещаний, к которым прибегали или могли прибегать все участники «цепочки», включая самих полоняников.

Проанализированный материал позволяет прийти к некоторым выводам и к постановке новых исследовательских задач. Плен, рабство и выкуп отражали многие стороны жизни на южном пограничье, активно развивавшиеся местными сообществами до появления здесь так называемых линейных границ. Работоторговля долгое время относилась к традиционным занятиям местного полиэтничного населения, активно взаимодействовавшего друг с другом. Экономика и политика южного фронта, включая пограничную дипломатию, теснейшим образом были связаны с пространством плена, порождавшего разнообразные формы пограничной и трансграничной коммуникации.

---

⁵⁷ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 373. Л. 1–3.

⁵⁸ Там же. Л. 4–7.

Разрушение Россией и Османской империей на рубеже XVII–XVIII вв. традиционного порядка, существовавшего в степном пространстве, существенно трансформировало систему размена и выкупа пленяников, но не отменило ее вовсе. Более того, поддержание подобных архаичных практик нашло свое закономерное выражение в действиях новых пограничных властей России и представителей ханской администрации на Кубани. Так, Россия усиленно создает ситуацию, при которой главным центром окупных и разменных операций с пленяниками становится Азов. Вероятно, это нашло отклик со стороны разных участников местного «рынка» еще и потому, что в османское время Азов (Азак) занимал подобную нишу. На рубеже XVII–XVIII вв. в систему местной работорговли успешно включились кубанские казаки-старообрядцы, выходцы с Дона. Это свидетельствует о высоком уровне их адаптации к местным условиям, а также о взаимосвязи их военной активности с ее географией. Они как покупали рабов, так и активно продавали их, включаясь в «цепочки» трансграничных связей и процессов, знакомых еще раньше донским казакам. Плен и выкупные операции, проанализированные на «кубанском материале», свидетельствуют о разных поведенческих моделях пленяников. Они старались влиять на выкупные и разменные сделки, являясь не только объектами, но и субъектами их совершения, обладавшими определенной правоспособностью. В процессе выкупа фиксировались индивидуальные биографии пленяников, эвристический потенциал которых еще предстоит оценить исследователям плена и рабства, границ и пограничья.

Переговоры о переходе кубанских ногайцев в российское подданство (рубеж XVII–XVIII вв.)

Падение османского Азова летом 1696 г. отразилось не только на состоянии русско-турецких отношений, о чем чаще пишут в специальной литературе. Новой российской администрации Азова также пришлось вступить в контакты с представителями крымских ханов на Кубани, а также с местными ногайскими элитами, в т.ч. – устные и письменные, изобиловавшие проблемными ситуациями¹. В исторической науке, кроме того, недостаточно исследован вопрос о *взаимосвязи* между мероприятиями новых российских властей в Азове по призыванию ногайцев в царское подданство и *защитой* Россией новых территориальных приобретений, а также *массовыми негативными настроениями*, возникшими на Кубани среди ногайского населения после второго Азовского похода. В более общем смысле речь идет о выявлении самых неоднозначных реакций со стороны подданных Гиреев и Османов (в последнем случае – на примере населения Кафинского эялета) на завоевание российскими войсками Азова – после чего их привычная жизнь (торговля, набеги и работорговля, в т.ч. проведение «окупных» операций, кочевание, связи с метропольными территориями, их поездки на другие территории и пр.) претерпела изменения, в т.ч. в худшую сторону.

Недовольство в Крыму султанской властью и опасения крымцев и ногайцев за свое ближайшее будущее резко усилились в связи с утратой турками-османами Азова, когда Россия основательно приблизилась к границам ханства. Завоевав устье Дона, «Россия расколола территорию ханства и изолировала Кубанскую орду и Западную Черкессию от его осталь-

---

¹ *Сень Д.В.* Толмачи и переводчики в деятельности воеводской администрации Азова (конец XVII – начало XVIII вв.) // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы Международной научной конференции. М.: ИРИ РАН, 2019. С. 134–143.

ных причерноморских владений»². Успешная борьба России с Османской империей и завоевание Азова позволили ей к концу XVII в. существенно укрепиться в Северо-Восточном Причерноморье, прервав сообщение по суше между Крымом и восточными кочевниками. Усилившись в регионе, Россия поставила под свой контроль «коммуникации, обеспечивавшие опасные для россиян прямые контакты Порты и Крыма с калмыками, тюркским населением Поволжья и Степного Предкавказья»³. По меткому выражению В.А. Артамонова, «в начале XVIII в. ногайцы буквально метались в поисках нового протектора»⁴. Например, кубанские ногайцы стали говорить, что «мы де не знаем, куды прислонитца неведомо – к Белому царю или к турецкому»⁵. Вероятно, расширение территориальной экспансии России и ее военно-политической мощи не осталось незамеченным и мусульманскими народами, вследствие чего, к слову, и на Юге тоже расширились география и количество случаев признания русского царя именно «белым» – в категориях сакральности и включенности этого обозначения в традиционные для Востоке системы мироустройства – подр. см. у В.В. Трепавлова⁶. Заслуживает внимания суждение того же автора о трактовке интересующего нас понятия в мусульманских странах в связи с распространением там мнения, неприятного для турок-османов, о возможности завоевания ислам-

---

² Артамонов В.А. О русско-крымских отношениях конца XVII – начала XVIII вв. // Общественно-политическое развитие феодальной России. М.: Институт истории СССР, 1985. С. 71.

³ Приймак Ю.В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). Армавир: Полипринт, 2011. С. 55.

⁴ Артамонов В.А. Переговоры о переходе Крымского ханства в русское подданство при Петре Великом // Славяне и их соседи. М.: Наука, 2001. Вып. 10. С. 271.

⁵ Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. И-5. Оп. 2. Д. 20. Л. 10.

⁶ Трепавлов В.В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. С. 12–69.

ского мира именно «белым царем»⁷. Выскажем мнение о том, что такое положение вещей могло развиваться на фоне переоценки местными восточными народами аналогичных характеристик турецкого султана, неспособного, как оказалось, к защите собственных владений на Юге – части священной территории «дар аль-ислам». Нам потребуется отдельное изучение данного вопроса, а пока можно в целом согласиться со словами В.А. Артамонова о том, что «авторитет “белого царя” после Азовских походов 1695–1696 гг. вырос, и внимание кочевых народов стало чаще обращаться в его сторону»⁸.

Прошения ногайцев о подданстве (точнее, *разных* ногайских орд в составе Крымского ханства) или их реакции на аналогичные предложения от царских властей необходимо связать с изменившимся (а именно – с *ухудшившимся*) международным положением Крымского ханства, вызванным в т.ч. итогами русско-турецкой войны 1686–1700 гг. Правда, не приходится говорить о совпадении условий, вызвавших к жизни однотипное, по форме выражения, новое явление – неоднократные обращения *разных* групп ногайцев, подданных Гиреев, за подданством к России, позиция которой по данному вопросу не оставалась неизменной на протяжении второй половины 1690-х гг. – начала XVIII в. Обращения к России за подданством со стороны некоторых кубанских мурз (напр., Есенея-мурзы, Кубека-мурзы, Урака-мурзы) были удовлетворены, и какое-то время они даже проживали на Дону с частью своих улусных ногайцев. При этом Есенея-мурза ходатайствовал о подданстве для себя, для своей родни и части улусных людей в более благоприятных для того политических условиях – в начале марта 1700 г.⁹ Кубек-мурза и Урак-мурза, по

---

⁷ Третьяков В.В. «Белый царь»... С. 124.

⁸ Артамонов В.А. Турецко-русская война 1710–1713 гг. М.: Кучково поле, 2019. С. 318.

⁹ Воеводе С.И. Салтыкову о принятии в Черкасском на жительство Есенея-мурзы с семейством и с улусными Татарами // Материалы для истории Воронежской и соседних губерний: Воронежские акты. Т. 1. Воронеж, 1887. С. 191–192.

всей видимости, были приняты на Дону уже после заключения между Россией и Османской империей 3 июля 1700 г. Константинопольского мирного договора. Так, Урак-мурза еще летом 1701 г. проживал в Черкасске – и, недовольный решением крымского хана переправить снаряженных ногайцев с Кубани в Крым, намеревался вместе с мурзой Арсланбеком со своими улусами «отъехать к Черкасскому»¹⁰. Но все же позиция России стала более категоричной (в отрицательном смысле) для подобных и иных просителей от ногайских групп в составе Крымского ханства именно после подписания этого ключевого для тогдашних русско-турецких отношений документа. Например, в 1701 г. украинский гетман И.С. Мазепа, после получения указаний из Москвы, отказался содействовать в предоставлении российского подданства ногайцам Буджакской орды, восставшей в 1699 г. против хана Девлет-Гирея II¹¹. Оценивая же ситуацию с ногайцами за 1696–1700 гг., можно заметить, что в одних конкретных случаях ногайцы Крымского ханства (Буджакская орда) больше действовали под влиянием конфликта с ханской властью, в других (Кубанская орда) – в связи с угрозой своему будущему из-за «прихода» России к местам их проживания и боязни быть ею завоеванными, из-за сомнений в том, окажет ли им помощь турецкий султан...

Анализируя документальные источники, мы видим, что падение османского Азова переживалось кубанскими ногайцами болезненно и даже панически¹². В том же 1696 г. многие из них откочевали с семьями в Крым и в Черкесию, где даже

---

¹⁰ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 111. Оп. 1. 1701 г. Д. 5. Л. 1–3.

¹¹ *Станіславський В.В.* До історії взаємин Війська Запорозького з Буджацькою Ордою в 1699–1700 рр. // Надчорномор'я: студії з історії та археології (з IX ст. до н.е. по XIX ст. н.е.). Київ: Інститут історії України НАН України, 2008. С. 158–161.

¹² *Сень Д.В.* Азовские походы и их последствия в истории Крымского ханства. Рубеж XVII–XVIII вв. (на примере ногайской Кубани) // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему: материалы второй Международной научно-практической конференции (г. Черкесск, 12–13 октября 2016 г.). Черкесск: б./и., 2016. С. 87–92.

остались зимовать¹³. Откочевка ногайцев за Кубань в «горские черкесы» носила массовый характер, ее не сумели предотвратить даже действия крымцев. Недаром из Крыма прибыл один из сыновей крымского хана Хаджи-Селим-Гирея, «а с ним де силы сот з девят и стоят они с стороны горских черкес для того, чтоб они нагайцы не бежали в горские черкесы»¹⁴. По словам бежавшего с Кубани крестьянина Т. Иванова, ногайцы рассуждали: «А когда де Азов взят, так де не устоят и Нагаю» (т.е. Кубанской орде. – Д.С.), и если российские войска опять придут к Азову, то всем им придется бежать в горы. «И ныне де те татары юрты свои все пожгли, а сами с женами из детми живут, переходя по розным местам для того, что они от приходу руского войска к себе велми опасны...»¹⁵. Впрочем, уже в 1697 г. ногайцы «...ныне все съехались по-прежнему и стали пашню пахать»¹⁶. 8 мая 1697 г. другой выходец с Кубани сообщил в Азовской приказной избе о том, что ногайцы «живут на Кубане по-прежнему. И говорят все кубанские тотара меж собою, что-де ныне Озов взяли руские люди, а в другой-де год они ево возмут»¹⁷.

Ногайцы и турки-османы, впрочем, неоднократно отзывались скептически о возможности отвоевания Азова у России. Выразительная сцена произошла в начале 1697 г. в османской Тамани: приезжий торговый ногаец заявил местному турку-осману, что «в Азове силы много, и московская де сила ныне в готове и будет в Азов вскоре», если же «турския люди вскоре не будут, а московская сила к ним придет, и они де, нагайцы, им здадутца». Турок стал в ответ бранить ногайца за подобные настроения: «...русские люди и не бывали, а ты де здаешся»¹⁸. По словам пленного ногайца Укуштука (1697 г.) кубанские ногайцы были настроены следующим образом: в случае выхо-

---

¹³ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 5. Л. 3, 4, 8; Там же. Д. 15. Л. 13, 18.

¹⁴ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 20. Л. 10.

¹⁵ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 15.

¹⁶ Там же. Л. 18.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 16. Л. 16.

да русской армии к Черному морю и строительства на Кубани османской крепости они уйдут к калмыцкому хану¹⁹. Создается устойчивое впечатление, что с падением Азова ногайцы, казалось, утратили одно из важных и зримых организующих начал своей жизни, традиционно связанных с Османской империей. Однако вскоре после возвращения ногайцев из Закубанья на привычные места проживания обнаружилось, что российская сторона сохранила некоторые элементы прежней местной пограничной жизни, выгодные номадам. Азов быстро вернул себе позицию важного регионального центра проведения «окупных» (выкупных) операций с рабами и их «розмена», о чем на Кубани было хорошо известно даже невольникам. Невольников привозили в Азов от ногайцев, например, с кубанскими «торговыми людьми», развивавшими торговые связи через Азов, а также доставляли в крепость другими способами²⁰. Идеализировать отношения сторон, конечно, не стоит. Подобные контакты были выгодны как ногайцам, так и азовской администрации, взявшей под контроль окупные и разменные операции с невольниками, оттеснив, к тому же, от подобных занятий Войско Донское, традиционно участвовавшее в указанном сегменте местной пограничной жизни.

Возвращаясь к истории с призванием ногайцев под «царскую руку» вскоре после падения Азова, отметим, что соответствующая инициатива исходила от российской стороны и направлялась, скорее всего, царем Петром I. Защита Азова представлялась царю на данном стратегическом направлении одной из наиболее важных задач, достижение которой, среди прочего, предполагало сбор и анализ информации о планах Османской империи и Крыма по возможному отвоеванию крепости. При этом вероятна несколько иная интерпретация дипломати-

---

¹⁹ *Теткеев В.Т.* Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. С. 148.

²⁰ *Сень Д.В.* «Бил челом ахреянскому атаману...»: плен, рабство и выкуп на южном пограничье (конец XVII в. – начало XVIII в.) // Вестник Калмыцкого Института гуманитарных исследований РАН. 2018. № 1. С. 36–46.

ческой активности российских властей на т.н. кубанском направлении, о чем будет сказано ниже. В любом случае, России необходимо было учитывать настроения кубанских ногайцев в числе других факторов, влиявших на местную пограничную обстановку. В частности, речь идет об обострении крымско-калмыцких отношений – когда в 1696 г. после бегства части ногайских улусов из-под власти Аюки была мобилизована, по приказу калги-султана, вся Кубанская орда, готовая к нападению на калмыков и, вместе с тем, осведомленная о возможном нападении на Кубань самого Аюки²¹. Многоопытный калмыцкий правитель полагал, что при определенных условиях Кубань и Кабарда могли бы стать под «государеву руку», о чем он даже написал в Москву²². Обратим внимание на то, что едва ли не первая попытка со стороны российских властей установить контакты с кубанскими ногайцами по вопросу их перехода в российское подданство была предпринята спустя совсем непродолжительное время после падения Азова. 19 июля 1696 г. капитулировал османский гарнизон Азова, а уже 22 августа того же года боярин и воевода А.С. Шеин получил отписку от Войска Донского, весьма вовремя попавшую в руки воеводы Большого полка. При этом фрагментированное начало документа²³ позволяет высказать предварительное мнение о том, что вопрос о российском подданстве ногайцев, в свою очередь, был поднят даже не А.С. Шеиным (Петром I?)! Донцы сообщали, что к ним в Войско приехали с Кубани ногайцы для «окупного дела», которые также привезли с собой «письмо от мурз и от ученых людей (надо думать, от абызов? – Д.С.)»²⁴. Таким образом, если интерпретировать значение этого случая, то российской стороной был найден хороший повод для «прощупывания» соответствующих настроений среди ногайцев. Именно поэтому А.С. Шеин повелевал П.Г. Львову «для призыву под великодержавную руку его великого государя... но-

---

²¹ *Тепкеев В.Т.* Указ. соч. С. 145.

²² Там же. С. 146.

²³ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 17. Л. 3.

²⁴ Там же.

гайских и черкесских мурз со всеми их улусными людьми» отправить на Дон «кого пригож» и говорить тем ногайцам, чтобы те мурзы были бы в «вечном подданстве под высокодержавною рукою великого государя... и обнадеживать их его, великого государя, милостию и жалованьем»²⁵.

Пока не представляется возможным говорить о том, что отмеченная нами оперативность российских властей и направленность их действий оказались *напрямую* связаны с планами защиты крепости от нападения крымцев и турок-османов в том же 1696 г. На тот момент (лето-осень 1696 г.) подобные сведения только стали поступать российской стороне²⁶; но, что более существенно – ногайцы не представляли тогда собой существенной угрозы Азову, массово и едва ли не в панике покинув Кубань, о чем писалось выше. Уже в первой половине сентября 1696 г. российские власти располагали информацией об откочевке ногайцев за Кубань. Более того, уже находясь за Кубанью у «горских черкесов», ногайцы «меж собою... переговаривали, как де из Царяграда силы не будет, и они де и достальные побегут в горы для того, что де те татары от приходу к себе московских сил боятца, толко чают цареградских сил»²⁷. Скорее всего, перед нами явление несколько иного порядка и объяснения, а именно – элемент активизировавшейся южной политики России в условиях продолжавшейся войны с Османской империей и, к тому же, дипломатического давления на Крымское ханство. Упоминание же в документе о «черкесских мурзах» требует дополнительного изучения. И, конечно, соответствующая инициатива о возможности российского подданства исходила не от ногайцев.

Выполняя повеление А.С. Шеина, окольный и воевода П.Г. Львов, действовавший через Войско Донское и совместно с его верхушкой, оперативно обратился к ногайцам и, очевидно, к черкесам, со своим посланием. Вероятно, речь идет о документе, недатированный фрагментированный отпуск кото-

---

²⁵ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 17. Л. 4.

²⁶ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 20. Л. 2, 6, 10 и др.

²⁷ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

рого сохранился в Государственном архиве Воронежской области (ГАВО)²⁸. К слову, документы об анализируемой ниже истории сохранились также в РГАДА²⁹ – поэтому в дальнейшем можно обратиться к сравнительному изучению нескольких документальных комплексов. Послание П.Г. Львова «с товарищи» адресовалось «ногайских орд мурзам Янмамбетю и Батырше наврузовым», иным мурзам «и всей Закубанской орде». Воевода писал своим адресатам, что по указу великого государя к ним на Кубань из Войска Донского отправлен М. Можар с царским же «призывательным указом». Его смысл сводился к тому, чтобы «вы (адресаты воеводского послания. – Д.С.) под его великого государя высокодержавною рукою были в... подданстве против того, как мурзы, и черкесы и улусные [люди?] под его великого государя... рукою близ Казани и Астрахани... и в сибирских странах живут»³⁰.

Сентябрьская отписка 1696 г. Войска Донского на имя П.Г. Львова позволяет уточнить детали этого хорошо спланированного мероприятия, в т.ч., как выясняется, направлявшегося боярином и воеводой Большого полка А.С. Шеиным. Так, в отписке прямо указывалось, что Войско Донское действовало не только по царскому указу, но и по приказу А.С. Шеина³¹. Далее в документе речь шла об отправке за Кубань «к нагайским мурзам и ко всем закубанским ордам» М. Можара и Ф. Болдыря с «товарищи». Особенный интерес представляют детали готовившейся поездки. Во-первых, в Войске был составлен «лист» на имя ногайских мурз, после чего казаки, определенные для поездки к ногайцам, отвезли его в Азов для сличения воеводой П.Г. Львовым с другим документом³². Точнее, это понадобилось для того, чтобы необходимые слова из его собственного письма – тем же самым адресатам – подошли на текст «войскового листа». После необходимых проце-

---

²⁸ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 4. Д. 1. Л. 1.

²⁹ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1696 г. Д. 7.

³⁰ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 4. Д. 1. Л. 1.

³¹ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 17. Л. 5.

³² Там же.

дур оба письма были переданы группе М. Можара – Ф. Болдыря, очевидно, и выехавшей вскоре из Азова к месту своего назначения.

Следующая войсковая отписка по данному вопросу была подана азовскому воеводе П.Г. Львову 14 октября 1696 г. В ней вновь сообщалось об отправке по указу великого государя казака М. Можара «с товарищи» с предложением ногайцам перейти в подданстве «под высокодержавную... руку»³³. Более важной является другая информация, почерпнутая нами из документа: в результате поездки, как оказалось, ногайские мурзы не дали никакой «отповеди» ни войсковым властям, ни, следовательно, азовскому воеводе П.Г. Львову. Тогда М. Можар и Ф. Болдырь были отправлены с Дона на Кубань повторно с письмами от Войска, «чтоб о том подлинно отповедь уведомить от тамошних закубанских мурз и арды (sic! – Д.С.)»³⁴.

Уже 15 октября 1696 г. воевода написал свое ответное послание Войску Донскому. В частности, он сообщал о приезде М. Можара с Кубани в Азов, и о том, что «закубанские мурзы» направили от себя четверых татар вместе с Ф. Болдырем в Черкасск. Примечательно, что в анализировавшейся выше войсковой отписке, полученной в Азове 14 октября 1696 г., воеводе не сообщалось о приезде с Кубани Ф. Болдыря с ногайцами. Воевода упрекал войскового атамана Ф. Минаева в том, что «с чем те татары в Черкасской к тебе приехали, и какое дело явилось против наших писем, о том в Азов ты октября по 15-е число не писывал и ведомости никакой не присылывал»³⁵. По получении же царского указа атаману Ф. Минаеву повелевалось сообщить в Азов обо всех разговорах, которые татары повели с ним в Черкасске.

В октябре того же года М. Можар был допрошен в Азовской приказной палате. Казак сообщил, что они приехали «за Кубань в Татарскую орду к первому мурзе к Мамемет Темиреву сыну, говоря, «что присланы от азовского воеводы кня-

---

³³ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 9. Л. 2 а.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Л. 3.

зя Петра Григорьевича Львова и от Войска Донского атамана Фрола Минаева с призывательными с писмами, чтоб они были в подданстве под высокодержавною рукою великого государя нашего и его царского величества»³⁶. Обратим внимание на использованную в этом и в других подобных документах формулировку – «за Кубань», что могло и соответствовать действительности – ведь во второй половине 1696 г. (уже летом?) ногайцы действительно массово оставили свои жилища на Кубани. Захватив с собой казаков, Мамеет-мурза направился к «большому мурзе» Де[н]мамбету «для того, чтоб переговорить с иными мурзами и улусными людьми, которые под ево мурзиною рукою». Эти мурзы направили в Черкасск вместе с Ф. Болдырем четверых своих татар для удостоверения подлинности писем и полномочий посланцев от Войска Донского³⁷. Филипп Болдырь направился с ногайцами в Черкасск, а М. Можар с провожатыми – к авторитетному среди кубанских ногайцев Кубек-аге: «И он-де Кубек говорил ему Матвею, для чего-де к нему писма нет»³⁸.

Из другой войсковой отписки от 31 октября 1696 г., адресованной воеводе П.Г. Львову, узнаем, что в группу М. Можара и Ф. Болдыря входило еще три человека, и что войсковых «посылок» к ногайцам было несколько, полагаем, *две*. Войско Донское уверяло воеводу П.Г. Львова, что «подлинное их закубанской орды [по]мышление было о подданстве... под высокодержавную руку государя нашего»³⁹. По всей видимости, «шатания» какой-то части Кубанской орды в сторону России носили весьма серьезный характер: ногайцы даже сообщили о том, что «...к лету пришлому (т.е. на следующий, 1697 год. – Д.С.) разным временем приход будет со всею силою ему самому турецкому султану на Озов. А подлинно-де достава[ть] Черкасской и в злохитром намерении своем гово-

---

³⁶ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 9. Л. 5.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. Л. 6.

рят... егда-де Черкаской возьмем, тогда и Азов подавно наш»⁴⁰. Другое дело, что ногайские мурзы еще «сроку упросили (для принятия решения по вопросу подданства. – Д.С.) до пришло-го лета, кому де бог поможет на лето, того де и мы вся орда, потому что дело будет большое на лета (sic! – Д.С.)»⁴¹. Обращает на себя внимание и тот факт, что наврузовский Мамбетмурза направил от себя нарочного – Доюнкелду-агу, не сообщившего Войску подробностей о данном ему поручении и намеревавшегося с казачьей зимовой станицей отправиться в Москву⁴². Войско Донское просило П.Г. Львова указать, каким образом поступить с этим кубанским посланцем. Ответ воеводы на Дон был составлен 2 ноября 1696 г. и носил определенно уклончивый характер. П.Г. Львов рекомендовал Войску Донскому «учинить вам по своему» вопрос о вероятной отправке Доюнкелды-аги в Москву⁴³.

Судя по всему, интенсивность соответствующих переговоров о возможном подданстве ногайцев сошла на нет в том же 1696 г. Следующий, 1697 год, принес обострение обстановки в Северо-Восточном Приазовье и получение Россией уже из разных источников данных о готовящемся походе османских и крымских войск под Азов⁴⁴. Никуда не исчезла и настороженность местного ногайского населения по отношению к российскому, по сути – к военному – соседству рядом с собой. В ходе третьего Азовского похода ногайцы приняли активное участие в составе войск калги Девлет-Гирея, сражаясь с Большим полком боярина А.С. Шеина 20 июля 1697 г. под Азовом: будучи разгромлены, они бежали за р. Кагальник. Еще в 1700 г. актуальной была ситуация, при которой «кубанцы» (т.е. ногайцы) «от приходу великого государя ратных людей и от казаков зело боятца, и конские и скотьи табуны все перегнали за Кубань и держат в крепях и говорят, что великий де государь

---

⁴⁰ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 9. Л. 6.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Л. 6–7.

⁴³ Там же. Л. 8.

⁴⁴ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 4, 6, 7, 10.

в Азове и знатно, что изволит с своими, великого государя, ратными людми, итит их, кубанцов, разорит»⁴⁵.

Частный для России «ногайский вопрос» быстро отошел на второй план ее внешней политики на Юге – после завершения войны с Османской империей и заключения с ней Константинопольского мирного договора 3 июля 1700 г. Но, что примечательно, после этого не прекратились разговоры и даже прошения разных ногайских групп о российском подданстве, уже нередко служившие им дополнительным аргументом в ходе выяснения отношений с правящими Гиреями. К примеру, поддержав низложенного в конце 1702 г. крымского хана Девлет-Гирея II, восставшего против Порты, кубанские ногайцы не собирались подчиняться новому хану – Хаджи-Селим-Гирею I. Они якобы заявляли, что, если прежний хан «по-прежнему на ханство не будет, и они де хотят поклонитца под высокодержавную великого государя руку»⁴⁶.

В 1701 г. один из султанов-Гиреев (Каплан-Гирей/Бахты-Гирей?) разгромил множество «черных людей татар», намеревавшихся со своими мурзами уйти с Кубани и «кочевать около Азова и Черкаского». Эти ногайцы «переехали на Кертму реку, и салтан де кубанской с татары за ними в погоню гнал сам, и с мурзами с Сартланом, да с Агашом, да черной человек Кубек-ага, а было с ними воинских людей тысяча пятьсот человек, да трицат человек казаков ахреянов. И на Кертме де реке угнав их, учинили бой, и мурзы де с ними билис, и от мурз черные люди многие изменили, и побежали к салтану, и салтан мурз разорил совсем... А у мурз жен и детей побрал он, салтан, к себе на Кубань, а мурзы розбежалис врознь»⁴⁷. Тот же Кубек-мурза, вернувшийся с Дона на Кубань, в 1703 г. снова обратился с прошением о подданстве, приехав в Азов, «чтоб принять ево по-прежнему под высокодержавную велико-

---

⁴⁵ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 237. Л. 12.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1703 г. Д. 11. Л. 672 об.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1701 г. Д. 5. Л. 80. Фрагмент документа любезно предоставлен к.и.н. П.А. Аваковым.

го государя руку, и з братом Ураком-мурзою, и со всеми улусными людьми. И он, Кубек, не принят, и от Азова отослан»⁴⁸.

Проанализированный нами главный случай, положенный в основу статьи, свидетельствует о том, что население Кубанской орды ранее других подобных образований в составе Крымского ханства попало в орбиту соответствующего внимания Российского государства. Приведенный нами эмпирический материал органично вписывается в историю решения Россией тактических и стратегических вопросов расширения своего влияния на Юге после завоевания Азова, в т.ч. путем выработки различных «невоенных» форм ослабления традиционного для данного региона крымско-османского влияния. Вместе с тем подобные действия России находили несомненный отклик в среде подданных Гиреев, анализ которых поможет уяснить многие существенные особенности новой, после 1681 г., внешней политики Крымского ханства – возникшей вследствие невыгодных и даже опасных для него русско-турецких договоренностей и устанавливаемого Москвой и Стамбулом нового пограничного порядка.

---

⁴⁸ Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. 177. Оп. 1. Д. 25. Ч. 1. Л. 835–835 об. Фрагмент документа любезно предоставлен к.и.н. П.А. Аваковым.

Информационное пространство Булавинского выступления и повстанческая переписка 1708 г. с Кубанью

Выступление под предводительством К.А. Булавина основательно исследовано в российской исторической науке¹. В новейшей историографии наметилась тенденция к расширению сюжетов по истории этого крупного народного движения начала XVIII в.². Появляются отдельные труды по историографии и источниковедению Булавинского выступления³. Подобное положение выглядит обнадеживающим на фоне снижения академического интереса к истории народных движений в России XVIII в. За определенным исключением (В.Я. Мауль, Е.Н. Трефилов, О.Г. Усенко), «прорывные» исследования появляются в этой области нечасто. Состояние новейшей историографии в целом определяется вводом в научный оборот неизвестных ранее источников, использованием новых исследовательских подходов и, думается, критическим переосмыслением лучших достижений дореволюционной и советской историографии.

История анализируемой переписки привлекала к себе внимание разных поколений отечественных ученых, занимавшихся историей Булавинского выступления: В.И. Лебедева, Е.П. Подъяпольской, А.П. Пронштейна, Н.А. Мининкова,

---

¹ *Лебедев В.И.* Булавинское восстание (1707–1708). М., 1967; *Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П., Мавродин В.В.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М., 1966; *Пронштейн А.П., Мининков Н.А.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. и донское казачество. Ростов н/Д., 1983.

² *Усенко О.Г.* К уточнению биографии К.А. Булавина // Россия в XVIII столетии. М., 2002. Вып. 1. С. 97–108; *Аваков П.А.* Азовский поход булавицев 1708 г. // Меншиковские чтения – 2015: науч. альманах. СПб., 2015. Вып. 6 (15). С. 184–194.

³ *Мининков Н.А.* Реконструкция Булавинского архива Е.П. Подъяпольской // Архивы и архивное дело на Юге России: мат-лы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 16–17 окт. 2015 г.) / отв. ред. Д.В. Сень, Д.П. Исаев, М.Е. Шалак. Ростов н/Д., 2015. С. 267–275.

Н.С. Чаева, О.Г. Усенко и др. Одни историки писали о связи повстанческой переписки с «прощупыванием» К.А. Булавиным почвы для отступления на Кубань⁴, с чем можно согласиться. А.П. Пронштейн и Н.А. Мининков оправданно считали, что в Черкасске придавали большое значение «поддержанию мира и заключению союзнических отношений с кубанскими татарами»⁵.

В.И. Лебедев обратил внимание на политическое значение переписки в связи с восстановлением при К.А. Булавине «прежних казацких вольностей», когда «Войско Донское сочло себя вправе решать внутренние и внешние дела. Этим объясняется посылка писем на Кубань»⁶. При этом мотивация Войска Донского развивать письменную и другую коммуникации с Кубанью выглядит более гибкой, нежели только из опасения подвергнуться нападению «со стороны кубанских кочевых орд»⁷.

Более осторожен в своих выводах Н.С. Чаев, писавший: «Едва ли, однако, отмеченная политика Булавина (речь идет о переписке К.А. Булавина с Хасаном-пашой, с кубанскими казаками и пр. – Д.С.) являлась самоцелью для представляемых последним слоев казачества; она, нам думается, прежде всего была призвана служить известным вспомогательным средством к отстаиванию Войском Донским своей “самостоятельности” от попыток Москвы более прочно освоить Дон как колонию»⁸.

Е.П. Подъяпольская исследовала содержание переписки в контексте распространения раскола в среде повстанцев,

---

⁴ Лебедев В.И. Указ. соч. С. 73.

⁵ Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Указ. соч. С. 260.

⁶ Лебедев В.И. Указ. соч. С. 73.

⁷ Там же.

⁸ Чаев Н.С. Булавиновское восстание (1707–1708) // Тр. ист.-археограф. института АН СССР. М., 1935. Т. XII. Булавиновское восстание (1707–1708 гг.) (далее название сборника – «Булавиновское восстание»). Не путать со статьей Н.С. Чаева в указанном сборнике документов!). С. 52.

сделала наблюдения о связях донских и кубанских казаков, многие из которых были старообрядцами и известны по событиям «раскола на Дону» конца XVII в.⁹ Ей же принадлежит суждение о том, что «по-видимому, кубанские раскольники откликнулись на призыв Булавина и его товарищей о помощи. Имеются сведения, что к нему пришли “из донских раскольников с Кубани и с Сорокани (р. Аграхани. – Д.С.) 1100 человек»¹⁰. Суждение важное: дискуссия об историчности указанного свидетельства характерна и для сегодняшней историографии, недавно пополнившейся еще одним критическим мнением¹¹. Автору статьи довелось ранее опубликовать отдельные работы о связях К.А. Булавина с ногайской Кубанью, с турками-османами и с кубанскими казаками, реконструируя план по отступлению казаков с Дона на Кубань¹².

Представляется перспективным изучить повстанческие документы, исходившие от Войска Донского на Кубань, не только в контексте истории т. н. повстанческого архива, что блестяще продемонстрировано Е.П. Подъяпольской¹³. Во-первых, речь идет не только о количестве писем, там хранящихся, но также о формировании и содержании архива Войска Донско-

---

⁹ Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина 1707–1709. М., 1962. С. 104–106.

¹⁰ Там же. С. 106.

¹¹ Усенко О.Г. Рецензия на монографию Д.В. Сеня «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). 2-е изд., испр. и доп. Краснодар: Кубанькино, 2002. 285 с. // Клио. Журнал для ученых. СПб., 2003. № 4 (23). С. 239–241; Аваков П.А. Азовский поход булавицев 1708 г. // Меншиковские чтения – 2015. Вып. 6 (15). С. 188, 193–194.

¹² Сеня Д.В. Отношения булавицев с Крымским ханством и кубанскими казаками. XVII–XVIII вв. // Вопросы истории. 2009. № 4. С. 89–96; Его же. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.). Ростов н/Д., 2009. С. 203–233.

¹³ Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина... С. 23–53.

го, не идентичного понятию «повстанческий архив»¹⁴. В этой связи стоит вспомнить, что только 9 мая 1708 г. К.А. Булавин был избран войсковым атаманом, получив насаду.

Во-вторых, состав адресатов и географию распространения документов, исходивших от Войска Донского в лице нового атамана, действительно стоит изучить в контексте борьбы казачества за свое «исконное» право на внешнеполитические сношения, ликвидированное после присяги 1671 г. Однако и после этого донцы продолжили «ссылаться» с различными государствами и властями, что вызывало осуждение Москвы. Несколько в стороне от этой проблемы находится письменная коммуникация Войска Донского с османским Азовом после 1671 г. Однако в целом речь идет об устойчивой культурной традиции донского казачества, вот почему переписка Войска Донского с адресатами вне России должна системно рассматриваться в своем многообразии и во внутреннем единстве.

В-третьих, переписка Войска Донского с Кубанью порожила ответные формы коммуникации со стороны адресатов, которые необходимо учитывать, изучая реакции Крымского ханства и Османской империи на события, прямо или косвенно нарушавшие привычное состояние дел в их пограничных владениях. Как и в случае с выступлением донских казаков под руководством С.Т. Разина, в Бахчисарае и в Стамбуле активно собирали информацию о событиях на Дону, причем сопровождалось это передачей «по назначению» не только достоверной информации, но и слухов.

Информационное пространство Булавинского выступления – малоизученная тема, особенное место в которой занима-

---

¹⁴ *Сень Д.В.* Архив Войска Донского и история войскового делопроизводства: актуальные вопросы изучения // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): мат-лы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (4–5 апр. 2014 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. М.Д. Розин, Д.В. Сень, Н.А. Трапш. Ростов н/Д., 2014. С. 479–488.

ет «взгляд с Востока» на казачий Дон тех лет. Вовсе не выглядят преувеличением слова ачуевского мухафыза Хасана-паши и капычи-баши Алея-аги, сообщавших И.А. Толстому о том, что им «о Черкасском деле... ведомо»¹⁵. Безусловно, в формате одной статьи невозможно аналитически исследовать все заявленные вопросы.

Цель моего будущего большого исследования состоит в сравнительном изучении всех известных на сегодня случаев реализованной и нереализованной переписки войскового атамана К.А. Булавина с Кубанью (в лице турок-османов, ногайцев и кубанских казаков), рассмотренных в контексте других исследовательских проблем, среди которых – повстанческая переписка в истории войскового делопроизводства и войскового архива; установление количества, хронологии составления, отправки и доставки войсковых грамот и других документов с Дона на Кубань, объединенных темой налаживания связей и планируемого отступления; изучение способов доставки повстанческих документов к адресатам и их реакций, включая отправку на Дон ответных писем; выявление возможных связей между интенсивностью переписки в обоих направлениях и событиями на Дону периода весны-лета 1708 г.

Начну с того, что задолго до взятия Черкасска и обретения атаманской булавы в мае 1708 г. К.А. Булавин намеревался установить контакты с крымским ханом. Трон в Бахчисарае занимал тогда Девлет-Гирей II, известный своей заботой о кубанских казаках и отказавшийся в 1709 г. выдать российской стороне казаков И. Некрасова¹⁶. Из полученных российской стороной от запорожцев сведений за декабрь 1707 г. следовало, что, приехав из Кодака в Запорожскую Сечь, К.А. Булавин просил кошевого атамана Т. Финенко дать «ему с кошу лист и казаков до Крымского хана, чтоб ехать ему в Крым и

---

¹⁵ Карасев А.А. Бумаги, относящиеся к Булавиному бунту // Русский архив. 1894. Кн. III. № 11. С. 305.

¹⁶ Сень Д.В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Краснодар, 2002. С. 82–84.

просить у Крымского хана орды на вспоможение себе»¹⁷. Кошевой атаман тогда отказался выполнить просьбу К.А. Булавина. Впрочем, через некоторое время запорожцы, сражавшиеся тогда с российскими войсками, сами уже отправили к крымскому хану гонцов – «чтоб орду к себе привести на вспоможение». Что же до возможных связей К.А. Булавина с Крымом (или до реакции крымцев на очередное казацье «возмущение» на Дону), то оперативные известия о приходе «орды» на реки Татарка, Московка, а также о пребывании большой «орды» на р. Молочные воды, служат косвенным тому подтверждением¹⁸.

В условиях наметившегося к середине мая 1708 г. противостояния с правительственными войсками К.А. Булавин стал планировать различные варианты своих дальнейших действий. Пожалуй, впервые о стратегическом характере такого планирования, связанного с возможным отступлением на Кубань, стало известно из содержания ведомости, полученной князем В.В. Долгоруким 18 мая 1708 г. из Черкаска: «А буде ратные государевы полки тех ево единомышленников побьют, и у него вора с Некрасовым положено збиратца по Дону в Цымле, а собрався итить на Кубань. И ныне вскоре на Кубань он вор с письмами посылает з Дону ис Кобылинка городка казака Антона Дорофеева да кубанского татарина»¹⁹. Обращает на себя внимание несколько интересных деталей: совсем небольшой временной разрыв между избранием К.А. Булавина войсковым атаманом (9 мая 1708 г.) и озвученными им намерениями уйти на Кубань; статус И. Некрасова, уже «засвеченного» присутствием при казни войсковой старшины, среди других соратников атамана; намерение вождя повстанцев изначально отправить на Кубань племянника атамана кубанских казаков С. Пахомова – Антона Дорофеева (Ерофеева), что следует из анализируемого ниже документа. Заметно стремление войскового атамана достичь большего эффекта от

---

¹⁷ Булавинское восстание... С. 363.

¹⁸ Там же. С. 365.

¹⁹ Там же. С. 244.

передачи на Кубань отписок и своих предложений, используя при этом доверительные каналы связи со своими корреспондентами.

Доставка войсковых отписок на Кубань, конечно, в разных смыслах, беспокоила и повстанцев, и их противников. Например, из Азова были отправлены в степь офицеры с командой из 60 человек; тревожился, несомненно, сам атаман К.А. Булавин. Подтверждения этому имеются. Речь идет об изменениях состава группы, которой надлежало доставить на Кубань несколько войсковых отписок – кубанским казакам (так называемым «ахреянам»), ачуевскому мухафызу Хасану-паше и видному представителю Кубанской орды Сартлану-мурзе. Согласно данным за 19 мая 1708 г., на этот раз передаче писем должны были осуществить два кубанских татарина и два казака²⁰. Быть может, еще один казак и один татарин просто должны были пополнить группу А. Ерофеева. Далее последовали новые изменения в составе группы...

Вместо ранее предполагавшихся лиц, доставку отписок на Кубань должны были осуществить черкасский казак В. Шильца, два человека из верховых городков (казаки?), четыре «торговых армянина» и один кубанский татарин²¹. Обратим внимание на то, что вопрос о составе группы на Кубань рассматривался на войсковом круге! И вновь – изменение атаманом К.А. Булавиным, либо по его инициативе на круге, персонального состава указанной группы... Когда по пути на Кубань посланцев с Дона поймали «на степи» 28 мая 1708 г., то ими оказались турки-османы (2), татары (3) и армянин (1), при которых находилось еще 23 чел. «калмыцкого ясыря»²². Как видим, за период 9–27 мая 1708 г. состав группы с отписками на Кубань менялся как минимум *четырежды*, на что раньше исследователи не обращали должного внимания.

---

²⁰ Подъяпольская Е.П. Новое о восстании Булавина // Исторический архив. 1960. № 6. С. 127.

²¹ Там же.

²² Там же.

Указанные события происходили в то непростое время в истории выступления, когда К.А. Булавин вел себя последовательно даже по отношению к царской власти, когда его поведение и положение в Черкасске были особенно неустойчивы. Представляется возможным уточнить вывод Н.С. Чаева о том, что «это поведение следует признать крайне колеблющимся; в нем трудно подметить какую-либо определенную линию»²³. Напротив, его действия по организации связей с Кубанью свидетельствуют о важности для повстанческого руководства «кубанского направления» по привлечению союзников и по достижению других амбициозных целей.

Интересно, как сам К.А. Булавин объяснял кубанским казакам, что отписки должен был доставить не А. Ерофеев: «И мы паопаслись с сим письмом ево Антона к вам послать, потому что от неправедных бывших наших старшин с кубанцы многия ссоры и разорения»²⁴. Пленный «турчанин» из состава отправленной на Кубань группы потом утверждал на допросе в Азове, что «взял письмо от вора Булавина он, а другой товарищ его турчанин про то ведал; а достальные сказали, что де они про то не ведали (в действительности писем было несколько. – Д.С.)»²⁵. Присланный из Стамбула на Дон осенью 1708 г. капычи-баша Алей-ага пытался убедить российские власти в том, что этих торговых людей необходимо «отпустить ... по-прежнему на Кубань для того, что де они те писма везли не из воли своей, убояс от него, вора, в Черкасском задержания и пожитков их грабежу»²⁶.

Версия османского чиновника кажется сомнительной, и вот почему: 1) К.А. Булавин, основательно подошедший к отбору «кандидатов» для включения в группу, должен был быть уверен в надежности именно последнего состава: напрасные угрозы могли только помешать задуманному; 2) грабить чу-

---

²³ Чаев Н.С. Указ. соч. С. 46.

²⁴ Булавинское восстание... С. 463.

²⁵ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Эрмитажное собрание. № 559. Л. 16.

²⁶ Там же.

жих торговых людей, удерживать их имущество в Черкасске повстанцы не стали: недаром при них обнаружили во время поимки не только «ясырь», но также деньги и прочее имущество – «платье» и «рухлядь». Наконец, указанный «турчанин» Алей (Али) являлся жителем Ачуева²⁷, мухафызу которого адресовалось одно из писем. Тот же Алей (Али) уже привозил письма из Ачуева в Азов И.А. Толстому. Таким образом, для К.А. Булавина было выгоднее на каких-то иных основаниях, нежели путем запугивания, достичь договоренности с «турчанином», скрывшим информацию о войсковых отписках от кубанских татар и армянина.

Итак, в конце мая 1708 г. с Дона на Кубань должны были быть доставлены, как минимум, три отписки за войсковой печатью, которая намеренно попала в руки К.А. Булавину уже вскоре после захвата повстанцами Черкаска²⁸. Однако имелась еще одна отписка к ногайским мурзам, не попавшая в сводку Е.П. Подъяпольской. Упоминание о ней, переданной с казаком В. Борисовым, содержится в войсковой отписке Сартлану-мурзе и другим мурзам за конец мая 1708 г.²⁹. Составителем отписок следует признать войскового писаря И. Андреева, пребывавшего при новом атамане. Предполагалось, что все три отписки будут переданы казакам-«ахреянам», две из которых надлежало затем отправить другим адресатам. Судя по всему, К.А. Булавин полагал, что адресаты непременно ему ответят. Он просил кубанских казаков поторопиться с ответом: «И вам бы пожаловать приехать к нам в Черкасской не помешкав с тем вместе, как посланы будут из Ачуева от Хасана паши и от Сартлана мурзы с письмами татары»³⁰. Содержание «воровских» писем К.А. Булавина настолько встревожило азовского губернатора И.А. Толстого, что он приказал отправить команду к Черкасску «для отгону воровских ево

---

²⁷ *Подъяпольская Е.П.* Новое о восстании Булавина... С. 127.

²⁸ Там же. С. 126, 128.

²⁹ Булавинское восстание... С. 460.

³⁰ Там же. С. 464.

конских табунов, чтоб оному вору бежать было не на чем»³¹. Такая задача была выполнена при активном участии возглавляемых В. Фроловым черкасских казаков-гум («полукровок»), вскоре прибывших в Азов. Кроме того, 31 мая 1708 г. И.А. Толстой написал в Ачуев Хасану-паше и Махмет-алею о «возмутительных делах» К.А. Булавина и о его переписке с Кубанью. Азовский губернатор просил своих визави: «И будет от тех воров явятся какая возмутительныя письма в стороне салтанова величества, и тем бы письмам не верить; а кто с такими письмами... явятся, и, охраняя мирные договоры, таких поймав, прислать бы в Азов»³². Обрато на Дон посланцы И.А. Толстого привезли в начале июля 1708 г. два письма – от мухафыза Хасана-паши и от капычи Алея-аги. Турки-османы писали о приезде двух казаков с «листами» из Азова и о том, что им известно о «черкасском деле».

Важнее другое: какие-то посланцы К.А. Булавина на Кубань всё же попали, «и тех-де... казаков выслали они с Кубани с бесчестием, и что к ним от него в листах писано, и о том они объявили в Крым ханову величеству, чрез нарочную посылку»³³. По словам турок-османов, хан Каплан-Гирей I «в Крыму и на Кубани учинили заказ крепкий под великим страхом, чтобы крымцы и кубанцы с азовцами жили смирно и в дружелюбии и задоров бы никаких не чинили, и чтобы в Черкасск к Булавину никто ни для чего отнюдь не ездили и никаким словам его не верили»³⁴. Таким образом, какие-то казаки сумели пробраться с Дона на Кубань и передали (попытались передать?), как минимум, два письма от К.А. Булавина неустановленным адресатам. Вероятно, одно из них предназначалось кубанским казакам, другое – ногайцам. Это одна сторона вопроса, связанная с установлением интенсивности интересующей нас войсковой переписки, как сохранившейся, так и реконструируемой на основании косвенных данных.

---

³¹ Булавинское восстание... С. 258.

³² Карасев А.А. Указ. соч. С. 305.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

Когда же указанные письма могли быть отправлены на Кубань? Выскажу гипотезу, что это могло случиться после событий, связанных с поимкой группы «турчанина» Алея, т. е. после 28 мая 1708 г. Ведь тогда цель не была достигнута. В нашем распоряжении имеются сведения, позволяющие проверить эту гипотезу. Речь идет о прибытии на Дон с Кубани от Хасана-паши и от кубанских мурз нескольких ногайцев с письмами для К.А. Булавина³⁵.

Указанное событие случилось до 8 июня 1708 г., т. е. прибытие посланцев нельзя считать реакцией на отписки К.А. Булавина, датируемые концом мая 1708 г., – хорошо известно, что до адресатов они не дошли. Другое дело, что это могло стать ответом на отписку, переданную на Кубань с казаком В. Борисовым, о которой шла речь выше. В ответ на полученные письма К.А. Булавин отправил 8 июня 1708 г. на Кубань казака ст-цы Черкасской – В. Косова и казака ст-цы Рыковской с письмами. В частности, атаман писал, «чтоб кубанская орда собрався пришли к нему в Черкасской, и чтоб с ним заодно итить к Азову»³⁶. Не об этих ли казаках, якобы высланных с Кубани с «безчестием» после доставки писем от атамана, писали И.А. Толстому мухафыз Хасан-паша и капычи Алей-ага? Вероятность положительного ответа на поставленный вопрос существует: в обоих случаях фигурируют по несколько казаков – посланцев К.А. Булавина – и по несколько писем. Правда, в сообщении об отправке на Кубань казаков Черкасской и Рыковской станиц сначала говорилось о содержании одного письма, но ниже – о двух письмах³⁷. Если в будущем обнаружится, что анализируемые выше отправки – разные, можно будет говорить еще о нескольких войсковых письмах на Кубань. Пока же можно насчитать, как минимум, шесть (по сравнению с тремя документами в сводке Е.П. Подъяпольской³⁸),

---

³⁵ Булавинское восстание... С. 269.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ *Подъяпольская Е.П.* Восстание Булавина... С. 51.

войсковых отписок за май – начало июня 1708 г., адресованных на Кубань.

Другая сторона вопроса связана с изучением реакций со стороны адресатов К.А. Булавина на попытки атамана завязать с ними связи через переписку. Турки-османы и ногайцы проявили определенную заинтересованность в налаживании контактов с «новой» властью на Дону. Во-первых, турки-османы отслеживали информацию о положении на Дону, а также о переписке атамана с Кубанью в лице местных казаков и ногайцев. О содержании подобных «воровских» писем они даже сообщили крымскому хану Каплан-Гирею I. Во-вторых, Хасан-паша и ногайцы вступили-таки в переписку с К.А. Булавиным: их посланцы вручили атаману как минимум два письма, написанных до 8 июня 1708 г. Следовательно, можно говорить еще о двух письмах, попавших в повстанческий архив (архив Войска Донского) в связи с «кубанской перепиской» 1708 г. В-третьих, ногайцы откликнулись на просьбу К.А. Булавина пригнать на продажу 2 тыс. лошадей, что было особенно актуально для повстанцев в то время. Правда, вместо просимого количества с Кубани на Дон пригнали около 500 лошадей – вероятно, ногайцы решили не рисковать и продали Войску Донскому «пробную» партию лошадей.

Таким образом, предварительный анализ переписки Войска Донского с Кубанью свидетельствует о ее включенности в историю многих событий Булавинского выступления, в том числе связанных с так называемой пограничной дипломатией Войска Донского, с формированием войскового архива, отражающим политическую культуру донского казачества в новых условиях. Полученные результаты позволяют сформулировать новые вопросы по теме информационного пространства Булавинского выступления, отражающего уровни и виды коммуникации между его участниками и наблюдателями, включая взаимную передачу идей, образов, оценок.

Управленческие практики Российской империи в Северном Причерноморье и судьба Крымского ханства: проблемы историографии

История Крымского ханства и его отношений с Российским (Московским) государством – одна из самых плодотворных в отечественной науке. В последние годы появляется все больше работ, посвященных малоисследованным аспектам политической истории, культуры, этнического и конфессионального населения Крыма, его судебной системы, пограничного сотрудничества с другими государствами и т. д.¹ На этом фоне гораздо меньше трудов, имеющих отношение к последним годам существования независимого Крымского ханства в 1772–1783 гг., включающих позднюю историю ханства в контексте не только российско-османского, но и крымско-османского противостояния, а также предлагающих новые теоретические подходы². Имеется несколько работ, в которых

¹ См. некоторые работы: *Аметка Ф.А.* Кримське ханство: становлення і розвиток державності та права (перша половина XV – друга половина XVII ст.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харків, 2003; *Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения. 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века: в 2 т. М., 2007; *Зайцев И.В.* Крымская историографическая традиция XV–XIX веков: пути развития, рукописи, тексты и источники. М., 2009; *Приймак Ю.В.* Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). Армавир, 2011; *Фаузов С.Ф.* Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. 1654–1658. Крымско-татарская дипломатика в политическом контексте постпереевского времени. М., 2003; *Сень Д.В.* Казачьи сообщества Крымского ханства и старообрядчество на Северном Кавказе в конце XVII–XVIII в. // *Российская история.* 2009. № 6.

² См. некоторые работы: *Грибовский В.В.* «Ногайский вопрос» в период «независимости» Крымского ханства. 1774–1783 // *Кавказский сборник.* 2008. Т. 5 (37); *Орешкова С.Ф.* Крымское ханство в 70-е годы XVIII в. // *Вопросы истории.* 2008. № 7; *Приймак Ю.В.* Северо-Западный Кавказ во внешней и внутренней хозяйственной системе Османской империи (1700–1770-е гг.) // *Вопросы южнороссий-*

судьба Крымского ханства, его присоединение к России рассматриваются как часть «греческого проекта» Екатерины II и Г.А. Потемкина. Появляются первые научные работы (обзоры), посвященные проблеме присоединения Крыма к России как историографической проблеме³.

Большая часть специалистов традиционно излагают сюжет о присоединении Крыма в связи с объективными условиями указанного процесса с точки зрения Российской империи, в связи с ее политическими рисками («все... показало русскому правительству, что оттягивать присоединение татарского государства не только неразумно, но и рискованно»), а также с попытками Османской империи вернуть свои позиции в Крыму⁴. Н.Ю. Болотина склонна рассматривать вопрос о судьбе независимости Крыма в связи с намерениями Османской империи вернуть Крым, ее попытками реально влиять на Крымское ханство⁵. В новейшем коллективном труде по истории внешней политики России почти прямо говорится о том, что включение Крыма в состав империи связано было с нарушениями Турцией условий Кючук-Кайнарджийского договора⁶.

ской истории. М., 2006. Вып. 11; *Приймак Ю.В., Виноградов В.Б.* Кризис крымско-османских вассально-союзнических отношений и распад государства Гиреев (1720–1780-е гг.) // История и обществознание. Армавир, 2006. Вып. IV. Обратим внимание на новейшую публицистику: *Грибовский В.* Як Росія Крим поневолила / за ред. В. Брехуненко, А. Бойко. Київ, 2009.

³ *Аграновский Г.Я.* К вопросу об освещении в русской и советской историографии политики России в отношении Крымского ханства в XVIII веке и присоединения Крыма к России // Проблемы истории Крыма. Симферополь, 1991. Вып. 2; *Его же.* К вопросу о политике России в отношении Крымского ханства в XVIII веке и присоединения Крыма к России // Крым и Россия: неразрывные исторические судьбы и культура. Симферополь, 1994.

⁴ Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / под общ. ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 1996. С. 162.

⁵ *Болотина Н.Ю.* Деятельность Г.А. Потемкина (1739–1791 гг.) в области внутренней политики России. М., 2010. С. 70.

⁶ История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона). М., 2000. С. 125.

Проблема действительно состоит в том, что поздняя история Крыма довольно часто рассматривается как история *предопределенная*, окрашенная в тона справедливого возмездия за столетия татарских набегов на территорию России. Примечательно, что историографические практики изучения позднего Крымского ханства, связанные с ведущими научными направлениями XIX–XX вв., вполне соотносимы с историографическими подходами и оценками российского продвижения на Северном Кавказе⁷. Какие могут быть предложены здесь исследовательские перспективы, способные перевести дискуссию о судьбе Крымского ханства в контексте управленческих практик Российской империи и, что более важно, иных тематических ориентиров на новый уровень?

Во-первых, историю российской науки о Крымском ханстве (включая частный историографический случай – историю изучения такой темы, как ликвидация Крымского ханства / вхождение Крыма в состав России) можно рассмотреть, например, в связи с эволюцией имперского или колониального дискурса, проявившего себя и в дореволюционной, и в советской науке. Влияние этого дискурса на востоковедение, тематику этнографических исследований, историю вхождения в состав России новых народов и новых территорий очевидно. В частности, речь о «цивилизаторской миссии» России на Востоке, об обосновании экспансии Российской империи и т. п.⁸ Имеющиеся в науке историографические оценки рассмотрим в связи с риторикой совершенно другого текста – императорского Манифеста от 8 апреля 1783 г. «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской сторо-

---

⁷ Баррет Т.М. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период: антология. Самара, 2000. С. 165–166.

⁸ Тольц В. Российские востоковеды и общеевропейские тенденции в размышлениях об империях конца XIX – начала XX века // Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): сб. ст. / ред. М. Густ, Р. Вульпиус, А. Миллер. М., 2010. С. 266–307.

ны, под Российскую Державу»⁹. Здесь по преимуществу говорится о нарушении турками-османами условий мирного договора, о «беспокойствах, убытках и утруждении» российских войск, равно как о неспособности татар «ко вкушению плодов... свободы»¹⁰. С одной стороны, многие современные российские историки рассматривают *аннексию* Крымского ханства в связи с решением Россией своих стратегических внешнеполитических задач, а также с проблемами, уходящими в глубь веков: «В подбрюшьи государства исчез постоянный очаг угрозы, через который с южных земель уводился на невольничьи рынки Средиземноморья живой товар»¹¹. Примечательно, что события, связанные с получением Крымом независимости, избранием на крымский престол «русского ставленника» Шагин-Гирея, выводом христиан из Крыма и т. п. акциями, оцениваются такими авторами всего лишь как «промежуточные этапы на пути вхождения полуострова в состав империи»¹². Напротив, А.В. Крючков полагает, что отторжение Крыма из-под власти Османов, предоставление Крыму независимости не являлись целенаправленной акцией на пути присоединения Крыма¹³.

С другой стороны, историки отмечают едва ли не тотальное влияние, оказанное на отечественную литературу о Крымском ханстве, двухтомным трудом выдающегося востокове-

⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXI. С. 897–898.

¹⁰ Там же. С. 898.

¹¹ *Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М.* Население Крыма в конце XVIII – конце XX века (численность, размещение, этнический состав). М., 2003 [Электронный ресурс] // URL: //http://www.bigyalta.com.ua/node/77312003 (дата обращения: 10.06.2012).

¹² Там же.

¹³ *Крючков А.В.* Присоединение Крыма к России и начальный этап его включения в общеимперское пространство (последняя треть XVIII – начало XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006. С. 11; *Его же.* Зачем России нужен был Крым? (К вопросу о целях присоединения полуострова к России) // Культурологические и лингвистические аспекты коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2005. Вып. V. С. 19–22.

да В.Д. Смирнова¹⁴, относительно недавно переизданным¹⁵. И.В. Зайцев прав, когда пишет, что усвоенный В.Д. Смирновым и его российскими последователями пренебрежительный тон в отношении политического устройства Крыма «имеет своим источником османский взгляд на крымских татар»¹⁶. В.Д. Смирнов нелестно отзывался о перспективах существования Крымского ханства в XVIII в., считая, что «буйно прожитые их предками два века пропали даром для внутреннего развития и для упрочения международного положения их государства»¹⁷. Крымского хана Шагин-Гирея он именует «злополучным татаринном», соединявшим в себе «дикие инстинкты азиатского деспота с самыми легкомысленными приемами и затеями на европейский манер». Что касается истории Крыма после 1783 г., то здесь В.Д. Смирнов безапелляционен: после издания Манифеста 1783 г., по его словам, «заканчивается история Крымского ханства, носившего еще тень самобытного политического существования»¹⁸. Сожаление вызывают у него бывшие подданные Гиреев, которые, «напрасно испугавшись русского владычества... побрели искать счастья в переселении на чужбину». Суждение И.В. Зайцева дополним следующим замечанием: наряду с «османоцентричным» взглядом на крымскую историю, В.Д. Смирнов демонстрирует здесь ориентацию на культуртрегерскую миссию России в деле воспитания «диких татар»¹⁹.

---

¹⁴ *Зайцев И.В.* Крымское ханство: вассалитет или независимость // Османский мир и османистика: сб. ст. к 100-летию со дня рождения А.С. Тверитиновой. М., 2011. С. 289.

¹⁵ *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты: в 2 т. / отв. ред. С.Ф. Орешкова. М., 2005.

¹⁶ *Зайцев И.В.* Крымское ханство: вассалитет или независимость... С. 289.

¹⁷ *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты... Т. 2. С. 8.

¹⁸ Там же. С. 199.

¹⁹ Там же. С. 220. Любопытно проследить, как деятельность и взгляды В.Д. Смирнова соотносились с развитием в России научных представлений о Востоке и практиками колониального господства (см. рассмо-

Такого рода колониальный дискурс, в той или иной степени апеллирующий к неспособности татар сохранить свою государственность в новых геополитических условиях, имеет своих сторонников и противников. Безусловно, это только одно из оснований, по которым могут быть исследованы знание о Крыме и способы его конструирования / презентации. Особым выглядит мнение В.Е. Возгрина, традиционно критикуемого российскими (московскими) историками за неофициальные трактовки российско-крымских отношений. Признавая теснейшие связи Шагин-Гирея с российским двором, историк характеризует хана как человека, «предавшего интересы Крыма», как «клеветра» Екатерины II²⁰. Реформы Шагин-Гирея он объявляет бездарными поступками, реализованными ханом вместе с «бахчисарайской камарильей». Разбирая вопрос о независимости Крыма, В.Е. Возгрин употребляет слово «независимый» в кавычках, указывая, что Крыму фактически «была предоставлена автономия, хотя и в весьма сложной форме»²¹. Присоединение Крыма историк трактует как аннексию, план которой вызревал в Российской империи годами.

Во-вторых, понятие «управленческие практики» мы распространяем на сферу реализуемых имперскими властями *невоенных* форм и способов управления новыми границами и пограничным пространством. В центре исследовательского внимания такие «конструктивные» аспекты управленческой деятельности имперских структур в Северном Причерноморье, как легитимация прав империи на земли *бывшего* Крымского ханства, включая изменение историко-географической номенклатуры, воображаемой географии и ментальных карт, создание новых социальных идентичностей, новых ландшафтов и пр. Без обращения к практикам коронной администрации, имперских элит по формированию контрпамяти в отношении

трение аналогичной проблемы: *Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Мир-за Казем-Бек и Казанская школа востоковедения // Новая имперская история постсоветского пространства: сб. ст. Казань, 2004. С. 243–270).

²⁰ *Возгрин В.Е.* Исторические судьбы крымских татар. М., 1992. С. 264.

²¹ Там же. С. 262.

прошлого «нецивилизованных татар», Крымского ханства как Малой Татарии²² на вопрос о причинах разработки и условиях реализации таких проектов ответить будет непросто. Обратим внимание на труды ученых, которые при изучении соответствующих практик империи делают вывод о том, что Крым стал своим в русском сознании не ранее середины XIX в.²³ Другие специалисты²⁴, напротив, говорят о том, что даже с появлением таких новых представлений о «русскости» Крыма в общественном сознании жителей он не должен и не мог им соответствовать. В любом случае Крым с его громадным символическим капиталом оказался исключительно важен для России с ее стремлением доказать Европе свою цивилизованность и попытаться реализовать «греческий проект». Однако на пути легитимации «своих» прав на Крым Российская империя столкнулась с рядом проблем.

В-третьих, в качестве самостоятельной научной проблемы необходимо выделить тему независимости Крымского ханства в 1772–1783 гг. В российской историографии господствует точка зрения о фиктивной независимости Крымского ханства в период 1772–1783 гг., о почти неизбежном характере событий, связанных с решительными действиями Российской империи по ликвидации ханства ввиду давних исторических счетов, неумения/нежелания хана Шагин-Гирея проводить гибкую политику, а также вследствие активной позиции Г. А. Потемкина и удачного расклада сил на международной арене.

²² *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2004; *Сень Д. В.* Воображаемая география и имперский дискурс: практики Российской империи в Крыму и на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII – начале XIX в. // *Этнографическое обозрение.* 2008. № 3.

²³ *Маловичко С. И.* «Крымские мифы и поездка в Крым в 1870 году» русского ботаника Н. И. Железнова // «Курорт» в дискурсивных практиках социогуманитарного знания: материалы Междунар. науч. конф. (г. Пятигорск, 27–29 апреля 2007 г.). Ставрополь; Пятигорск; Москва, 2007. С. 89–90.

²⁴ *O'Neill K.* Constructing Russian Identity in the Imperial Borderland: Architecture, Islam, and the Transformation of the Crimean Landscape // *AbImperio.* 2006. № 2. С. 163–192.

Согласимся с мнением С.Ф. Орешковой о том, что господствующий в науке иронический взгляд современных ученых на проблемы крымской независимости не должен закрывать проблему *альтернативных возможностей дальнейшего развития Крымского ханства в 1770-е гг.*²⁵ Исходить из предопределенности событий, давать оценки историческому явлению (нежизнеспособность «новой» крымско-татарской государственности) в связи с ликвидацией Крымского ханства и генерализацией конфликта хана Шагин-Гирея с местными сообществами, включая крымско-татарские элиты, – неисторично и малопродуктивно. Необходимо рассмотреть все без исключения сохранившиеся проекты российских властей по решению будущего Крымского ханства, начиная с событий 1760–1770-х гг., включая проекты, созданные еще до войны 1768–1774 гг., их реализацию / нереализацию. При этом потребуется установить связь такого генерального для российской дипломатии вопроса с решениями «крымского вопроса», «ногайского вопроса» и «кубанского вопроса», связанных с существованием независимого Крымского ханства, с внешнеполитическими планами и Российской, и Османской империй. Интересно проанализировать взгляды крымско-татарских элит (в т. ч. эмигрировавших в Османскую империю) на перспективы независимого существования ханства, отношение султанского двора к коллизии, связанной с правами султана-халифа и с его желанием вернуть status quo в Крыму. Любопытно проанализировать также практики Османов по назначению кубанских ханов уже после отречения Шагин-Гирея и пр. Предстоит решить вопрос об изменении планов Российской империи, изначально не предполагавших включать территорию ханства в состав империи²⁶. Долгие годы действия коронной администрации действитель-

---

²⁵ Орешкова С.Ф. Крымское ханство в 70-е годы XVIII в. ... С. 121.

²⁶ Другое дело, что Российская империя считала одно время возможным создать на Кубани самостоятельное ногайское государство во главе с ханом из династии Гиреев. Рассматривалась здесь и кандидатура калги Шагин-Гирея.

но были направлены на то, чтобы сделать Крым независимым. Конечно, эта независимость рассматривалась часто еще современниками как независимость от Османской империи. Вместе с тем не учитывать юридической природы подобного явления, отраженного, например, в Кючук-Кайнарджийском договоре и Айналы-Кавакской конвенции, тоже нельзя.

В-четвертых, назрела методическая необходимость увязать вопрос о жизнеспособности Крымского ханства, перспективах его существования с попытками *вестернизации*, инициированными и частично реализованными крымским ханом Шагин-Гиреем. Возможно, по нашему мнению, отказаться от пренебрежительного взгляда на историю *модернизационного проекта* хана Шагин-Гирея как на чудачества, отринутые местными сообществами, частично профинансированными российскими властями, а частично – за счет ограбления местного населения. Вестернизация Крымского ханства – самостоятельная тема исследованная, которую перспективно изучить с точки зрения *источников* заимствования подобного опыта, с точки зрения трансфера Шагин-Гиреем и его немногочисленными сторонниками в разные сферы жизнедеятельности ханства европейских институтов, новаций, изобретений и т. п.²⁷ Более того, российское командование не склонно было поддерживать все преобразования хана, а некоторые из которых вызывали у российских военных опасение. Особая заслуга Шагин-Гирея состояла здесь в том, что подобные системные преобразования стали осуществляться в Османской империи лишь спустя несколько лет – при султане Селиме III, создавшем «низам-и

---

²⁷ При изучении проблемы уместно обратиться к опыту изучения трансферов на материалах российской истории: Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): сб. ст. / ред. М. Густ, Р. Вульпиус, А. Миллер. М., 2010. В частности, обратим внимание на методiku изучения трансферов, изящество которой связано не столько с *объемом* заимствуемого, сколько с изучением контекста анализируемого явления, включая мотивацию тех, кто решился на заимствование (С. 8–9).

джедид» («новый порядок»)²⁸. Сами реформы почти не изучены, на что справедливо обратила внимание С.Ф. Орешкова²⁹, сравнивающая реформаторство Шагин-Гирея с планами и реформами султана Селима III. Историки почти не обращают внимания на такую кардинальную характеристику реформ Шагин-Гирея, как его борьба с привилегиями крымской знати, действительных хозяев Крыма, веками боровшихся с претензиями крымских ханов на самостоятельность. Попытался новый хан решить и территориальные споры с Османской империей, а также перенести столицу ханства из Бахчисарая в Кафу. Были предприняты шаги по секуляризации земель в мусульманском Крыму, организации регулярной армии, переписи населения, чеканке монеты, созданию литейного и порохового заводов, изменению административно-территориального деления ханства (преобразование бейликов в кадилыки) и пр. Таким образом, Шагин-Гирей «первым принял тот европейский вызов, который был тогда брошен странам Востока, и начал проводить прогрессивные по своей сути реформы»³⁰. Малоисследован вопрос о мотивациях, сопровождавших попытки хана Шагин-Гирея модернизировать Крым, возможно, и связанных с его политическими амбициями – «преобразовать ханство в черноморскую империю»³¹, либо о возобновлении прежнего влияния в Восточной Европе (А. Фишер).

Взвешенная позиция С.Ф. Орешковой во многом совпадает со взглядами и аргументацией А. Фишера³², ссылки на труды которого нечасто встретишь у российских исследователей. Соглашаясь с А. Фишером, В.В. Грибовский спра-

---

²⁸ История Османского государства, общества и цивилизации / под ред. Э. Ихсаноглу. М., 2006. Т. 1. С. 56–59; *Shaw S. Between old and new: The Ottoman Empire under Sultan Selim III 1789–1807. Cambridge, 1971.*

²⁹ Орешкова С.Ф. Крымское ханство в 70-е годы XVIII в. ... С. 124.

³⁰ Там же. С. 126.

³¹ Болотина Н.Ю. Деятельность Г.А. Потемкина (1739–1791 гг.)... С. 71.

³² *Fisher A. [W]. The Russian Annexation of the Crimea, 1772–1783. Cambridge, 1970; Ego же. The Crimean Tatars. Stanford, 1978.*

ведливо полагает, что «выступления против нововведений могут быть рассмотрены как реакция традиционалистов против вестернизации»³³, во многом подогреваемая местным мусульманским духовенством. Ведь, помимо прочих нововведений, хан уравнивал в правах христиан и мусульман. Согласно выводам А. Фишера, Шагин-Гирей воспринял от екатерининского правительства некоторые идеи Просвещения, в частности, связанные с мыслью о военно-техническом прогрессе как залого успешного государственного строительства. Эту идею он попытался внедрить в своем государстве. Для формирования фонда земельных пожалований хан приступил к конфискации вакуфных земель, лишив духовенство части привилегий. Духовенство выступило принципиальным противником его модернизационного проекта, настроив народ против нововведений. Немусульмане были в восторге от намерений хана, например, изменить правовую систему в ханстве, «а татары видели в этом скандальное отклонение от своей религии, а в своей религии они были более уверены, чем в Шагине»³⁴.

А. Фишер делает акцент на отторжении традиционалистами модернизации, предложенной ханом. При этом ученый отмечает, что не особенно радикальной стала система организации нового войска (1 рекрут от 5 домовладений), «поскольку мобилизация от определенного количества семей одного вооруженного мужчины не шла вразрез с устоявшейся практикой. Точно так же учреждение воинских подразделений, делящихся на десятки, сотни и тысячи, было хорошо знакомо жителям Крыма на примере регулярных военных формирований Османской империи»³⁵. Следовательно, современные исследователи могут более взвешенно подойти к теме радикальности реформ Шагин-Гирея в трансформации традиционных укладов и институтов. Наконец, важен вывод А. Фишера, согласно которому попытки Шагин-Гирея создать новую систему управления носили не хаотичный характер, а были направле-

---

³³ Грибовский В.В. «Ногайский вопрос»... С. 30.

³⁴ Fisher A. [W]. The Crimean Tatars... P. 65.

³⁵ Грибовский В.В. «Ногайский вопрос»... С. 30.

ны на усиление центральной власти за счет других элементов общества. Если бы дело было доведено до конца, то хан имел бы «основания надеяться на то, чтобы сделать Крым независимым государством, способным выжить... между Российской и Османской империями»³⁶.

В заключение отметим, что, хотя десятилетнее существование Крымского ханства как независимого государства и оказалось последним для него, в исследовании темы открываются новые перспективы. Уточнение историографических оценок необходимо в целях актуализации некоторых традиционных сюжетов и создания нового научного знания.

---

³⁶ *Fisher A. [W]. The Crimean Tatars... P. 63.*

Освоение Черномории казачеством в конце XVIII в.: случай Петра Малого и Андрея Мазанова

Тематика статьи связана с историей русско-турецких войн, российско-османских пограничных отношений рубежа XVIII–XIX вв., с историей казачьих сообществ Северного Причерноморья: казаков-черноморцев, т.н. турецких запорожцев и казаков-некрасовцев. Выделим среди актуальных вопросов темы следующие: контакты пограничных администраций и структур обеих империй; взаимодействие трех вышеуказанных казачьих сообществ, превосходно знавших о существовании друг друга; пограничный диалог и конфликты подданных Российской и Османской империй, включая новые социальные практики освоения пограничного пространства; история работоторговли на Северо-Западном Кавказе, расселение некрасовских казаков по территории Османской империи после 1778г., их контакты с турками-османами Анапского санджака, с черкесами и пр.¹. При этом отметим, что основополагающий вклад в изучение черноморского казачества на современном этапе науки внес краснодарский ученый Б.Е. Фролов.

Изучение истории Черноморского казачьего войска (ЧКВ) не может быть ограничено обращением специалистов только к вопросам использования Россией верных ей казаков по охране новых границ на Юге. Академический диалог об этих и других исследовательских проблемах полагаем актуальным еще и по-

---

¹ *Сень Д.В.* Пограничье в истории черноморского казачества: некоторые факторы освоения пространства // *Культурная жизнь Юга России.* 2009. № 4; *Его же.* Пограничные владения Османской империи на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII – начале XIX вв. и казачьи сообщества региона // *Казачество России: прошлое и настоящее: сб. науч. статей.* Ростов н/Д., 2010. Вып. 3; *Его же.* Российско-османские пограничные отношения на Северо-Западном Кавказе рубежа XVIII–XIX вв.: «притяжение» Анапы // *Покликанья. Збірник праць на пошану професора о. Юрія Мицика / редкол. П. Сохань, А. Бойко, В. Брехуненко та ін.* Київ, 2011.

тому, что прошлое именно черноморского (кубанского) казачества составляет т.н. визитную карточку местной истории, начиная с 1792 г. Освоение казаками-черноморцами нового географического, экологического, этнографического и культурного пространства порождало богатейший опыт взаимодействия с «черкесским миром», не исчерпывавшийся, однако, одними культурными контактами или столкновениями казаков и горцев по ту или другую сторону р. Кубани. Пограничный статус реки не только консолидировал новое казачье войско и организовывал его кордонную (пограничную) службу. *Опасность, близость, притягательность Закубанья, проницаемость* («пористость» – по А. Риберу) этого пограничного пространства способствовали не только формированию опыта выживания казаков в непростых условиях. Проживание казаков-черноморцев в контактной зоне порождало в их среде объяснимое желание *преодолеть* «границу миров», узнать «противную» сторону не только по службе, но также следуя собственным интересам, иногда отличным от обязанностей, установленных ЧКВ Жалованной грамотой Екатерины II. Черноморских казаков можно отнести к такому населению фронта, для которого нарушение «границы миров» являлось не менее значимым, чем организация пограничного порядка другими средствами.

Самостоятельная тема – официальные и неофициальные контакты верхушки ЧКВ и администрации османской Анапы (центра одноименного санджака Османской империи), быстро налаженные, что свидетельствовало о желании сторон приспособиться к пограничному соседству друг с другом. После переселения ЧКВ на Северо-Западный Кавказ казачья администрация стала активно сотрудничать с анапскими пашами. Им адресовались многочисленные претензии со стороны Войска в отношении черкесов и казаков-некрасовцев, захватывавших в плен людей, воровавших скот и пр.² Своеобразие ситуации состояло в том, что при этом войсковые власти устанавливали и неформальные связи с пашами, как, например, войско-

---

² Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 250. Оп. 1. Д. 8. Л. 6, 56–56 об., 82–84 об., 114 и др.

вой судья А.А. Головатый. Между Войсковым правительством ЧКВ и османской Анапой существовал устойчивый документооборот³, а в ЧКВ скоро появляются первые специалисты по османо-турецкому языку (Григорий Лозинский и др.).

Некоторые казаки-черноморцы уже вскоре после расселения на землях Черномории по новым куреням и после создания Черноморской кордонной линии стали устраивать временные жилища в Закубанье. Для черкесов это не являлось секретом, а для войсковых властей подобные факты чаще всего оказывались новостью⁴. «Тайный переход» казаков за Кубань, в османские владения, не могла оправдать такая «наивная» причина, озвучиваемая самими казаками, как занятие охотой. Войско, как правило, сурово наказывало провинившихся черноморцев – практиковалось их избиение киями, либо шпиртутенами⁵. Иногда беглецов, стремившихся в «турецкую сторону», включая Анапу, ожидал плен в Закубанье, откуда уже невольниками они могли попасть... в ту же Анапу. Причины бегства казаков за Кубань могли быть различными – ссора⁶, нарушение закона и т.п. Полагаем, что на историю нарушения новой российско-османской границы целесообразно смотреть не только глазами черкесов, что чаще всего присутствует в научной литературе, но также глазами нового местного славянского населения – казаков, солдат, в т.ч. тех, кто сознательно стремился уйти из Черномории и попасть в Закубанье, порой мало зная о нравах тамошних жителей, о том, что может их там ожидать... Речь идет о случаях, когда российскими подданными совершались побегии из Черномории в Закубанье, признаваемое в международной практике того времени сферой влияния Османской империи. Проблема побегов казаков со службы⁷, история *внеконфронтационных* контактов казаков-черноморцев с турками-османами (в т.ч. на уров-

---

³ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 709; Там же. Д. 790.

⁴ ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8. Л. 89 об.

⁵ ГАКК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 58. Л. 1 об.

⁶ ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8. Л. 175.

⁷ ГАКК. Ф. 302. Оп. 1. Д. 59, 113, 156, 287.

не войсковой верхушки), с черкесами, история работорговли на Северо-Западном Кавказе, взаимная шпионская деятельность в регионе, история т.н. закубанского фронта и пограничной торговли – по-прежнему относятся к числу перспективных вопросов региональной истории, к сожалению, нерегулярно освещаемых в новейшей научной литературе.

Переходя к раскрытию темы, выскажем несколько предварительных замечаний: 1) изучая прошлое некрасовских казаков, в свое время нами анализировался документальный комплекс из Государственного архива Краснодарского края (Ф. 249. Канцелярия наказного атамана Черноморского казачьего войска. Оп. 1. Д. 258). Он составил источниковую основу статьи; 2) состав комплекса представлен делопроизводственными документами 1790-х гг. российского происхождения – подлинниками и копиями удовлетворительной физической сохранности; 3) многие из этих документов, судя по пометам, известны еще с XIX в., однако в научный оборот они по-прежнему введены выборочно; 4) тенденциозная интерпретация документов по теме статьи представлена в трудах двух выдающихся кубанских авторов – П.П. Короленко и Ф.А. Щербины, впервые использовавших интересующие нас документы⁸. Причина этого может состоять в изначально негативном отношении указанных авторов к некрасовским казакам, «изменникам» с точки зрения российского законодательства XVIII в. Такой подход не позволил ученым детально разобраться во всех перипетиях дела, принявших в своих построениях версию официального обвинения некрасовца А. Мазанова. Анализ *тех же* документальных материалов привел автора данной статьи к другим выводам, что может стать предметом отдельного исследования о сравнении приемов источниковедческой критики разными исследователями;

---

⁸ *Короленко П.П.* Некрасовские казаки: Исторический очерк, составленный по печатным и архивным источникам // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. 1900. Вып. 2. С. 65–69; *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. Т. 1 (Репринт). С. 608–609.

5) обилие отложившихся в архивном деле ордеров, рапортов, записей допросов и т.п. документов позволило нам сформулировать тезис о возникновении в Черномории характерного «дела Петра Малого – Андрея Мазанова», начавшегося условно 20 марта 1793 г. и закончившегося в октябре того же года. Проанализированный нами случай, порожденный конфликтной ситуацией, позволяет глубже проникнуть в повседневный мир двух разных казачьих групп, оценить эвристические возможности «эго-документов», недостаток которых остро ощущается при изучении уникального и индивидуального в истории казачества. История некрасовских и черноморских казаков – не исключение в этом смысле. К числу «эго-документов» нами отнесены расспросные речи фигурантов дела и прежде всего – некрасовского казака А. Мазанова, готовящиеся нами к изданию. Расспросные речи некрасовцев последней четверти XVIII в. – ценный исторический источник, восполняющий лакуны их истории после массового выселения с территории Северо-Западного Кавказа в 1778г. и ухода на Дунай и в Анатолию⁹. Этот период намного хуже документирован, чем время пребывания некрасовцев на Кубани в 1708–1777 / 1778гг.

20 марта 1793г. в Кош «Войска верных черноморских казаков» поступил рапорт полковника С. Белого, в котором сообщалось о бегстве из черкесского плена казака Дядьковского куреня П. Малого, ранее захваченного в плен «закубанскими липованами» и проданного ими горцам¹⁰. Оговоримся, что в российской документации, относящейся к случаю П. Малого – А. Мазанова, «липованами» именовались как беглые российские подданные, так и некрасовские казаки и прочие старообрядцы. Сами некрасовцы никогда не называли себя липованами, наделяя их отрицательными характеристиками. Безуслов-

---

⁹ См. также: *Мильчев В.И., Сень Д.В.* Расспросные речи как источник по истории некрасовских казаков последней четверти XVIII в. (по материалам РГАДА) // *Кзаки-некрасовцы: язык, история, культура.* Сб. науч. статей / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2012. С. 244–260.

¹⁰ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 11.

но, российские делопроизводители и их начальники в Черномории не вдавались в тонкости конкретного словоупотребления по отношению к «раскольникам». апреля 1793 г. казачьим пикетом на р. Кубани был схвачен казак-некрасовец Андрей Мазанов, оказавшийся, как потом выяснилось, одним из похитителей черноморского казака П. Малого. Примечательно, что схвачен он был изначально не по обвинению в похищении людей, а как «безписьменно шатающийся» по Кубани. К тому времени казаки-некрасовцы давно покинули Правобережье Кубани (1777 г.), под огнем российских пушек сумев переправиться в Закубанье¹¹. Затем, несмотря на уговоры российского командования (в т.ч. А.В. Суворова), большая их часть морем отправилась в Анатолию и поселилась неподалеку от крупных османских портовых городов. Правда, как писал А.В. Суворов князю Г.А. Потемкину 26 июля 1778 г., «на прежнем кочевье (в районе Суджук-Кальской бухты. – Д.С.) осталось до 15 куреней неимущественных казаков», которым, вероятно, могло не хватить места в лодках. Ученые по-прежнему не полагают документальными свидетельствами о массовом проживании некрасовцев в Закубанье после 1778 г. Попытки отдельных авторов¹² обосновать наличие «закубанской колонии» этих казаков в первой трети XIX в. (якобы в районе Анапы и Цокуровского лимана) неубедительны. Другое дело, что документы ГАКК проливают свет на судьбу не только казаков-некрасовцев, оставшихся в Закубанье, но и на жизнь некрасовцев, *вернувшихся* сюда из Анатолии. Источники указывают на то, что какая-то часть некрасовцев связала свою судьбу после 1778 г. не только с Подунавьем и Анатолией, о чем хорошо известно, но также с Закубаньем. Данный сюжет состав-

¹¹ Подр. о последних годах пребывания некрасовцев на Кубани: *Сень Д.В.* «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Краснодар, 2002. С. 104–111.

¹² *Волкова Н.Г., Заседателева Л.Б.* Казаки-некрасовцы: основные этапы этнического развития // Вестник МГУ. Серия 8. 1986. № 4. С. 49; *Минорский В.Ф.* У русских подданных султана. М., 1902 (отдельный оттиск). С. 4.

ляет один из самых актуальных вопросов некрасовской истории последней четверти XVIII в.

А. Мазанов сообщил на допросе, что примерно в 1787 г. он попал из Анатолии в Анапу, откуда направился к абазинскому мурзе Айтеку. В устье р. Кубани ему довелось встретиться с группой уже находившихся там некрасовцев численностью до десяти человек, а позже – еще с четырьмя казаками¹³. Возможно, об этой группе из четырех человек сообщал в своих показаниях отставной казак Моздокского полка Е. Шуваев, схваченный черкесами в 1786 г. и проданный ими некрасовцам в Анатолию. Будучи отпущен некрасовцами на свободу, он не покинул их, появившись с этими казаками на Кубани в мае 1792 г.¹⁴ Затем Е. Шуваеву удалось сбежать и сдать казакам-черноморцам. Обращают на себя внимание устойчивые связи некрасовцев, свободно курсировавших между Закубаньем и Анатолией: они могли позволить себе приплыть из Анатолии на Кубань для рыбной ловли, а могли беспрепятственно покинуть черкесские земли и отплыть к турецким берегам. Не последняя роль в восприятии некрасовцами Закубанья как безопасного жизненного пространства принадлежала местной черкесской знати. У одного из ее представителей, мурзы Айтека, А. Мазанов предполагал найти (и нашел!) адресное покровительство¹⁵. Когда после сентябрьских событий 1777 г. некрасовцы укрылись в Закубанье, то им пришлось контактировать и с абазинами. Российские посланцы, как очевидцы событий, свидетельствовали, что поездка к некрасовцам привела их «прямо к Абадзинским, состоящим над самым тем (Черным. – Д.С.) морем превысоким и окруженным дремучими лесами горам, где имеют некрасовцы вообще с Черкесами и Абадзинцами свое пребывание»¹⁶. С теми же абазинцами (абазина-

---

¹³ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 19.

¹⁴ Там же. Л. 29.

¹⁵ Там же. Л. 19 об.

¹⁶ *Дмитренко И.И.* Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. СПб., 1896. Т. 1. С. 11.

ми) казаки-некрасовцы нападали тогда на российские укрепления, вплоть до своего отплытия в Анатолию летом 1778г.

Интересна и содержательна биография самого Андрея Мазанова. Ее уникальность в том, что на сегодняшний день науке известно немного «эго-документов», созданных в некрасовской среде, содержащих развернутые данные биографического характера, а также аутентичные сведения о некрасовском сообществе, о его миграциях, о заметных событиях в истории группы и пр. Историки только приступают к реконструкции отдельных биографий некрасовских казаков¹⁷. Андрей Мазанов оказался «природным» некрасовцем, родившимся примерно в 1743 г. в войсковом центре Кубанского (ханского) казачьего войска – городке Хан-Тюбе. А. Мазанов назвал имена своих родителей – отца (Пахом) и матери (Софья), а также привел другие сведения о составе своей семьи. Примерно в конце 1750-х гг., после смерти матери, вместе с отцом и братьями он перебрался в другое некрасовское селение, «состоящее на том же (Таманском. – Д.С.) острове близ кубанских гирл, впадающих в Кизилташский лиман», расположенное неподалеку от Хан-Тюбе¹⁸. Там молодой казак женился на дочери некрасовского казака Карпа – Феодосии, с которой прожил около 12 лет до ее смерти. Потом умерли двое его сыновей, две дочери... Дальше начались вынужденные странствия – вместе с остальными казаками вдовый казак отправился в конце 1770-х гг. в Анатолию, где поселился с другими некрасовцами в новом селении близ р. Шаршамбы (Чаршамбы), и где еще дважды вступал в брак. Очевидец трагических событий 1770-х гг., А. Мазанов по прошествии лет вспоминал о негативной роли крымского хана Шагин-Гирея в выселении некрасовцев с Кубани. Шагин-Гирей действительно предполагал

---

¹⁷ Мильчев В.И., Сень Д.В. Случай Родиона Решетникова: казак-некрасовец в конце XVIII в. // Казачья государственность: исторические, правовые и культурные аспекты: мат-лы международной научной конференции: сб. науч. статей / под ред. д.и.н. А.В. Венкова. Краснодар, 2011. С. 37–45.

¹⁸ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 19, 55.

переселить казаков с Кубани в Крым, однако другие источники второй половины XVIII в. рисуют картину проведения карательной экспедиции против некрасовцев осенью 1777 г. российскими войсками без привлечения татар или ногайцев¹⁹.

В своих показаниях А. Мазанов указал на направление «выхода» одной партии из числа некрасовцев, отплывших в Анатолию летом 1778 г. и осевших близ р. Шаршамбы в «земле Анадолской». Эта река (совр. Чаршамба), расположена во внутренней Анатолии и впадает в оз. Бейшехир. П.П. Короленко писал, что в казачьем селении тогда собралось до 100 семей казаков, намеревавшихся покинуть эти земли и переселиться к своим братьям на Дунай²⁰. Впоследствии многие из них так и поступили. Что касается дальнейшей судьбы А. Мазанова, то в 1787 г., сговорившись с казаком-некрасовцем Тихоном Петровым, он отправился на «мореходном судне» в османскую Анапу. Крепость, таким образом, рассматривалась казаками в качестве безопасного места, откуда они отбыли к мурзе Айтеку для «объявления себя и просить позволения по реки Кубану ловить рыбу и зверя»²¹. Получив разрешение от мурзы, казаки отбыли к устью Кубани, повстречав группу рыбачивших там некрасовцев численностью до 10 чел. Примкнув к ним, А. Мазанов и Т. Петров тоже стали рыбачить, до возвращения Т. Петрова в Анатолию через несколько лет. Занятие рыболовством А. Мазанов продолжил и после завоевания российскими войсками Анапы в 1791 г., приняв в товарищи другого некрасовца по имени Максим. Таким образом, сведения А. Мазанова расширяют наши сведения о традиционном занятии некрасовцев – рыболовстве, о связи его географии с миграционными путями группы.

Вскоре после описанных событий А. Мазанов стал заниматься новым, судя по всему, занятием весьма неблагоприятного свойства – работоторговлей, хорошо известной некрасовцам еще по проживанию в Крымском ханстве. Действуя на пару с

---

¹⁹ *Сень Д.В.* «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»... С. 107–109.

²⁰ *Короленко П.П.* Указ. соч. С. 47.

²¹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 19 об.

некрасовцем Максимом, он захватил на берегу Кубани и продал в горы российского солдата Прокофия. После этого казаки вернулись к «Кубану», где нашли четверых некрасовцев, согласившихся отправиться с ними лодками на звериную ловлю по правому (российскому) берегу Кубани. Оказавшись на месте, некрасовцы изменили свой план – угрожая ружьями, они захватили там семь безоружных российских солдат, которых затем перевезли в Закубанье и продали абазинам за 150 османских левов, разделенных поровну между некрасовцами. Позже некрасовская группа пленила и продала в рабство абазинам двух черноморских казаков, что случилось в 1792 г., вероятно, не раньше второй половины года.

Важная деталь – по словам А. Мазанова, какая-то группа некрасовцев проживала в Анапе²². Тамешнее положение казаков было настолько прочным, что некоторые из них, занимаясь пленением российских подданных, продавали их на местном невольничьем рынке²³. Подобным образом действовал товарищ А. Мазанова – казак-некрасовец Яков Жирный. Кто-то из некрасовцев подвизался на торговом снабжении военных турок-османов (гарнизона Анапы?), как некрасовец-«меркитантер» Евтей Макунин²⁴. В 1793 г. некрасовцы захватили другого черноморского казака – Я. Харченко, отдав его в «услужение» анапскому паше²⁵. Согласно показаниям другого казака, Р. Руденчика, бежавшего из Анапы 30 мая 1793 г., положение Я. Харченко оставалось прежним: паша продолжал держать черноморца при себе²⁶. Впрочем, когда летом того же года представители ЧКВ попытались добиться его выдачи, то паша заявил, что такого человека в Анапе нет, кроме пяти российских солдат, бежавших в Анапу²⁷. В Анапу некрасов-

---

²² ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 22.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 57 об.

²⁵ Там же. Л. 47–47 об.

²⁶ Там же. Л. 48, 49–50.

²⁷ Там же. Л. 81 об.

цы продали также одного матроса, освобожденного в 1793 г. и возвращенного анапским пашой российской стороне²⁸.

С казаком Петром Малым, о котором подробнее сказано ниже, Андрей Мазанов и его товарищ Яков Жирный повстречались по пути с рыболовного завода некоего «жида» при Кизилташском лимане, направляясь в Закубанье. Увидев казака П. Малого, стоящего с ружьем у Кизилташского гирла, некрасовцы решили его пленить и продать «черкесам или абазинцам». Как показали последующие события, свое намерение казакам-некрасовцам удалось осуществить. Казак был продан похитителями какому-то абазину за «четыре коровы, одного вола, ружье, шесть штук безины (т.е. бязи. – Д.С.)»²⁹.

Зиму 1792–1793 гг. А. Мазанов провел у мурзы Айтека, а Я. Жирный отправился в Анатолию. Наконец, 7 апреля 1793 г. самого А. Мазанова, плившего лодкой по Кубани, захватили черноморские казаки, доставив его к полковнику ЧКВ И. Чернышеву. П. Малого, повторимся, бежавшего из плена, вскоре отправили с записью его первого допроса к атаману З.А. Чепеге; затем в Войсковое правительство препроводили и казака-некрасовца. 23 и 26 апреля 1793 г. состоялись очередные допросы П. Малого и А. Мазанова, причем на очной ставке казак-черноморец узнал своего похитителя. Отметим, что содержание записей второго допроса П. Малого отличается от его первоначальных показаний от 20 марта 1793 г. Более того, они частично изменены *в соответствии с рассказом казака-некрасовца*. Согласно первому допросу П. Малого³⁰, история его пленения разворачивалась таким образом: оказавшись на берегу Кизилташского лимана и готовясь к переправе на противоположный берег, он увидел лодку с людьми, груженную солью с завода казака Н. Слепухи. Люди, оказавшиеся некрасовцами, якобы сами предложили казаку сесть к ним в лодку, сжалившись потому, что казак пребывал на берегу без одежды. Вскоре обман вскрылся – П. Малый уви-

---

²⁸ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 105 об.

²⁹ Там же. Л. 21 об.

³⁰ Там же. Л. 12–12 об.

дел, что лодка плывет не в ту сторону, но уже было поздно, к тому же некрасовцы ранили его ударом ножа в бок. На противоположном берегу Кубани похитители вручили его некоему «абадзинцу», который увел казака в горы и там продал черкесскому мурзе за восемь «рогатых скотин» и мушкет. У того же мурзы П. Малому довелось увидеть других семерых российских пленников.

Похожая картина событий предстает в изложении А. Мазанова. Казак-некрасовец подтвердил, что, действуя со своим товарищем Яковом, он сознательно обманул черноморца, перевезя его ночью на левую сторону Кубани и продав в рабство. Некрасовец также сознался в продаже в рабство уже упоминавшегося солдата Прокофия, еще семерых российских солдат, а также двух казаков. Но что интересно – П. Малый, допрошенный *тремя днями* позже некрасовца³¹, вдруг стал «вспоминать» новые детали своего похищения *в соответствии* с показаниями А. Мазанова, все более запутываясь в деталях. Так, из записей первого его допроса следует, что знакомого казака, собиравшегося угостить его рыбой, звали Яковом, из второй – Семеном. Из первого допроса явствует, что закубанцы-липоване приплыли с соляного завода казака Николая Слепухи при Кизилташском заливе, из второго – с рыболовного завода «какого-то жида» (в точности повторив фразу А. Мазанова) при том же заливе, а Н. Слепуха «превратился» в хозяина рыболовного завода, у которого П. Малый заночевал перед отправкой за рыбой к донским казакам. Такие противоречия в показаниях П. Малого не единичны, их можно перечислять и дальше... Объяснить их слабой памятью бывшего пленника не представляется возможным. Обратим внимание на следующую деталь – в записи первого допроса П. Малого отсутствует опись похищенных у него вещей, зато она фигурирует в записи второго допроса от 26 апреля 1793 г. Следующая деталь – аналогичная опись присутствует в записи допроса А. Мазанова, написанная *другим*, нежели основная часть документа, почерком. Кроме того, в показаниях от

---

³¹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 13–14.

26 апреля П. Малый указал на иную, нежели ранее, цену своей продажи в рабство – четыре коровы с телятами, вол, ружье и шесть «штук» полотна. Почти тот же перечень присутствует в показаниях А. Мазанова от 23 апреля 1793 г. Таким образом, складывается впечатление, что П. Малый не без участия местных черноморских властей стал участником фальсификации данных, направленных на отягчение вины А. Мазанова. Характерно, что в рапорте С. Белого З.А. Чепеге от 13 апреля 1793 г. (когда еще не было показаний самого А. Мазанова) некрасовец безапелляционно обвинялся в «зафачении» казаков ЧКВ и «других российских людей»³². Полагаем, что именно С. Белому принадлежала особая роль в направлении расследования по «нужному» для властей пути. Опытному полковнику было что скрывать, поскольку обстановка на Черноморской кордонной линии была сложной. Побег казаков и солдат со службы в Закубанье, общение казаков с черкесами, нарушение черноморцами границы, работорговля, контрабанда, злоупотребления местной казачьей верхушки и т.п. факты – вот только часть местной жизни и обстановки в Черномории, о которых вышестоящему начальству не всегда полагалось знать в полном объеме...

Тема пребывания некрасовцев в Черномории вновь всплыла в связи с требованием Таврического вице-губернатора К.И. Габлица, изложенным в его ордере от 3 мая 1793 г. на имя полковника ЧКВ премьер-майора С. Белого, – разобраться с нарушениями казаками-черноморцами пограничного режима. Рапортуя в ответ, полковник С. Белый указал, что виновных казаков нет, что факты пересечения казаками-черноморцами р. Кубани не установлены. Напротив, полковник во всем обвинял черкесов и некрасовцев, «укрывающихся при Порте Оттоманской в кубанских лугах, якобы за звериною ловлею»³³. Обвинение в отношении некрасовцев усилено в документе ссылкой на пленение ими П. Малого. На такую постановку проблемы К.И. Габлиц тоже отреагировал, сообщив анапскому

---

³² ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 18.

³³ Там же. Л. 33 об.

Мустафе-паше «о строжайшем удержании всех за Кубанью обитающих народов от изъявленных в рапорте... злодеяний». Вице-губернатор затребовал у паши лиц, фигурировавших в показаниях А. Мазанова.

Мустафа-паша периодически выступал в защиту некрасовцев, как подданных турецкого султана. По его жалобам Таврический вице-губернатор обязывал ЧКВ проводить расследования по отысканию похищенных черноморцами «игнат-казаков». Весной 1793 г., согласно письму паши, речь зашла о возвращении некрасовцев «Андрея, Егора, Карпа, Авагима и Димитрия, бывших на Кубани для рыбной ловли» и, скорее всего, захваченных (убитых?) черноморцами³⁴. Аналогичная, в принципе, жалоба паши на имя З.А. Чепеги уточняет, что один из членов группы якобы уже убит, а остальные захвачены и связаны «запорожцами» (речь идет о черноморцах. – Д.С.)³⁵. В дело вмешался К.И. Габлиц³⁶, получивший письмо от анапского паши, однако ЧКВ в лице С. Белого сумело тогда «отписаться». Полковник отвечал, что разыскиваемых пашой казаков среди «захваченных черноморскими казаками никогда не было и ныне нет»³⁷. Полковник резюмировал, что именно Войску Черноморскому на деле «есть обида и разорение» и что, наконец, никто не может сказать точно, что те некрасовцы пропали именно в Черномории. Полагаем, что с пленными некрасовцами черноморцы не церемонились. Недаром в ордере А.А. Головатого С. Белому от 20 мая 1793 г. содержались слова об одобрении высшим командованием «убивства» черноморцами некрасовцев, нападавших на пограничные владения России «воровским и нахальным образом»³⁸. Паша неоднократно запрашивал российские власти о поисках пропавших некрасовцев, что весьма показательно. Еще осенью 1793 г. К.И. Габлиц предписывал Войсковому правительству разобраться с

---

³⁴ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 223. Л. 101.

³⁵ Там же. Л. 37.

³⁶ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 34.

³⁷ Там же. Л. 35 об.

³⁸ Там же. Л. 67.

запросами Мустафы-паши о казаках³⁹. Тогда войсковая верхушка под нажимом решила подготовить по запросу из Анапы «самовернейшую справку» о некрасовцах. Розыск следующего года показал, что разыскиваемых пашой некрасовцев нигде обнаружено не было, и что четверо убитых некрасовцев оказались из группы, атаковавшей черноморский казачий пикет еще в апреле 1793 г.⁴⁰

В мае 1793 г. «дело П. Малого – А. Мазанова» слушалось в Феодосийском уездном суде. Обвиняемого некрасовского казака в том же месяце доставили из Черномории в Симферополь к Таврическому вице-губернатору К.И. Габлицу, куда препроводили и П. Малого. Дело стало принимать все более любопытный оборот – еще до *начала* судебного заседания К.И. Габлиц зачем-то отправил главного свидетеля назад в Черноморию при ордере от 21 мая 1793 г. на имя полковника С. Белого, детально знакомого с историей похищения. Отправляя казака назад «по ненахождению в нем на сей раз нужности» (!), К.И. Габлиц предписал «иметь его, Малого, в своей команде неотлучно никуда, дабы при первом же требовании мог он явиться куда повелено будет без малейшего промедления»⁴¹. Вскоре дело слушалось в заседании Феодосийского уездного суда (ФУС), где произошло следующее: А. Мазанов отказался от данных ранее показаний, обвинив войсковые власти в применении к нему жестоких истязаний. Подробнейший рапорт ФУС на имя К.И. Габлица от 6 июня 1793 г. существенно меняет трактовку всей этой истории по версии черноморских властей. Заодно необходимо отметить, что А. Мазанов более подробно рассказал судьям о себе и своих близких. В рапорте ФУС приведены данные о владении А. Мазановым османо-турецким языком, об именах его братьев (Кирилл, Яков, Лукьян) и трех жен (Феодосия, Мария, Хавронья/Феврония, умерших одна за другой, что заставляя-

---

³⁹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 116–116 об.

⁴⁰ Там же. Л. 128 об.

⁴¹ Там же. Л. 42.

ло казака снова и снова жениться), ценнейшее свидетельство о названии его родного городка на Кубани – Хан-Тюбе и пр.⁴²

Итак, не стерпев жестоких побоев, нанесенных ему в Черномории, А. Мазанов оговорил себя, «добавив» к списку проданных им в рабство четырех подданных России еще семь человек, а также ограбление П. Малого⁴³. В подтверждение своих слов некрасовец указал суду на «раны и знаки» на своем теле – убедительное подтверждение избиения плетьюми. Некрасовец объяснил, что он взял на себя ложную вину, «не стерпя жестоких побоев ему, Мазанову, при том допросе плетьюми чинимых, единственно, дабы избегнуть от оных»⁴⁴. В отношении людей, к пленению которых казак действительно имел отношение, он существенно уточнил картину случившегося. Так, солдата Прокофия он со своим товарищем действительно пленил, но тот оказался *беглым*, собиравшимся переправиться в Закубанье, о чем Прокофий сам рассказал некрасовцам⁴⁵. Два других солдата, позже плененные некрасовцами, тоже оказались *беглыми*⁴⁶. Наконец, что касается Петра Малого – по словам А. Мазанова, казак-черноморец также намеревался обратиться к черкесам, собираясь бежать из войска и разработав такой план, чтобы другие черноморцы его не заподозрили⁴⁷. А. Мазанов также уточнил, что в продаже П. Малого участвовал еще один человек, черкес Севаю. ФУС не считал убедительными факты, собранные против А. Мазанова в Черномории, приняв к сведению его слова о характере показаний, данных под давлением. Профессионально оценив все установленные факты, суд задался несколькими вопросами, включая установление возможных причин бегства П. Малого за границу. Наконец, ФУС затребовал доставку в Симферополь П. Мало-

---

⁴² ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 55–55 об. и др.

⁴³ Там же. Л. 58.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. Л. 56.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. Л. 56 об. – 57.

го «для личной улики преступника в его заперительстве»⁴⁸. В ответ на ордер К.И. Габлица от 17 июня 1793 г. полковник С. Белый стал устраивать «провоочки»... Например, он запросил согласие З.А. Чепеги на отправку затребованного казака в Симферополь⁴⁹.

Между тем, анапский Мустафа-паша согласился расследовать поступки А. Мазанова, выразив готовность заслушать в Анапе и пострадавшего казака – П. Малого. Эти вопросы затрагивались во время очередного посещения крепости Г. Лозинским летом 1793 г.⁵⁰ Будучи заинтересован в возвращении 14 греков, бежавших из Анапы с «казной» в Черноморью, паша, по-видимому, был готов по существу разобраться в деле. Однако вскоре произошло следующее: во время дополнительного расследования «неожиданно» скончался один из главных свидетелей по делу – П. Малый, который, как сказано в одном документе, «волею божьею помре»⁵¹. Неудивительно, что данные слова содержались в рапорте С. Белого атаману З.А. Чепеге от 4 июля 1792 г.

В другом документе С. Белого от 20 июля 1793 г. говорилось об «умертвии» казака П. Малого⁵², возможно, в другом смысле, нежели в том, что им маркировалась «естественная» смерть. Подобная «закономерность» случившихся событий, а также анализ всей сохранившейся документации по «делу П. Малого – А. Мазанова» позволяют нам сформулировать версию о насильственной смерти казака Петра Малого (возможно, без прямого на то указания со стороны атамана З.А. Чепеги), привлеченного С. Белым к фальсификации данных о вине А. Мазанова и незаинтересованного в распространении сведений о масштабах бегства казаков и солдат в Закубанье. Самого А. Мазанова, не отрицавшего своего участия в продаже в рабство четырех людей, через время... отправили

---

⁴⁸ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 59 об.

⁴⁹ Там же. Л. 51 а.

⁵⁰ Там же. Л. 61–61 об.

⁵¹ Там же. Л. 69.

⁵² Там же. Л. 88 об.

в Анапу за недоказанностью всех обвинений. Решение об отправке принималось в Симферополе, видимо, не без участия К.И. Габлица⁵³. 4 августа 1793 г. полковой хорунжий Л. Будинов рапортовал об отправке через пролив Бугаз группы Г. Лозинского, включавшей в себя казака Безкровного (отправляемого в Анапу как свидетеля по другому делу) и «колодника Мазанова»⁵⁴. Паша удовлетворил часть российских требований, включая выплату 45 руб. из суммы ущерба, нанесенного П. Малому. Интересно, что А. Мазанов был лично допрошен пашой, однако не сознался в изъятии денег у захваченных им людей⁵⁵. Его дальнейшая судьба остается неизвестной...

Случай П. Малого и А. Мазанова свидетельствует о противоречивых процессах освоения Черномории (Кубани) казаками в конце XVIII в. Проанализированная в статье конфликтная ситуация вскрыла проблемы, о которых войсковые власти не всегда информировали вышестоящие власти. Пребывание казаков-черноморцев на границе способствовало формированию среди них разных моделей поведения, в т.ч. связанных с нелояльным поведением по отношению к властям и к службе. Малопродуктивно ставить здесь во главу угла понятие «измены»: речь идет о более общих процессах освоения казаками-черноморцами нового пограничного пространства, по-разному адаптировавшихся к его характеристикам. Адаптация казаков к условиям жизни оказалась самым тесным образом связана с контактной зоной на Северо-Западном Кавказе, где им пришлось взаимодействовать с турками-османами, с черкесами и казаками-некрасовцами. Пограничье, как переходная зона, слабо контролируемая имперскими властями, задавало условия для активного взаимодействия всех участников местной жизни. Повседневная жизнь черноморского казачества оказалась связана с теми формами (в т.ч. архаичными), которые активно развиваются именно в пограничье: натуральный товарообмен, контрабанда, работорговля, шпион-

---

⁵³ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 80.

⁵⁴ Там же. Л. 93.

⁵⁵ Там же. Л. 118.

ская деятельность, бегство через границу. Именно в этих условиях возникла особая культура казаков-пластунов. Наконец, казаки-черноморцы активно стремились к знакомству с «противной» стороной, следуя интересам, иногда отличавшимся от позиции ЧКВ.

Исследование помогло уточнить сведения о позднейшей судьбе казаков-некрасовцев на Северо-Западном Кавказе, осветить их традиционные занятия (рыболовство и работорговлю) с учетом новой обстановки в регионе. Также было показано, что поддержка анапских пашей и местной черкесской знати способствовала адаптации немногочисленной группы некрасовских казаков, проживавших в Закубанье и Анапе (конец XVIII в.). Источники подтвердили наличие прочных связей между Анатолией и Закубаньем в жизни некрасовцев, активно контактировавших с черноморскими казаками, турками-османами и черкесами. Наконец, в научный оборот были введены новые биографические данные о фигурах конкретных некрасовцев, что позволяет использовать возможности жанра персональной истории по отношению к прошлому конкретной казачьей группы.

Пограничные владения Османской империи на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII – начале XIX в. и казачьи сообщества региона

Изучая казачьи сообщества Северного Причерноморья конца XVIII в., заметим, что их история не исчерпывается обращением к прошлому казаков-некрасовцев, массово покинувших Правобережную Кубань в конце 1770-х гг. Отношения казаков региона с Османской империей (администрацией османской Анапы) также развивались после появления здесь черноморских казаков, активно реагировавших на изменение фронтального пространства в Северо-Восточном Причерноморье¹. Речь идет о такой его части, как закубанский фронтир², находившейся под мощным влиянием Анапы – центра одноименного санджака Османской империи.

В конце 1824 г. Анапский санджак был присоединен к Трапезундскому пашалыку, когда двухбунчужный паша сменил предыдущего трехбунчужного пашу «Саид-Эльмир-Ахмеда, удалившегося в Синоп»³. Значение Анапы среди прочих османских крепостей Северного Причерноморья возрастает, собственно говоря, только после того, как она обрела мощные укрепления в начале 1780-х гг. После заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора (1774 г.) и лик-

---

¹ Часть вопросов, относящихся к проблематике статьи, рассмотрена в работе: *Сень Д.В.* «Преодоление границы миров»: некоторые аспекты формирования кубанского казачества на территории Крымского ханства и новые практики казачества по освоению Северо-Западного Кавказа (конец XVII в. – начало XIX в.) // *Казачество России: прошлое и настоящее: сб. науч. ст.* Ростов н/Д., 2008. Вып. 2. С. 83–104.

² *Колесов В.И.* Документы, идентификация, граница земли Черноморского казачьего войска и этническая история закубанских армян // *Армения и армяне в контексте мировой культуры: материалы регион. науч. конф.* (г. Краснодар, 25 апреля 2006 г.). Краснодар, 2008. С. 76–77.

³ *Мариньи Т., де.* Поездки в Черкессию / пер. с фр. К.А. Мальбахова. Нальчик, 2006. С. 187.

видации Крымского ханства (1783 г.) положение Анапы менялось в том же направлении. Согласно российско-османскому соглашению (акту) от 28 декабря 1783 г. и подтвердившему его Ясскому мирному договору (1791 г.), река Кубань объявлялась границей между Россией и Османской империей. Новая делимитация границы, указывает Ю.В. Приймак, признавалась османской администрацией. Ресурсы крепости возросли за счет населения теперь уже бывших османских крепостей, например Тамани. Скоро её контингент усилили тимариоты и займы, прибывшие из Трапезунда⁴. Потеряв (помимо Крыма) свои старые крепости (Тамань, Темрюк, Ачу), турки-османы тем не менее иницируют в регионе «борьбу на удержание» (Ю.В. Приймак). Преследуя ряд новых целей в условиях масштабного крушения своих позиций на Кавказе, Османская империя отстраивает крепости Суджук-Кале, а также Анапу⁵. В.В. Дегоев указывает, что именно через Анапу и Суджук-Кале, османские форпосты в регионе (приморской Черкесии), вывозились рабы и другие товары на турецкие и ближневосточные рынки⁶. Кроме того, В.В. Дегоев подметил и другой аспект влияния Анапы – как нерва своеобразного информационного пространства с его пропагандистским и психологическим воздействием на кавказские народы. Несомненно, что Анапа на рубеже XVIII–XIX вв. представляла собой важное связующее звено между «черкесским миром» и Османской империей. Отметим и такую важную деталь – под «руководством» Ферах Али-паши, одного из первых анапских пашей, черкесы (в продолжение, конечно, предыдущих практик) при-

---

⁴ *Веселовский Н.И.* Военно-исторический очерк Анапы. Петроград, 1914. С. 12.

⁵ *Приймак Ю.В.* Османо-горские отношения в период крушения османского владычества на Северо-Западном Кавказе (конец XVIII – начало XIX в.) // Сб. РИО. М., 2000. Т. 2 (150). С. 53.

⁶ *Дегоев В.В.* Война и политика в эпоху присоединения Кавказа к России (первая треть XIX века) // Кавказский сборник. 2005. Т. 2 (34). С. 99.

нимают ислам, «и они стали стыдиться, когда им напоминали об их поклонении деревьям»⁷.

Значение Анапы осознавалось представителями российского командования. Недаром в ходе русско-турецких войн 1787–1791, 1806–1812 и 1828–1829 гг. оно организовало несколько походов на крепость. Несколько раз Анапу брали штурмом и возвращали туркам-османам. Бои за Анапу в ходе очередной русско-турецкой войны 1828–1829 гг. стали самыми продолжительными за всю историю попыток России овладения крепостью, сдавшейся только 12 июня 1828 г. Черкесы, надо сказать, приняли активное участие в боях за Анапу на стороне турок⁸. После падения крепости в плен попало большое число турок, включая тех, кто следовал морем на помощь гарнизону крепости двумя судами⁹. Наконец, по Адрианопольскому мирному договору (1829 г.) Анапа отошла к России.

Ниже рассматривается такая проблема, как бегство черноморских казаков в Анапу в османский период её существования. Другие смежные вопросы представлены на фоне отношений казаков-черноморцев с иными казачьими сообществами региона. Например, автор рассматривает соответствующие практики контактов черноморцев и казаков-некрасовцев. В случае с некрасовцами (т. н. закубанская группа) сделан акцент на роли османской Анапы в их жизни. В науке накоплен громадный объем исследований о российском векторе в истории Черноморского казачьего войска (ЧКВ). Собственно говоря, имперские полагания об управлении новыми владениями и новыми границами на Кавказе (по итогам русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 гг.) привели в числе других причин к созданию ЧКВ и его переселению на Северо-Западный Кавказ (Кубань)¹⁰. Признавая указанный фактор

---

⁷ *Веселовский Н.И.* Военно-исторический очерк Анапы... С. 18.

⁸ Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 249. Оп. 1. Д. 963. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 3.

¹⁰ *Фролов Б.Е.* У истоков Черноморского войска (численность, национальный и социальный состав) // Проблемы истории казачества.

генеральным, нельзя, впрочем, не отметить определенной роли тех центров притяжения, которые по-своему были важны для казаков-черноморцев, достаточно не просто осваивавших новое пограничье Российской империи. Отдельная задача, которая может быть представлена в общем виде, – *типологический показ отношений всех групп «местного» казачества с Османской империей в конце XVIII – начале XIX в.* Среди таких групп (в числе некрасовцев и «турецких запорожцев») казаки-черноморцы занимают примечательное, хотя и не исключительное место. Перед исследователями, таким образом, стоит несколько задач при изучении адаптационных практик казачьих сообществ Причерноморья в условиях пограничной трансформации региона в конце XVIII в. Среди них можно выделить:

– выявление максимального числа фактов бегства в закубанскую сторону российских подданных, в т. ч. не только казаков, но также выходцев из регулярных войск Российской империи;

– рассмотрение причин возникновения индивидуального опыта среди представителей «одноуровневого» казачьего сообщества (напр., казаков-черноморцев) по пересечению р. Кубани как государственной границы;

– изучение всего спектра пограничных отношений между черноморским казачеством и местным, закубанским (черкесским) населением;

– анализ форм отношения (в форме поддержки либо репрессий и пр.) глав анапской администрации к казакам-беглецам; решение вопроса о роли таких фактов в истории наблюдаемого явления за весь анализируемый период (вплоть до конца 1820-х гг.). Говоря другими словами, речь о выявлении случайности/закономерности между бегством казаков *именно* в Анапу и формами адаптации, предоставляемыми беглецам со

Волгоград, 1995; *Его же*. Переселение Черноморского казачьего войска на Кубань // *Historia Caucasica: регион. ист. сб. науч. ст.* Краснодар, 2005. Вып. 4.

стороны турок-османов, как неким мотивационным основанием к побегу;

– типологизацию указанных практик бегства (ухода, перемещения) в Анапу, рассматривая при этом соответствующий опыт трех основных групп: казаков-некрасовцев (проживающих в Закубанье), казаков-черноморцев и «турецких запорожцев».

Итак, практики отношений казаков региона с Османской империей (в лице османской Анапы) развивались после 1792 г. – времени переселения на Кубань черноморских казаков. Казаки этого нового войска достаточно активно бегут на протяжении 1790–1820-х гг. в Закубанье: как к черкесам, так и конкретно – в Анапу. Стоит отметить, что эти действия поощрялись анапскими пашами вплоть до конца 1820-х гг. А. Рибер справедливо указывает, что в реальности пограничные линии (социальные или территориальные) склонны быть скорее пористыми, чем непроницаемыми. Оказывается, что кочевники, паломники, мигранты, разбойники и т. п. группы пересекают границу как новообращенные верующие, эмигранты и классовые перебежчики. Черноморское казачество вполне может быть отнесено к таким группам, для которых преодоление границы миров не менее актуально, чем её границы, моделирование и, вероятно, даже поддержание. Отдельные казаки-черноморцы уже вскоре после своего расселения по куреням и после создания Черноморской кордонной линии стали устраивать временные жилища в Закубанье. Черкесы об этом знали, а вот для войсковых властей такие факты чаще всего оказывались новостью¹¹. Тайный переход за Кубань не могла оправдать и такая причина, выдвигаемая казаками, как звериная охота. Войско, как правило, провинившихся черноморцев сурово наказывало, практикуя избивание тех «киями» либо шпицрутенами¹².

---

¹¹ ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8. Л. 89 об.

¹² ГАКК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 58. Л. 1 об.

Иногда беглецов из Черномории в «турецкую сторону» ждал плен в землях Закубанья, откуда уже невольниками (по иронии судьбы) они могли попадать в ту же Анапу. Причины бегства казаков были, полагаем, разными – ссора¹³, нарушение закона и др. (подр. о примерах такого рода см. ниже). В целом на проблему пересечения (нарушения) такой границы можно смотреть глазами не только черкесов, что чаще всего присутствует в литературе, но и славян региона – казаков, солдат, в т. ч. не только людей, возвращавшихся *обратно* из черкесского плена. Речь о таких практиках, когда с российской стороны Прикубанья, из Черномории, совершался побег уже в Закубанье¹⁴, признаваемое в международных делах той эпохи сферой влияния Османской империи. Полагаем, что проблема побегов казаков со службы¹⁵, история неконфронтационных контактов черноморцев с турками-османами, черкесами и др. – одна из самых перспективных; между тем современных исследований на эту тему в науке явно не хватает.

После переселения на Северо-Западный Кавказ (Кубань) ЧКВ местная казачья администрация стала активно сотрудничать с администрацией Анапы в лице пашей. Им, пашам, адресовались многочисленные претензии войска в отношении черкесов и некрасовцев, захватывавших в плен людей, воровавших скот и пр.¹⁶ Своеобразие ситуации состояло в том, что местные власти устанавливают и личные связи с пашами – например, войсковой судья А.А. Головатый. Между правительством (sic!) ЧКВ и Анапой существовал устойчивый документооборот¹⁷ – в ЧКВ появляются первые специалисты по языку (Г. Лозинский и др.). Так, например, миссия Лозинского отправилась в Анапу весной 1797 г., увозя на имя Осман-паши «ферман» и «выписки», рассчитывая в который раз на удо-

---

¹³ ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8. Л. 175.

¹⁴ ГАКК. Ф. 302. Оп. 1. Д. 50; Ф. 261. Оп. 1. Д. 268; Ф. 290. Оп. 1. Д. 58.

¹⁵ ГАКК. Ф. 302. Оп. 1. Д. 59, 113, 156, 287.

¹⁶ ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8. Л. 6, 56–56 об., 82–84 об., 114.

¹⁷ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 709, 790.

влетворение претензий со стороны войска¹⁸. Наконец, между Анапой и российской военной администрацией, руководством ЧКВ¹⁹ существовали устойчивые практики разрешения пограничных конфликтов (напр., через пограничных комиссаров²⁰), равно как переписка между пашами и таврическими губернаторами/вице-губернаторами. Часто в такой переписке речь шла о жителях и территории Закубанья, однозначно трактованного как «пределы Оттоманской Порты». Во время отдельных встреч с представителями ЧКВ паши были готовы серьезно разбираться в претензиях другой стороны, не всегда становясь на сторону провинившихся черкесов²¹. Порой паши инициировали целое расследование, что черкесам, затребованным в таком случае в Анапу (и они приезжали!)²², скорее всего, не нравилось. Не похожа на притворство и такая акция Мустафы-паши (наблюдаемая в 1793 г. российским представителем), как публичное чтение черкесам султанского фирмана о мире с Россией. После прочтения документа паша стал уговаривать черкесов не делать «обид» российским подданным – и князья дали такое обещание «по турецкому закону»²³. Считаем, что вопрос о реализации имперских политик на региональном уровне стараниями и практиками местных политиков и военных (оценивавших обстановку на границе порой более реалистично, чем Санкт-Петербург и Стамбул) – один из самых перспективных в числе вопросов истории османо-российских пограничных владений на Северо-Западном Кавказе.

Анапа стала центром притяжения для многих славян региона, в т. ч. для казаков-некрасовцев и липован. Ситуация достаточно благоприятного проживания в Закубанье таких «изменников» влияла на умонастроения в среде черноморских казаков. Недаром уже вскоре после массового переселения ЧКВ

---

¹⁸ ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 55. Л. 21.

¹⁹ ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 57. Л. 27, 50.

²⁰ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 223. Л. 91–92.

²¹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 83 об.

²² Там же. Л. 104.

²³ Там же. Л. 111–111 об.

на Правобережную Кубань в конце XVIII в. войсковые власти иницируют письменный запрет на сношения черноморцев с закубанскими липованами²⁴. Не менее настороженно относились войсковые власти в период, например, русско-турецкой войны 1787–1791 гг. к контактам казаков ЧКВ с «турецкими запорожцами», проблему возвращения которых в Россию курировал лично Г.А. Потемкин. Еще в 1788 г. запорожцы сообщали З. Чепеге, что «открытый лист» Потемкина отправлен ими в конную свою команду – «для единообразного с ними к переходу под Россию согласия»²⁵. Нередки были случаи перехода черноморцев в стан вчерашних товарищей-сечевикив – замечательная по своей выразительности картина событий (с описанием возлияний и совместных застолий на Дунае представителей обеих групп и пр.) представлена в рапорте старшины Лысенко (из полка Кордовского) на имя З. Чепеги от 8 мая 1791 г.²⁶ Во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. черноморцы действительно нередко бежали в стан «неверных» запорожцев; но могло быть и так, что запорожцы насильственно захватывали черноморцев обманным путем (см. подобные эпизоды, случившиеся, например, в 1791 и 1792 гг.²⁷). Казакам ЧКВ даже запрещалось «сообщаться» с «турецкими запорожцами». Частые и не очень-то контролируемые контакты черноморцев с «неверными запорожцами» вынудили российское командование в лице М.И. Голенищева-Кутузова пойти на следующий неординарный шаг (1791 г.): для отличия от «неверных» казаки ЧКВ обязаны были носить повыше локтя «белую перевязку платком»²⁸. Представители ЧКВ, российское командование (И.В. Гудович, Г.А. Потемкин) усиленно пытались склонить «неверных запорожцев» к возвращению в

---

²⁴ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 216. Л. 3.

²⁵ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

²⁶ Там же. Л. 37–37 об.

²⁷ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 139. Л. 6; Там же. Д. 22. Л. 38 об.

²⁸ Там же. Л. 56.

пределы империи²⁹, вели с ними переговоры, обещая, например, что те «не только без всякого наказания будут приняты, но и воспользуются всеми выгодами, войску Черноморскому пожалованными»³⁰.

Действительно, проявив меньшую, чем некрасовцы, принципиальность, часть запорожцев уже в конце XVIII в. переходят в российское подданство – когда их «прощают», «вызывают» и зачисляют в состав ЧКВ³¹. Ещё в 1810 г. атаману ЧКВ Ф.Я. Бурсаку сообщалось из одесского ордонанс-гауса об отправке в Керчь, а оттуда – в Черноморию 27 запорожцев, раньше служивших в османском Браилове³². Всего, впрочем, тогда из крепости добровольно «к войскам российским» вышли 37 казака-запорожца, но некоторые из них позже умерли в Одесском военном госпитале. 27 казаков, как и еще одна подобная им группа³³, благополучно попав из Керчи в Тамань, были приведены к присяге и поступили на службу в ЧКВ. Еще в 1829 г. серьезно рассматривался вопрос о поселении запорожцев атамана О. Гладкого, остававшихся еще в Османской империи, на Северном Кавказе. С этими целями в регион был направлен поручик Новицкий с командой казаков, которому поручалось «обозреть» и произвести съемку местности между недавно завоеванной Анапой и р. Кубанью³⁴. Проект, впрочем,

---

²⁹ Подр. о судьбах «неверных запорожцев» см.: *Бачинський А.Д.* Дунайські некрасівці і задунайські запорожці // *Історичне краєзнавство Одещини*. Одеса, 1995. Вип. 6; *Его же*. Січ Задунайська. 1775–1828: іст.-документальний нарис. Одеса, 1994; *Могульова С.М.* Перші кроки Задунайського козацтва: про причини переходу запорожців до Туреччини // *Південна Україна XVIII–XIX ст. Запоріжжя*, 1996. Вип. 2; *Мільчев В.* Запорожці на Військовому Кордоні Австрійської імперії 1785–1790 рр. (дослідження та матеріали). Запоріжжя, 2007.

³⁰ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 22. Л. 18.

³¹ Там же. Л. 45, 46, 68–69, 71; Там же. Д. 36, 41, 197; Там же. Ф. 250. Оп. 2. Д. 193. Л. 1–39; Там же. Д. 236; Там же. Ф. 249. Оп. 1. Д. 11. Л. 92.

³² ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 598. Л. 1.

³³ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 4–6, 8.

³⁴ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1050.

такой не удался, хотя в итоге те запорожцы стали подданными Российской империи. Однако и позже часть запорожцев остались в подданстве у султанов.

Могло быть и так, что в состав ЧКВ зачисляли тех запорожцев, кто попадал в плен в ходе русско-турецких войн, причем еще войны 1806–1812 гг. Впрочем, вместе, в одном курене, черноморские власти их видеть, по-видимому, не решаются и стараются расселить дисперсно по разным куренным селениям³⁵. В ряде случаев недоверие прямо отражено в документах, где, например (данные за 1810 г.), указано, что группу «неверных запорожцев» нет возможности зачислить в 9-й Черноморский казачий полк. Оказалось, что там и так служит немало «подобных людей», находящихся под «особенным наблюдением своих командиров»³⁶. Побег черноморских казаков со службы³⁷ случались в ходе русско-турецкой войны 1787–1791 гг., в последующие годы, причем без возможно очевидного «подушения» со стороны запорожцев, значение которых в таких событиях генерализировать не стоит. А в 1793 г. рассматривалось дело о возвращении в ЧКВ с территории Османской империи казаков, бежавших со службы в «турецкую войну 1787–1791 гг.»³⁸ Бежали черноморцы в пределы Османской империи и позже, например, в начале войны 1806–1812 гг.³⁹, частью попадая затем в состав еще одного российского казачьего войска – Усть-Дунайского Буджакского. Немало, к слову сказать, бывших «турецких запорожцев» станут казаками того же войска, образованного в 1807 г.

Представляется интересным в дальнейшем проследить отношения между старыми черноморскими казаками и новообращенными в то же войско казаками, в т. ч. недавними выходцами из числа «неверных запорожцев», прибывающих в Чер-

---

³⁵ ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 193. Л. 39.

³⁶ Там же. Л. 2.

³⁷ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 50, 173.

³⁸ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 217.

³⁹ ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 151. Т. 1. Л. 21.

номорию еще в 1810 г.⁴⁰ Свои перспективы здесь может иметь сюжет о влиянии «турецких запорожцев» (влившихся в состав ЧКВ) на соответствующие умонастроения черноморцев. Так, из показаний Г. Лозинского (одного из самых надежных посланцев ЧКВ, ездившего к туркам в Анапу на протяжении нескольких лет) за октябрь 1794 г., следует, что во время очередного его посещения крепости явился к нему беглый казак Титаровского куреня К. Мамай. В Анапу, оказывается, того подговорил бежать другой казак – из Васюринского куреня, ранее служивший в «турецких запорожцах»⁴¹. Мамай заявил, что жить ему в Анапе «неудобно», после чего стал просить Лозинского взять его с собой. 3 октября 1794 г. войсковое правительство вынесло решение об отдаче Мамаю «атаману в курень» (?) для «причисления на службу». Во всей этой истории обращает на себя внимание такая деталь: свобода действий Мамаю (находящегося, казалось бы, «во враждебном окружении») при разговоре с посланцем ЧКВ (подр. о других примерах такого рода см. ниже). К слову сказать, отношение тех же «турецких запорожцев» к вызовам в Россию в целом было далеко от идиллической картины увещевания таких казаков в изложении З.А. Чепеги за 1788 г. – когда два таких казака при его словах о «выходе» прослезились⁴². Конечно, прямые уговоры вряд ли могли уверенно подействовать на все сообщество запорожцев, представлявшее собой, по некоторым данным, в 1788 г. «тысяч до четырех». Неслучайно при обращении с запорожцами И. де-Рибас советовал в 1790 г. З. Чепеге: «...но при всем их (запорожцев. – Д.С.) наружном к нам усердию весьма остерегайтесь в разговорах с ними, а паче в обхождении».

В те годы запорожцы – многотысячное вооруженное сообщество (конница и пехота), активные участники русско-

---

⁴⁰ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 598. Л. 5.

⁴¹ Там же. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8. Л. 152.

⁴² Там же. Ф. 249. Оп. 1. Д. 22. Л. 4.

турецкой войны⁴³, доставлявшие немало проблем, наряду с некрасовцами, различным российским соединениям. В продолжение слов казака Н. Байды о poste близ Беш-Тепе, содержащемся некрасовцами и татарами⁴⁴, добавим – в подобные действия вовлечены тогда и «неверные запорожцы», конница и пехота которых находилась в Громоклее близ Бабадага; «и содержат пост, сменяя на нем людей понеделно числом до 50-ти»⁴⁵. А летом того же года запорожцы приняли активное участие в битве под Бабадагом, действуя в союзе с турками и некрасовскими казаками. Перед нами в целом противоречивая картина; с одной стороны, налицо активная личная позиция запорожцев, выполнивших адресно выраженную волю султана Абдул-Хамида I об участии в войне с Россией; тут же – их рассказы о *длительном* (следовательно, едва ли в режиме репрессий со стороны турок) проживании после ликвидации Запорожской Сечи, например, в Очакове⁴⁶. С другой – очевидно желание части сообщества «турецких запорожцев» перейти в российское подданство⁴⁷, «но удерживаемы силою, а более хитростью старых козаков»⁴⁸. Недавно найденный автором в ф. 100 ПФА РАН документ говорит о том, что окрестности Очакова действительно стали одним из главных мест проживания казаков-запорожцев, не принявших условий сдачи годом раньше, когда Сечь была окружена российскими войсками. Так, своим ордером от 24 августа 1776 г. князь А.А. Прозоровский извещал Г.А. Потемкина о проживании в окрестностях Очакова до 7 тыс. казаков⁴⁹. Искушенный политик, Г.А. Потемкин живо отозвался ордером от 26 сентября того же года. В числе предлагаемых мероприятий он рекомендовал не спешить с письмом о высылке запорожцев очаковскому на-

---

⁴³ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 22. Л. 7–7 об.

⁴⁴ Там же. Л. 55.

⁴⁵ Там же. Л. 25 об.

⁴⁶ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 223. Л. 24 об.

⁴⁷ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 22. Л. 12 об.

⁴⁸ Там же. Л. 25 об.

⁴⁹ Архив ПФА РАН. Ф. 100. Оп. 1. Д. 729/26. Л. 89.

чальнику. Напротив, чтобы «не могли они проведая о сем, искать своего убежища далее в заграничах турецких, – продолжал Г.А. Потемкин, – а вместо того старатся всеми ласковыми образами привлечь их к возвращению в отечество»⁵⁰. Имеются и другие аутентичные источники, происходящие из среды запорожцев, рассказывавших о своем долгом проживании в Очакове в «числе прочих казаков»⁵¹.

В 1790-е гг. казакам-черноморцам доведется не один раз столкнуться с некрасовцами, достаточно уверенно чувствовавшими себя в Закубанье. Впрочем, о шпионах, проникавших с «турецкой стороны» с помощью подвод волохов и *некрасовцев*, черноморцам довелось слышать и, возможно, ловить еще в период пребывания ЧКВ в междуречье Буга и Днестра с центром в Слободзее⁵². Тогда, в ноябре 1789 г., З.А. Чепега приказывал полковникам войска заодно ловить шатающихся без российского билета волошан либо некрасовцев, брать их под караул и доставлять к нему, атаману. Позже, после переселения на Правобережную Кубань, войсковые власти активно интересовались вопросом о заброшенных некрасовских селениях. Так, согласно одному запросу, И. Чернышев рапортовал полковнику ЧКВ С. Белому в марте 1793 г., что не нашел сведений о некрасовском селении. От гирла Кизилташского лимана до устья Кубани, продолжал он, есть много мест, где располагались жилища «закубанских народов». Чернышев резюмировал: «Где же между ними некрасовское селение и ево колодез, о том знать не могу...»⁵³

В 1793 г. в Черномории разыгралось целое «дело Малого – Мазанова», растянувшееся на долгие месяцы и привлекшее к себе внимание как османских властей в Анапе, так и высшего руководства местной российской администрации. Из факта поимки черноморцами «закубанского» некрасовца

---

⁵⁰ Архив ПФА РАН. Ф. 100. Оп. 1. Д. 729/26. Л. 89.

⁵¹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 223. Л. 24 об.

⁵² ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 58. Л. 5.

⁵³ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 223. Л. 58 об.

А. Мазанова и бегства из плена черноморского казака П. Малого (ранее захваченного тем же А. Мазановым) развитие получила история⁵⁴ с бегством черноморских казаков и солдат в Закубанье, факт которого захотел скрыть войсковой старшина. История началась с того, что из «закубанского плена» сбежал казак Дядьковского куреня П. Малый. 20 марта 1793 г. он давал показания в Тамани. При допросе оказалось, что еще в 1792 г. он был захвачен в плен липованами, как окажется впоследствии – некрасовцами. Интересно отметить, что в разных ситуациях липованами в российской местной документации именуются разные люди, причем, повторюсь, не некрасовцы. Так, один из липован, пойманных черноморцами в апреле 1793 г., Егор Шуваев, оказался отставным Моздокского казачьего полка, проданным черкесами некрасовцам Анатолии в 1786 г.⁵⁵ Другое дело, что впоследствии Шуваев прибыл на Кубань на рыбную ловлю вместе с некрасовцами, от которых в итоге и сбежал. Другой «липованин», Семен Леонов, в действительности оказался карабинером Нарвского карабинерного полка. Сама по себе проблема отношений черноморцев с закубанскими липованами включает в себя несколько вопросов. Один из них – пересечение ими границы Кубани и общение с черноморцами, что так не устраивало войсковые власти. Из ордера на имя С. Белого от 7 апреля 1793 г. узнаем, что липоване неоднократно «шатаются по земле ЧКВ и делают сему войску многие пакости»⁵⁶. Иногда таких липован ловили, как, например, 3 апреля того же года, когда при Темрюкском гирле казаки схватили 2 липован: С. Леонова и Е. Аброситова, перемещавшихся на двух лунтрах (род лодки). Другой пример: полковник С. Белый рапортом от 13 апреля 1793 г. доносил З. Чепеге о нападении на один из казачьих пикетов 8 апреля группы из Закубанья, среди которых оказались и липоване; 4 из них были убиты, остальные «за Кубань камышами

---

⁵⁴ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258 (почти все дело, состоящее из многих дестятков листов, посвящено указанному сюжету).

⁵⁵ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 223. Л. 29.

⁵⁶ Там же. Л. 9 об.

ушли»⁵⁷. Раздражали и беспокоили войсковые власти и другие менее агрессивные формы поведения некрасовцев, «ездящих будто бы для ловле зверу человек от пяти до десяти»⁵⁸.

Возвращаясь к уникальной по обилию важных для темы документов истории Малого – Мазанова, отметим: 13 апреля 1793 г. в плен к черноморцам попал некрасовский казак А. Мазанов, как оказалось вскоре – тот, кто и пленил ранее П. Малого. 13 апреля 1793 г. С. Белый рапортовал З. Чепеге, что направляет к нему этого «закубанского некрасовца», схваченного «за бесписменное шатание для зафачения сего войска казаков и других российских людей»⁵⁹. По версии П. Малого, некрасовцы его обманули, коварно предложив свою помощь в доставке по р. Кубани к одному донскому пикету. Когда обман вскрылся, было поздно – Малый был ранен, а уже в Закубанье вручен похитителями некоему абазинцу. Тот, в свою очередь, продал его далее в горы черкесскому мурзе за 8 «рогатых скотин» и 1 мушкет⁶⁰. 23 апреля состоялся допрос А. Мазанова, показания которого проливают дополнительный свет на историю некрасовских поселений на Тамани, их пребывание в Закубанье после 1778 г. Родился казак около 1743 г. на «Фанагорийском острове», в некрасовском селении, «от отца некрасовца Пахома Мазанова, а матери Софьи». После смерти матери он вместе с отцом перешел в другое некрасовское селение, «состоящее на том же острове близ Кубанских гирл, впадающих в Кизилташской лиман»⁶¹. Там же казак женился на дочери местного казака-некрасовца Карпа – Феодосии, прожив в селении около 12 лет. Как видим, сведения Мазанова подтверждают вывод о расположении части некрасовских

---

⁵⁷ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 223. Л. 23–23 об.

⁵⁸ Там же. Л. 143.

⁵⁹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 18.

⁶⁰ Всего сохранилось два варианта показаний П. Малого (см.: ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 12–14). Эти показания, как свидетельствует анализ, содержат противоречия. Их характер, считаю, подтверждает вывод о намерении казака добровольно пересечь границу Кубани.

⁶¹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 19.

селений на Тамани в середине XVIII в. Другие данные касаются судьбы некрасовцев после событий 1770-х гг.⁶² Из Анатолии Мазанов, договорившись с еще одним казаком, Тихоном Петровым, отбыл в Анапу, откуда проследовал к абазинскому мурзе Айтеку – для «объявления просьбы» о ловле рыбы по Кубани и другим местам. Таким образом, Анапа рассматривалась казаками в качестве того места, где можно было найти весьма спокойное (лояльное) к себе отношение. На Кубани, получив разрешение, казаки встретили около десяти некрасовцев, ловивших рыбу⁶³. Около года длилась совместная ловля, после чего Петров вернулся в Анатолию. Мазанов же остался с другими казаками на ловле, пребывая под покровительством мурзы Айтека.

Вероятно, в 1791 г. произошло то, в чем, но еще в больших масштабах, обвинят позже казака. Действуя с товарищем Максимом, как и он, некрасовцем, Мазанов захватил и продал в горы российского солдата Прокофия⁶⁴. После этого казаки вернулись к «Кубану», где нашли еще четверых некрасовцев, согласившихся идти с ними на звериную ловлю по правому (российскому) берегу Кубани. Оказавшись там, некрасовцы, однако, свой план изменили – захватив семерых российских солдат, они перевезли их в Закубанье и продали абазинцам за 150 левов (турецкая монета). Позже некрасовская группа пленила и продала двух черноморских казаков. С Петром Малым Мазанов (как и другой его товарищ) встретился, возвращаясь в Закубанье от некоего «жида» при рыболовном заводе. Увидев казака (Малого), некрасовцы решили его пленить и по привычке продать затем абазинцам. Как показали события, указанные намерения им вполне удалось осуществить. Зимой 1792–1793 гг. Мазанов провел у черкесского мурзы Айтека. Наконец, 7 апреля 1793 г. его самого, плывущего по Кубани,

---

⁶² *Сень Д.В.* «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Изд. 2-е, испр. и доп. Краснодар, 2002. С. 104–112.

⁶³ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 19 об.

⁶⁴ Там же. Л. 20.

захватили черноморские казаки, доставив к полковнику ЧКВ И. Чернышеву. Важная деталь – по словам Мазанова, группа некрасовцев в начале 1790-х гг. проживала в Анапе⁶⁵. Более того, их позиции в османской крепости настолько прочны, что некоторые из них, занимаясь захватом в плен российских подданных, продавали их впоследствии на местном невольничьем рынке⁶⁶. Кто-то из некрасовцев пробовал заниматься в Анапе торговлей, как, например, «казак-меркитантер» Евтей Макунин⁶⁷. Подобным образом, например, действовал и знакомый Мазанову другой некрасовский казак – Яков Жирный. В 1793 г. некрасовцы захватили в плен еще одного черноморского казака – Я. Харченко, отдав его в Анапе тамошнему паше в услужение⁶⁸. Согласно показаниям другого казака, Р. Руденчика, бежавшего из Анапы 30 мая 1793 г., на тот момент положение Харченко оставалось таким же, и паша продолжал держать черноморца при себе⁶⁹. Впрочем, когда летом того же года представители ЧКВ попытались добиться выдачи Харченко, то во время встречи паша заявил, что такого человека в Анапе нет, кроме 5 российских солдат, бежавших в Анапу⁷⁰ (о других фактах такого рода подробнее см. ниже). В Анапу же некрасовцы продали еще одного матроса, освобожденного в 1793 г. и возвращенного анапским пашой российской стороне⁷¹.

Тема некрасовцев и липован всплыла в связи с требованием таврического вице-губернатора К.И. Габлица (ордер от 3 мая 1793 г.) разобраться с фактами нарушения черноморцами пограничного режима. Рапортуя в ответ, полковник С. Белый написал, что виновных нет и что факты пересечения казаками Кубани не установлены. Более того, полковник обвинял

---

⁶⁵ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 22.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. Л. 57 об.

⁶⁸ Там же. Л. 47–47 об.

⁶⁹ Там же. Л. 48, 49–50.

⁷⁰ Там же. Л. 81 об.

⁷¹ Там же. Л. 105 об.

во всех претензиях (перечисленных в ордере Габлица) черкесов и некрасовцев, «укрывающихся при Порте Оттоманской в кубанских лугах, якобы за звериною ловлею»⁷². Обвинение некрасовцев, например, усилено в документе ссылкой на пленение ими П. Малого. На такую постановку проблемы К.И. Габлиц отреагировал, сообщив Мустафе-паше «о строжайшем удержании всех за Кубанью обитающих народов от изъявленных в рапорте... злодеяний». Затребовал чиновник у паши и тех лиц, кто фигурировал в первых показаниях А. Мазанова. Впрочем, история Малого – Мазанова получила дальнейшее продолжение уже в Симферополе, куда в мае 1793 г. сначала был доставлен А. Мазанов, а затем – и главный свидетель по делу П. Малый. Уже 21 мая К.И. Габлиц своим ордером на имя С. Белого сообщал об отправке П. Малого назад в Черноморию, уточняя, впрочем, чтобы полковник держал казака в своей команде «неотлучно».

Новые показания А. Мазанова, данные им в Феодосийском уездном суде, дали толчок к продолжению расследования. Интересны они и тем, что уточняют данные биографии казака, данные им при первом допросе в Черномории. Например, он сказал, что родился в Хан-Тюбе⁷³, как известно, войсковом центре кубанских казаков. В другое селение некрасовцев (расположенное неподалеку от Хан-Тюбе) Андрей Мазанов перешел вместе со своими братьями – Кириллом, Яковом и Лукьяном. До 1787 г. он успел стать трижды женатым, все его жены (Феодосия, Мария и Хавронья (Феврония?)) умирали, не оставив после себя живых детей. В отношении всех тех людей, о которых он говорил ранее, Мазанов существенно уточнял контекст соответствующих событий. Так, Прокофия он с товарищем своим действительно пленил, но тот оказался *беглым*, собиравшимся переправиться в Закубанье (о чем солдат и рассказал некрасовцам). Другие солдаты, позже плененные некрасовцами, тоже оказались *беглыми*⁷⁴. Наконец, что каса-

⁷² ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 33 об.

⁷³ Там же. Л. 55.

⁷⁴ Там же. Л. 56.

лось Петра Малого – по словам Мазанова, казак-черноморец также намеревался пробраться к черкесам, собираясь бежать из войска⁷⁵. На допросе в Черномории, вспоминал Мазанов, его пытали, предлагая взять на себя вину за бегство нескольких человек в Закубанье, о чем он и сумел рассказать только в суде. Ложную вину на себя он взял (равно как привел неверные обстоятельства пленения П. Малого), объяснял казак, «не стерпя жестоких побоев ему, Мазанову, при том допросе плетью чинимых единственно, дабы избегнуть от оных»⁷⁶.

Феодосийский уездный суд не счел убедительными факты, собранные против Мазанова в Черномории, и, напротив, принял к сведению его слова о вынужденном характере своих первых показаний. Профессионально оценив все факты, суд задался несколькими вопросами, включая определение возможных причин бегства П. Малого за границу. Рапортом от 6 июня 1793 г. на имя К.И. Габлица суд затребовал в Симферополь П. Малого⁷⁷. В ответ на ордер К.И. Габлица от 17 июня 1793 г. С. Белый устраивает проволочки. Он просит, например, согласия З.А. Чепеги на отправку затребованного лица⁷⁸. Считаем, что полковнику было что скрывать, поскольку обстановку на Черноморской кордонной линии идиллической назвать было нельзя. Побег казаков и солдат в Закубанье, нарушение черноморцами границы и прочие факты, конечно, имели место – о них-то и не хотелось ставить в известность вышестоящие власти.

Между тем Мустафа-паша соглашался расследовать обстоятельства вины Мазанова, выражая готовность выслушать в Анапе и самого П. Малого. Такой вопрос затрагивался во время очередного посещения крепости Г. Лозинским летом 1793 г.⁷⁹ Паша, что примечательно, будучи заинтересованным в возвращении 14 греков (бежавших из Анапы с «казной» в

⁷⁵ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 56 об.

⁷⁶ Там же. Л. 58.

⁷⁷ Там же. Л. 59 об.

⁷⁸ Там же. Л. 51 а.

⁷⁹ Там же. Л. 61–61 об.

Черноморию), на неоправданные уступки не был готов идти. Обращает на себя внимание, что во время попытки дополнительного расследования один из главных свидетелей по делу – П. Малый – неожиданно и «вовремя» умер; как написано в документе, «волею божьею помре»⁸⁰. Ничего удивительного в том, что такие слова содержатся в ордере уже не раз упоминавшегося Саввы Белого на имя З. Чепеги (от 4 июля 1793 г.), очевидно, нет. В другом документе (происходившем также от С. Белого, 20 июля 1793 г.) говорится об «умертвии» казака Малого; и возможно, что данное слово употреблено в более узком значении⁸¹. В итоге А. Мазанова именно за недоказанностью обвинений (хотя сам факт пленопродавства Малого никуда не деть, он имел место) отправили в Анапу. Решение об этом принималось в Симферополе, вероятно, не без участия самого К.И. Габлица⁸². 4 августа 1793 г. полковой хорунжий Л. Будинов рапортовал об отправке через Бугаз группы Лозинского, включая казака Безкровного (доставляемого в Анапу как свидетеля по другому делу) и «колодника Мазанова»⁸³. В итоге паша удовлетворил часть требований, включая возврат 45 руб. из суммы денежных потерь П. Малого. Интересно также отметить, что Мазанов был лично допрошен пашой, который, впрочем, не сознался в отобрании денег у захваченных им людей⁸⁴.

Эта история примечательна тем, что показывает внутреннюю неоднородность процессов адаптации новых славянских насельников Кубани (солдат и казаков), пришедших сюда по воле империи, но неготовых (несогласных) принять унификацию социального поведения как российских подданных. Кроме того, перед черноморцами во весь рост вставал неприятный для местной российской администрации пример сохранения за некрасовцами под эгидой Османов многих казачьих «вольно-

---

⁸⁰ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 69.

⁸¹ Там же. Л. 88 об.

⁸² Там же. Л. 80.

⁸³ Там же. Л. 93.

⁸⁴ Там же. Л. 118.

стей». Нередко случалось так, что на защиту некрасовцев вставал сам анапский паша, признававший казаков *турецкоподанными*; по жалобам которого таврический вице-губернатор обязывал войсковые власти производить расследование по отысканию якобы похищенных черноморцами «игнат-казаков». Так, весной 1793 г. речь зашла, согласно письму паши, о возвращении из Черномории некрасовцев «Андрея, Егора, Карпа, Авагима и Димитрия, бывших на Кубани для рыбной ловли», скорее всего, захваченных (убитых?) черноморцами⁸⁵. Аналогичная, в принципе, жалоба паши на имя З. Чепеги уточняет, что один из членов группы уже якобы убит, а остальные захвачены и связаны «запорожцами» (конечно, речь идет о черноморцах)⁸⁶.

В дело был вынужден вмешаться таврический вице-губернатор К.И. Габлиц⁸⁷ (получивший письмо от анапского паши), однако ЧКВ в лице, например, полковника С. Белого, сумело тогда «отговориться». В частности, полковник заявлял, что разыскиваемых пашой казаков «в захваченных черноморскими казаками никогда не было и ныне нет»⁸⁸. Что касается липован Е. Шуваева, С. Леонова, Н. Иванова (добровольно вышедших на правый берег Кубани), продолжал С. Белый, то они были отправлены в Таманский карантин. Наконец, умело пользуясь другими фактами (и отводя от войска подозрения в расправе над некрасовцами), полковник упомянул о нападении некрасовцев на казачий пост (пикет) 8 апреля. Обращает на себя внимание, что если в первых документах на тему нападения речь шла о липованах, то теперь С. Белый уверенно идентифицирует нападающих как некрасовцев. Резюме слов С. Белого сводилось к тому, что, несмотря на письмо Мустафы-паши, именно войску Черноморскому «есть обида и разорение» и что, наконец, никто не может сказать

---

⁸⁵ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 223. Л. 101.

⁸⁶ Там же. Л. 37.

⁸⁷ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 34.

⁸⁸ Там же. Л. 35 об.

точно, что те некрасовцы пропали именно на землях Черномории. Надо полагать, что с захватываемыми в плен некрасовцами черноморцы вряд ли церемонились. Недаром в ордере А.А. Головатого С. Белому от 20 мая 1793. г. содержались слова об одобрении высшим командованием «убиства» черноморцами некрасовцев, нападавших на пограничные владения России «воровским и нахальным образом»⁸⁹. Паша, со своей стороны, прибег к неоднократным запросам в отношении поисков пропавших некрасовцев – и такое отношение к группе подданных султана считаем показательным. Еще осенью 1793 г. К.И. Габлиц указывал войсковому правительству ЧКВ разобраться с запросами Мустафы-паши о казаках⁹⁰. Под таким нажимом руководство войска решает подготовить по запросу из Анапы «самовернейшую справку». Результаты розыска показали в 1794 г., что разыскиваемых некрасовцев нигде не оказалось и что четверо убитых некрасовцев – не из числа десяти подобных им «мирных», но из атаковавших казачий пикет еще в апреле 1793 г.⁹¹

Влияние закубанского фронта на российских подданных нельзя сводить к генерализации влияния Анапы (налицо также влияние черкесов), но обращает на себя внимание следующее: статус перебежчика казаки-черноморцы зачастую стремились актуализировать именно в Анапе. Так, в письме А.А. Головатого атаману ЧКВ З.А. Чепеге от 31 декабря 1796 г. сообщалось о бежавших (от строительных работ при флотилии) в Анапу казаках, просивших анапского пашу отправить их в селение Дунавец (Европейская Турция), как известно, населенное в то время казаками-некрасовцами. Примечательно, что эти казаки изъявляли желание принять мусульманство⁹², но паша все же отказался помочь казакам – не без нажима со стороны З.А. Чепеги и С.С. Жегулина, таври-

---

⁸⁹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 67.

⁹⁰ Там же. Л. 116–116 об.

⁹¹ Там же. Л. 128.

⁹² ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 38. Л. 97 об.

ческого губернатора⁹³; тогда беглецы сочли возможным бежать к «набережным черкесам». А в 1795 г. российский шпион сообщал из Анапы, что там находится «теперь всех 31 человек ваших черноморцев (беглых. – Д.С.) и два егеря и ежедневно работают у паши и в закрытых местах»⁹⁴. Согласно разведанным, группа сформировалась не сразу – сначала в Анапу прибыли три человека, потом – двадцать «рыбалок» (казаков, занятых на рыбной ловле) и еще восемь беглецов, помимо егерей. Причины бегства части из них в Анапу явно имели отношение к сфере нарушения казаками законов (в Черномории они совершили кражу денег и вещей на крупную сумму). Посланцы ЧКВ отправились в Анапу, но в их присутствии, а также самого паши Сеида Мустафы 26 казаков отказались возвращаться, пожелав принять «магометанский закон»⁹⁵. Можно предположить, что давление турок было определяющим, но данный подход малопродуктивен: аналогичные ситуации (бегство в Анапу) имели место и в последующем, причем едва ли не с самого переселения на Тамань черноморцев в 1792 г. Посланцы ЧКВ слышали также от паши, что он готов устроить судьбу еще шести черноморцев, похищенных абазинцами, – «по тех желанию единоверными совокупить». Напротив, представителям ЧКВ, отправленным тогда в Анапу, поручалось (особенно настаивая на выдаче предводителя беглецов – С. Пуриса) в случае выдачи беглецов связать им всем руки, препроводив затем с большой осторожностью на российскую сторону. Еще одна деталь: Сеид Мустафа рассказал представителям войска, что обо всех беглецах он донес султану, ожидая еще на тот момент «резолуции» из Стамбула.

Отметим, все казаки-беглецы оказались приняты эфенди, чиновником Анапы, действовавшим, конечно, с согласия паши и предполагавшим отправить этих казаков на судах в Анатолию. При этом из контекста документа не следует, что

---

⁹³ ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 38. Л. 97 об.

⁹⁴ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 330. Л. 1.

⁹⁵ Там же. Л. 6 об.

речь шла об обмане со стороны «коварных османов». Ситуация складывалась таким образом, что в принципе подтверждались слова информатора, – трехбунчужный Сеид Мустафаша паша беглецов выдавать не спешил⁹⁶. В итоге посланцы ЧКВ покинули Анапу ни с чем. Правда, в рапорте от 29 августа 1795 г. на имя таврического губернатора А.А. Головатый писал о переходе казаков в мусульманство как о свершившемся факте; на основании чего паша и отказался их выдать⁹⁷. Примечательно, что о том случае не забыли и спустя годы – еще в 1798 г. все эти казаки, укравшие перед побегом в Анапу вещи и деньги, не были возвращены в Черноморию⁹⁸.

Похожая ситуация произошла в начале 1820-х гг., тогда в Анапу также бежали казаки-черноморцы, причем османские власти и их не спешили возвращать⁹⁹. На кармачной лодке к туркам 5 мая 1820 г. направились казаки ЧКВ – М. Безпальый, А. Черный, А. Новаченко, а также денщик Таманского гарнизонного полка Бабиченко и грек Балиус. Из рапорта атамана ЧКВ Г.К. Матвеева начальнику «передовой Войска Черноморского кордонной стражи» М.Г. Власову¹⁰⁰ от 16 марта 1822 г. можно заключить, что выдача беглецов так и не состоялась. Интересно проанализировать позицию паши, отказавшего в выдаче российской стороне, о чем та была проинформирована 1 декабря 1820 г. В принципе, желаемый российской стороной результат мог быть достигнут, полагал паша, взамен требуя возвращения в Анапу бежавшего в Черноморию черкеса Магмета Кофе и сына его – Али-бея. Вместе с тем мы видим, что паша принципиально не возражал против присутствия у себя российских беглых казаков и особой настойчивости (в отношении выполнения статей международных договоров) не проявлял.

---

⁹⁶ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 330. Л. 1 об.

⁹⁷ *Дмитренко И.И.* Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. СПб., 1898. Т. 4. С. 59.

⁹⁸ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 170.

⁹⁹ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 54. Л. 1–1 об.

¹⁰⁰ Там же. Л. 1–1 об., 7.

Российские солдаты – еще одна категория беглых, устремлявшихся в Анапу: некоторые примеры такого рода уже приводились в статье. В типологическом отношении мы наблюдаем подобные факты вплоть до последних лет существования Анапы как османской крепости. Считаем, что бегство солдат также необходимо рассматривать, поскольку их судьба, равно как судьба казаков, во многом зависела от анапского пашы, позицию которого (которых) необходимо изучать в максимальной полноте. Так, в 1793 г. миссия Г. Лозинского добивалась от пашы выдачи пяти солдат, сбежавших из Керчи 3 сентября того же года и уже на другой день (!) принявших «магометанский закон»¹⁰¹. Тогда паша отказал, заявив, что просители сами не возвращают ему беглецов «греческого и армянского закона». В Анапу, как заранее предполагалось в доношении командующего Таманским полком от 9 января 1827 г., бежал рядовой 8-й роты того же полка С. Деревянко¹⁰². Поиски беглеца действительно привели в Анапу – к Гаче (Хаджи) Гассану-паше. Сохранился черновик письма генерал-майора Сысоева паше трапезундскому, понтийскому и анапскому (в ряде случаев мы приводим часть его титулатуры) Чечен-оглу Гаджи Гасан-паше, в котором шла речь о выдаче Деревянко¹⁰³. В итоге, несмотря на возражения натухайцев, паша удовлетворил просьбу. Беглец был доставлен при карауле и с письмом от пашы к Бугазскому меновому двору, а далее направлен к генералу Г.А. Емануелю для предания суду. Таким образом, беглецы не всегда могли устроить свою судьбу, надеясь на благосклонность турок. И все же, полагаем, чаще всего такие российские подданные могли оставаться в Анапе, что, впрочем, не сводило к нулю риски дальнейшего там пребывания. Важно отметить следующую деталь: Деревянко уже бежал в 1825 г. в Закубанье, но был возвращен и наказан¹⁰⁴. В 1793 г. был осво-

---

¹⁰¹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 106.

¹⁰² ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 268. Л. 1–1 об.

¹⁰³ Там же. Л. 45–46.

¹⁰⁴ Там же. Л. 78.

божден и передан российской стороне егерь, бежавший в Анапу из черкесского плена и почему-то рассчитывавший отсюда попасть в Россию¹⁰⁵.

Т. де Мариньи, описавший Анапу по состоянию на 1823 г., упоминал среди жителей крепости о нескольких русских, находящихся на службе у местного паши¹⁰⁶. Полагаю, что видеть в них бывших пленных проблематично. Среди славян, продолжал он, были и дезертиры, становившиеся «собственностью первого человека, их встретившего на этой негостеприимной земле. Их иногда грузят на корабли, чтобы затем продать в Турции»¹⁰⁷. Год спустя Т. де Мариньи писал о своих встречах с русскими дезертирами, уточняя, что именно они составляют большинство русских Анапы¹⁰⁸. Интересная деталь – в общении с французом эти люди не выглядели «слишком огорченными своим новым положением. Когда я угощал их водкой, они пели и радовались. Общаясь с турками и черкесами, они обычно держались надменно, что в особенности контрастировало с их положением»¹⁰⁹.

Обобщая приведенные факты, можно говорить об отсутствии у турок Анапы (в т. ч. паши) однозначно негативного отношения к славянам-перебежчикам, в т. ч. казакам и солдатам. Эта османская крепость стала центром притяжения не только для западных адыгов, но и для различных групп казаков, включая выходцев (беглецов) из ЧКВ. В случае попадания в крепость беглецы могли рассчитывать на различные варианты адаптации и организации своей дальнейшей жизни. Переход в мусульманство не был чаще всего условием, навязываемым турками-османами таким нарушителям границы. Позиция анапских пашей по вопросу возвращения беглецов в Россию отличалась гибкостью и иногда определенно личным отношением. С одной стороны, паши готовы были идти навстречу

---

¹⁰⁵ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 105 об.

¹⁰⁶ *Мариньи Т., де*. Поездки в Черкесию... С. 125.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же. С. 171.

¹⁰⁹ Там же.

требованиям российской стороны, с другой – их ответ зависел от ряда факторов (готовность или неготовность беглецов принимать мусульманство, требования пашей вернуть из Черномории подданных султана и пр.). Кроме того, в статье показано, каким образом поддержка анапских пашей способствовала положению группы некрасовских казаков, проживавших в Закубанье и Анапе (конец XVIII в.). Новые архивные документы, приведенные в статье, свидетельствуют о прочных связях между Анатолией и Закубаньем применительно к жизни этих казаков. В кубанском пограничье некрасовцы вступали в активные контакты с черноморскими казаками, часто носившие конфронтационный характер. Благодаря истории таких и подобных случаев были получены новые данные о добровольном бегстве различных категорий российских подданных из Черномории в Закубанье и Анапу.

РАЗДЕЛ III

ВОЕННОЕ ЛИДЕРСТВО

В ПРОСТРАНСТВЕ ЮЖНОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Новые данные о представителях потестарных структур кубанского казачества (конец XVII – XVIII в.)

Многочисленные архивные разыскания последних лет позволили установить не только новые факты из жизни кубанских казаков (первых/«старых» кубанских казаков и казаков-некрасовцев – подданных Гиреев в обоих случаях), но и сформулировать новые исследовательские задачи. Среди актуальных вопросов, относящихся к теме доклада, следующие: происхождение и социальная стратификация кубанских казаков; динамика их численности и источники пополнения этого сообщества (сообществ); индивидуальные и коллективные биографии казачьих лидеров и их окружения; казачьи потестарные структуры и их «персональный» состав.

Другой актуальный вопрос – история объединительных процессов среди казаков Кубани и возникновения у них войсковой организации (Войска), начальный период которой пришелся на конец XVII в., а расцвет – на период после 1711/1712 гг. и до 1778г. С постепенным формированием у кубанских казаков Войска мы связываем функционирование соответствующих потестарных структур – *казачьего Круга, института атаманской власти и пр.* Особенно интересно проследить дискретность/преемственность между: а) потестарными структурами/отношениями донских казаков и кубанских казаков (выходцев с Дона); б) между аналогичными структурами/отношениями первых («старых») кубанских казаков и казаков-некрасовцев. Один их документов, созданных

казаками Кубани в начале XVIII в., сообщал: «От кубанских атаманов молотцов от войскового атамана Савелья Пахомовича и от всего Войска Кубанского. Вестно тебе пача, послали мы от войска к тебе своих казаков Андрея толмача да Мартына для того, что наши казаки явились у тебя в Крыму, а тех казаков мы войском отпускали на Дон для ведомости. И тебе б пожаловать отпустить тех наших казаков. Оне наши казаки. К сей войсковой грамоте наша войсковая печать приложена»¹. Впоследствии казаки-некрасовцы стали именовать свое казачье сообщество так: «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»².

Ключевым элементом в названии войсковой организации остался этот: «Войско Кубанское», зафиксированный в XVIII в. и сторонними для казаков наблюдателями³. Отметим, что многие элементы войсковой организации кубанских казаков восходят к традициям донского казачества. Так, И. Некрасов, уже после прибытия на Кубань в 1708 г., собрал *казачий круг*, узнав о том, что вследствие активных намерений его казаков идти «под государевы города для разорения... хотя их кубанские владельцы выслать вон»⁴. И атаманы, и войсковые атрибуты появились в среде кубанских казаков неслучайно. Конструирование ими своей социальной группы путем приписывания (присвоения) признаков Войска должно было символизировать высокий статус *нового образования* именно через парадигму его противопоставления *старому* Войску Донскому.

Начиная с событий конца XVII в., мы располагаем данными уже о нескольких казаках, биографии и судьбы кото-

---

¹ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 111. Оп. 1. 1709 г. Д. 12. Л. 3–3 об.

² Научный архив Ростовского областного музея краеведения. Ф. 2. Оп. 15. КП №1072/4; Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 180. Оп. 517/2. 1902–1914 гг. Д. 4955. Л. 5 об., 7, 83.

³ Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 38. Д. 195. Л. 14 об.

⁴ Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. 233. Оп. 1. Д. 16. Л. 23–23 об.

рых важны для реконструкции возникновения и эволюции у кубанских казаков войсковой организации и ее структур, игравших в жизни казаков Кубани (Крымского ханства) важнейшую организующую роль. Среди казачьих предводителей «старых» казаков нам известны Г. Купреянов (Киприянов), П. Мурзенко, Л. Маноцкий, С. Пахомов. Особенно интересно, что сразу несколько из их числа являлись *тумами*. Мы предприняли попытку увязать их биографии с другими крупными фигурами, представляющими лидеров *донских и кубанских казаков-старообрядцев*. После гибели Л. Маноцкого в 1695 г. безусловным лидером кубанских казаков стал С. Пахомов. Толмач Афонька Федоров вспоминал, что из плена его выкупил «войсковой атаман Савелий Пахомов»⁵. Другие источники по-иному трактуют статус С. Пахомова. Так, по словам кубанского казака Д. Маркова за начало 1690-х гг. С. Пахомов являлся «старшиной»⁶. В источнике за 1702 г. С. Пахомов фигурировал уже как атаман «городка Копыла»⁷. По отношению к жизни С. Пахомова после 1708 г. мы пока не располагаем документальными источниками. У кубанских казаков нами выделена ещё одна заметная фигура – *толмач*. На сегодняшний момент известны имена двух обладателей данного «чина» – Афоньки Федорова Адаментова⁸ и «Андрея-толмача»⁹.

В XVIII в. произошло объединение нескольких казачьих групп в Кубанское (ханское) казачье войско. Главная фигура среди всех войсковых атаманов XVIII в. – Игнат Некрасов. Его имя встречается в источниках вплоть до конца 1720-х гг., а приписываемые ему дата гибели (1737 г.) и отчество (Федорович) не находят документального подтверждения. Известны отрывочные данные о сыне И. Некрасова – Михаиле. Полагаем, что ещё при жизни И. Некрасова (как удачливого и бес-

---

⁵ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 9. Л. 3.

⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стлб. 1406. Л. 177.

⁷ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702 г. Д. 142. Л. 8.

⁸ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 9. Л. 3–4.

⁹ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1709 г. Д. 12. Л. 3 об.

сменного атамана, как создателя и «культурного первопретка» группы) его имя обрастало слухами, интерпретациями, что и получило закономерное отражение в фольклорной традиции казаков-некрасовцев. В пространстве указанной традиции произошла сакрализация образа И. Некрасова. Важным показателем этого стало включение его фамилии в такие формы коллективного самоописания казаков, как «Войско Кубанское Игнатово Кавказское» и «некрасовцы».

Свои атаманы имелись и в некрасовских городках на Кубани. Так, в 1739 г., посланцы от Войска Донского по прибытию на Кубань приехали «к изменническому некрасовским казакам в городок... Савелев (по имени С. Пахомова. – Д.С.) и явились тамошнему атаману, а как его зовут, того не знают...»¹⁰. Без серьезных трансформаций войсковая структура просуществовала у казаков еще долго. Одним из ее главных связующих звеньев являлась фигура войскового атамана. Ещё в конце 1750-х гг. некрасовцы просили, чтобы императрица Елизавета Петровна «соизволила находящагося при них атамана (войскового. – Д.С.) утвердить таким же беспременным, как на Дону Данила Ефремов, також достойных людей старшинами»¹¹. Безусловно, дальнейшую работу необходимо продолжить, изучая не только варианты названий Кубанского (ханского) Войска и его атрибутов (знамени, печати). Необходимо выявлять новые биографические данные о казачьих атаманах, толмачах и т.п. лицах (включая «ближний круг» атаманов), пополняя составленную нами предварительную информационную базу данных.

---

¹⁰ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1740 г. Д. 99. Л. 23.

¹¹ АВПРИ. Ф. 115. Оп. 1. 1752 г. Д. 4. Л. 239 об.

Биографии лидеров донских и кубанских казаков-старообрядцев конца XVII – начала XVIII в.

В последние годы появились новые исследования по истории казачьих сообществ Кумы, Аграхани и Кубани, связанных своим происхождением с Доном и с «донским расколом» 1680-х гг.¹ Речь идет об итогах борьбы донских старообрядцев за «старую веру» – первой в истории донского казачества «братоубийственной войны» (по Н.А. Мининкову). Историографическая ситуация сегодня следующая: поставленные (прежде всего, трудами О.Г. Усенко и Б. Боука) и частично разрешенные общими усилиями специалистов вопросы по истории этих казачьих сообществ Северного Кавказа позволяют обратиться к частным аспектам изучения темы.

Среди них выделю следующие: социальную стратификацию казачьих сообществ Кавказа – выходцев с Дона (религиозный, половозрастной, имущественный, количественный состав кумских, аграханских и кубанских казаков); источники пополнения рядов кубанского казачества (поскольку кумские и аграханские казаки к концу XVII в. сошли с «исторической арены», а их остатки влились в сообщество казаков Кубани); отношение казаков к перспективам пребывания в новом, уже крымском, подданстве и к соседству с османским Азовом

---

¹ *Сень Д.В.* Казаки Крымского ханства: начальный этап складывания войсковой организации и освоения пространства (1690-е гг. – начало XVIII в.) // Тюркологический сборник 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / ред. кол. С.Г. Кляшторный и др. М., 2011. С. 289–320; *Его же.* Казачество Кубани в конце XVII в. – 1770-х гг. Кубанское (ханское) казачье войско // Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллективная монография / под ред. Г.Г. Матишова, И.О. Тюменцева. Волгоград, 2014. С. 95–115; *Его же.* Казачьи сообщества Дона, Северного Кавказа и мусульманские государства Причерноморья (последняя четверть XVII в. – начало XVIII в.): некоторые итоги и перспективы изучения // Кавказский сборник. М., 2014. Т. 8(40). С. 24–38.

(до 1696 г.); географию расселения казаков по территориям Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа; военное сотрудничество казаков с народами Кавказа и с их элитами; религиозную жизнь казаков, включая «доставание» ими священников; занятия «новых» казаков Кавказа в связи с традициями донского казачества и с новыми условиями проживания в регионе, включая т.н. сманивание и занятие работорговлей.

Постановка новых вопросов и их разрешение стали возможны благодаря новым исследовательским подходам и вводу в научный оборот новых документальных источников. Вследствие этого, специалистам представились принципиально новые основания изучить историю «нового» казачества на Северном Кавказе рубежа XVII–XVIII в., выйти за рамки традиционных исследовательских сюжетов и историографических оценок масштаба/значения указанного явления. Подобный вывод можно сделать, анализируя результаты изучения темы в новейшей историографии по отношению к истории донского казачества, к истории старообрядчества на Дону и на Северном Кавказе, к истории взаимоотношений Войска Донского и мусульманских государств Причерноморья, наконец, к истории казачества Кубани т.н. донекрасовского периода (конец 1680-х гг. – 1708 г.).

Среди актуальных исследовательских вопросов, относящихся к прошлому донских казаков-нонконформистов, ушедших на Северный Кавказ в конце XVII в., укажем на возможную реконструкцию индивидуальных и коллективных биографий лидеров казачьих сообществ Дона и Северного Кавказа. В подобной формулировке научно-исследовательская проблема раньше в науке не ставилась. Среди казачьих предводителей – Г. Купреянов (Киприянов), С. Лаврентьев, П. Мурзенко, Л. Маноцкий, И. Некрасов, С. Пахомов, К. Чурносков (Чюрносков) и некоторые другие. Фигура И. Некрасова несколько «выбивается» из этого ряда (иначе в него необходимо включить К.А. Булавина, И. Павлова, С. Драного, Н. Голого, С. Беспалого и др.). Однако впоследствии именной перечень казачьих лидеров может претерпеть изменения, что будет связано с расширением хронологии будущего исследова-

ния и с возможным расширением персонального ряда интересующих нас личностей. Эти предводители сыграли заметную роль в истории «донского раскола» и последующего казачьего Исхода с Дона на Северный Кавказ, в процессах адаптации своих казаков к новым реалиям.

Актуальность рассматриваемого вопроса определяется несколькими обстоятельствами. Очевидна его связь со сходными проблемами изучения народных движений в России XVII–XVIII вв. Так, остаются немалые лакуны в реконструкции биографий вождей крупных народных движений, в жизни которых ближайшее окружение играло заметную роль. Анализ состава этого окружения, часто представленного людьми талантливыми и яркими, позволит исследовать многое: организаторские способности народных вождей, их умение искать и находить (выдвигать) способных людей; личные предпочтения казачьих вождей в выборе таких людей (им, конечно, лидеры доверяли больше, чем остальным повстанцам); формы и механизмы коммуникации народных вождей с народными массами, обстоятельства их прихода к власти. Это поможет с разных сторон изучить не только индивидуальные качества лидеров народных движений, но и персональный состав тех лиц, кто закреплял лидерские качества и лидерское положение вождей, кто наблюдал их в самых разных ситуациях, кто чаще других и больше других общался с вождями движений. Перспективно, таким образом, показать общее и особенное в истории военного лидерства на примере народных движений в России (см. новейшую дискуссию²). Условия и механизмы возникновения/поддержания/ликвидации подобного лидерства невозможно понять без обращения к социальной среде, выдвигавшей (принимавшей) вождей народных движений в России и, вместе с тем, заставлявшей их *меняться* – лавировать, манипулировать, угрожать, отступать с полей сражений, вынашивать новые планы и пр.

---

² Мятёжи, смуты, революции: военное лидерство междоусобицы / Модераторы дискуссии А.В. Посадский, А.Т. Урушадзе // Новое прошлое / The New Past. 2017. № 2. С. 166–206.

Говоря об актуальности исследуемого вопроса, также необходимо изучить иерархию повстанческих потестарных структур и «групп влияния», стараясь выявить общее и особенное в выстраивании лидерами т.н. второго плана (здесь – по отношению к вождю движения) сценариев своего поведения и удовлетворения собственных амбиций. Концентрация таких сподвижников вокруг одной фигуры вовсе не исключала взаимных конфликтов и напряженности во взаимоотношениях. Интересную версию недавно изложил П.А. Аваков, реконструируя мотивы действий К.А. Булавина по «распылению» повстанческих сил: «Не имели ли эти действия атамана тайных мотивов, связанных с желанием устранить... массы повстанцев и их предводителей (С.А. Драного. И.Ф. Некрасова и др.) чужими руками, чтобы обеспечить себе безусловное лидерство и эмигрировать в более комфортном окружении?»³. Не соглашаясь с историком по существу (атаман И. Некрасов до гибели К.А. Булавина летом 1708 г. оставался его ближайшим сподвижником), признаем резонной постановку вопроса о наличии возможных противоречий между атаманом и его окружением. Как отмечает В.Я. Мауль, «вопреки априорной уверенности оказывается, что мы практически ничего не знаем о ближайшем окружении Е.И. Пугачева, состоявшего из таких колоритных личностей, как И.Ф. Арапов, И.Н. Белобородов, И.Н. Грязнов, И.Н. Зарубин, А.В. Овчинников, А.П. Перфильев, Т.И. Подуров, В.И. Торнов, М.Г. Шигаев и др. ... За редким исключением даже о самых выдающихся из них отсутствуют сколько-нибудь полноценные биографии, и сообщается только в связи с перипетиями событий восстания. Следовательно, биографическая история Пугачевщины – это один

---

³ *Аваков П.А.* Черкасск и Булавинское восстание в 1708 г. (нехрестоматийная хроника) // Казачество России в бунтах, смутах и революциях (к столетию событий 1917 года): материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 4–5 октября 2017 г.) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2017. С. 81.

из очевидных историографических резервов науки»⁴. На роль сподвижников С.Т. Разина – наставников «воровского зла» и «советников» атамана – в истории движения 1667–1671 гг. справедливо обратил внимание В.М. Соловьев. Исследователь указал, что зачастую перед нами – крупные фигуры восстания, сведений о которых сохранилось порой недостаточно⁵. Следовательно, изучение коллективных биографий сподвижников народных вождей может способствовать получению недостающих знаний о путях, формах и механизмах «встраивания» подобных личностей в иерархию повстанческого руководства, а иногда – об их собственном отношении к вождю и к перспективам своего личного положения и статуса. Недаром В.М. Соловьев задается другим важным вопросом, и сегодня не предполагающим однозначного ответа, «кому после С.Т. Разина принадлежит ведущая роль в движении, кто среди повстанческих атаманов, как бы сказали сегодня, в первую десятку... Мало того, здесь есть довольно неясные моменты, прокомментировать пока не представляется возможным»⁶.

Безусловно, многое из вышесказанного относится к реконструкции биографий не только, скажем, С.Т. Разина, К.А. Булавина, Е.И. Пугачева, традиционно привлекавших к себе внимание историков разных поколений⁷. В исследовательское пространство биографики народных движений в России органично вписываются казачьи лидеры Дона и Кубани (казачье происхождение Г. Куприянова пока под вопросом), о ко-

---

⁴ *Мауль В.Я.* Русский бунт как актуальная проблема современной гуманитаристики: источники, методы и перспективы изучения // *История: факты и символы.* 2017. № 3 (12). С. 29.

⁵ *Соловьев В.М.* Анатомия русского бунта. Степан Разин: мифы и реальность. М., 1994. С. 145–148.

⁶ Там же. С. 144.

⁷ *Мининков Н.А.* К.А. Булавин: Из истории формирования личности народного вождя // *Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки.* 1987. № 3. С. 62–69; *Усенко О.Г.* К уточнению биографии К.А. Булавина // *Россия в XVIII столетии.* М., 2002. Вып. 1. С. 97–108; *Чистякова Е.В., Соловьев В.М.* Степан Разин и его соратники. М., 1988.

торых шла речь в начале статьи. Их лидерские качества сформировались на Дону, а у многих – прошли проверку временем за его пределами. При этом Донская земля никогда не выпадала из поля зрения интересующих нас лидеров, даже если они не собирались туда возвращаться. Как и лидеры других, более масштабных народных движений, указанные люди оказались способны возглавить многих неконформистов, демонстрируя при этом заметные личные качества и готовность быть в первых рядах. В формате одной работы проблематично осветить основные аспекты заявленной темы, поэтому остановимся на некоторых из них:

– во-первых, изучение типичного и повторяющегося в жизни и поведении казачьих лидеров поможет создать их коллективную биографию. Это, с одной стороны, позволит восполнить лакуны индивидуальных биографий, с другой – установить то общее, что привело интересующих нас лиц к положению лидеров, сумевших объединить вокруг себя разных людей в кризисное время. Просопографическое исследование также позволит глубже исследовать историю *военного лидерства* на Дону, несводимого к институту атаманской власти. На разных этапах своего жизненного пути *все* названные лица сумели возглавить разные казачьи группы и сообщества (включая казачьи Войска!), а также организовать сопротивление противникам. Любопытно, что, по преимуществу, это были одни и те же противники для *всех* названных казачьих лидеров. Плодотворным также представляется выявление *поводов*, которые привели в свое время будущих лидеров к обострению отношений с властями и к радикализации ими своего поведения;

– во-вторых, необходимо сравнить те условия, в которых родились и выросли названные лидеры, позволившие им сформировать свой стиль поведения и получить признание со стороны казаков. Почти всех этих лидеров объединяло казачье *происхождение* или долгое проживание на Дону (уже написаны первые биографии С. Лаврентьева и К. Чурносова⁸).

---

⁸ *Королев В.Н.* Кирилл Матвеевич Чурносков // Донской временник. Год 2003-й. Ростов н/Д., 2002. С. 59–63; *Мининков Н.А.* «Не место красит человека...»: войсковой атаман Самойло Лаврентьев // Человек второго плана в истории: Сб. науч. ст. Ростов н/Д., 2007. С. 281–291.

Они – донские казаки (при этом некоторые – верховые, как например, С. Пахомов и И. Некрасов, хотя говорить о влиянии данного фактора на всю группу оснований не имеется), хотя и представлявшие разные поколения. Вероятно, самым младшим из них являлся И. Некрасов, предположительно, родившийся в конце 1670-х гг. Некоторые лидеры, достоверно известно, были женаты (и/или имели детей): П. Мурзенко, И. Некрасов, К. Чурносов. Особенное внимание стоит уделить новаторскому исследованию Н.А. Мининкова, выделившему для XVII в. несколько поколений донских казаков⁹. Перспективно исследовать общее и особенное в системе культурных ценностей и идей *разных поколений* казачьих лидеров, своим примером поднявших донских казаков на борьбу. Обращает на себя внимание «метисное» происхождение некоторых лидеров из числа казаков, которых современники именовали тумами, что можно связать с некоторыми дополнительными стимулами у таких людей к лидерству. Имеются исторические свидетельства о том, что С. Пахомов – лидер «старых» кубанских казаков – был тумой и «прежде сего (до 1694 г. – Д.С.) живал в городке на устье Хопра»¹⁰. Подобный ряд, вероятно, можно продолжить – другого крупного предводителя казаков – Л. Маноцкого – донцы именовали в своих песнях тумой¹¹. Косвенные данные (прозвище) указывают на соответствующее происхождение и П. Мурзенко – другого лидера казаков, ушедших на Кавказ, избежавшего расправы на Дону. Вряд ли случайно, что именно указанные казаки столь «интересного» происхождения, в числе других лидеров, возглавили донцов, порвавших с Доном и перешедших тогда «границу миров». Социальная активность людей такого типа и происхождения – очевидна. Здесь, по моему мнению, можно говорить о наличии у казаков-тум некоторых дополнительных стимулов

---

⁹ Мининков Н. Метод поколений Х. Ортеги-и-Гассета и история Дона XVII в. // Логос. 2004. № 5(44). С. 225–234.

¹⁰ Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стлб. 1406. Л. 177.

¹¹ Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д., 1998. С. 442.

бороться за лидерство и рисковать. Если наша гипотеза верна, то новое объяснение получает лидерство *именно* С. Пахомова, Л. Маноцкого и П. Мурзенко, сумевших реализовать свои амбиции и закрепить их среди казаков на Северном Кавказе;

– в-третьих, все упомянутые казачьи лидеры, несмотря на разницу в возрасте – *современники*, заставшие и пережившие события церковного раскола на Дону, Крымские походы и т.п. знаковые даты, что позволяет сравнить их отношение к борьбе, происходившей на Дону примерно в одно и то же время и на одной территории. Пик этой борьбы (рубеж 1680-х – начало 1690-х гг.) «удивительным» образом совпал с кардинальными изменениями в жизни почти всех вышеупомянутых лиц;

– в-четвертых, несмотря на разницу в возрасте, некоторые из поименованных выше лидеров были знакомы друг с другом или могли знать о существовании друг друга. Хорошо известно о дружбе С. Лаврентьева и К. Чурносова (Чюрносова); Л. Маноцкий был знаком с М. Чурносковым. П. Мурзенко и Л. Маноцкий возглавили после ухода с Дона близкие друг другу казачьи сообщества Кумы и Аграхани, активно взаимодействовавшие. Нам известно, что атаманы были знакомы. И если это не случилось в годы «донского раскола» или даже раньше, то наверняка – в начале 1680-х гг. на Северном Кавказе во время боевых походов. Эти атаманы, например, были замечены в одном из совместных походов казаков с азовцами 1691 г., когда в плен ими была захвачена 1 тыс. чел.;

– в-пятых, учитывая роль и значение в истории «донского раскола» и казачьего Исхода на Кавказ т.н. «новой религиозности» донских казаков и их религиозной самоидентификации (не одно и то же!), укажем еще на один признак, объединяющий *всех* названных выше казачьих лидеров – их принадлежность к «старой вере». Они – *старообрядцы*. Так, С. Пахомов одно время проживал на Медведице, где зарождался «донской раскол», и был близок виднейшему «расколочителю» К. Косому¹². После поимки и избиения «дубьем» в

---

¹² Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889. Прил. № 5. Док. № 6. С. 276.

Черкасске за причастность к «расколу» (вероятно, в 1686 г.) С. Пахомов временно отошел «в тень». Поэтому мы говорим о специфике такого лидерства, возникшего и оформившегося в условиях, расколовших донское казачество по религиозному признаку. Приверженность «старой вере» обострила положение активных казаков, вскоре ставших лидерами, оказала влияние на активизацию их жизненной позиции. Вот почему личный религиозный выбор казачьих лидеров (атаманов) может быть экстраполирован на коллективный социальный опыт современной им части донского казачества;

– в-шестых, реконструкция индивидуальных и коллективных биографий казачьих лидеров поможет уяснить связь между несколькими ключевыми событиями в жизни донского казачества – «братоубийственной войной» 1680-х гг. и характером последующего переселения части казаков на Северный Кавказ (Кума, Аграхань, Кубань). Указанные лидеры возглавили именно тех казаков-нонконформистов, которые не боялись *рисковать, воевать и спасаться*, в т.ч. ценой ухода с Дона и принятия нового подданства. Трагедию выбора, скорее всего, пережила большая часть казаков, рассматриваемых на пути к своему лидерству. Так, появление П. Мурзенко, казака Иловлинского городка, на Куме относится к ранней весне 1690 г. – спасаясь от поимки, он уходил с Дона «о дву конь», оставив жену и сначала отправившись в улусы калмыцкого хана Аюки¹³. Казачьи лидеры организовывали сопротивление, направляли и организовывали переход донцами «границы миров», часто выступали «медиаторами» в общении своих казаков-«изменников» с «верными» Москве донскими казаками. К ним же Москва обращала свои «милостивые» грамоты и обращения, либо, напротив, пыталась преследовать и покарать. Роль именно *этих* людей в организации «измены» была очевидна для многих современников. Так, казаки, прибывшие с Кубани в Бахчисарай в начале 1693 г., рассказали представителям российской миссии В. Айтемирова, что «Пе-

---

¹³ Дополнения к Актам историческим, собранныя и изданныя археографическою комиссиею. СПб., 1872. Т. 12. С. 277.

трушка де Мурзенок, что той их измене был заводчик (выделено мной. – Д.С.), нынешнею осенью издох»¹⁴. Л. Маноцкий и П. Мурзенко фигурировали в числе 46 донских казаков, наиболее серьезно замешанных в «воровстве» на Дону¹⁵. «Петрушка Мурзенок» и «Левка Манитцкой» фигурировали как сообщники К. Чурносова, в доме же Л. Маноцкого К. Чурносов публично толковал Библию¹⁶;

– в-седьмых, необходимо изучить историческую память разных казачьих и старообрядческих групп о казачьих лидерах (атаманах). Некоторые из них часто встречаются в донском казачьем фольклоре, получая амбивалентные оценки, как, например, И. Некрасов. Правда, нужно учитывать, что песни «антинекрасовской» направленности были популярны на Дону и активно разучивались, например, в XIX в. Имеются тексты казачьих песен, в которых поется о *казаке-туме и изменнике* С. Маноцкове¹⁷: возможно, в них представлен трансформированный образ атамана Л. Маноцкого. Именно фольклор донес до нас уникальное свидетельство о С. Пахомове (в фольклорной традиции он фигурирует как Сенька, а не как Савелий), «открытом» незадолго того учеными на страницах документальных текстов¹⁸. А.М. Коломиец, спрашивая в 1947 г. жителя х. Ново-Покровского Приморско-Ахтарского р-на Краснодарского края об обстоятельствах появления дунаков в Румынии, услышал: «Не ведаю. Не при нашей памяти. Слыхивал от дедов – с Кубани туда бежали. Будто Сенька Пахомов, атаман, стало быть, был такой, увел нас. А уж

---

¹⁴ Війскові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах / Упорядник С. Павленко. Київ, 2009. С.203.

¹⁵ Дополнения к Актам историческим... С. 180, 181.

¹⁶ Там же. С. 180, 188.

¹⁷ Исторические песни. Баллады / сост., подг. текстов, вступ. статья и примечания С.Н. Азбелева. М., 1986. С. 346.

¹⁸ Булавинское восстание (1707–1708 гг.). Труды историко-археологического института АН СССР. М., 1935. Т. XII. С. 461–465.

точно ль, нет, не докажу»¹⁹. По всей видимости, дунаки (липоване) слышали (переняли?) фольклорный текст, созданный в среде некрасовских казаков, которые некогда потеснили на Кубани «старых» казаков, возглавляемых С. Пахомовым. Его имя (подр. см.²⁰) «исчезает» со страниц письменных источников после 1709 г. Таким образом, фольклорные тексты могут в том или ином виде сохранять память о казаках-лидерах конца XVII – начала XVIII в., образы и действия которых обратили на себя внимание создателей/трансляторов устной народной традиции.

В заключение отмечу, что достижение цели исследования предполагает, прежде всего, поиск новых источников и дополнительный анализ источников, введенных в научный оборот; составление базы данных, включающей сведения биографического характера из жизни казачьих лидеров, объединенных нами в группу по ряду признаков. В ходе дальнейшей работы предстоит проверить гипотезы, высказанные в статье, а также сформулировать новые задачи.

---

¹⁹ *Коломиец А.М.* Дневник-отчет о поездке в научную командировку к казакам-некрасовцам (Подготовка текста к печати, вступ. статья, комм. и примеч. В.И. Колесова, Д.В. Сеня) // *Казачьи-некрасовцы: язык, история, культура. Сб. науч. статей / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов.* Ростов н/Д., 2012. С. 266.

²⁰ *Сень Д.В.* Казаки Крымского ханства... С. 313, 315, 318 и др.

Биографические данные об элитах Крымского ханства: проблемы источниковедческого изучения (случай султана Бахты-Гирея)

Отмечая существенные достижения исторической науки в изучении военно-политической истории и культуры Крымского ханства, обратим внимание на следующее: до сих пор недостаточно исследован такой крупный вопрос, как история династии Гиреев, представляющий одну из ключевых научных проблем исторического прошлого этого государства. Среди составляющих обозначенного вопроса выделяются: хронология правлений крымских ханов; практики передачи престола в Крыму: традиции и новации; эволюция управленческой иерархии в Крымском ханстве; внутрисемейная (внутриродовая) генеалогия и «матримониальная политика» династии Гиреев, внутрисемейные отношения Гиреев как фактор внутренней и внешней политики Крымского ханства; женщины ханского дома Гиреев; персональные истории правящих и не правящих Гиреев: исторические портреты ханов и их родственников, жизнь крымских ханов в ссылке после отставки и пр.

Приведенный выше перечень исследовательских проблем нельзя назвать исчерпывающим. Однако даже он позволяет обозначить некоторые перспективные подходы к изучению политической культуры Крымского ханства, смены ханов на крымском престоле, механизмов принятия ханами управленческих решений, совершавшихся под влиянием самых различных факторов – не сводившихся только к влиянию османского двора или к «проискам» местной знати против конкретного хана. К сожалению, в ходе изучения таких сюжетов истории зачастую сталкиваются с существенными лакунами исторического знания, отчасти вызванными недостатком источников, отчасти – невниманием к исследовательским проблемам историко-биографического характера из истории Крымского ханства.

Вышесказанное имеет непосредственное отношение к изучению центральной проблемы в истории политической системы Крымского ханства – порядку наследования ханского престола¹. Отношения между разными группами Гиреев не могли оставаться статичными на протяжении веков и даже десятилетий: они активно развивались, характеризуя не только внутрдинастийную борьбу Гиреев-родственников и их лавирование между местными крымскими элитами и Османами. Еще в большей степени история таких отношений отражает развитие государственной жизни Крымского ханства, которая не могла стоять на месте, динамично откликаясь на новые исторические условия и вызовы. Необходимо обратиться к мнению А.М. Некрасова (1999 г.) о том, что «...нужно прежде всего восстановить генеалогию Гиреев. Но донныне не существует даже полной родословной росписи ханского дома (из новейших работ см.² – Д.С.). Разумеется, последовательность правления ханов давно известна, однако иначе обстоит дело с другими членами гирейской фамилии»³. Обязательно должны быть продолжены работы по конкретизации и систематизации сведений по истории генеалогического «древа» династии Гиреев и внутрдинастийных отношений, по уточнению и сопоставлению имеющихся в науке персональных данных о правящих ханах, их калгах, нурадыхах и ор-беях, а также о других Гиреях – представителях династии т.н. второго плана⁴. Гене-

---

¹ Некрасов А.М. Возникновение и эволюция Крымского государства в XV–XVI веках // Отечественная история. 1999. № 2. С. 48.

² Зайцев И.В. Записи генеалогий и правлений крымских ханов и крымские средневековые исторические хроники // Восток. 2008. № 4; Zaytsev I. The Structure of the Giray Dynasty (15th–16th centuries): Matrimonial and Kinship Relations of the Crimean Khans // Kinship in the Altaic World. Proceedings of the 48th Permanent International Altaistic Conference. Moscow. 10–15 July, 2005, Edited by Elena V. Boikova and Rostislav V. Rybakov. Wiesbaden, 2006.

³ Некрасов А.М. Возникновение и эволюция Крымского государства в XV–XVI веках... С. 50.

⁴ Беляков А.В., Виноградов А.В. Мурад-Гирей: служилый Чингисид в России или претендент на русский престол? // Тюркологический сбор-

алогическая же таблица Гиреев, созданная французскими исследователями, по замечанию А.М. Некрасова, «неполна, нередко неточна и нуждается в серьезной доработке»⁵. Отчасти это замечание может быть отнесено к таблице «Ханы Крыма, калга и нуреддин» из того же капитального труда французских ученых⁶. Практически не разработан вопрос о составлении персональных списков сераскеров ногайских орд (начиная со второй трети XVIII в.), тоже включенной бы, учитываемая их «гирейский» состав, в сводные ряды крымских элит. Стоит вспомнить, что функции сераскера-наместника первым обрел сераскер Буджацкой орды во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг.⁷ После ее окончания все находящиеся под крымской властью ногайские орды (кроме Джембуйлуцкой) получили постоянного ханского наместника в чине сераскера. Следовательно, этот вопрос также органично вписывается в крупную научно-следовательскую проблему: историю крымских элит в связи с эволюцией управленческих структур в Крымском ханстве.

Анализируя практики престолонаследия в Крымском ханстве (активным участником которых была Османская империя), нельзя ограничиться частным замечанием о том, что

ник 2011–2012: политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств / ред. кол. С.Г. Кляшторный и др. М., 2013. С. 11–59; *Виноградов А.В.* Крымские ханы в XVI веке // Отечественная история. 1999. № 2. С. 58–69; *Виноградов А.В.* Мурад-Гирей в «Астрохани». К истории политики России на Нижней Волге и на Кавказе в 1586–1591 гг. // История народов России в исследованиях и документах / отв. ред. Н.Ф. Бугай, В.В. Трепавлов. М., 2011. Вып. 5. С. 242–287; *Зайцев И.* Крымские ханы: портреты и сюжеты // Восточная коллекция. Весна 2003. С. 86–93; *Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı / Présenté par Alexandre Bennigsen, Pertev Naili Boratav, Dilek Desaiye, Chantal Lemerrier-Quelquejaye.* Paris, 1978. P. 315–370.

⁵ *Некрасов А.М.* Указ. соч. С. 50.

⁶ *Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı...* P. 361–370.

⁷ *Хайдарлы Д.И.* Молдавия и Крымское ханство (1718–1774 гг.) // *Stratum plus.* 2003–2004. № 6. С. 273.

в XVI в. Османы не вмешивались в указанный процесс, а в XVII–XVIII вв. «могли менять хана в любой момент по своему усмотрению»⁸. Расплывчато звучат другие слова о «калейдоскопе» наследников крымских ханов как о якобы типичном уже для XVII–XVIII вв.⁹ История правящей в Крыму династии полна примеров непростых отношений между отцом-ханом и его сыновьями-наследниками, между братьями – сыновьями правящего хана, между дядьями и племянниками, многие из которых (в т.ч. побывавшие в статусе наследника – калги или нурадына) сами впоследствии становились ханами. Отметим, что в Крыму принцип наследования по мужской линии внутри определенного рода (среди Гиреев и бейских родов Крыма) выдерживался довольно четко. Однако старшинство в роду или в семье само по себе не гарантировало получение определенного статуса, поскольку хан назначался по решению османского падишаха, а облеченные властью крымские султаны (калга, нурадын, сераскеры) назначались правящим ханом из представителей разных ветвей фамилии Гиреев, часто – без особого внимания к их старшинству в роду или в семье. Определенное исключение, в связи с вышеприведенными данными, составила семья крымского хана Селим-Гирея, получившего от Стамбула привилегию назначения ханов только из числа его сыновей и их наследников. Безусловно, абсолютизировать такой порядок не стоит; исключения из нового правила были: не все ханы, правившие в последней четверти XVII в. после первого правления Селим-Гирея (1671–1678 гг.), приходились ему сыновьями или даже братьями. И все же «Селимовцы» осознавали свое особое положение среди других представителей дома Гиреев¹⁰. Порта, часто сообразуясь с указанным принципом, действительно на-

⁸ *Виноградов А.В.* Крымские ханы в XVI веке... С. 68.

⁹ *Некрасов А.М.* Указ. соч. С. 53.

¹⁰ *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты: в 2-х томах / отв. ред. С.Ф. Орешкова. Т. 2. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII веке до присоединения его к России. М., 2005. С. 30.

значала ханами в первой трети XVIII в. почти исключительно сыновей Селим-Гирея: Девлет-Гирея, Гази-Гирея, Каплан-Гирея, Сеадет-Гирея и Менгли-Гирея. При этом часть их успела до утверждения в ханском достоинстве побывать и в сане калги, и нурадына.

Таким образом, даже полный «списочный состав» правящих ханов, окруженных «своими» калгами и нурадынами, не даст всех ответов на вопросы о системе сдержек/противовесов, которыми руководствовались в своем выборе правящие Гиреи и Османы. Весьма перспективно исследовать внутрисемейные и внутрдинастийные отношения среди Гиреев (на что российские дипломаты в Крыму обращали традиционное пристальное внимание), истоки политического опыта и даже будущего реформаторства царевичей (султанов) из династии Гиреев, формы и степень их участия в военно-политической жизни Крымского ханства, формальные и личные (неформальные) связи тех же султанов с отдельными регионами и этническими общностями в ханстве и даже за его пределами, роль традиций и новаций в назначении ханами своих ближайших родственников на высшие управленческие должности. Вот почему в источниковедении истории Крымского ханства особое значение будут иметь поиск и ввод в научный оборот новых источников по истории элит Крымского ханства, на первом месте среди которых – династия Гиреев.

Некоторая часть исследовательских проблем, обозначенных выше, может быть рассмотрена на примере изучения жизненного пути султана Бахты-Гирея (1670-е гг.(?) – 1729 г.) – старшего сына крымского хана Девлет-Гирея II¹¹.

---

¹¹ Грибовский В.В., Сень Д.В. Фронтальные элиты и проблема стабилизации границ Российской и Османской империй в первой трети XVIII в.: деятельность кубанского сераскера Бахты-Гирея // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 9–10. Київ, 2010. С. 193–226; Грибовский В., Сень Д. Бахты Гирей и проблема стабилизации границ Российской и Османской империй в первой трети XVIII века // Wschodni Rocznik Humanistyczny. T. VIII (2012). S. 85–116; Грибовский В.В., Сень Д.В. Кубанский султан Бахты-Гирей: феномен нелегитимной вла-

Интерес к данной личности, к поиску и анализу источников о нем определен несколькими причинами. *Во-первых*, современная историография насчитывает ограниченное количество работ, связанных с исследованием биографий Гиреев «второго плана». Многолетний поиск и ввод в научный оборот новых источников о жизнедеятельности Бахты-Гирея¹² привели нас с В.В. Грибовским к обоснованному выводу о перспективах конкретно-исторического изучения биографии «*всего лишь*» одного крымского царевича. Объем накопленного материала позволяет сегодня говорить о возможном написании монографии о жизнедеятельности кубанского султана Бахты-Гирея. *Во-вторых*, обогащение источниковой базы привело к расширению исследовательского пространства темы и к разработке вопросов, раньше специально не формулировавшихся в науке или слабо разработанных – применительно к биографии конкретного царевича-Гирея, вписанной в историю ногайской Кубани и Крымского ханства в целом. Например, речь идет о такой крупной научной проблеме, как феномен нелегитимной власти в Крымском ханстве. Кроме того, были получены новые данные о фактах биографии Бахты-Гирея, позволившие восполнить существенные лакуны научного знания о нескольких десятилетиях его жизни, начиная со времени появления на Кубани в конце XVII в. *В-третьих*, речь идет о выдающейся личности, имевшей определенные шансы стать крым-

---

сти в Крымском ханстве первой трети XVIII в. // Тюркологический сборник 2011–2012: политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств / ред. кол. С.Г. Кляшторный и др. М., 2013. С. 92–137; *Сень Д.В., Грибовский В.В.* Кубанский султан Бахты-Гирей и его роль в османо-крымско-российских отношениях первой трети XVIII в. // Роль личности в становлении и развитии российско-кавказских отношений. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 230-летию со дня рождения Бей-Булата Таймиева (г. Грозный, 13 ноября 2014 г.). Грозный, 2015. С. 635–649.

¹² Их осуществление стало возможным, в первую очередь, благодаря тесному творческому сотрудничеству автора статьи и к.и.н. В.В. Грибовского (г. Киев, Украина), постоянного соавтора наших опубликованных работ о султани Бахты-Гирее.

ским ханом и оставившей заметный след в истории Крымского ханства. Бахты-Гирей выдвинулся не только благодаря личным характеристикам и приобретенным качествам воина и политика. Среди Гиреев традиционно было немало ярких личностей, оказывавших многогранное личное воздействие на внутреннюю и внешнюю политику Крымского ханства и даже на жизнь сопредельных государств. Однако в истории Крыма гораздо меньше примеров, когда султаны (царевичи), так и не ставшие потом ханами, играли бы заметную политическую роль после смещения с престола (или смерти) своих отцов – правящих ханов, вдобавок – в условиях ограниченных (неустойчивых) управленческих ресурсов. Бахты-Гирей сумел добиться этого, организовав собственную систему поддержания своей власти в новых исторических условиях – на волне созревшего в Крымском ханстве недовольства стабилизацией русско-турецкой границы. Обладая чертами харизматического лидера, Бахты-Гирей на протяжении многих лет умело выстраивал свою систему сдержек/противовесов среди фронтальных элит и пограничных сообществ, мало соотнося свои действия с целями османских и крымских правителей. Понимая опасения тех, для кого новая пограничная ситуация в Северном Причерноморье и в Северном Приазовье означала угрозу дальнейшего существования традиционного уклада, всего комплекса связей и отношений, издавна существовавших на степном порубежье, Бахты-Гирей быстро стал для ведущих держав опасным самостоятельным участником тогдашнего политического процесса на Юге. Это, в первую очередь, и обеспечило повышенный интерес правителей Крымского ханства, России и Османской империи к этому кубанскому султану, сумевшему утвердиться на периферии Крымского ханства, но распространившему свое влияние далеко за пределы ногайской Кубани. *В-четвертых*, изучение жизненного пути султана Бахты-Гирея расширяет наши представления об истории ногайской Кубани конца XVII – первой трети XVIII в., входившей в состав державы Гиреев и представлявшей собой пограничный регион, богатейшая история которого не может быть механически

сведена только к участию ногайцев в набеговой системе Крымского ханства.

Ниже представлен краткий обзор эвристических возможностей источников, освещающих малоизвестные и дискуссионные вопросы биографии султана Бахты-Гирея – фигуры не только регионального масштаба (Северный Кавказ), но также крупного политического деятеля, оказавшего влияние на османо-крымско-российские отношения первой трети XVIII в. Коллективные авторские наблюдения за географией амбициозных действий нашего героя и установление общей картины его пристального внимания, прежде всего, к Северному Кавказу, вряд ли состоялись бы без этапа реализации архивной эвристики в федеральных и государственных архивах России. Безусловно, организуя новый архивный поиск, мы анализировали источники о Бахты-Гирее, уже введенные в научный оборот, в т.ч. дореволюционными публикаторами (А.А. Лишним, А.З. Мышлаевским, Е.Д. Фелицыным и др.).

Сегодня можно говорить о том, что многие аспекты жизнедеятельности султана Бахты-Гирея нашли свое закономерное отражение в документальных источниках российского происхождения, связанных с документированием деятельности высших органов государственной власти (Сенат), центральных военных (Военная коллегия) и дипломатических (Посольский приказ, Коллегия иностранных дел) учреждений, а также ряда местных учреждений и администраций (в т.ч. пограничных), вступавших в переписку с вышестоящими учреждениями и с друг с другом. Таким образом, значительный массив использованных нами документов представлен делопроизводственными материалами российского происхождения (отношения, рапорты, расспросные речи и пр.). Учитывая направленность, формы и характер действий Бахты-Гирея, зачастую связанных с нападениями на российские владения и российских подданных, закономерно говорить о большом количестве документов, содержащих сведения о султанине, прозванном уже современниками Дели-султаном (т.е. «шалым» или даже «бешеным» султаном). Наиболее информативные доку-

менты были обнаружены в фондах федеральных и государственных архивов:

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи (Москва);

ГАРО – Государственный архив Ростовской области (Ростов-на-Дону);

ГАВО – Государственный архив Воронежской области (Воронеж);

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва);

РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-Морского Флота (Санкт-Петербург);

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Москва)¹³.

Ни в одном из этих российских архивов не отложился (не обнаружен?) крупный документальный комплекс по интересующей нас теме. Такое положение дел, вероятно, можно признать «естественным». Однако именно поиск документов в разных архивах, находки одних и тех же текстов в составе подлинников и копий, наблюдения за направленностью документопотоков и т.п. основания привели к формированию репрезентативной источниковой базы. Заметим при этом, что до 2008–2010 гг. о подобном положении вещей говорить не приходилось. Сделанные в некоторых архивах *случайные* находки имели особое значение: в деле о «некрасовских шпионах», начатом в декабре 1726 г. и хранящемся в Государственном архиве Калужской области, были найдены сведения о нападении Бахты-Гирея на османский Азов¹⁴. Более показательен другой аспект: вопрос о султানে был включен в перечень вопросов, заданных некрасовцу Д.С. Михневу: «Как ты с то-

---

¹³ Подробные указания на архивы, номера фондов, единицы хранения и использованные листы из единиц хранения см. в наших совместных с к. и. н. В.В. Грибовским работах о Бахты-Гирее, опубликованных в 2008–2015 гг.

¹⁴ Государственный архив Калужской области (далее – ГАКО). Ф. 1692. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

варыщем своим Резепкою пошел с Кубани, Бахты-Гирей салтан где обретался?»¹⁵. Следует признать закономерным подобное проявление повышенного интереса российских администраторов к личности Бахты-Гирея – учитывая его влияние даже на состояние русско-крымских и русско-турецких отношений того времени. Некоторые важные сведения о действиях Бахты-Гирея середины 1720-х гг., в т.ч. связанных с неурядицами в Крыму, попали на страницы российской газеты «Ведомости», материалы которой раньше почти не использовались специалистами при обращении к этому периоду в жизни Дели-султана¹⁶.

Учитывая интерес, проявленный к личности и делам Бахты-Гирея дворами Стамбула и Бахчисарая, правомочно ставить вопрос о поиске восточных источников по указанной теме. Турецкие специалисты недавно опубликовали сборник архивных документов по истории Крымского ханства, в т.ч. содержащие сведения о Бахты-Гирее¹⁷. Мы не сомневаемся в том, что фонды одного из крупнейших исторических архивов Турции – *Vaşbakanlık Osmanlı Arşivi* (ВОА, Стамбул) содержат намного больше документов по теме исследования. Недаром имя султана Бахты-Гирея неоднократно упоминается в подробном обзоре документов из нескольких фондов по истории Крымского ханства из этого же архива¹⁸. Появление нескольких других документов восточного происхождения оказалось связано с Бахты-Гиреем в самом прямом смысле! Речь идет о нескольких его или близкой ему ногайской знати письмах за 1700 г., адресованных в российский Азов и удостоверенных

---

¹⁵ ГАКО. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

¹⁶ Ведомости. 1725. № 56 (22 декабря); 1726. № 10 (15 февраля); 1726. № 11 (25 февраля).

¹⁷ *Osmanlı Belgelerinde Kırım Hanlığı. Crimean Khanate in Ottoman Documents*. Istanbul, 2013. S. 127, 129.

¹⁸ *Desaive D. Le khanat de Crimée dans les Archives ottomanes (Correspondance entre khans de Crimée et padichahs ottomans dans les registres des nâme-i hümayûn) // Cahiers du monde russe et soviétique*. 1972. Vol. 13. № 4 (Octobre-décembre). P. 566, 569, 570, 571.

личной печатью султана Бахты-Гирея¹⁹. Таким образом, этот сфрагистический материал тоже может быть использован при изучении более масштабного вопроса о традициях удостоверения документов в Крымском ханстве, активными участниками которого являлись не только ханы²⁰, но и султаны со своими перстневыми печатями. Кроме того, эти и подобные им другие документы из фонда И-5 ГАВО позволили нам сформулировать новый в науке вопрос о формах коммуникации между ногайской Кубанью и российской администрацией Азова после 1696 г. Речь идет о том, что местные администрации России, Крымского ханства и Османской империи были вынуждены выстраивать диалог в условиях новых границ и новой пограничной ситуации на Юге.

Обнаруженные нами в Государственном архиве Воронежской области документы позволяют утверждать, что назначение Бахты-Гирея наместником крымского хана Девлет-Гирея II на Кубани состоялось до 1 июня 1700 г. В этот день со слов его посланцев в канцелярии азовского воеводы было написано: «А ныне де на Кубани у них салтаном крымского хана сын... Бахты Гирей»²¹. 2 ноября того же года посланцы Бахты-Гирея заявляли о себе в Азове: «...Мы живем на усту Кубану и владеет нами Бахтигирей салтан»²². Полагаем, что на современном этапе изучения жизнедеятельности Бахты-Гирея именно документы ГАВО имеют исключительно важное значение, во многом объясняя его особое отношение именно к тому региону, где он сумел в итоге закрепиться и авторитет, позволивший ему закрепиться. Особенно важно, что период жизни Бахты-Гирея рубежа XVII–XVIII вв., неплохо представленный в документах ГАВО, совпадает с началом пребы-

---

¹⁹ Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 2–3; Там же. Оп. 2. Д. 244. Л. 15–17.

²⁰ *Исхаков Д.* Культура государственной жизни // История татар с древнейших времен: В 7 т. Т. 4. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань, 2014. С. 492–493.

²¹ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 12.

²² ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 244. Л. 17.

вания молодого султана на Кубани и, очевидно, с истоками его административного и политического опыта. Документ из РГАВМФ добавил важный штрих в характеристику отношений между ханом-отцом и царевичем-сыном. Так, после смещения с престола в 1702 г., по данным на 7 апреля 1703 г., «прежней де крымской хан Девлет Гирей с сыном своим кубанским салтаном Бахти Гиреем и с узденями своими ушли в горы к черкесом. А в Крым де на ево, ханово, место, прислан хан из Царяграда – отец ево, Девлет Гирей хана, – Селим Гирей... А с Кубани ж де Сартлана мурзу и иных лутчих мурз взяли в Крым, а ныне де на Кубани первым мурзою Урак мурза»²³.

Изучая связи Бахты-Гирейя с Кубанью, зададимся еще одним вопросом, на который пока нет однозначного ответа: не был ли он отдан сюда в детстве на воспитание? Дело в том, что воспитание юных Гиреев по традиции возлагалось на аталыков (временных приемных отцов). На Северном Кавказе воспитание у аталыка считалось законченным, когда воспитанник (кан) возглавлял или участвовал в удачно проведенном набеге. Достигнув совершеннолетия, воспитанник возвращался в родной дом и на протяжении всей жизни поддерживал теплые отношения со своим аталыком, становившимся как бы близким родственником. Благодаря аталычеству, у Гиреев появлялись разветвленные связи с крупными родовыми группами адыгов, позволявшие не только крепче привязать этот регион к Крымскому ханству, но и использовать его для достижения своих личных целей. Поэтому заселенное адыгскими народами Левобережье Кубани стало прибежищем для многих представителей фамилии Гиреев, которые в силу разных причин не находили себе места в Крыму²⁴. Собственно, так станет поступать потом и Бахты-Гирей, время от времени терявший позиции на Правобережной Кубани.

---

²³ Российский государственный Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 177. Оп. 1. Д. 25. Ч. 1. Л. 793 об.

²⁴ *Клапрот Ю.* Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик, 2008. С. 134.

Однако, наряду с возможным «черкесским» следом в истории аталычества для Бахты-Гирея, может быть предложена иная, «ногайская» версия. В показаниях казака станицы Дурновской г. Черкаска Захара Иванова, знавшего турецкий и татарский языки и допрошенного в Азове перед воеводой С.Б. Ловчиковым 13 марта 1701 г., фигурирует Сартлан-мурза – «дядька» неназванного по имени сына крымского хана, «кой был на Кубану салтан», и который в начале года (1701?) пошел во главе Кубанской орды вместе с Крымской ордой под командованием хана против Белгородской орды²⁵. Мы знаем, что Бахты-Гирей в указанный период пребывал на Кубани; остается выяснить, участвовал ли он в названном выше походе своего отца Девлет-Гирея II? Наконец, в нашем распоряжении все больше документов о Сартлан-мурзе, одном из самых влиятельных ногайских мурз начала XVIII в. Оттиск печати Сартлан-мурзы присутствует рядом с оттиском личной печати самого Бахты-Гирея на письме азовскому воеводе (1700 г.)²⁶. Одно из последних упоминаний имени Сартлана-мурзы в российских источниках связано с майской отпиской атамана К.А. Булавина на Кубань Сартлану-мурзе и «всем кубанским мурзам»²⁷. Конечно, необходимо искать новые свидетельства аталычества влиятельного ногайского мурзы в отношении крымского царевича. Может оказаться, что Гирей, сообразуясь здесь с новыми историческими условиями, пошел на укрепление своих клановых связей не только с черкесами, но и с ногайскими элитами Кубани. Вновь обращаясь к общим проблемам историко-генеалогических работ по истории дома Гиреев, отметим, что исследователи истории Крымского ханства нечасто обращаются к истории аталычества как важ-

---

²⁵ Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (НИА СПбИИ РАН). Ф. 226. Оп. 1. Д. 543. Л. 3.

²⁶ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 244. Л. 17.

²⁷ Булавинское восстание (1707–1708 гг.) // Труды историко-археологического института Академии наук СССР. М., 1935. Т. XII. С. 460.

ному социальному институту, издавна бытовавшему в тюрко-татарских государствах²⁸.

Документальные источники помогли поставить точку в решении исключительно важного вопроса о калгайстве Бахты-Гирея. Кроме того, они позволили установить верность аналогичных сведений у крымскотатарского хрониста Халим-Гирея. Он указывал, что после 6 лет перерыва, в 1709 г., «Девлет Гирай был снова призван на крымский трон. Калгаем он назначил Сеадет-Гирей султана, а нуредином своего старшего сына Дели Бахт Гирай-султана. Вскоре между ханом и калгаем случился конфликт, и хан назначил калгаем Бахт Гирая, а нуредином другого своего сына Бахадыр Гирай-султана»²⁹. В одной из своих статей мы с В.В. Грибовским скептически отнеслись к указанному известию, посчитав, что Бахты-Гирей являлся средним сыном Девлет-Гирея II, имея право претендовать на средний султанский чин – нурадына. При этом Батыр-Гирей, информация о котором послужила основанием для вывода о нурадынстве Бахты-Гирея, был ошибочно идентифицирован с Бахты-Гиреем. И здесь мы возвращаемся к вопросам, обозначенным в начале статьи – о составе семей крымских ханов и восстановлении родового «древа» Гиреев, об установлении персонального состава управленческих структур Крымского ханства. Порой нам неизвестны не только имена ханских жен, но имена многочисленных родственников (в т.ч. потомков) правящих ханов по мужской линии. Информация источников даже о сыновьях правящих ханов зачастую противоречива и разрозненна. Бывает так, что при описании тех или иных событий они упоминаются в качестве «безымянного» калги или нурадына или просто по имени. Так, в конце 1711 г. неназванного по имени калгу-султана видел в Крыму сотник

²⁸ *Измайлов И.* Структура власти в позднезолотоордынских государствах // История татар с древнейших времен: В 7 т. Т. 4. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань, 2014. С. 523–524.

²⁹ *Халим Гирай-султан.* Розовый куст ханов, или история Крыма / Транскрипция, перевод переложения А. Ильми, составление приложений и пояснения Кемаля Усеинова / под общ. ред. Н.С. Сейтягьева. Симферополь, 2008. С. 114.

Богодуховской сотни Ахтырского казачьего полка Ф. Павлович³⁰. Вот почему частный случай султана Бахты-Гирея имеет выходы на более общие проблемы истории гирейской династии.

По свидетельству гетманского старшины И. Черняка, хан Девлет-Гирей II еще до прибытия в Крым назначил своего «среднего [сына] Батыр-Кгирея», который до приезда информатора И. Скоропадского в Перекоп, случившегося 3 января 1709 г., был «прислан на резиденцию» и «не токмо в Перекопи, но и во всем Крыму управляет на месте отца своего»³¹. Таким образом, султан Батыр-Гирей выступает здесь как ор-бей. О том же Батыр-Гирее рассказывали 21 января 1709 г. казаки Полтавского куреня С. Васильев и Г. Савин, отправленные И. Черняком к гетману И. Скоропадскому: «...Когда они с Черняком приехали в Перекоп, то тамо Каймакана на застали, понеже он поехал провожать до Порты стараго хана (Каплан-Гирея. – Д.С.); а обретается ныне в Перекопе новаго хана сын, Батырь-Кгирей, султан, который Черняка принял ласково...»³². Среди сыновей Девлет-Гирея II из списка французских специалистов, состоящего из 12 имен, Батыр-Гирей отсутствует, зато имеется Бахадыр-Гирей³³. Именно с ним, но не с Бахты-Гиреем можно с определенностью идентифицировать султана Батыр-Гирея, фигурировавшего в двух предыдущих источниках. Ведь имена Батыр и Бахадыр (Бехадыр) – варианты одного и того же имени. Кроме того, нам достоверно известно, что Бахты-Гирей никогда не занимал чина ор-бея. Подобное соотношение представляется важным еще потому, что историографии знакомы примеры ошибочного отождествления Бахты-Гирея и Батыр-Гирея в связи с событиями русско-турецкой войны 1710–1711 гг. Это тоже необходи-

---

³⁰ Сборник Императорского Русского исторического общества. 1878. Т. 25. С. 345–346.

³¹ Доба гетьмана Івана Мазепи в документах / упор. С. Павленко. Київ, 2007. С. 343.

³² Війскові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах / упор. С. Павленко. Київ, 2009. С. 444–445.

³³ Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Торкарі... См. вклейку «Генеалогическая таблица Гиреев».

мо учитывать при исследовании биографии Бахты-Гирея и, конечно, биографий других крымских царевичей. О.Г. Санин ошибочно писал о действиях «кубанского нуреддин-салтана» Бахты-Гирея в мае 1711 г., когда его войско в составе 700 янычар и около 1000 запорожцев, не решившееся взять крепость Азов, пыталось штурмовать Тор и Бахмут³⁴. Однако документы, опубликованные А.З. Мышлаевским³⁵, позволяют уточнить, что указанными действиями руководил другой султан, а именно – Батыр-Гирей (Бахадыр-Гирей).

Анализ материалов российского делопроизводства привел нас с В.В. Грибовским к выводу о верности слов Халим-Гирея в отношении калгайства Дели-султана. В 1717 г. Бахты-Гирей в разговоре с российским толмачом Б. Шаровым самолично подтвердил свое пребывание в достоинстве калги: «...Я де когда и в Крыму был халгою султаном, и за миром де я разбивал русских людей многое число, про мене де и про дело мое знает князь Дмитрий Михайлович Галицын»³⁶. Выражение «за миром» следует понимать как осуществление набегов в мирное время, т.е. до начала русско-турецкой войны в ноябре 1710 г. Б. Шарову принадлежит выразительная фраза, явно навеянная личными впечатлениями толмача от общения с Дели-султаном: «...а в словех своих оный султан зело непостоянен, бес, а не человек, толко поношение человеком (выделено мною. – Д.С.)»³⁷. Назначение Бахты-Гирея калгой, очевидно, не могло произойти в начале второго правления Девлет-Гирея. Австрийский дипломат А. Тальман указывал в донесении от 15 сентября 1709 г., что старший брат правящего хана, т.е. Девлет-Гирея II, калга-султан, прибыл недавно в Стамбул «с различными устными донесениями турец-

---

³⁴ Санин О.Г. Отношения России и Украины с Крымским ханством в первой четверти XVIII в.: дис. ... к.и.н. М., 1996. С. 178.

³⁵ Мышлаевский А.З. Война с Турциею 1711 года. (Прутская операция): материалы, извлеченные из архивов. СПб., 1898. С. 116–117, 125.

³⁶ Материалы Военно-учетного архива Главного штаба / изданы под ред. А.Ф. Бычкова. СПб., 1871. Т. I. С. 307.

³⁷ Там же.

кому министерству»³⁸. Этим старшим братом хана являлся Сеадет-Гирей, впоследствии – крымский хан. Когда же случилось лишение Девлет-Гиреем II своего брата указанного чина и назначение калгой своего сына Бахты-Гирея? Вероятно, не раньше второй половины сентября 1709 г., а, скорее всего, даже позже. Обратим внимание, что в добавление к сведениям о Девлет-Гирее II Халим-Гирей указал, что хан, отправляясь на театр военных действий в ходе русско-турецкой войны 1710–1711 гг., «оставил для охраны Крыма своего сына калгаю Бахт Гирая, прославившегося в народе под прозвищем “Джихан Дели”, сам же с многочисленной армией двинулся в сторону Аккермана»³⁹. Если признать правоту Халим-Гирея, то в начале лета 1711 г. Бахты-Гирей уже был калгой. Впрочем, свою «карьеру» во второе правление своего отца Бахты-Гирей закончил в чине нурадына, имея к 1713 г. уже основательный опыт знакомства с кубанским регионом, в истории которого он сыграл заметную роль.

Наконец, обратимся к еще одному актуальному вопросу – о семье султана Бахты-Гирея. К слову, пока нет сведений о происхождении матери и жены (жен?) Дели-султана, что соотносится нами с отдельной научной проблемой в изучении династии Гиреев⁴⁰. Нам известно, что Бахты-Гирей был женат и что у него были дети. Как минимум, в семье родилась одна дочь, вышедшая замуж, возможно, при жизни своего отца. Из показаний казака Я. Коржихина за 1737 г. мы узнаем о *зят*е султана Бахты-Гирея – Енгис-Гирее, сыне султана Мамат-Гирея,

---

³⁸ Турция накануне и после Полтавской битвы (Глазами австрийского дипломата). М., 1977. С. 49.

³⁹ *Халим Гирай-султан*. Розовый куст ханов, или история Крыма... С. 115.

⁴⁰ Некрасов А.М. Женщины ханского дома Гиреев в XV–XVI вв. // Некрасов А.М. Избр. труды / сост. К.Ф. Дзамихов, Дж.Я. Рахаев; науч. ред. К.Ф. Дзамихов. Нальчик, 2015. С. 243–250.

пребывавшем тогда на Кубани⁴¹. По данным В.В. Батырова, незадолго до своей гибели в Кабарде Бахты-Гирей находился в 1728г. в Копыле вместе со своим *тестем* Азамат-Мурзой (ногаец?) и отрядом из 1 тыс. калмыков⁴². Согласно другим сведениям, в середине 1720-х гг. *тестем* Бахты-Гирея являлся кабардинский князь А. Кайтукин. Вероятно, в результате более детального изучения может проясниться вопрос о многоженстве Дели-султана. Если подобный факт имел место в действительности, то его можно будет отнести к числу дальновидных действий султана Бахты-Гирея по созданию на Северном Кавказе гибких и долговременных политических комбинаций и альянсов.

Завершая статью, выскажем мнение о том, что источниковедение истории элит Крымского ханства – одно из самых перспективных исследовательских направлений. Дальнейшее выявление и ввод в научный оборот исторических источников по указанной теме будет способствовать появлению новых исследований и постановке новых научных проблем. Считаем, что случай султана Бахты-Гирея, представленный в работе как часть крупной историко-генеалогической и источниковедческой проблемы, может быть успешно распространен на другие исследовательские практики. Первоочередное место среди них по праву принадлежит изучению истории династии Гиреев, многочисленный состав которой сулит ученым новые вопросы и попытки найти на них убедительные ответы.

---

⁴¹ *Фелицын Е.Д.* Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области. Екатеринодар, 1904. Т. 1. С. 142.

⁴² *Батыров В.В.* Кубанский правитель Бахты-Гирей Салтан во взаимоотношениях с Калмыцким и Крымским ханствами // Сарепта: Историко-этнографический вестник. Волгоград, 2006. С. 50.

Кубанский султан Бахты-Гирей: историческое пространство индивидуальной биографии и его реконструкция

Заявленная тема имеет непосредственное отношение к изучению центральной проблемы в истории политической системы Крымского ханства – порядка наследования ханского престола. Указанный порядок не оставался неизменным на протяжении столетий; на него влияла не только Османская империя, но также и *внутридинастийная/семейная* борьба Гиреев разных линий и поколений, их лавирование между местными крымскими элитами (а также между другими региональными элитами Крымского юрта) и Османами.

Обратимся к мнению А.М. Некрасова о том, что «последовательность правления ханов давно известна, однако иначе обстоит дело с другими членами гирейской фамилии»¹. Должны продолжиться перспективные работы по систематизации и уточнению сведений об истории генеалогического древа Гиреев, включая персональные истории правящих крымских ханов и анализ их внешности², по уточнению и сравнению имеющихся в науке данных о правящих ханах и (в связи с их правлениями) их калгах, нурадинах, ор-беях. Подобный вопрос органично вписывается в такую крупную научно-исследовательскую проблему, как история крымских элит и эволюция управленческих структур в Крымском ханстве, а также реконструкция индивидуальных биографий представителей династии Гиреев т. н. второго плана, в т. ч. крымских

---

¹ Некрасов А.М. Возникновение и эволюция Крымского государства в XV–XVI веках // Отечественная история. 1999. № 2. С. 50.

² Виноградов А.В. Крымские ханы в XVI веке // Отечественная история. 1999. № 2; Гайворонский О. Повелители двух материков. Киев; Бахчисарай, 2007. Т. 1; *Его же*. Повелители двух материков. Киев; Бахчисарай, 2009. Т. 2; Зайцев И.В. Крымские ханы: портреты и сюжеты // Восточная коллекция. 2003. Весна. С. 86–93; *Его же*. Записи генеалогий и правлений крымских ханов и крымские средневековые исторические хроники // Восток (Orient). 2008. № 4.

царевичей (прежде всего, тех, кто, имея права на престол, так и не вкусил «халвы влaстительства»).

Вышесказанное напрямую относится к биографии кубанского султана (крымского царевича) Бахты-Гирея (Дели-султана), старшего сына крымского хана Девлет-Гирея II. Бахты-Гирей сыграл заметную роль в истории народов Северного Кавказа и Поволжья, создав оригинальную систему неформальной и вместе с тем фактической власти. Некоторые вопросы его биографии (1680–1729 гг.) поставлены и частично изучены ранее, будучи вписанными в пространство других крупных вопросов его жизненного пути³. Получены новые многочисленные данные о биографии Бахты-Гирея, позволившие восполнить существенные лакуны научного знания о нескольких десятилетиях его жизни, начиная со времени появления на Кубани в конце XVII в. и до второй половины 1720-х гг.

Среди других вопросов биографии Бахты-Гирея окончательно решена проблема, каким по счету сыном Девлет-Гирея II он являлся (старшим), о его «настоящем», при хане Девлет-Гирее II, и последующем, т. н. разовом (при хане Саадет-Гирее IV) калгайстве⁴. Последовательно прослежена история его менявшихся, в силу ряда причин, управленческих статусов – от ханского наместника на Кубани и «самовластного» султана в кубанском же регионе – до нурадина и калги. Кроме

³ Грибовский В.В., Сень Д.В. Кубанский султан Бахты-Гирей: феномен нелегитимной власти в Крымском ханстве первой трети XVIII в. // Тюркологический сборник 2011–2012: политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М., 2013. С. 92–137; Сень Д.В. Биографические данные об элитах Крымского ханства: проблемы источниковедческого изучения (случай султана Бахты-Гирея) // Источниковедение и историография истории Крыма XV–XX вв.: проблемы и перспективы: сб. науч. ст. Симферополь, 2016. С. 457–473.

⁴ Desaiye D. Le Khanat de Crimée dans les Archives ottomans. Correspondance entre khans de Crimée et padichahs ottomans dans les registres des nâme-i hümâyûn // Cahiers du monde russe et soviétique. 1972. Vol. 13. № 4. P. 566; Сень Д.В. Взаимоотношения калмыков и кубанского султана Бахты-Гирея: тактика и стратегия пограничного сотрудничества (середина – вторая половина 1720-х гг.) // Magna adsurgit: Historia Studiorum. 2019. № 1. С. 136.

того, нами обнаружены новые данные о притязаниях Бахты-Гирея на ханский престол в 1720-е гг. В ходе уточнения подобного среза биографии Бахты-Гирея также разрешился важный вопрос: являлся ли Дели-султан кубанским сераскером? (ответ отрицательный).

Другой крупный тематический блок – состав семьи Бахты-Гирея и отношение (управленческие и иные) других его родственников к пребыванию на Кубани. Заслуживает внимания мнение В.В. Грибовского о том, что «потомки Бахты-Гирея в Прикубанье создали местную династию, из представителей которой крымские ханы часто назначали кубанских сераскеров»⁵. Сложно не заметить закономерность в том, что с ханского согласия сыновья Бахты-Гирея (Селим-Гирей, Саадет-Гирей, Гази-Гирей – и другие?) действительно занимали должность кубанского сераскера. Впрочем, посмотрим на проблему шире: часть семьи (сыновья) Девлет-Гирея II, помимо Бахты-Гирея, тоже имела на Кубани свои интересы и, возможно, аталычские связи. В 1724 г. едисанцы и джембуйлуковцы «восприяли себе в команду командиром» родного брата Бахты-Гирея⁶. Другой его брат (младший?) несколько раньше был убит на Кубани хатаи-кипчаками. Кубанским сераскером после смерти Дели-султана являлся еще один его брат – Арслан-Гирей, впоследствии ставший крымским ханом. Нам ничего неизвестно о происхождении матери и очень мало – о жене (женах?) Дели-султана, что необходимо соотнести с самостоятельной научной проблемой в изучении династии Гиреев.

У Бахты-Гирея было несколько детей – *сыновья* и как минимум одна *дочь*. Найдены новые данные о еще одном, помимо вышеназванных, сыне Дели-султана – Харган-Гирее. Сегодня нам доступны новые данные о т. н. брачной политике султана Бахты-Гирея. Из показаний казака Я. Коржихина за 1737 г.

---

⁵ *Грибовський В.В.* Ногайські орди Північного Причорномор'я у XVIII – на початку XIX століття: дис. ... канд. іст. наук. Запоріжжя, 2006. С. 93.

⁶ Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 331 об.

известно о зяте султана Бахты-Гирея – Енгис-Гирее, сыне султана Мамат-Гирея, пребывавшем на Кубани. Тестем (единственным ли?) Бахты-Гирея являлся Азамат-мурза – скорее всего, один из лидеров какой-то ногайской группы на Кубани, улус/территория влияния которого примыкали к Копылу. Тогда объяснимо, почему Копыл интересовал Бахты-Гирея на протяжении многих лет его пребывания на Кубани⁷. Согласно другим данным за 1725 г., тестем Бахты-Гирея являлся влиятельный в Кабарде А. Кайтукин, отдавший в жены Бахты-Гирею свою дочь, который, в свою очередь, отдал А. Кайтукину сына своего, вероятно, в качестве воспитанника. В результате дальнейшего изучения вопроса могут появиться другие аргументы в пользу версии о *многоженстве* Бахты-Гирея. Если дело обстояло таким образом (возможна иная трактовка сюжета – в середине 1720-х гг. Бахты-Гирей мог быть вдовцом), то подобный факт можно будет рассмотреть во взаимосвязи с дальновидными действиями Бахты-Гирея по созданию на Северном Кавказе выгодных ему долговременных военно-политических комбинаций и альянсов. Изучение биографии султана Бахты-Гирея расширяет наши представления об истории династии Гиреев, об отношениях между правящими ханами и их многочисленными родственниками. Перспективно исследовать истоки жизненного и военно-политического опыта царевичей (султанов), неформальные связи султанов Гиреев с этническими общностями в ханстве и за его пределами.

---

⁷ *Сень Д.В.* Взаимоотношения калмыков и кубанского султана Бахты-Гирея... С. 125–161. Там же см. данные об Азамате-мурзе.

Взаимоотношения калмыков и кубанского султана Бахты-Гирея: тактика и стратегия пограничного сотрудничества (середина – вторая половина 1720-х гг.)

Актуальность темы определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, в свете новейших исследований¹ очевидно, что политическая биография султана Бахты-Гирея органично вписывается в контекст нескольких больших тем, позволяя актуализовать многие важные аспекты в их изучении. Среди них – история русско-крымско-османского пограничья на Юге и разнообразных реакций конформизма/сопротивления местного населения установлению т.н. линейных границ нового (европейского) типа; эволюция набеговой системы Крымского ханства в новых исторических условиях²; деятельность пограничных администраций России, Крымского

---

¹ *Грибовский В., Сень Д.* БахтыГирей и проблема стабилизации границ Российской и Османской империй в первой трети XVIII в. // *Wschodni Rosznik Humanistyczny*. Т. VIII (2012). С. 85–116; *Грибовский В.В., Сень Д.В.* Кубанский султан Бахты-Гирей: феномен нелегитимной власти в Крымском ханстве первой трети XVIII в. // Тюркологический сборник 2011–2012: политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М.: Восточная литература, 2013. С. 92–137; *Сень Д.В., Грибовский В.В.* Кубанский султан Бахты-Гирей и его роль в осmano-крымско-российских отношениях первой трети XVIII в. // Роль личности в становлении и развитии российско-кавказских отношений. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 230-летию со дня рождения Бей-Булата Таймиева (г. Грозный, 13 ноября 2014 г.). Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс “Грозненский рабочий”», 2015. С. 635–649.

С 2016 г. автор данной статьи исследует жизнь султана Бахты-Гирея без соавторства с В.В. Грибовским.

² *Артамонов В.А.* О русско-крымских отношениях конца XVII – начала XVIII вв. // *Общественно-политическое развитие феодальной России*. М.: Институт истории СССР, 1985. С. 71–88; *Сень Д.В.* Международное положение Османской империи и эволюция крымско-османских отношений на рубеже XVII–XVIII вв. // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2016. № 3. С. 54–59.

ханства и Османской империи по соблюдению «нового пограничного порядка» и контролю над трансграничным и незаконным (с точки зрения империй!) перемещением местных сообществ. Во-вторых, актуально определить новые перспективы в источниковедении истории элит Крымского ханства, или т.н. Гиреев второго плана³ – на примере султана Бахты-Гирея, сына крымского хана Девлет-Гирея II, обладавшего правами на крымский престол и сыгравшего заметную роль в политической истории не только Крымского ханства, но и народов Северного Кавказа, а также Калмыцкой степи. Дело в том, что документальные источники об этом человеке, успевшем побывать в сане нурадына и калги, а также в статусе «самовольного» и «действительного» султана на Кубани, отложились в фондах нескольких российских федеральных и государственных архивов. За последние годы в них обнаружено и введено в научный оборот значительное количество источников. Наибольшим эвристическим потенциалом обладают документы, выявленные в фондах следующих архивов:

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи (г. Москва);

ГАВО – Государственный архив Воронежской области (г. Воронеж);

ГАРО – Государственный архив Ростовской области (г. Ростов-на-Дону);

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (г. Москва);

РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-Морского Флота (г. Санкт-Петербург);

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (г. Москва).

---

³ *Сень Д.В.* Биографические данные об элитах Крымского ханства: проблемы источниковедческого изучения (случай султана Бахты-Гирея) // Источниковедение и историография истории Крыма XV–XX вв.: проблемы и перспективы: сборник научных статей. Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им И. Гаспринского», 2016. С. 457–473.

Учитывая интерес, проявленный к личности Бахты-Гирея крымскими и османскими властями, правомочно поставить вопрос о поиске восточных источников по указанной теме, обозначенный в нашей статье 2016 г. Турецкие архивисты опубликовали несколько лет назад сборник документов по истории Крымского ханства, в т.ч. о деятельности Бахты-Гирея за вторую половину 1720-х гг.⁴ Мы не сомневаемся в том, что фонды одного из крупнейших исторических архивов Турции – *Vaşbakanlık Osmanlı Arşivi* (ВОА, Istanbul) содержат многие другие документы о Бахты-Гирее и его жизнедеятельности. Недаром имя этого султана неоднократно упоминается в подробном обзоре документов из нескольких фондов ВОА по истории Крымского ханства, относящихся к переписке турецких султанов с крымскими ханами⁵. Значение таких документов трудно переоценить: содержание султанского *наме-ихумаюн* позволило, наконец, не только документально подтвердить пребывание Бахты-Гирея в сане калги⁶, но и определить максимально точную на сегодня дату назначения его калгой-султаном – в сентябре 1710 г.⁷ Вместе с тем была подтверждена и уточнена наша с В.В. Грибовским гипотеза о времени назначения Бахты-Гирея калгой, высказанная на основе изучения других источников – в период между второй половиной сентября 1709 г. и началом лета 1711 г.⁸

В ходе многолетней архивной эвристики выяснилось, что разные этапы жизненного пути султана Бахты-Гирея получили заметное, в силу объективных причин, отражение в доку-

---

⁴ *Osmanlı Belgelerinde Kırım Hanlığı. Crimean Khanate in Ottoman Documents.* Istanbul, 2013. S.127, 129. Выражаю благодарность к.и.н. И.А. Мустакимову за их перевод.

⁵ *Desaive D.* Le Khanat de Crimée dans les Archives ottomans. Correspondance entre khans de Crimée et padichahs ottomans dans les registres des *nâme-i hümâyûn* // *Cahiers du monde russe et soviétique.* 1972. Vol. 13. № 4 (Octobre-décembre). P. 566, 569, 570, 571.

⁶ *Op. cit.* P. 566.

⁷ *Ibid.*

⁸ *Грибовский В.В., Сень Д.В.* Кубанский султан Бахты-Гирей: феномен нелегитимной власти в Крымском ханстве... С. 102.

ментальных источниках. К примеру, российские власти *целенаправленно* собирали информацию о султанах Бахты-Гирее. Сам султан, активно влиявший на русско-крымско-османские отношения, регулярно давал немало информационных поводов для включения разнообразных сведений о себе в российскую делопроизводственную документацию. Хронология подобных источников, созданных *уже* при жизни Бахты-Гирея, охватывает период 1700–1729 гг. Сегодня, в результате работы с документами НАРК, появились аргументы для уточнения авторского мнения о том, что «ни в одном из этих российских архивов не отложился (не обнаружен?) крупный документальный комплекс по интересующей нас теме»⁹. Полагаем, что проблематично выйти на новый уровень решения исследовательских задач, а также обобщения уже накопленного наукой материала, без обращения к новым документальным источникам по теме калмыцко-ногайских и калмыцко-крымских отношений, а также роли калмыков в военной и политической жизни Дели-султана и в жизни всего южного пограничья. Весьма содержательны в указанном отношении документы Ф. И-36 («Состоящий при калмыцких делах при Астраханском губернаторе») Национального архива Республики Калмыкия (БУ РК «Национальный архив»). Это, главным образом, российская делопроизводственная документация XVIII в. – как оригинальная, так и копия (отпуски), адресатами и адресантами которой выступали многочисленные представители российских властей (генерал-фельдмаршал князь М.М. Голицын, астраханский губернатор А.П. Волынский, астраханский обер-комендант М.И. Чириков, а также такие несомненные знатоки «калмыцких дел», как В.П. Беклемишев, Д.Е. Бахметев, его сын И.Д. Бахметев и др.), видные представители калмыцких элит – ханша Дармабала, нойоны Дондук-Омбо, Церен-Дондук, Дондук-Даши, духовный лидер калмыков-буддистов Шакур-лама и др. В ряде случаев именно такие документы «с мест» становились необходимой основой для

---

⁹ *Сень Д.В.* Биографические данные об элитах Крымского ханства... С. 464.

информирования высшего российского руководства, а также Коллегии иностранных дел о регулярно меняющейся (в т.ч. в связи с «подрывной деятельностью» в южном пограничье Бахты-Гирея) обстановки в калмыцких улусах, для выработки имперскими властями новых решений на «калмыцком» и на «крымском» направлениях восточной политики России. Эти документы (а их выявлены десятки!) существенно расширили представления о жизни султана Бахты-Гирея и в 1720-е гг., и в более раннее время, о его претензиях на захват власти в Крыму и, вместе с тем, о действиях султана по закреплению своей *неформальной* власти на Кубани; о географии его походов и составе их участников; о контактах султана с калмыцкими элитами, с полиэтничным населением Северного Кавказа и, прежде всего, Кубани; о формах и методах «нейтрализации» Россией мятежного султана и пр. Исследователям темы также стоит обратить внимание на документы о султанине Бахты-Гирее, отложившиеся в фонде Р-145 («Пальмов Николай Николаевич») ЦАПК, в т.ч. выявленные этим выдающимся ученым в центральных архивах СССР в первой половине XX в.

В-третьих, по-прежнему актуально исследовать комплекс причин, позволивших Бахты-Гирею обрести огромное и долгосрочное влияние на дестабилизацию обстановки в степном порубежье, в т.ч. путем эффективного использования им своей *неофициальной* власти. Бахты-Гирей почти всегда сталкивался с недостатком ресурсов при подготовке и осуществлении своих масштабных планов и почти всегда успешно решал подобные проблемы, талантливо привлекая к военным и иным акциям разные сообщества и группы, в т.ч. азовских бешлеев, казаков-некрасовцев, калмыков, кабардинцев, ногайцев, черкесов и др. В новых исторических условиях султан Бахты-Гирей безнаказанно позволял себе то, что уже не позволяли себе ни крымские ханы, ни их официальные представители: совершать успешные и богатые «добычей» походы, либо создавать для своих подданных, недовольных «новым пограничным порядком», необходимые условия для продолжения набегов. По сути, султан был последним крупным политиком и

военачальником в Крымском ханстве и на Северном Кавказе, которому удавалось проводить набеги без санкции государственной власти в условиях начавшегося и активизировавшегося в первой четверти XVIII в. установления на Юге линейных границ. Следовательно, актуально выяснить, каким образом авторитет *неофициальной* власти Бахты-Гирея оказался связан с традиционным для степного порубежья образом жизни его пестрого населения: с организацией набегов на сельскохозяйственные территории и с поддержанием сложной системы реципрокций (практик обмена дарами и услугами), в которую добровольно-принудительно вовлекались элиты и рядовое население местных пограничных сообществ. Особенно интересным и показательным в данном отношении предстает опыт *многолетнего* взаимодействия султана Бахты-Гирея с калмыками. Неслучайно многие жизненные проблемы и стратегии калмыков 1720-х гг. соотносились с тем привычным для Калмыцкой степи выбором социального поведения, который одним из немногих военных лидеров предлагал именно он, и который все реже осмеливались инициировать хан Аюка и калмыцкие нойоны.

В новейшей российской историографии имеются основательные исторические работы¹⁰, в которых часть документов из фондов И-36 и Р-145 НАРК введена в научный оборот. В.В. Батыров впервые в исторической науке попытался исследовать взаимоотношения калмыков и Бахты-Гирея, опираясь почти целиком на архивные документы из фонда И-36 НАРК. Ему же принадлежит аргументированная мысль о связи идеального образа Бахты-Гирея, как воина и правителя, с другими факторами его массовой поддержки калмыками. У.Б. Очиров высказал мнение о том, что именно благодаря

¹⁰ *Батыров В.В.* Кубанский правитель Бахты-Гирей Салтан во взаимоотношениях между Калмыцким и Крымским ханствами в XVIII в. // Сарепта: Историко-этнографический вестник. Вып. 2. Волгоград: ООО «Мириа», 2006. С. 36–52; *Очиров У.Б.* Попытки объединения калмыцких и ногайских племен в первой половине XVIII века // Вестник КИГИ РАН. Вып. 17. Элиста, 2002. С. 77–85; *Цюрюмов А.В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: НПП «Джангар», 2007.

Бахты-Гирею произошел кардинальный перелом во взаимоотношениях между калмыками и ногайцами, а также справедливо указал на схожесть их некоторых культурных характеристик. Правда, он несколько модернизировал, на наш взгляд, направленность военно-политического союза калмыков и Бахты-Гирея, якобы направленного на создание нового государства – «калмыцко-ногайского ханства»¹¹. А.В. Цюрюмов справедливо обратил внимание на роль «кубанского фактора» в усобицах калмыцкой знати 1720-х гг., а также на связь тогдашних событий с последующей откочевкой на Кубань части калмыков в начале 1730-х гг.¹². В.Т. Тепкеев постарался выявить роль и место султана Бахты-Гирея в эволюции калмыцко-крымских, калмыцко-кабардинских, калмыцко-кубанских отношений 1710-х – первой половины 1720-х гг., опираясь на выявленные им новые документальные источники не только из фондов федеральных архивов, но и из НАРК¹³. В частности, им удачно показан противоречивый характер отношений между Бахты-Гиреем и ханом Аюкой, а также между Бахты-Гиреем и старшим сыном Аюки – Чагдорджабом.

1720-е гг. занимают особое место как в политической биографии Бахты-Гирея Дели-сутана, так и в истории его взаимоотношений с калмыками. И наоборот, калмыцкие элиты заметно активизировали свои связи с мятежным султаном после смерти хана Аюки в 1724 г. К слову, при Аюке Бахты-Гирей и конфликтовал с калмыцкими элитами, и мирился с ними. Наиболее заметной здесь для него и для калмыков стала кампания 1717 г. по возвращению с Кубани едисанцев и джембуйлуковцев (енбулуков), ханских подданных¹⁴, в ходе которой

¹¹ *Очиров У.Б.* Указ. соч. С. 81.

¹² *Цюрюмов А.В.* Указ. соч. С. 199–217.

¹³ *Тепкеев В.Т.* Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018; *Его же.* Кабардинский вопрос в калмыцко-крымских отношениях зимой 1720/1721 г. // *Magna adurgit: historia studiorum.* 2018. № 1. С. 62–69; *Его же.* Взаимоотношения Калмыцкого ханства и Кубанской орды в 1712–1715 гг. // *Magna adurgit: historia studiorum.* 2018. № 2. С. 15–34.

¹⁴ *Очиров У.Б.* Указ. соч. С. 79; *Батыров В.В.* Указ. соч. С. 40.

быстро стали налаживаться отношения между старшим ханским сыном – Чагдорджабом и Бахты-Гиреем. Отписки казанского губернатора П.С. Салтыкова царю Петру I от 14 февраля 1717 г. (по сведениям астраханского обер-коменданта М.И. Чирикова) позволяют узнать, что Чагдорджаб виделся с Бахты-Гиреем «по сю сторону Кубани в урочище в кубанском городке Мажоре»¹⁵. Чагдорджаб помог Бахты-Гирею разгромить хатаи-кипчаков, выступивших на стороне противника Дели-султана – калги Менгли-Гирея – и вывел с Кубани часть едисанцев и джембуйлуковцев. Чагдорджаба устраивала перспектива политического сотрудничества с Бахты-Гиреем: возможно, этим был продиктован его отказ кабардинцам напасть совместными силами на Дели-султана¹⁶. Вероятно, двух лидеров связывало нечто большее, чем получение выгоды от временного военного союза, хотя «неровный» характер их взаимоотношений периодически давал о себе знать¹⁷. При этом мы скептически относимся к известию русского источника о том, что Чагдорджаб был женат на сестре Бахты-Гирея – якобы вдове черкесского владельца Бургун Кучюка¹⁸. Но, насколько известно, Девлет-Гирей II, отец Бахты-Гирея, не поддерживал тесных отношений ни с черкесами, т.е. с западными адыгами, ни с кумыками. Наконец, В.М. Бакунин, другой осведомленный современник описываемых событий, ничего не пишет о родстве этой *девятой* жены Чагдорджаба с Дели-султаном, а лишь замечает, что она была вдовой *брагунского* владельца Кучюка, проживая неподалеку от казачьего Щедрина (точнее, Шадринского) городка, к которой Чагдорджаб приезжал по зимам¹⁹. Полагаем, что речь идет об одном и том же чело-

¹⁵ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 89. Оп. 1. 1717 г. Д. 4. Л. 1.

¹⁶ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х т. М., 1957. Т. 2. С. 19.

¹⁷ *Тепкеев В.Т.* Аюка-хан и его время... С. 280.

¹⁸ Там же. С. 284.

¹⁹ *Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: Сочинение 1761 года. Изд. 2-е. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995. С. 34.

веке, которого можно соотнести с представителем кумыкских элит (вероятно, из рода Таймазовых, являвшихся князьями/владельцами в Брагунах на Северо-Восточном Кавказе). Наша гипотеза находит определенное подтверждение в исследовании А.С. Шмелева²⁰. Так, 4 мая 1693 г. яицкие казаки сообщали со слов посланцев хана Аюки, что калмыки ходили «войною» на владение Чеполова и «...их де всех разорили и к себе во владенье побрали и ныне те люди у них в улусех и кочуют с ними вместе». Бежавший вскоре после этого от калмыков башкир уточнил данную информацию. Нападение калмыков, как выяснилось, пришлось на Брагунское владение, причем хан Аюка, оправдываясь перед Москвой, заявил, что не знал о том, что *брагунский Кучук-мурза* – российский подданный. Если верить хану, то калмыки отдали Кучук-мурзе пленных. 28 марта 1694 г. хан Аюка сообщал в своем письме, что Кучук брагунский взял с собой «...восемьсот юрт людей, отъехал от нас и подался на Терках» царю «в вечное холопство»²¹.

По данным 1724 г., хан Аюка «в прошлых годах» лично отправил на Кубань к Бахты-Гирею сорок своих человек, «которые Бакта-Гирею султану в разорении российских деревень и предводителями были»²². Причем эти калмыки (правда, если в более позднем документе речь шла о той же самой группе) проживали после указанных событий при Бахты-Гирее²³. Тот же Аюка, связанный с Бахты-Гиреем тайным уговором, не оказал ему ни малейшего сопротивления в проведении набега

---

²⁰ Шмелев А.С. Русско-дагестанско-калмыцкие отношения в XVII в. По материалам кумыкско-калмыцких контактов // Кавказ. Балканы. Передняя Азия: Сборник научных трудов Северо-Кавказского регионального отделения МНАБ / Гл. ред. С.И. Муртузалиев. Вып. 2(9). Махачкала: Издательский дом «Новый день», 2004.

Автор выражает благодарность к.и.н. Ю. Идрисову, указавшему нам на данную работу А.С. Шмелева.

²¹ Там же. С. 234.

²² Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК). Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 219–219 об.

²³ Там же. Л. 286.

в 1717 г. на территории Пензенского и Симбирского уездов²⁴. Летом того же года состоялся масштабный набег Бахты-Гирея на территории Воронежской, Казанской и Нижегородской губерний, в котором принимали участие кубанцы, азовские бешлеи, некрасовцы и калмыки. Более того, на уровне ханской власти калмыки отказались помогать российским властям в преследовании Бахты-Гирея. В одном из документов НАРК говорилось, что это было сделано калмыками сознательно – в память о том, как российские власти не оказали помощи калмыкам хана Аюки, разбитого под Астраханью Бахты-Гиреем в 1715 г. (см. у В.Т. Тепкеева новые данные об этой военной кампании²⁵). Известно о противоречивых и даже о недружественных поступках хана Аюки в отношении Бахты-Гирея²⁶ и, вместе с тем, об их взаимоотношениях как «названного отца» и «названного сына»²⁷!

Мы не согласны с В.Т. Тепкеевым в том, что активная деятельность Бахты-Гирея на Кубани «заставила калмыков искать более тесные связи с Россией»²⁸. Напротив, Аюка и Чагдорджаб вели по отношению к своему российскому сюзеру двойную дипломатию. С одной стороны, в условиях намевшегося витка новых усобиц в Калмыцком ханстве стареющему Аюке поддержка России была очень желательной. С другой стороны, «ничейное» подданство Бахты-Гирея являлось отличным прикрытием для продолжения набегов на рос-

---

²⁴ *Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них Торгоутского и поступок их ханов и владельцев, сочиненное статским советником Васильем Бакуниным, 1761 года // Красный архив. Исторический журнал. 1939. Т. 3 (94). С. 202.

²⁵ *Тепкеев В.Т.* Аюка-хан и его время... С. 255–259.

²⁶ Там же. С. 274, 278, 282, 295.

²⁷ Там же. С. 327, 339.

²⁸ *Тепкеев В.Т.* Калмыцко-крымские отношения в период с 1710 по 1715 гг. // Итоги XXXVII Международного конгресса востоковедов (ICANAS-2004) и перспективы развития востоковедения в астраханском крае: Расширенное заседание Совета по научной работе Астраханской областной 6-ки им. Н.К. Крупской 27 сентября 2004 г. – Астраханское востоковедение. Астрахань, 2006. Вып. 1. С. 39.

сийские и другие окраины, которые в начале XVIII в. являлись еще обычной практикой как для калмыцких элит, так и для других, близким им, пограничных сообществ. К тому же примирение с Бахты-Гиреем не давало противникам усиления ханской власти в Калмыкии возможности использовать его в своих интересах, поскольку Аюка с трудом удерживал контроль в Калмыцком ханстве, включая конфликтное пространство внутри своей многочисленной семьи. Кроме того, Делисултан являлся привлекательной фигурой для тех политических сил Калмыцкого ханства (собственно говоря, не только этого ханства – почему многие реакции калмыков на действия «ребелизанта» Бахты-Гирея представляются *типичными* для населения степного порубежья), которые противодействовали тревожному и «убыточному» для себя процессу стабилизации границ.

Наконец, калмыки понимали, что Бахты-Гирей играет не последнюю роль в решении исключительно острой для них проблемы – возвращению контроля над ханскими подданными – едисанцами и джембуйлуковцами. Так, еще в декабре 1726 г. ханша Дармабала при встрече с российским представителем А. Нечаевым резко отозвалась в том смысле, что им «за свое как не стоять, только де они виноваты не будут», если заберут с Кубани едисанцев и енбулуков²⁹. Между тем, Россия активно предпринимала меры, направленные на удержание ногайцев на российской территории и на противодействие их миграциям на Кубань. В 1721 г. Петр I приказал астраханскому губернатору А.П. Вольнскому, чтобы «джетысаны и джембуилуки все были раскосованы врознь по всем колмыцким улусам»³⁰. Исполнение царского указа губернатор поручил подполковнику В.П. Беклемишеву. Жесткие условия российских властей нашли отражение в присяге калмыцких владельцев 1724 г. Калмыкам полагалось никаких «татар» в улусах своих не держать и ушедших «собою» без указа не воз-

---

²⁹ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 113.

³⁰ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 127. Оп. 1. 1754 г. Д. 1. Л. 4 об.

вращать: «А когда позволено будет и отданы будут, то «особливыми улусами не отнюдь держать, но раскосовать всех врознь...»³¹. Но оказалось, что в распределении ногайских семей по калмыцким улусам не был заинтересован Чагдорджаб, который все больше превращался в единоличного правителя Калмыцкой степи. Будучи женат на ногайке Хандазе, он, как указывает В.М. Бакунин, состоял через нее в свойственных отношениях с кем-то из едисанских или джембуйлукских мурз, пользуясь их поддержкой. Не менее существенно и то, что он контролировал сбор налогов с указанных ногайских групп³². В феврале 1722 г. Чагдорджаб умер, оставив завещание о том, чтобы ногайцы были разделены между его семью сыновьями. Но в 1724 г. умер хан Аюка, после чего в Калмыцком ханстве разразилась новая волна усобиц³³, которая привела к очередной дестабилизации ситуации на южном порубежье. Например, ногайцы стали массово откочевывать на Кубань к Бахты-Гирею.

Заметим, что крымский хан Саадет-Гирей постарался как можно скорее перевести в Крым ногайцев, бежавших на Кубань во время калмыцкой усобицы еще в последние годы жизни хана Аюки, чтобы не допустить чрезмерного усиления Бахты-Гирея³⁴. Для их переправы в 1723 г. из Крыма был направлен нурадын-султан с 5-тысячным войском. Но крымцам уда-

³¹ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 201 об. Весь документ см: Л. 201–203.

³² *Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев... 1995. С. 33.

³³ *Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них Торгоутского и поступков их ханов и владельцев, сочиненное статским советником Васильем Бакуниным, 1761 года... С. 204–205.

³⁴ Пленные из Крыма, «вышедшие» на российскую сторону, рассказали 11 сентября 1723 г. в Бахмутской канцелярии о слухах насчет движения «во время жатвы хлеба» из Крыма через Тавань «орды» великой», направлявшейся на Кубань «на Бахты Гирей Салтана» (Российский государственный военно-исторический архив, далее – РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 3. Л. 179 об.) Вероятно, Бахчисарай был тогда больше озабочен ликвидацией общей напряженности на Кубани и «смирением» кубанцев (РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 3. Л. 199 об.).

лось переправить через Тамань только ногайцев кипчакского эля и около 1 тыс. едисанцев. От кипчаков отошли хатаи, которые вместе с едисанцами и джембуйлуковцами в общем количестве до 10 тыс. кибиток откочевали к Азову. Таким образом, по сообщению астраханского губернатора А.П. Вольнского, Бахты-Гирей остался в местечке Копыл «вне силы»³⁵. Неслучайно Бахты-Гирей вскоре стал уговаривать отошедших к Азову хатаи-кипчаков вернуться на Кубань, «обнадеживая их, что он им никакого зла не учинит. И в том им обещается присягою, на что-де они склоняютца»³⁶. Известно, что осенью 1724 г. в причерноморскую степь «с салтаном Бахтигереем прешло нагайцев тысяч с семь с женами и детьми»³⁷. Бегство ногайцев от калмыков продолжались и в 1725 г.³⁸

Калмыки активизировали свои набеги на Кубань, а также усилили прочие связи с кубанским регионом, тоже начиная с середины 1720-х гг. Обращает на себя внимание, что это происходило в ходе обострившейся борьбы за власть среди калмыцких элит – даже после того, как совместно с российскими администраторами решился непростой вопрос о наместнике в ханстве, которым стал Церен-Дондук. Таким образом, набеговая активность калмыков на кубанском направлении была связана не только с попытками увести оттуда едисанцев и джембуйлуковцев, но и с другими «прагматическими» основаниями, отчасти подогреваемыми султаном Бахты-Гиреем. Уже 1725–1726 годы отмечены походами на Кубань калмыками Церен-Дондука и других владельцев, в ходе которых калмыками угонялся скот, а однажды они разбили «меж Азова и Кубани сто арб торговых татар»³⁹. Подчеркнем, что чуть раньше, в 1723–1724 гг., калмыцкие элиты также предпринима-

³⁵ *Кочекаев Б.-А.Б.* Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата: Наука КазССР, 1988. С. 133.

³⁶ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 3. Л. 206.

³⁷ *Эварницкий Д.И.* Источники для истории запорожских козаков. Владимир: Типо-лит. Губ. правл. 1903. Т. 2. С. 1110.

³⁸ *Курбанов А.В.* Ставропольские туркмены: Историко-этнографические очерки. СПб.: Языковой центр, 1995. С. 25.

³⁹ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 160.

ли активные действия, пытаясь завязать (развить?) контакты с Бахты-Гиреем, на что в науке раньше обращалось недостаточное внимание. Мотивация поступков нойонов была различной – начиная от попыток напрямую решить с Бахты-Гиреем вопрос о возврате едисанцев и джембуйлуковцев, до выстраивания ими собственной линии поведения в отношениях с кубанцами и с Бахты-Гиреем. Так, еще зимой 1723 г., во время «замешания» у калмыков, нойон Дасанг отправил на Кубань к Дели-султану своего посланца⁴⁰. По некоторым данным, Бахты-Гирей, собрав войско, якобы намеревался увести на Кубань из улусов оставшихся там едисанцев и джембуйлуковцев. Другой калмыцкий владетель тоже отправил своего посланца к Бахты-Гирею – а тот, в свою очередь, прислал своих людей для переговоров⁴¹. Подчеркнем, что корреспонденцией с Дели-султаном примерно в то же время стали обмениваться Дондук-Даши и Дондук-Омбо, что вызвало беспокойство многих знатных калмыков из улусов ханши Дармабалы, впрочем, тоже вступившей в контакты с Бахты-Гиреем⁴². Подвластные ханше калмыки беспокоились, чтобы переписка Дондук-Даши и Дондук-Омбо не привела бы «их калмыцкие улусы от кубанцов в разорение»⁴³. По данным от 1 октября 1724 г. едисанские мурзы выразили желание снова быть с калмыками и вернуться в улусы, заявив, что они ушли на Кубань, боясь разорения. В ответ на это Дондук-Омбо и Дондук-Даши отправили на Кубань своего человека договариваться об этом с Бахты-Гиреем⁴⁴. А ведь султан располагал различными основаниями и ресурсами для контроля за указанными группами, действуя не только в русле политики «террора и устрашения», как категорично писал об этом В.В. Батыров⁴⁵, а В.Т. Тепкеев

---

⁴⁰ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 302–302 об.

⁴¹ Там же. Л. 303–303 об.

⁴² Там же. Л. 310 об.

⁴³ Там же. Л. 310.

⁴⁴ Там же. Л. 232 об.

⁴⁵ *Батыров В.В.* Указ. соч. С. 39.

недавно привел тот же устаревший тезис⁴⁶, несмотря на большое количество документальных источников, сообщающих о гибком подходе Дели-султана к управлению населением кубанского региона. Так, в 1724 г. ушедшие едисанцы и джембуйлуковцы «восприяли себе в команду командиром» родного брата Бахты-Гирея⁴⁷. Кроме того, взаимодействуя с потенциальными союзниками, Дели-султан активно использовал аманатство⁴⁸, договорные отношения и клятвы, раздачи подарков и обмен услугами, информацией, переписку, личные встречи.

Обратим внимание, что Бахты-Гирей тоже был заинтересован в развитии связей с калмыками, поскольку в 1723 г. у него произошла ссора с «татарами» (точнее, с одной из групп кубанских ногайцев), во время которой те убили младшего брата Бахты-Гирея. Султан, в свою очередь, лишил жизни нескольких хатаи-кипчакских мурз⁴⁹. Новым «официальным» кубанским султаном, а точнее, ханским наместником на Кубани, стал сын крымского хана Саадет-Гирея – его нурадын-султан Салат-Гирей, затем принимавший Бахты-Гирея в Копыле⁵⁰. В.В. Батыров справедливо полагает, что Бахты-Гирей уделял большое внимание поддержке калмыков, и что он «вступил в переговоры с ханшей Дармабалой и калмыцкими нойонами, прося сохранить “прежнюю приязнь”»⁵¹. Таким образом, мы установили, что 1723–1724 гг. можно считать временем заметно активизировавшихся и улучшившихся взаимоотношений наиболее влиятельной части калмыцких элит и султана Бахты-Гирея, что имело для каждой из сторон важные последствия. При этом, еще за несколько лет до описываемых событий какая-то часть калмыцкой знати (не считая хана

---

⁴⁶ *Тепкеев В.Т.* Аюка-хан и его время... С. 266.

⁴⁷ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 331 об.

⁴⁸ *Тепкеев В.Т.* Аюка-хан и его время... С. 268.

⁴⁹ *Фелицын Е.Д.* Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области. Екатеринодар: Кубан. обл. стат. ком., 1904. Т. 1. С. 6; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 3. Л. 206.

⁵⁰ *Фелицын Е.Д.* Указ. соч. С. 7.

⁵¹ *Батыров В.В.* Указ. соч. С. 40.

Аюки) относилась к Дели-султану менее дружелюбно. Недаром калмыцкий посланец Денджин, прибывший в Астрахань 16 февраля 1721 г., дал следующую оценку отношению калмыцких владельцев к Бахты-Гирею: «Сердечного дружелюбия не имеют, кроме слов прелестных чрез своих людей, которые живут при нем, Бакты Гирее»⁵².

В 1724 г. Дели-султан поддержал мятеж крымских мурз во главе с могущественным Джан-Темиром (Тимуром) Ширинским против хана Саадет-Гирея, а затем выступил против другого своего дяди – Менгли-Гирея II (1724–1730 гг.), назначенного ханом по воле Стамбула. Переговоры Бахты-Гирея с калмыцкой знатю на время оказались прерваны... По сведениям калмыка Аритара, посланца Нитар-Дорджи, отправленному на Кубань к Салат-Гирею (в документе ошибочно – «Салди-Гирею»), крымские жители «взяли» Бахты-Гирея в Крым для того, что хотят его в Крыме учинить... ханом»⁵³. Сам же хан Саадет-Гирей, «уведав про оное, уехал к турецкому султану»⁵⁴. Данный сюжет необходимо осветить в том смысле, что вместе с В.В. Грибовским мы уже затрагивали малоизученный в науке вопрос о *возможных* претензиях Бахты-Гирея на ханский престол. Сегодня у автора статьи появились дополнительные аргументы в пользу данного мнения. *Во-первых*, еще в 1717 г. фигура Бахты-Гирея рассматривалась разными силами в качестве претендента на ханский трон после смещения Каплан-Гирея и явной неудачи Порты с назначением нового хана в лице Кара-Девлет-Гирея. Часть крымской знати выступила за назначение на престол *именно* Бахты-Гирея: недаром к нему в Копыл в том же году прибыл Джан-Темир (Тимур) Ширинский. А.В. Цюрюмов и В.В. Батыров ошибались, утверждая, что приезд ширинского бея означал для Бахты-Гирея поддержку со стороны Крыма⁵⁵. Напротив, тогда

---

⁵² *Тепкеев В.Т.* Аюка-хан и его время... С. 297

⁵³ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 331.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ *Цюрюмов А.В., Батыров В.В.* Калмыцкое ханство в российско-крымских отношениях (XVIII в.). Элиста: Джангар, 2006. С. 33.

с ним пытались договориться, предлагая стать и ханом, и калгой⁵⁶. Однако на предложение Джан-Темира занять ханский трон Дели-султан ответил отказом, а калмыкам он сообщил, что официально получил Кубань *в свой удел*.

Ухудшение отношений между Россией и Османской империей, наметившееся к 1717 г., побудило Порту оказать Дели-султану определенные знаки милостивого отношения. Весной того же года в кубанский Копыл прибыл зять крымского хана (Саадет-Гирея?) Айтемир (Янтемир) Аджи, который передал, что «турецкой салтан обещает его Бакты-Гирея пожаловать в Крым ханом»⁵⁷. Однако, как сообщал источник, «Бакты-Гирей в Крым на ханство не похотел, и Антемир... просил его, чтоб он принял Кубань и был на Кубане калгою салтаном». С последним предложением Бахты-Гирей согласился, отменив договоренность с ханом Аюкой и Чагдорджабом о совместном походе на кубанцев, поскольку он «кубанцов и черкес и других принял»⁵⁸. Другой источник уточняет, что в обмен на согласие служить хану Айтемир-мурза «прибавил» чести Бахты-Гирею «и назвал его калгою салтаном, и ныне де его Бакты-Гирея *называют* калга султан»⁵⁹. Саадет-Гирей продолжил в 1717 г. политику разных уговоров Бахты-Гирея – направив к нему своего сына, с которым Дели-султан повел себя жестко⁶⁰. При этом, толмач Б. Шаров, невольно оказавшийся свидетелем разговора двух султанов, привел такие слова ханского сына «Марак-Гирея»: «...мене де хан не за тем к тебе прислал, што с тобою в Русь мне своих товаришев давать; до тебе мене прислал де с любовью, *што де ты хану нашему назвался сыном* (выделено мною. – Д.С.), я де и сам у тебе в руках»⁶¹. Итак, к лету 1717 г., казалось, Бахты-Гирей снова был возведен в

---

⁵⁶ *Тепкеев В.Т.* Аюка-хан и его время... С. 273, 274.

⁵⁷ Материалы Военно-учетного архива Главного штаба / под ред. А.Ф. Бычкова. СПб.: Печатня В.И. Головина. 1871. Т. 1. С. 312.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 304.

⁶⁰ Там же. С. 308.

⁶¹ Там же. С. 308.

сан калги. Обратим, однако, внимание на одну существенную деталь. Его калгайство носило нетрадиционный, особый (разовый?) для Крыма характер, распространяясь *только* на Кубань: «официальным» же калгой на протяжении всего правления Саадет-Гирея являлся Сафа-Гирей⁶², вероятно, приходившийся братом⁶³ правящему хану. Бахты-Гирей, конечно, осознавал специфику своего калгайства, сообщая калмыкам, что «Кубань ведает он Бакты-Гирей по прежнему», и что «Кубань стала быть по прежнему его»⁶⁴. Формальной зависимостью от ханской милости Дели-султан, впрочем, не особенно дорожил, что видно из сообщения толмача Б. Шарова: «А слушать де я Турка, ни Крыму, не хочю»⁶⁵. Посланец черкасских князей Султан-Алий Абешев, приехавший в Санкт-Петербург в феврале 1718 г., весьма точно охарактеризовал действительно *особый* статус Бахты-Гирея следующими словами: «Понеже Бахты-Гирей Дели-Салтан на Кубани салтаном учинился собою, и крымские ханы не хотят того, чтоб он тамо был, и возможно чаять, что он по николиком времени с Кубани выбит будет, а в Крым не поедет...»⁶⁶.

Во-вторых, в 1724 г. ситуация в Крыму вновь привлекла к себе внимание амбициозного Бахты-Гирея, недавно подавившего мятеж хатаи-кипчаков. Любопытно, что разные группы современников неоднозначно отреагировали на известия о новом «взлете» Дели-султана на пути к ханскому престолу. Так, кабардинцы («которые под протекцией турецкого султана»), временно находившиеся в 1724 г. на Кубани при Салат-Гирее, негативно отреагировали на известие от 15 декабря 1724 г. о том, что Бахты-Гирей якобы стал ханом. Из одного доношения на имя А.П. Волынского следует, что кабардинцы возврати-

⁶² Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Торкарі... Р. 366.

⁶³ *Фидарова Р.З.* Противоборство княжеских коалиций в Кабарде и рол внешних факторов в его обострении (1720–1725) // Исторический вестник. Нальчик, 2007. Вып. 5. С. 38.

⁶⁴ Материалы Военно-учетного архива Главного штаба... С. 311.

⁶⁵ Там же. С. 307.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 115. 1718 г. Д. 1. Л. 28–28 об.

лись домой, заявив: «Ежели де в Крыму Бакты-Гирей солтан учинился ханом, то де им под турецкою де протекциею быть невозможно»⁶⁷. Итак, по сведениям за 20 октября 1724 г., от Бахты-Гирея к нойонам Дондук-Даши и Дондук-Омбо приезжали посланцы с сообщением, «что поехал он по призыву в Крым», поскольку крымцы Саадет-Гирея «от себя выгнали, а ево Бакта-Гирея принимают к себе на ханство. А Ноен де Омбу он Бакта-Гирей взял с собою в Крым»⁶⁸. Затем документы фиксируют в ноябре 1724 г. пребывание Бахты-Гирея в Крыму «в Вохнищах», т.е. в местности на р. Салгир между Бахчисараем и Карасу-Базаром. Мятежники потерпели поражение – новым крымским ханом стал Менгли-Гирей. Мятежный султан вновь решился привлечь калмыков для борьбы со своими противниками – запросив военную помощь у Дондук-Омбо, Дондук-Даши и ханши Дармабалы. Как и в 1717 г., ногайцы стали «разменной монетой» (или даже козырной картой!) в реализации Бахты-Гиреем его амбициозных планов – он обещал калмыкам вернуть с Кубани оставшуюся часть едисанцев и джембуйлуковцев⁶⁹. Итак, удалось выяснить, что в 1723–1724 гг., занявших особое место во взаимоотношениях калмыцких элит и Бахты-Гирея (обоснование см. выше), проявилась *еще одна характерная черта*: Дели-султан решился активно использовать военный потенциал калмыков в качестве важного ресурса для поддержания и укрепления режима своей личной власти, в т.ч. основанной на символическом капитале его культурного, политического и военного сотрудничества с местными пограничными сообществами. Важно обратить внимание на другое – калмыки *согласились* с таким положением

---

⁶⁷ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 22. Л. 331 об.

⁶⁸ Там же. Л. 236–236 об. См. в том же деле л. 310 об. – о смещении с крымского престола дяди султана Бахты-Гирея – Саадет-Гирея, ошибочно названного Салат-Гиреем, и о призвании крымцами на престол Каплан-Гирея. О том же, из письма Церен-Дондука, в том же деле. См. л. 291 об.

⁶⁹ Батыров В.В. Указ. соч. С. 41.

вещей, причем авторитет Бахты-Гирея в калмыцком обществе стал быстро расти.

Причины столь примечательного явления стоит искать в разных основаниях (сакральное и профанное), находившихся, однако, в одной системе традиционных культурных ценностей калмыков. *С одной стороны*, союз с Бахты-Гиреем был выгоден калмыцким нойонам. В условиях усиливавшегося контроля российских властей над кочеванием калмыков, включая переправу ими Волги с «луговой» стороны на «нагорную» и обратно, в условиях нового «пограничного порядка» и новых дипломатических договоренностей России и Османской империи, калмыки, как и ногайцы, по-прежнему стремились пересекать российско-османское порубежье, организуя столь необходимые и привычные им набеги, в т.ч. в целях захвата ясыря и отгона скота. Реализовать присущийномадам тип отношений, сложившийся между кочевыми и седентарными обществами, теперь можно было почти безнаказанно и максимально успешно, действуя с территории едва ли не одной только Кубани, имея известные обязательства по отношению к Дели-султану. *С другой стороны*, калмыки и другие современники активно приписывали Бахты-Гирею многочисленные комплиментарные характеристики, связанные с его высоким для номадов статусом воина, предводителя, лидера, а также с обладанием необычными способностями. Харизматичная фигура этого удачливого военного лидера быстро завоевала авторитет и известное доверие среди калмыков. Согласимся с В.В. Батыровым, обратившим внимание на подобные оценки и полагающим, что Бахты-Гирей являл собой для калмыков «идеал воина-кочевника»⁷⁰. Вновь вспомним о соответствующем прозвище султана – «Дели-султан», данном ему современниками за непредсказуемый характер, и не вполне верно трактуемом европейскими авторами, как «бешеный», «безумный» султан. По всей видимости, современники Бахты-Гирея – крымские татары, ногайцы, калмыки, адыги – вкладывали в прозвище султана иной смысл. К примеру, крымскотатарский хро-

---

⁷⁰ Батыров В.В. Указ. соч. С. 43, 50.

нист Халим-Гирей писал о Бахты-Гирее как о человеке, *прославившемся* в народе под прозвищем «Джихан Дели», тут же, правда, назвав царя Петра I «Дели Петро» (в переводе К. Усеинова на русский язык – «шалльной Петр») ⁷¹. Таким же «шалльным» («Дели») Халим-Гирей именовал крымского хана Крым-Гирея (1758–1764, 1768–1769) ⁷².

В русле описанного выше характерного отношения калмыков к Бахты-Гирею интересно отметить другой нюанс. Все родовые группы калмыков имели свои отличительные этнические маркеры: «генеалогическая / родовая легенда, знак собственности (тамга, тавро), божества-покровители, клич (уран), сакральный цветовой маркер (өлгц)...» ⁷³. К числу таких маркеров относились и легенды о родоначальниках и родовых нойонах, причем среди последних указывались, как правило, реальные исторические личности: Йовһн-Мерген, Мазан-Баатр, Митр-Дорж-нойон (Нитар-Дорджи), Бамбар и др. ⁷⁴. Среди субэтнических калмыцких групп встречаются роды «мангатов», которые, по мнению специалистов по калмыцкой этнографии, имеют татарское происхождение (слово «*манһд*» переводится с калмыцкого языка как «татарин», «татарский»). При этом у мангатов, живших среди донских калмыков, родовым нойоном считался Бахты-Гирей (Бахта-Керетен) ⁷⁵. Вполне возможно, что калмыки приняли к себе какую-то ногайскую группу, откочевавшую с Кубани и ранее подчинявшуюся Бахты-Гирею (отбитую им ранее у калмыков?). Такая ги-

---

⁷¹ *Халим Гирай-султан*. Розовый куст ханов, или история Крыма / Транскрипция, перевод переложения А. Ильми, составление приложений и пояснения Кемаля Усеинова. Под общей ред. Н.С. Сейтягяева. Симферополь: РИА «АЯН»; ИД «Стилос», 2008. С. 115.

⁷² Там же. С. 157.

⁷³ *Шараева Т.И.* Этнические маркеры калмыков. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. С. 8.

⁷⁴ *Алексеева П.Э., Борманджинов А.Э.* Об этническом составе донских калмыков. Элиста: Джангар, 1999. С. 4.

⁷⁵ Там же. С. 4. Выражаем благодарность д.и.н. У.Б. Очирову за консультацию о мангатах и возможном нойонстве Бахты-Гирея, а также за предоставление текста столь редкого издания.

потеза возможна еще и потому, что если рассматривать этимологию этнонима «маңд» среди подобных, «то они маркируют представителей тех национальностей, с которыми связывают возникновение группы: серкш – черкесы..., маңд – татары»⁷⁶. При этом, современники, конечно, могли именовать собственно ногайцев-тюрок «татарами», таких свидетельств достаточно много, например, в документах XVIII в. Любопытно отметить, что среди мангатских родов донских калмыков имелись роды «хар-маңд» (ногайцы) и «хасг-маңд» (казахские татары)⁷⁷. Не менее важно обратить внимание на присутствие в период XVII–XVIII вв. различных *тюркоязычных* групп в составе Калмыцкого ханства⁷⁸, аккумулируя другие аргументы для верификации гипотезы о нойонстве Бахты-Гирея у мангатов именно в данном контексте.

Многие калмыки, судя по всему, отзывались о Бахты-Гирее самым положительным образом. Калмыцкая знать охотно завязывала с ним персональные связи. Нойон Дондук-Даши являлся названным братом Бахты-Гирея⁷⁹. Весьма был дружен с Дели-султаном наместник Калмыцкого ханства Церен-Дондук⁸⁰. В 1726 г. калмыки убеждали российского представителя в том, что Бахты-Гирей прежде делал калмыкам «добра... много, и ево де крымцам и россиянам отдать не можно...»⁸¹. Удивительно на первый взгляд, но тогда же калмыки говорили, что если Бахты-Гирей перейдет к ним в улусы и станет чинить России обиды, то россияне пусть за это взыскивают с них, с калмыков! Шакур-лама утверждал, что «...де он Бахти-Гирей человек великой, крымского хана сын...»⁸². Калмыки же «разглашали» о том, что «бутто ево (Бахты-Гирея. – Д. С.)

---

⁷⁶ Шараева Т.И. Указ. соч. С. 85.

⁷⁷ Алексеева П.Э., Борманджинов А.Э. Указ. соч. С. 17.

⁷⁸ Очиров У.Б. Тюркоязычные этнические группы в составе Калмыцкого ханства (XVII–XVIII вв.) // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2008. Т. 2. № 2(17). С. 98–102.

⁷⁹ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 196.

⁸⁰ Там же. Л. 348.

⁸¹ Там же. Л. 112 об.

⁸² Там же. Л. 163.

никто застрелить не может, и что во время боя стрелы, на него пущенные, плетью отбивает»⁸³. Характерно, что для российского офицера подобная информация оказалась на вроде «басен», реплика о чем нашла отражение в тексте соответствующего документа: «...разглашают басни [как знатные, так и протчия]». Скорее всего, фрагмент источника, заключенного в аутентичные для времени его составления скобки, можно отнести не к составу «басен» о султанах Бахты-Гирее, а к *социальным и количественным* характеристикам калмыков, распространявшим о нем подобные известия. Сомнительно полагать, что султан ничего не знал о подобной информации, и что он никак не участвовал в создании того образа, который был привлекателен для пограничных сообществ с их развитой воинской культурой. Именно в таком ключе мы рассматриваем малообъяснимый, на первый взгляд, поступок Бахты-Гирея, однажды *отпустившего* трех калмыков, нанятых по совету донского войскового атамана А. Лопатина для его убийства. Приехав из Черкаска к Бахты-Гирею, калмыки «весь секрет сами ему объявили, и он, их подаря (т.е. одарив. – Д.С.), *от себя отпустил* (выделено мною. – Д.С.)»⁸⁴. Но, по сути, Делисултан *подарил* незадачливым наемным убийцам наивысшую ценность – жизнь. Данный частный случай, кроме того, вписывается в пространство реципрокций, успешно «работавших» на общественный авторитет и на признание личности, ответственной за перераспределение материальных благ и ресурсов, т.е. самого султана Бахты-Гирея. Безусловно, *славе* Бахты-Гирея, тоже обеспечивавшей ему широкую поддержку парамилитарных сообществ, в т.ч. калмыков, способствовали многолетние и многочисленные *удачные* походы (набеги), которые он зачастую возглавлял *лично*. Современники не могли не видеть взаимосвязи между двумя данными обстоятельствами. Обращаем на это внимание еще потому, что уже в первой по-

---

⁸³ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 244.

⁸⁴ *Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них Торгоутского и поступок их ханов и владельцев, сочиненное статским советником Васильем Бакуниным, 1761 года... С. 229.

ловине 1720-х гг. султану Бахты-Гирею было за 40 лет, но он предпочитал (старался?) вести привычный кочевой образ жизни и, собственно говоря, продолжал «эксплуатировать» тот харизматичный образ удачливого предводителя, который формировался в течение нескольких десятилетий! Наконец, именно как *воин* он встретил смерть – столкнувшись в сабельном (конном?) бою с кабардинцами в 1729 г., приехав с крымцами и с кубанцами в Большую Кабарду «с сераскер-султаном (своим родным братом. – Д.С.) и Аслам-беком (т.е. Рослан-беком Кайтукиным. – Д.С.), для взятия их, кабардинских владельцев, и перевезения со всем их владением в Крым»⁸⁵. В заключение сюжета о формировании и осмыслении в культурной памяти калмыков образа Бахты-Гирея, необходимого для раскрытия темы, отметим, что он «пользовался среди степняков большим уважением и авторитетом, о нем ходили легенды; его имя оставило след в калмыцком фольклоре»⁸⁶. Вероятно, под именем Байхтан-Эретына (Бахты-Каратына/Керетена) этот султан-Чингисид вошел в сказочную традицию калмыков⁸⁷.

Бахты-Гирей тоже оказывал калмыкам многочисленные услуги, выделяя их среди других своих традиционных сторонников. Он активно развивал с ними практики обмена подарками и услугами (реципрокции), накопив на данном поприще огромный опыт, успешно конвертируемый им в отношения зависимости патронально-клиентельного типа, характерные для его связей с калмыками, с ногайцами и с частью адыгов. Истоки подобного опыта уходят корнями в рубеж XVII–XVIII вв., когда султан Бахты-Гирей только начинал создавать на Кубани систему реципрокций и дополнения своих ограниченных военных, пищевых, материальных и иных ресурсов. Азовский воевода С.Б. Ловчиков писал И.А. Толстому 8 июля 1702 г. в

---

⁸⁵ АВПРИ. Ф. 115. 1731–1732 г. Д. 2. Л. 137.

⁸⁶ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. Элиста: Герел, 2009. Т. 1. С. 411.

⁸⁷ Храбрый Мазан – калмыцкая народная сказка [Электронный ресурс] // URL: <https://skazkibasni.com/xrabryj-mazan>. (дата обращения: 02.08.2019).

Эдирне (Адрианополь): «...И о сем, благодетелю моему, ведомо чиню: от кубанцов чинится многое воровство и под города царского пресветлого величества, которые по Волге и до Саратова, также под городки донских казаков частые набеги чинят. А наипаче из них калмыцкие мурзы новокрещенные, которые, изменя царскому пресветлomu, отъехали на Кубань и воруют горши всех. И потекает им всем Бахтигирей салтан кубанской, и на воровство их посылает, и лошади свои дает. Так же китат (sic! – Д.С.) кипчаки многое озорничество чинят, и пишут сами, что салтану кубанскому не судимы⁸⁸. *Щедрость и удачливость* Дели-султана, к слову, *всегда ускользавшего от врагов*, тоже были порукой в налаживании его системных связей с номадами и с другими пограничными сообществами. В той же связи мы рассматриваем *дарения*, к которым Бахты-Гирей тоже прибегал неоднократно в обращениях с калмыками. Так, в одном из сообщений толмача Б. Шарова, предшествовавших набегу Бахты-Гирея на Россию летом 1717 г., говорилось: «А калмыкам султан льстит так и дарит весма много»⁸⁹. Пытаясь расположить калмыков к участию в ставшем потом «знаменитым» набеге 1717 г., султан Бахты-Гирей «Калмыцким лутчим людем всем дал в подарки по коню»⁹⁰. Щедрый дар Дели-султана вызвал ответную реакцию: «И оные Калмыки, совокупясь, все пошли для воровства в Русь, с ним же Бакты-Гиреем султаном»⁹¹.

Конечно, реципрокции сами по себе не могли иметь исключительно принуждающей силы (хотя являлись важнейшим фактором накопления лидером/вождем/предводителем необходимого ему социального капитала), и потому они могли сопровождаться угрозами, впрочем, имевшими разные основания. Тот же источник сообщал, что калмыки отговаривались от участия в набеге, заявляя, что у них кони «худы», на что

---

⁸⁸ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1702 г. Д. 1. Л. 151 об.–152. За предоставление документа благодарим к.и.н. П.А. Авакова.

⁸⁹ Материалы Военно-учетного архива Главного штаба... С. 308.

⁹⁰ Там же. С. 309.

⁹¹ Там же.

Бахты-Гирей ответил им угрозой: «Я... вас роздам по своим людям, десяти человеком своим людям калмыка одного, чтоб они его везли на подводах на своих лошедях». А российскому посланцу Б. Шарову он сказал: «Я... надеюсь на [А]юку хана и на Четеря, калмык всех беру с собою *по своей воле* (выделено мною. – Д.С.)»⁹². В ходе развития столь неоднозначных отношений калмыки стали связывать удачу во многих делах с *благополучием и с жизнью* Бахты-Гирея. Недаром российские власти считали почти невозможным нанять убийц из числа калмыков, которых можно было бы подослать к Дели-султану⁹³. Вконец истощавшие и оборванные калмыки, возвращавшиеся весной 1728 г. из кубанского похода, с гордостью говорили российским представителям, что они стояли у Кубани три месяца, и хотя нужду терпели, но «однако ж *зделали ползу* (выделено мною. – Д.С.), понеже Бахта-Гирея оставили на Кубане ж действительным султаном. И тако ж с ними кубанцы, и... крымцы, и... турки помирились»⁹⁴.

В этой же части статьи, чтобы не возвращаться к сюжету о ханских амбициях Бахты-Гирея, отметим, что впоследствии Дели-султан не оставлял мыслей о захвате власти в Крыму, имея законное право стать ханом. Если судить по сохранившимся документам и их контексту, Бахты-Гирей рассчитывал после фактического захвата власти принудить Порту либо назначить его ханом, либо полагал необходимым все время «расшатывать» крымский трон, добываясь тем самым упрочения своего положения на Северном Кавказе. Не исключено, что он был готов к реализации разных сценариев, живо реагируя на неоднократное обострение обстановки в Крыму в 1720-е гг. В 1727 г. калмыки отмечали, что Бахты-Гирей «желает, согласясь с черкасы, Кубань завоевать и в Крым идти, и в Крыме б быть ему ханом, и кто де войною ему поможет, тому и служить будет верно...»⁹⁵. В апреле 1727 г. с посланцем Дели-султана

---

⁹² Материалы Военно-учетного архива Главного штаба... С. 308.

⁹³ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 255 об.

⁹⁴ Там же. Л. 323.

⁹⁵ Там же. Л. 163–163 об.

разговаривал российский представитель Я. Татаринов: татарин заявил, что султан намерен «Кубань взяв, в Крым итти, и в Крыму быть ханом. И ежели де русские с ними, то де они Азов и Тавань возмут. А Кубань де и горы все и без войны их будут»⁹⁶. При этом Бахты-Гирей выражал готовность служить императору Петру II, что выглядит с его стороны риторической уловкой. Поясним свою мысль: далеко за пределами Северного Кавказа и Калмыцкой степи Дели-султан являлся признанным военно-политическим лидером и авторитетным предводителем, опытейшим переговорщиком с российскими администраторами и с военными чинами, поднаторевшим в уговорах, в лицемерных обещаниях, в обманах собеседников, конечно, не собиравшимся переходить в подданство (холопство) к «белому царю». Удачную и, вместе с тем, эмоциональную оценку этой харизматической личности дал в 1717 г. российский толмач Б. Шаров, видевшийся с Бахты-Гиреем: «...а в словах своих оный султан зело непостоянен, *бес, а не человек, только поношение человеком* (выделено мною. – Д.С.)»⁹⁷. Последовательно выступая в роли дестабилизатора ситуации на северокавказском порубежье, султан Бахты-Гирей был крайне опасным для России, Крыма и Османской империи *самостоятельным* участником сложной межимперской политической игры, сформировавшимся на волне развивавшегося в Крымском ханстве недовольства стабилизацией русско-турецкой границы. Не замечая этого очевидного контекста, В.Т. Тепкеев напрасно приписывает действиям Бахты-Гирея и некоторым событиям из истории калмыцко-кубанских и калмыцко-крымских отношений характер *направленного* межимперского противостояния («Российская и Османская империя для достижения своих внешнеполитических целей периодически сталкивали приграничные народы друг с другом...»⁹⁸). Доку-

---

⁹⁶ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 206 об.

⁹⁷ Материалы Военно-учетного архива Главного штаба... С. 307.

⁹⁸ *Тепкеев В.Т.* Взаимоотношения Калмыцкого ханства и Кубанской орды в 1712–1715 гг. // Magna adurgit: historia studiorum. 2018. № 2. С. 33.

ментально не подтверждается и утверждение Ю.В. Приймака о причастности Порты к усилению власти Бахты-Гирея и к его действиям по созданию якобы «сепаратистского анклава под эгидой Порты», тем более – «некого государственного образования»⁹⁹. Неверно расставлены указанным автором и многие другие акценты – при характеристике ногайского (кубанского) и калмыцкого вопросов и роли в них султана Бахты-Гирея¹⁰⁰, к тому же ошибочно названного «самовластным сераскером». Так, по мнению Ю.В. Приймака, деятельность Бахты-Гирея развивалась в русле «скрытых экспансионистских устремлений Порты в направлении земель степного Предкавказья и Кабарды»¹⁰¹. В действительности дело обстояло ровным счетом наоборот: Бахты-Гирей выстраивал свою систему сдержек и противовесов среди местных фронтирных элит, почти не соотнося свои действия с интересами османских и крымских правителей. Собственно, это и отражало многолетние амбициозные устремления этого человека, вполне сумевшего их реализовать на Северном Кавказе. Стамбульский двор, наряду с Санкт-Петербургом и Бахчисараем, активно участвовал в нейтрализации Дели-султана и не поддерживал его специально; тем более, он не рассматривал его в качестве союзника в борьбе за влияние на народы Северного Кавказа. Без этого, собственно, невозможно понять и оценить феномен лидерства Бахты-Гирея, столь опасного для империй, и его многолетнего пребывания *именно* в кубанском регионе. Подробная аргументация данного утверждения содержится в наших с В.В. Грибовским многочисленных опубликованных работах о Бахты-Гирее. Новые аргументы в пользу указанной концепции приводятся ниже по тексту данной статьи.

Бахты-Гирей поддержал Джан-Темира (Тимура) Ширинского, отступившего на Кубань в 1725 г. после пораже-

---

⁹⁹ *Приймак Ю.В.* Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). Армавир, 2011. С. 149.

¹⁰⁰ Там же. С. 148–151.

¹⁰¹ Там же. С. 149–150.

ния мятежа, о котором написано выше. Спасаясь от ареста, мятежный Джан-Темир Ширинский неслучайно бежал именно к Бахты-Гирею, куда вскоре выступил и сам хан Менгли-Гирей II. Это происшествие вызвало обеспокоенность в Стамбуле, причем Порта поставила в известность о нем российского посланника¹⁰², начав подготовку масштабной акции против Бахты-Гирея, включая отправку партию янычар в Азов¹⁰³. Обращает на себя внимание мнение некоторых наблюдателей о готовности Бахты-Гирея с «Ширинбеем и с его партизанами» нанести удар по Крыму¹⁰⁴. В итоге войска Бахты-Гирея и Джан-Темира были разбиты, их предводители бежали в Малую Кабарду, причем калмыцкая знать, включая ханшу Дармабалу, отправила на Кубань посланцев для выяснения подробностей¹⁰⁵. К слову, Джан-Темир оставался на Северном Кавказе и общался с калмыками после гибели Дели-султана в 1729 г. – однако не приобрел влияния и авторитета Бахты-Гирея. Еще весной 1726 г. Бахты-Гирей и Джан-Темир скрывались в «горах во владениях Абазинских черкес». Несколько позже, но «того же лета», Бахты-Гирей оттуда ушел, а Джан-Темир – остался, причем Дели-султан «ему при уходе обещал, что пришед калмыки его выручить»¹⁰⁶.

В том же году Дели-султан вновь вступил в борьбу за власть на Кубани, в который раз прибегнув к помощи калмыков. Тайши, оппозиционно настроенные к наместнику ханства Церен-Дондуку, находили прибежище на Кубани, откуда вместе с ногайцами Бахты-Гирея нападали на пограничные османские территории, укрываясь от преследования пограничных османских и крымских администраций в российских владениях. Недаром в документе тех лет встречаем мнение о том, что калмыки «всегда желают», чтобы между россиянами и турками-османами война была для того, чтобы им под защи-

---

¹⁰² *Фелицын Е.Д.* Указ. соч. С. 9.

¹⁰³ Там же. С. 9–10.

¹⁰⁴ Там же. С. 10–11.

¹⁰⁵ *Батыров В.В.* Указ. соч. С. 42.

¹⁰⁶ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 68 об. – 69.

той российских войск «под Кубань и под Крым ходить для воровства», и что они «болши тшатца, чтоб мир нарушить...»¹⁰⁷. Так, только в 1726 г. калмыки совершили с Бахты-Гиреем несколько нападений на османский Азов¹⁰⁸. Один из таких походов был совершен осенью 1726 г.¹⁰⁹, после чего Бахты-Гирей планировал направиться в поход против черкесов *для отгона овец*. А тогда, в октябре 1726 г., Бахты-Гирей и калмыки «били» под азовские слободы и «взяли в слободах» около 1 тыс. «жителей мужеска полу и женска, и малых робят». Калмыцкую группировку численностью до 1 тыс. чел. возглавил нойон Дондук-Даши, оставшийся в степи и предусмотрительно отсутствовавший под Азовом. Азовские бешлеи сумели организовать погоню и захватить в плен нескольких калмыков¹¹⁰. Бахты-Гирей и Дондук-Даши остановились «на вершинах Манача» близ Соленого озера, откуда Дели-султан направил Салат-Гирею и едисанцам предложение о мире, в противном же случае он выражал готовность «воеватца» с ними¹¹¹.

Крымский хан Менгли-Гирей II указывал в письме на имя генерал-фельдмаршала М.М. Голицына, полученном 3 февраля 1727 г., что Бахты-Гирей и Джан-Темир «и ныне» пребывают в «Абазинских горах»¹¹². И хотя, скорее всего, информация о месте укрывательства обоих мятежников устарела, обратим внимание на следующую деталь: «...токмо Бакты-Гирей в тех горах не живет много. Но по-воровски с оных гор съезжает в степь... где, совокупясь с калмыками, в кубанские страны и в перекопские степи завсегда ходит и ворует...»¹¹³. При этом хан сетовал, что если раньше отправлявшихся в набег калмыков было мало, то теперь их насчитывалось около 400 чел., которые захватили у крымцев множество рогатого скота и овец.

---

¹⁰⁷ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 244.

¹⁰⁸ Цюрюмов А.В. Указ. соч. С. 202.

¹⁰⁹ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 41 об., 42.

¹¹⁰ Там же. Л. 66.

¹¹¹ Там же. Л. 66 об.

¹¹² Там же. Л. 16.

¹¹³ Там же.

В челобитной кабардинских князей Х. и И. Мисостовых на имя Петра I находим такие слова: «Мы на поле в кошах стояли, как ваш, так и наш неприятель Бахтагирей-Солтан приехал с калмыцкими и напал на Хотокчуку-Бега, из ево конских табунов 1000 лошадей отогнал»¹¹⁴. В.В. Батыров справедливо заметил, что периодически у Дели-султана возникали трудности с финансами: «Как обычно, Бахты-Гирей не платил своим людям (что не вполне верно, т.к. «плата» могла заключаться не только в денежном виде. – Д.С.). Платой за службу было его разрешение нападать на Кубань. Оно привлекало в лагерь Бахты-Гирея всех желающих быстро обогатиться»¹¹⁵.

Не забывал Дели-султан и о себе, точнее, о поддержании собственной ресурсной базы, столь необходимой ему в борьбе за *фактическую* власть на Кубани и за привлечение самых разнообразных союзников. В ходе январского набега 1718 г. кубанцев на Черкасск под руководством самого Бахты-Гирея был захвачен ясырь, а также «вещи» и «богаж» донских казаков¹¹⁶. В 1721 г. Бахты-Гирей вторгся в Большую Кабарду и угнал там «в трех кабаках» *скот*¹¹⁷. Недаром астраханский губернатор А.П. Волынский в письме Петру I от 5 декабря 1721 г. заметил, что «лучшее богатство (у кабардинцев. – Д.С.) было скот, но и то все крымцы обобрали, а ныне князей кормят уздени, и всего их мерзкого житья и описать невозможно»¹¹⁸. Летом 1717 г. состоялся мощнейший набег Бахты-Гирея на Воронежскую, Казанскую и Нижегородскую губернии, в ходе которого было захвачено большое количество русского ясыря, позже отбитого донскими казаками¹¹⁹.

---

¹¹⁴ История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева: Сб. ст. и док. / Выявление, археография, составление, вступительная статья Г.Х. Мамбетов. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2005. С. 68.

¹¹⁵ *Батыров В.В.* Указ. соч. С. 44.

¹¹⁶ Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 1473. Л. 41, 42.

¹¹⁷ АВПРИ. Ф. 115. 1722 г. Д. 5. Л. 6.

¹¹⁸ РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Кн. 30. Л. 129.

¹¹⁹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1717 г. Д. 4. Л. 93 об. – 94, 96, 102–103; ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1471. Л. 44.

В 1723 г. Р. Кайтукин, заручившись поддержкой Бахты-Гирея в борьбе со своими противниками, пообещал ему «со всякого двора по два ясыря»¹²⁰. В декабре 1727 г. нойоны Бату и Бодонг с 4-тысячным отрядом совершили вместе с Бахты-Гиреем набег на Кубань, где захватили большое количество скота¹²¹. Нападавшим тогда удалось отбить у ногайцев 20 000 лошадей, которых они отогнали в свои улусы¹²². В другой раз калмыцкая группировка, возглавляемая нойонами Бату, Бодонгом, Лубжой и Бахты-Гиреем, отбила на Кубани у едисанцев и джембуйлуковцев 11 226 лошадей, а также захватила 540 чел.¹²³. Скот и люди также были отправлены калмыками в свои улусы, но, что примечательно – Дели-султан, судя по всему, не участвовал в разделе захваченного, судя по контексту документов, полностью доставшегося калмыкам. Однако совсем скоро калмыки помогли Бахты-Гирею вооруженным путем вновь обрести положение фактического правителя Кубани. Если наша гипотеза верна, то оказанная Бахты-Гиреем услуга (участие в двух походах, захват скота/ясыря но, что более существенно, его отказ от своей доли), была возвращена ему калмыками с лихвой! Как мы видим, набег и военные планы Бахты-Гирея носили различную направленность, но, прежде всего, связанную с целенаправленным пополнением его ограниченной ресурсной базы, включая материальную. Для успешного решения более глобальных и стратегических задач султану Бахты-Гирею необходимо было не только возглавлять походы, *но также регулярно охранять, одаривать, снабжать пропитанием своих союзников, бороться с их врагами и пр.*, сохранять свои многолетние и устойчивые патронатно-клиентельные отношения с теми же номадами. *Ясырь* и *скот* можно с полным основанием отнести к числу ресурсов, очень важных для Бахты-Гирея и, одновременно, исключительно ценных в глазах столь необходимых ему союзников в лице военизированных сообществ.

¹²⁰ Фелицын Е.Д. Указ. соч. С. 5.

¹²¹ Цюрюмов А.В., Батыров В.В. Указ. соч. С. 47.

¹²² Фелицын Е.Д. Указ. соч. С. 27.

¹²³ Там же. С. 27–28.

Султан Бахты-Гирей продолжал умело вмешиваться во внутрикалмыцкие усобицы: в 1726 г. он объединился с наместником Церен-Дондуком и направился громить донские городки, а также калмыков «Четеря и Досанга Петра тайши», покинувших Калмыцкое ханство и откочевавших на Дон¹²⁴. С помощью калмыков Дели-султан стал в 1726 г. готовить поход на Кубань, находясь «за Кумой», причем данное известие серьезно беспокоило российские власти¹²⁵. В.П. Беклемишев стал предпринимать активные усилия для того, чтобы сорвать выступление калмыков на р. Куму к Бахты-Гирею. В конце 1726 г. подполковник В.П. Беклемишев доносил в Коллегию иностранных дел о том, что направил в улусы черноморского дворянина С. Казанцова к ханше, к Церен-Дондуку, к Шакур-ламе с письмами, чтобы они не помогали Бахты-Гирею войсками и не принимали бы его к себе, и на кубанцев бы войной не ходили¹²⁶. Среди калмыцкой знати начались разногласия по данному вопросу, а В.П. Беклемишев продолжил уговаривать Шакур-ламу¹²⁷. В феврале 1727 г. Шакур-лама уверял В.П. Беклемишева, что ему с зайсангами удалось остановить поход, и что Бахты-Гирей прислал к нему своего татарина с просьбой, «чтоб он его не оставил и приговаривал бы владельцам, чтоб они шли войною на Кубань...»¹²⁸. Салат-Гирей пытался, в свою очередь, договориться о ненападении с Церен-Дондуком. Его посланец передал Церен-Дондуку, «чтоб они войною на Кубань не ходили, и обиды им, кубанцом, никакой не делали и взятое у них им возвратили...»¹²⁹. Повторимся, что мнения калмыцкой знати об оказании помощи Бахты-Гирею разделились: «Иные приговаривали идти, а другие отговаривали»¹³⁰.

---

¹²⁴ *Фелицын Е.Д.* Указ. соч. С. 4.

¹²⁵ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 20 об. – 25.

¹²⁶ Там же. Л. 36 об.

¹²⁷ Там же. Л. 22 об. – 23., 136, 139.

¹²⁸ Там же. Л. 139.

¹²⁹ Там же. Л. 112.

¹³⁰ Там же. Л. 42.

Против похода выступили зайсанги Церен-Дондука и «ближние люди Дармабалы»¹³¹. Еще в январе 1727 г. калмыки «ни на кубанцов не пошли, ни в улусы не возвратились»¹³². Известия о готовящемся походе калмыков вместе с Бахты-Гиреем на Кубань встревожило крымского хана Менгли-Гирея II, объявившего генерал-фельдмаршалу М.М. Голицыну о сборе войска в Крыму и на Кубани – «а начальник над тем будет один султан и перекопский бей»¹³³. И хотя многие нойоны все-таки привели своих воинов на Куму, но поход на Кубань был отложен¹³⁴. Заметим, что нойон Дондук-Омбо и Бахты-Гирей пытались привлечь к походу кабардинцев, которые дали предварительное согласие. Обещая калмыкам поддержку со стороны черкесов (какой, все же, талантливый переговорщик!), Бахты-Гирей вновь стал уговаривать калмыков идти в поход на Кубань, но безрезультатно: «И войско всю зиму простояло без дела...»¹³⁵. Имеются сведения, что Церен-Дондук и Бахты-Гирей пытались выступить на кубанцев, но «за большими снегами» не сумели этого сделать, хотя пытались не «единожды»¹³⁶. Однако перед окончательным уходом калмыков в улусы Бахты-Гирей стал просить калмыков оставить ему людей, что те и сделали: оставили 300 чел., 150 из которых являлись улусными Дондук-Омбо¹³⁷. Заметим, что кубанских «татар» при Бахты-Гирее находилось тогда немногим более 40 человек – и он снова сумел выйти из ситуации с нехваткой людей, поскольку постоянной ударной группировки у султана никогда не было! К слову, известны случаи, когда при Бахты-Гирее оставалось и по 6, и по 29 чел., что не мешало ему собирать новые силы и вынашивать новые амбициозные планы. Примечательно, что о дальнейших планах Дели-султана рос-

---

¹³¹ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 36.

¹³² Там же.

¹³³ Там же. Л. 17 об. – 18.

¹³⁴ Там же. Л. 141.

¹³⁵ Там же. Л. 42 об.

¹³⁶ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 29. Л. 24 об.

¹³⁷ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 42 об.

сийский информатор ничего тогда сообщить не смог, поскольку «что намеряется делать (Бахты-Гирей. – Д.С.), того прежде времени не объявляет, и в одном месте болши дву дней не живет, опасается, чтоб ево не поймали»¹³⁸.

В феврале 1727 г. российскому резиденту в Стамбуле И.И. Неплюеву пришлось выслушивать, как пишет А.В. Цюрюмов, «крепкие турецкие выговоры о калмыцких делах». Особенно турки негодовали из-за союза калмыков с Бахты-Гиреем, а также из-за захвата калмыками султанского посла Осман-мирзы аги, направлявшегося с письмом из Стамбула в Азов¹³⁹. Императорской грамотой от 15 февраля 1727 г. Церен-Дондуку в числе прочих указаний запрещалось поддерживать Бахты-Гирея. После событий на Куме Салат-Гирей решил тоже активизировать действия против калмыков и Бахты-Гирея. В марте 1727 г. на калмыков напали кубанские ногайцы, отогнав у них в степи у «сарпинских вершин» 3 тыс. лошадей и несколько верблюдов¹⁴⁰. Бахты-Гирей тогда оказал калмыкам крупную *услугу*, прислав из-за Кумы своих «послов» с известием, что кубанцы хотят их «воевать»: «И Дундук-Омбо своего улусу с калмыки собрався и прислал Бакчерге, и Бакчерга де своим велел збиратца ж и ехать для охранения своих улусов...»¹⁴¹. В конце марта 1727 г. Дели-султан снова предупредил калмыков о том, что Салат-Гирей выступил с Кубани на калмыков с 10 000 войском, что вызвало откочевку калмыков на луговую сторону р. Волги и отгон ими конских табунов¹⁴². Поход Салат-Гирея на калмыков, по сути, провалился, поскольку рано вскрывшуюся ото льда Волгу преодолеть не удалось: «Волга уже худа была... и затем кубанцом нельзя было чрез Волгу переехать»¹⁴³.

---

¹³⁸ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 43.

¹³⁹ Цюрюмов А.В. Указ. соч. С. 202.

¹⁴⁰ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 148 об.

¹⁴¹ Там же. Л. 149.

¹⁴² Там же. Л. 149 об.

¹⁴³ Там же. Л. 152 об.

На обратном пути одна из групп кубанцев численностью 94 чел. подверглась нападению самого Бахты-Гирея. Дели-султан быстро выступил с Кумы и разбил противника за р. Маныч, «дошед до реки Донгузлу»: 17 чел. попали в плен, остальных – «побили». После этого султан отправил в Царицын двух калмыков с двумя бывшими русскими пленниками, заявив, что впредь собирается извещать коменданта о возможных выступлениях со стороны кубанцев, поскольку имеет с ними «ссору немалую»¹⁴⁴. Таким образом, слова В.В. Батырова о том, что Дели-султан «добровольно взял на себя обязательства по охране границ России от набегов кубанцев»¹⁴⁵, являются преувеличением.

Другое дело, что в 1727–1728 гг. российские власти активизировали действия по «нейтрализации» непредсказуемого Дели-султана, рассматривая самые разные варианты: от его призывания в «протекцию» Е.И.В. до организации заказного убийства. Однажды вернулись ни с чем нанятые генерал-майором А.Таракановым для убийства Бахты-Гирея трое калмыков, которым в случае успеха обещалась огромная сумма в 5 тыс. руб.¹⁴⁶. Отметим исключительную осторожность Дели-султана во время кочевания с одной территории на другую, а также во время остановок между кочеванием/походами. Между тем, российскими властями предполагались и более «щадящие» меры по усмирению Дели-султана. Например, генерал-фельдмаршал М.М. Голицын писал В.П. Беклемишеву, что если Бахты-Гирей согласится войти в протекцию¹⁴⁷, что его следует отвезти его в город, который подполковник сам «за способнее разсудит, и там бы его содержать тайно до указу, дабы не проведали на Кубане и в Азове»¹⁴⁸. Другой вариант содержания Бахты-Гирея предполагал его отправку в Хоперскую крепость. Заметим, что если начать с событий более

---

¹⁴⁴ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 167.

¹⁴⁵ Батыров В.В. Указ. соч. С. 47.

¹⁴⁶ Там же. С. 48.

¹⁴⁷ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 159.

¹⁴⁸ Там же. Л. 159–159 об.

раннего времени, то российские власти рассчитывали переманить Бахты-Гирея в российское подданство. За несколько лет до описываемых событий обер-коменданту г. Астрахани был послан указ, предусматривавший, что если Дели-султан пожелает быть «под рукой» Петра I и кочевать близ Астрахани, то с ним следует ласково обходиться¹⁴⁹. Правда, в 1718 г. черкесы, поделившиеся информацией с кабардинцами, собирались поймать Бахты-Гирея, чтобы «в том его царскому величеству службу свою показать»¹⁵⁰. А вот в рамках конкретной для российских властей «проблемы Бахты-Гирея» 1720-х гг. наблюдаются более радикальные способы ее решения. Такой «новый» для российских администраторов и военных чинов подход отражал серьезнейшее отношение России к реально возросшему влиянию Бахты-Гирея на дестабилизацию обстановки в южном пограничье и даже за его пределами, к масштабу его «подрывных» действий против империи. Недаром обнаружилось опасное для России связи Бахты-Гирея даже с башкирами¹⁵¹, о чем можно встретить отрывочные упоминания в литературе¹⁵².

Российские власти неслучайно активизировались в связи с готовившимся походом Бахты-Гирея и калмыков на Кубань, решая в начале 1727 г. вопрос о его «перезывании» или о его поимке или убийстве. От Царицынской линии в степь тогда были отправлены две «партии» во главе с капитанами Державиным и Елагиным¹⁵³. Кроме того, В.П. Беклемишев («который у калмыцких дел») должен был добиваться личной встречи с Дели-султаном. Другой подполковник – И.М. Квашнин-Самарин – был определен М.М. Голицыным в Транжамент для принятия комиссии о призыве Бахты-Гирея под российскую протекцию. Впрочем, еще 17 ноября 1726 г. был издан императорский указ, «пущенный» через Верховный тайный со-

---

¹⁴⁹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1717 г. Д. 4. Л. 2.

¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 115. 1718 г. Д. 1. Л. 26–28 об.

¹⁵¹ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 245.

¹⁵² *Оширов У.Б.* Попытки объединения калмыцких и ногайских племен... С. 80.

¹⁵³ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 21 об.

вет, в котором тоже речь шла о призывании Бахты-Гирея и Джан-Темира Ширинского в российскую протекцию¹⁵⁴. В нем содержались повеления, к которым власти вновь обратились в начале 1727 г. Так, В.П. Беклемишеву, если тому станет известно о возвращении Бахты-Гирея из похода или о его пребывании в калмыцких улусах, надлежало ехать туда в «самой скорости» и «трудитца и призывать ево, Бакты-Гирея, а ежели с ним и Джантемира Ширинбея под протекцию всякими возможными образы, хотя и не требуя от них в том писменного или какова другова обнадеживания...»¹⁵⁵. Подобные действия повелевалось чинить осторожно, «дабы не могло произойти эха до Азова и протчей турецкой области...». Императорский указ от 15 февраля 1727 г., полученный генерал-фельдмаршалом князем М.М. Голицыным 27 февраля того же года, предполагал меры по призыванию Бахты-Гирея в российскую протекцию: «А ежели не пойдет, *то б поймать или хотя и убить...* (выделено мною. – Д.С.)»¹⁵⁶. 29 марта 1727 г. князь М.М. Голицын рапортовал не только о срыве похода калмыков на Кубань, но также об отправке В.П. Беклемишеву указа о поимке или об убийстве Бахты-Гирея в случае его отказа принять российскую протекцию. В таких условиях Дели-султан действительно мог опасаться за свою жизнь; причем, «имея страх, дабы не был пойман», Дели-султан никогда не кочевал на одном месте более двух суток¹⁵⁷.

Дальнейшее развитие ситуации нашло отражение в аналитической переписке подполковника и царицынского воеводы В.П. Беклемишева с вышестоящим начальством. В частности, он отмечал, что если сам Бахты-Гирей не пойдет на примирение, то поймать его с помощью российских войск представляется ему недостижимым. Другое дело, что сам Дели-султан «ото всех в страхе на одном месте не живет и не бес карау-

---

¹⁵⁴ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 71.

¹⁵⁵ Там же. Л. 73.

¹⁵⁶ Там же. Л. 21.

¹⁵⁷ Там же. Л. 26.

лов ж у нево»¹⁵⁸. Если же попытаться застать его врасплох, то Бахты-Гирей со своими людьми, как точно выразился В.П. Беклемишев, «для таковых случаев... имеют они лошадей резвых. И сколко от кубанскова салтана за ним посыланы, но и от всех ухораниваетца, а когда и наезжали, то уходят»¹⁵⁹. Подполковник скептически отнесся к поиску наемных убийц среди калмыков, как знатных, так и простых. По его мнению, если кто-то из простых калмыков решится застрелить или зарезать Дели-султана, то ему «самому убиту быть»¹⁶⁰. Поимку Бахты-Гирея, часто бывающего на Куме, В.П. Беклемишев предлагал поручить донским казакам, которые там живут и занимаются звериной ловлей¹⁶¹. При этом он полагал возможным объединить усилия с кубанцами и даже с Салат-Гиреем для поисков Бахты-Гирея в степи¹⁶². А в инструкции И. Бахметеву, данной ему из Коллегии иностранных дел на основании императорского указа, «состоявшегося» в Верховном тайном совете 24 января 1728г., вновь предусматривались разные меры по нейтрализации султана, вплоть до убийства. Для решения этого вопроса капитану лейб-гвардии Ивану Шувалову надлежало иметь секретный разговор с атаманом Войска Донского А. Лопатиным, для начала попытавшись призвать султана в российскую протекцию. В случае же отказа – поймать или убить его, «ибо на то убивство... есть желание и повеление от стороны турецкой, за что повелено обещать им донским казакком некоторую сумму»¹⁶³. Причем, судя по всему, речь шла о другом случае, нежели об описанном нами выше – когда того же А. Лопатина привлекли к организации убийства Бахты-Гирея с помощью донских калмыков.

---

¹⁵⁸ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 255.

¹⁵⁹ Там же. Л. 255 об.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же. Л. 255 об. – 256.

¹⁶³ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 30. Л. 10. За указание на документы в данном архивном деле из Ф. И-36 НАРК благодарим к.и.н. А.А. Курапова.

Возвращаясь к реализации императорского указа от 17 ноября 1726 г., отметим, что исполнительный В.П. Беклемишев продолжал добиваться *личной* встречи с Бахты-Гиреем. Несмотря на определенные трудности и на некоторое противодействие со стороны ханши Дармабалы, опасавшейся перехода Бахты-Гирея под российскую протекцию¹⁶⁴, встреча все-таки состоялась 14 июля 1727 г. Случилось это при посредничестве нойонов Бату и Дондук-Даши (названного брата Дели-султана!), сначала переправившихся к Бахты-Гирею с помощью В.П. Беклемишева на нагорную сторону Волги¹⁶⁵. В разговоре с султаном В.П. Беклемишев передал ему все российские предложения о принятии «высокой протекции» Е.И.В.¹⁶⁶. Любопытная деталь – незадолго до того российский представитель известился о приезде хатаи-кипчаков к Бахты-Гирею для «призывания» его на Кубань. Высокомерный ответ Дели-султана мурзам гласил, что они призывают его не вовремя, ибо его приглашают перейти в российскую протекцию, «и потому де кубанцы и без нужды будут ево...»¹⁶⁷.

Между тем, во второй половине 1727 г. Бахты-Гирей вновь уговаривал калмыков выступить в поход на Кубань. 14 июля 1727 г. с Кубани прибыли его посланцы, сообщившие, что «некоторая партия» ждет его там с радостью, «а протчие ж зело опасаются». Тогда Дели-султан стал призывать владельцев быстрее отправляться на Кубань. В итоге «все до одного» владельцы присягали между собой, решив принять у себя Бахты-Гирея (в отсутствие императорского указа!) и «воевать» едисанцев, джембуйлуковцев и кубанцев¹⁶⁸. Соответствующие уговоры калмыков со стороны Бахты-Гирея продолжились и в дальнейшем¹⁶⁹. Пытаясь увлечь калмыков к началу похода, расчетливый Бахты-Гирей в том же 1727 г. стал кочевать близ

---

¹⁶⁴ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 27. Л. 33, 55–55 об.

¹⁶⁵ Там же. Л. 57 об.

¹⁶⁶ Там же. Л. 83 об.

¹⁶⁷ Там же. Л. 41 об.

¹⁶⁸ Там же. Л. 84 об.

¹⁶⁹ Там же. Л. 214 об. – 215.

«Митешкина острова» на нагорной стороне Волги, что вызвало откочевку к нему части калмыков с луговой стороны Волги: «...и кочуют близ Бахты-Гирея, а и прочие их калмыцкие войски походом на Кубань не замедлят»¹⁷⁰. Кубанским же татарам он жестко заявлял, что если те хотят воевать с ним, «тоб в том стояли, а буде хотят поддаться под владение его, то бо том дали ему знать»¹⁷¹. На решение калмыков о поддержке Бахты-Гирея, помимо фактора его авторитетного мнения и настоячивых уговоров, мог также повлиять направленный против них весенний поход султана Салат-Гирея. В любом случае, российское правительство уже не могло удержать калмыков от похода ни уговорами, ни угрозами, ни запретом продавать им порох и свинец¹⁷².

В поход на Кубань выступили со своими воинами многие нойоны, включая Дондук-Омбо, Дондук-Даши и Дасанга, а также войска наместника Калмыцкого ханства – Церен-Дондука. Отметим характерный для Бахты-Гирея прием по выстраиванию ситуативно выгодных ему комбинаций – он попытался привлечь дополнительный воинский контингент для усиления калмыков в лице кабардинцев¹⁷³. Вероятно, одним из мероприятий начинавшегося похода стало вторжение Бахты-Гирея вместе с нойонами Бату и Бодонгом на Кубань в декабре 1727 г., где было захвачено большое количество скота¹⁷⁴. Для начала (или после этого?) Бахты-Гирей соединился с несколькими зайсангами при урочище Донгузла в 3 тыс. чел. «наперед на приступ», а Церен-Дондук выступил следом со всем войском¹⁷⁵.

Обратим внимание на то, каким образом повел себя перед вероятным столкновением с калмыками кубанский султан Салат-Гирей. Он выступил с войсками в количестве 1600 чел.

---

¹⁷⁰ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 27. Л. 239.

¹⁷¹ *Фелицын Е.Д.* Указ. соч. С. 22.

¹⁷² *Батыров В.В.* Указ. соч. С. 48.

¹⁷³ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 157 об. – 158.

¹⁷⁴ *Цюрюмов А.В.* Указ. соч. С. 202.

¹⁷⁵ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 315.

навстречу противнику и «стал у Бакты-Гиреева тестя Азамат-мурзы», отправив нарочного к калмыкам¹⁷⁶ спросить у них о причине прихода. При этом он твердо заявил, «...что он на Кубане командует по указу крымского хана, а Бакта-Гирей де отогнан с Кубану по крымскому ж указу»¹⁷⁷. Церен-Дондук ответил, что он пришел, «чтоб Бакти-Гирея султана *оставить на Кубане по-прежнему султаном* (выделено мною. – Д.С.)»¹⁷⁸. Насколько известно из источников, боестолкновения не случилось, и Салат-Гирей отступил. После этого Церен-Дондук оставил Бахты-Гирея «у реченного тестя ево Азамат-мурзы в городке Копыле» с 1 тыс. калмыков. К слову, документы о тесте Дели-султана позволяют вновь актуализовать дискуссию о составе его семьи и о «брачной дипломатии» султана, начатую нами в одной из статей¹⁷⁹. Оказывается, что Копыл неслучайно интересовал Бахты-Гирея и в 1728 г., и много раньше – к примеру еще в 1717 г.: к этой крепости тяготела какая-то ногайская группировка, с которой Дели-султан был связан через брачные узы с дочерью ногайского Азамат-мурзы. Примечательно, что небезопасные для Дели-султана хатаи-кипчаки, а также джембуйлуковцы, остались на Кубани при том же Азамат-мурзе, приняв Бахты-Гирея через «пересылку» с Церен-Дондуком к себе в Копыл «за владетеля», в чем ему и присягали¹⁸⁰. Салтаноульцы же примкнули к Салат-Гирею. Правда, в другом источнике говорилось, что Салат-Гирей ушел в горы с салтаноульцами и с джембуйлуковцами, а едиданцы и хатаи-кипчаки присягнули Бахты-Гирею.

Благодаря калмыкам, Бахты-Гирей вновь упрочил свою *неофициальную* власть на Кубани (основу его действительно феноменального положения в системе власти Крымского ханства), которую он упорно выстраивал в течение многих лет.

---

¹⁷⁶ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 344.

¹⁷⁷ Там же. Л. 344 об. – 345.

¹⁷⁸ Там же. Л. 345.

¹⁷⁹ *Сень Д.В.* Биографические данные об элитах Крымского ханства... С. 470.

¹⁸⁰ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 345.

Вконец истощавшие и оборванные калмыки, возвращавшиеся весной 1728 г. из кубанского похода, с гордостью говорили А. Иванову и Я. Татаринovu, что стояли у Кубани три месяца, и хотя нужду терпели, но «однако ж *зделали ползу* (выделено мною. – Д.С.), понеже Бакта-Гирея оставили на Кубане ж действительным султаном»¹⁸¹. При этом очевидцы свидетельствовали, что большая часть калмыков шла «пешу, а лошади их едва и простые брели», что люди питались невейной пшеницей, «которую они в воде разводя, и разболтавши, пили»¹⁸².

Дальнейшие события показали, что обоим султанам была выгодна временная передышка: Салат-Гирей и Бахты-Гирей «чрез пересылку присягами утвердились, что быть им в согласии и одному противу другога не воевать»¹⁸³. Интересно, что крымский хан Менгли-Гирей II так и не выступил против калмыков, ограничившись соответствующим письменным требованием к киевскому губернатору князю Трубецкому¹⁸⁴, и будучи вынужден примириться с Бахты-Гиреем. Однако хатаи-кипчаки, действовавшие якобы по «присылке» от Салат-Гирея (впрочем, со счетов нельзя сбрасывать старый конфликт хатаи-кипчаков и Дели-султана, уходящий корнями в 1723 год, если не раньше!), вскоре вознамерились схватить Бахты-Гирея и передать его Салат-Гирею. Осторожный Бахты-Гирей вновь избежал опасности, укрывшись со своими шестью в горах¹⁸⁵. Наместник Церен-Дондук, узнав о поражении Бахты-Гирея, «зело был печален, понеже они с ним весма дружны», а когда прошлой зимой (т.е. 1727–1728 гг.) они направлялись в поход на Кубань, то «кочевали обще»¹⁸⁶. Султан Салат-Гирей сумел оперативно собрать войска после своего бесславного отступления, намереваясь окончательно расправиться с Бахты-Гиреем. Из доношения Я. Татаринова

---

¹⁸¹ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 323.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Там же. Л. 324.

¹⁸⁴ Цюрюмов А.В. Указ. соч. С. 203.

¹⁸⁵ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 347 об.

¹⁸⁶ Там же. Л. 348.

полковнику И.Д. Бахметеву от 13 апреля 1728г. следует, что при Салат-Гирее в то время находились едисанцы, запорожцы и черкесы, всего «тысяч з десять», а также «вора Игнацки Некрасова сын Мишка з донскими казаками во шти стах человеках»¹⁸⁷. Быть может, параллельно с готовящимся наступлением на Бахты-Гирея Салат-Гирей действительно вступил в контакт с хатаи-кипчаками, судя по всему, нелояльно относившимися к Бахты-Гирею.

В какой-то степени виной тому оказался сам... Бахты-Гирей. Дело в том, что вскоре после своей фактической победы над султаном Салат-Гиреем *он стал уговаривать калмыков покинуть Кубань и уйти в свои улусы*. Он сообщил этим своим давним союзникам о якобы готовящемся нападении многотысячного войска Салат-Гирея на калмыцкие улусы, что ускорило отход с Кубани калмыцких воинов и знати. При этом, верный себе и своему статусному положению, Бахты-Гирей снабдил калмыков пищей, выдав им по одному бычку и по одной суме невеяной пшеницы на 10 чел.¹⁸⁸. «И тако они владельцы с ним утвердся присягами, возвратились к своим улусам, а при нем Бакты-гирее оставили Яманова родственника зайсанга Череня Отхаева (который и прежде бывал при нем) и командированных... Калмык 450 человек...»¹⁸⁹. Кроме того, предусмотрительный Дели-султан отправил вместе с возвращавшимися домой калмыками 10 своих человек, чтобы те «уведали», какая последует с российской стороны реакция на кубанский поход, и не будет ли чего чиниться калмыкам¹⁹⁰. Но о каких присягах шла выше речь, и что еще могло связывать калмыков с Бахты-Гиреем в ходе похода на Кубань? Невольно обращает на себя внимание тот факт, что вопрос о едисанцах и джембуйлуковцах явно отошел тогда на второй план в отношениях сторон... У.Б. Очиров полагает возможным говорить о совпадении интересов калмыцкой знати и Бахты-Гирея по вопросу создания

---

¹⁸⁷ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 335.

¹⁸⁸ Там же. Л. 378об.

¹⁸⁹ *Фелицын Е.Д.* Указ. соч. С. 36.

¹⁹⁰ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 324.

некоего государства, которое Дели-султан полагал видеть на берегах Кубани, а с 1727 г. он якобы стал включать в свой будущий политический проект и Крымский полуостров¹⁹¹.

Напротив, мы считаем, что сама идея формальной легитимной власти (прежде всего, государственной власти) противоречила той оригинальной системе социальных и иных отношений, которую Бахты-Гирей сумел выстроить на Северном Кавказе ценой многолетних приобретений и потерь. Пересекая/нарушая границы, откидывая условности, необходимые в межгосударственных отношениях, Дели-султан именно в условиях «вакуума» официальной власти стал наиболее заметным лидером на Кавказе в указанный период. Неоднократно лишавшийся официальных должностей, он в течение 1710–1720-х гг. оставался едва ли не главным *самостоятельным* политическим игроком на Северном Кавказе, располагавшим огромным влиянием, простиравшимся далеко за его пределы. Говоря другими словами, создание нового государства противоречило его идеалам, ценностям и, главное, его установке на безграничный контроль над пограничной жизнью региона, раздираемого внутренними усобицами и борьбой за влияние сразу нескольких государств и самых разных местных этнических элит. Что касается калмыцкой знати, то с помощью Бахты-Гирея она стремилась расширить пространство очередного политического маневра, новых жизненных планов – как для себя, так и для своих подданных, не спешивших отказываться от набеговых практик.

Мы обнаружили в НАРК несколько документов, позволяющих дополнительно аргументировать авторскую точку зрения. Оказывается, что между калмыками и Бахты-Гиреем в ходе или даже до начала кубанского похода 1728 г. была достигнута договоренность о том, что после того, как Бахты-Гирей станет «действительным султаном» и завоюет кубанцев, «и тем усилится, и тогда б ему Дондук-Омбе и с улусом своим отсюда от кочевьев к нему Бакта-Гирею и жить тамо, в

---

¹⁹¹ *Очилов У.Б.* Попытки объединения калмыцких и ногайских племен... С. 81.

чем де и присягами утвердились»¹⁹². В 1732 г., как оказалось, Дондук-Омбо сумел увести часть подвластных ему калмыков на Кубань¹⁹³, что знаменовало наступление одного из самых серьезных кризисов в Калмыцком ханстве после смерти хана Аюки. Свой интерес на «кубанском направлении» имелся также у наместника Церен-Дондука. Он договорился с Бахты-Гиреем, что если тот усилится на Кубани, «то всем калмыцким улусом зимовать и летовать между рек Волги и Кубани, и ему Бахты-Гирею их калмыков охранять, а им калмыком... то ж чинить»¹⁹⁴. Что касается самого Бахты-Гирея, то, по всей видимости, он не собирался отказываться от выгодного ему во всех отношениях положения фактического «правителя» Кубани. Возможно, что на излете своего жизненного пути Дели-султан переоценил свои возможности и степень покорности подвластного ему ногайского населения Кубани.

Очередное возвращение Дели-султана на Кубань в качестве фактического правителя вызвало оживленную переписку среди встревоженных российских властей¹⁹⁵. Кубанский поход привел к очередному дипломатическому конфликту между Россией и Османской империей, о чем резидент И.И. Неплюев доносил уже 23 февраля 1728 г.¹⁹⁶. Порта грозила России активизацией военных действий со стороны крымского хана, а российские власти поручили все тому же В.П. Беклемишеву «отвращать» калмыков от похода и обязательно «сыскать» Церен-Дондука. Но усилия российских властей оказались тщетными и запоздалыми... Более того, новая «конференция» И.И. Неплюева с османскими дипломатами, состоявшаяся 13 мая 1728 г., снова была посвящена калмыцким делам, поскольку Бахты-Гирей в союзе с калмыками продолжал

---

¹⁹² НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 348.

¹⁹³ Цюрюмов А.В. Указ. соч. С. 206–217.

¹⁹⁴ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 348 об.

¹⁹⁵ Фелицын Е.Д. Указ. соч. С. 37.

¹⁹⁶ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 297–298 об. См. также: НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 29. Л. 56–56 об.

разорять османские территории¹⁹⁷. Обращает на себя внимание позиция крымского хана Менгли-Гирея II, писавшего генерал-фельдмаршалу В.В. Долгорукову и *требовавшего* «в соединении с татары войск для искоренения Дели-салтана и протчей его партии», а также утверждавшего, что И.И. Неплюев якобы дал на это свое согласие в Стамбуле. Последние слова хана особенно задели российского резидента, возмущавшегося, что такого никогда «в словах не бывало»¹⁹⁸. Хан отправил также указ «кабардинскому сераскеру» следовать за Бахты-Гиреем даже на российской территории!

Российский резидент отрицательно отозвался о намерениях крымского хана, полагая, что «таковые ханские поступки весьма дружбе несходны»; к тому же «невозможно, чтоб российскому войску с татары соединятца...»¹⁹⁹. И.И. Неплюев считал необходимым, чтобы Порты запретила кабардинцам и кубанцам вступать в российские границы «ни за Бахти-Гиреем, ни за калмыками!» И все равно – многие в Стамбуле твердили, что Дели-султан продолжает свое «возмущение»²⁰⁰, и что «татара к нему болши склонны, нежели к хану». Исключительно важны слова российского дипломата о том, что хана в Крыму еще нет, и что турки сомневаются, будет ли он воевать с Бахты-Гиреем «по единоверию». И крымский хан Менгли-Гирей II «того ради дает знать Дили-султану, чтоб он удовольствовался в Кабарди и в Кубане сераскером или при хане калгою»²⁰¹. Наконец, обращает на себя внимание осторожный тон предположений турок-османов: «А оружием ево победят, или инако сии дела обойдутца, того впредь видеть невозможно»²⁰². Правда, из султанского указа (между 1 и 10 мая 1728 г.) мутасаррифу Охридского санджака (идентичные по содержанию указы были отправлены мутасаррифам Искендерийского и Дукакин-

---

¹⁹⁷ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 29. Л. 127–128.

¹⁹⁸ Там же. Л. 128 об.

¹⁹⁹ Там же. Л. 128 об. – 129.

²⁰⁰ Там же. Л. 138 об.

²⁰¹ Там же. Л. 129 об.

²⁰² Там же.

ского санджаков) следует, что Порта намеревалась вооруженным путем помочь Крыму ликвидировать мятеж Бахты-Гирея, объединившегося с калмыками и пришедшего на Кубань «сеять смуты и мятежи»²⁰³. Не о кубанском ли походе 1728 г. калмыков и Бахты-Гирея шла речь в документе? Заметим, что Порта уже вторично направила адресату повеление выступить со своими людьми, которым надлежало прибыть в распоряжение мухафыза Еникале Ипшир Хюсейн-паши, назначенного главнокомандующим османскими войсками²⁰⁴.

Насколько известно, Бахты-Гирей не принял вышеприведенного предложения хана Менгли-Гирея II, так и оставшись на Северном Кавказе вплоть до своей гибели в 1729 г. Другое дело, что перед нами – одни из последних известных на сегодня свидетельств о военном сотрудничестве калмыков с Бахты-Гиреем *после* их совместного масштабного похода на Кубань 1728 г. О резком (одномоментном) спаде такого взаимодействия, по крайней мере, применительно к событиям середины 1728 г., говорить преждевременно. Впрочем, в следующем, 1729 г., оно прекратилось вовсе. Согласно нескольким свидетельствам, султан Бахты-Гирей, которому тогда было более 40 лет (предположим, что даже около 50 лет, поскольку не мог он *подростком* отправиться из Крыма для управления Кубанью, как известно из выявленного нами архивного источника 1700 г.²⁰⁵) погиб в Кабарде в 1729 г.²⁰⁶

Таким образом, на протяжении второго и третьего десятилетий XVIII в. (до 1729 г.) кубанский султан Бахты-Гирей оставался одним из важнейших действующих лиц в сложней-

---

²⁰³ Osmanlı Belgelerinde Kırım Hanlığı... S. 127.

²⁰⁴ Ibid.

²⁰⁵ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 12.

²⁰⁶ АВПРИ. Ф. 115. Оп. 1. 1731–1732 гг. Д. 2. Л. 113; *Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них Торгоутского и поступок их ханов и владельцев, сочиненное статским советником Васильем Бакуниным, 1761 года... С. 231–232; *Якубова И.И.* «Кабардинский вопрос» в русско-турецких отношениях в середине XVIII в. // Исторический вестник. Нальчик: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН, 2005. Вып. 2. С. 116.

ших военно-политических комбинациях на Юге, которые элиты пограничных обществ (в т.ч. калмыки) осуществляли в борьбе со своими имперскими сюзеренами, организуя регулярные набеги на российские и крымско-османские пограничные территории. В течение указанного времени Бахты-Гирей являлся едва ли не единственным *самостоятельным* политическим игроком на Северном Кавказе, располагавшим огромным влиянием, простиравшимся за пределы данного региона. В статье был приведен новый материал, доказывающий, что даже во второй половине 1720-х гг. власти сразу трех государств (России, Крымского ханства и Османской империи) последовательно, в т.ч. на высшем уровне, осуществляли мероприятия, направленные лично против Бахты-Гирея. Сознательно нарушая новые границы, пренебрегая правовыми основаниями, необходимыми крупным игрокам в межгосударственных отношениях, привлекая к себе всех недовольных новым пограничным порядком, Дели-султан сумел утвердиться на Кубани в условиях «вакуума» официальной власти. С конца XVII в. Бахты-Гирей выстраивал собственную систему отношений с кочевыми и с другими народами Северного Кавказа, Поволжья, сохранение традиционного уклада жизни которых было немыслимо без фронтального (другими словами – неустойчивого/неконтролируемого, с точки зрения империй) состояния причерноморской степи и ряда кавказских территорий. Система таких отношений, неотъемлемой частью которой являлись реципрокции (практики обмена дарами и услугами), активно распространяемые Бахты-Гиреем на пограничные сообщества, стала основой его неофициальной (с точки зрения государства – *нелигитимной*, вместе с тем – *фактической*) власти на Кубани, наиболее привлекавшей его как амбициозного военного лидера. Феномен нелигитимной власти Бахты-Гирея оказался теснейшим образом связан с вышеуказанными реципрокциями, функционально направленными на общественное признание авторитета личности, ответственной за перераспределение материальных благ и ресурсов, т.е. Дели-султана. Вероятно, исключительная привлекательность и достигнутая им

опытным путем *контролируемость* такой власти (не зависящая от воли крымских ханов, турецкого султана и других важных факторов) так и не позволила султану-Чингисиду окончательно закрепиться в Крыму и стать крымским ханом.

Для поддержания и удержания своей неофициальной власти султану Бахты-Гирею необходимо было не только возглавлять походы, но также защищать, одаривать, снабжать пропитанием своих союзников, бороться с их врагами и пр., всячески сохраняя с теми же номадами устойчивые патронатно-клиентельные отношения. В ходе многолетнего взаимодействия со своими союзниками и противниками Дели-султан эффективно использовал угрозы, аманатство, разные формы договорных отношений, в т.ч. клятвы, обмен информацией, переписку, угрозы и обещания, переговоры, а также неформальные связи с местными элитами.

Успешность своих многочисленных набегов Бахты-Гирей последовательно конвертировал в военные, материальные и социальные ресурсы, целенаправленно создавая оригинальную систему реципрокций, активно вовлекая в ее сети не только местные элиты, но и рядовое население многочисленных пограничных сообществ. Ясырь и скот мы относим к ресурсам, жизненно важным для Бахты-Гирея и, одновременно, к исключительно ценным в глазах необходимых ему союзников. При этом, как выяснилось, авторитет Бахты-Гирея базировался в их среде, не в последнюю очередь, на символическом осмыслении его комплиментарных характеристик как удачливого предводителя, щедрого правителя и отважного воина, неуязвимого для врагов. Подобные культурные представления о Бахты-Гирее носили *массовый* характер именно в калмыцком обществе, на что необходимо обратить внимание в ходе дальнейшего изучения темы. Репутация, созданная Бахты-Гиреем в процессе организации успешных набегов, составляла существенную часть его ресурсного капитала, которым он успешно пользовался, оставаясь в течение длительного времени на гребне военно-политической истории Крымского ханства, Калмыцкого ханства, а также народов Северного Кавказа.

В исторической динамике мы показали и объяснили, почему и каким образом именно калмыки приняли деятельное участие в формировании репутационного и символического капитала султана Бахты-Гирея, в т.ч. выразившегося в образе «необыкновенного» человека и отважного, щедрого, удачливого военного предводителя. В статье определены рубежные точки в истории взаимоотношений калмыков и Бахты-Гирея, характер и причины их стратегического сотрудничества, берущего начало примерно в 1723–1724 гг. При этом, было обращено внимание на то, что изначально, еще при хане Аюке, взаимоотношения калмыков и Бахты-Гирея регулярно носили конфронтационный характер. Однако именно калмыки (не ногайцы и не кабардинцы!) стали *последовательно* поддерживать мятежного султана с середины 1720-х гг., способствуя продолжению им собственной политической игры и борьбы за власть на Кавказе и в Крыму, а также осуществлению регулярных набегов на огромную по охвату территорию – от Причерноморской степи до Северо-Восточного Кавказа. Феномен военно-политического сотрудничества калмыков и Бахты-Гирея не дает оснований для утверждения о попытках создания ими некоего государственного образования на Кубани. Другое дело, что даже последняя по времени попытка Бахты-Гирея вернуть власть на Кубани (1728г.) теснейшим образом оказалась связана с поддержкой, оказанной ему калмыками, в изучении которой появились новые исследовательские перспективы.

Д.В. Сень, Н.И. Швайба

**«Чтоб-де к нам тот Бакты-Гирей с Некрасовым
поближе пришли, то бы де нам добре было»:
случай из истории казачьей старшины
Гетманской Украины 1720-х гг.**

Среди документов фонда № 796 Российского государственного исторического архива (РГИА) в г. Санкт-Петербурге нами выявлен комплекс документов, освещающих малоизвестный эпизод из жизни представителей украинской казачьей старшины середины 1720-х гг. Первоначально документы привлекли наше внимание в связи с именами кубанского султана Бахты-Гирея, сына крымского хана Девлет-Гирея II, и казачьего атамана И. Некрасова¹, оставивших заметный след в военно-политической истории России и Крымского ханства. Информационный потенциал выявленных источников оказался богаче: он связан с историей украинского казачества и внешней политики России, с историей трансграничных связей казачьих сообществ (Войск), с политической культурой казачьих элит Гетманщины и характеристикой их положения в Петровскую и постпетровскую эпоху.

---

¹ Грибовский В.В., Сень Д.В. Бахты Гирей и проблема стабилизации границ Российской и Османской империй в первой трети XVIII века // *Wschodni Rocznik Humanistyczny*. Lublin-Radzyk Podlaski. Т. VIII. 2012. С. 85–116; Грибовский В.В., Сень Д.В. Кубанский султан Бахты-Гирей: феномен нелегитимной власти в Крымском ханстве первой трети XVIII в. // *Тюркологический сборник 2011–2012: политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств* / Ред. кол. С.Г. Кляшторный и др. М., 2013. С. 92–137; Сень Д.В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Изд. 2-е., испр. и доп. Краснодар, 2002; *Его же*. Казаки-некрасовцы в Крымском ханстве: актуальные вопросы изучения // *Казаки-некрасовцы: язык, история, культура*. Сб. науч. статей / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2012. С. 226–243; *Его же*. Некрасов Игнат // *Энциклопедия кубанского казачества* / под ред. проф. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 2013. С. 304–305.

Последняя проблема находит сегодня полярные оценки в современных российской и украинской национальных историографиях, не говоря о диаметральнойности имеющихся в них взглядов по отношению к т.н. мазепинскому периоду в истории Украины². Для комплексного изучения и осмысления истории российско-украинских отношений первой трети XVIII в. особенно актуальны такие исследовательские проблемы, как взаимоотношения российского правительства и гетманской старшины (включая их неформальные связи³), социальная мимикрия старшины в постпетровскую эпоху, ее политические установки, поведенческие «сценарии» по отношению к российскому руководству и к отдельным «сильным» фигурам, формы лояльности к власти и явного/скрытого сопротивления ей со стороны казачьих элит. Особый научный интерес представляет изучение политических практик представителей т.н. династий изменников (впрочем, как и других старшинских родов) в постмазепинский период истории Гетманщины, а также преемственности политического выбора и ориентации *разных* поколений таких казачьих фамилий – соратников гетмана И.С. Мазепы, их детей и внуков⁴.

² *Таирова-Яковлева Т.Г.* Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства». М., 2011; *Ее же.* Письмо в редакцию // Славяноведение. 2011. № 2; *Бесов А.* Мазепиана Т.Г. Таировой-Яковлевой // Фонд стратегической культуры [Электронный ресурс] // URL: <http://www.fondsk.ru/news/2011/07/28/mazepiana-tg-tairovoj-jakovlevoj-4123.html> (дата обращения: 24.03.2015); *Лазарев Я.А.* «Ласковий телок двух маток сосет»: к вопросу о природе украинской государственности во второй половине XVII – первой трети XVIII в. // Исторический вестник. М., 2013. Том четвертый [151]. С. 206–219; *Чухліб Т.* Секрети українського полівассалітету. Хмельницький-Дорошенко-Мазепа. К., 2011; *Горобець В.* Присмерк Гетьманщини: Україна в роки реформ Петра I. К., 1998.

³ *Лазарев Я.А.* «К вашей ясневелможности охочий слуга»: к вопросу о функционировании неформальных связей в российско-украинских отношениях в 20-е – первой половине 30-х гг. XVIII в. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750) / отв. сост. Н.Н. Петрухинцев, Л. Эррен. М., 2013. С. 408–432.

⁴ *Павленко С.* Оточення гетьмана Мазепи: соратники та побічники. К., 2005. С.91.

Актуален также следующий исследовательский ракурс – реконструкция смыслового значения фраз, приписываемых главным участникам конкретного случая, повлекших за собой донос и расследование. Частное мнение казаков может отражать более общие процессы в казачьей среде Гетманщины, не всегда «доступные» сторонним наблюдателям, включая представителей российской администрации в Украине. Подход, согласно которому анализ индивидуального текста (даже одной фразы) может быть применен при реконструкции массовых социальных представлений, успешно применяется при решении схожих исследовательских задач, принося свои научные результаты⁵. Наконец, актуальность исследования связана с ролью и местом доносительства (включая такой аспект темы, как мотивация(-и) доносителей) в истории политического сыска в России – явления, характерного для петровского времени. Как указывает Е.В. Анисимов, с изветов (доносов) начиналось 99,9% всех политических дел в России XVIII в.⁶ Доносы, будучи распространенной социальной практикой того времени, всегда означали начало политического розыска и формирования соответствующего дела.

Отправным документом в истории нашего случая, спровоцировавшим появление соответствующего документального комплекса середины – второй половины 1720-х гг., стал извет (донос) монаха Троицкого Мигулинского мужского монастыря Серапиона на представителей гетманской старшины – Андрея Дмитриевича Горленко и Семена Ефимовича Лизогуба. Насколько известно, указанный сюжет не получил подробного освещения ни в российской, ни в украинской историографии – несмотря на большое количество исследований по истории Гетманщины XVIII в. и по истории казачьих старшинских родов. Фамилии Горленко и Лизогубов занимают среди них свое видное место. В содержательном очерке А. Лазаревско-

---

⁵ Мининкова Л.В. «Наивный вопрос простака-дворянина, «бедные ослики» и крах проектов ограничения самодержавия 1730 г. // Cogito. Альманах истории идей. Ростов н/Д., 2011. Вып. 5. С. 26–43.

⁶ Анисимов Е.В. Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 11.

го «Люди Старой Малороссии. Лизогубы»⁷ нет ни одного упоминания о событиях, связанных с изветом на С.Е. Лизогуба в 1725 г. В обстоятельном труде современного украинского автора С.О. Павленко этот факт биографии С.Е. Лизогуба отсутствует⁸. *Известие* о доносе на С.Е. Лизогуба и А.Д. Горленко и об их последующем аресте, впрочем, известно давно – оно отразилось и в украинских казачьих летописях, и в трудах ученых XIX в. В «Краткой истории Малороссии» сказано, что С.Е. Лизогуба «с Андреем Горленком из пути («в Гилянский поход за Дербень». – *Д.С., Н.Ш.*) по плутовскому некотораго чернца Змеевскаго доношению, взято было в Петербург, но вскоре до домов отпущено»⁹. Правда, летопись называет наказным казачьим гетманом, возглавившим казаков в указанном походе, не С.Е. Лизогуба, а М.Г. Ограновича. Полагаем, издатель ошибочно посчитал именное прилагательное «змеевского» фамилией чернца-доносчика. Как мы убедимся позже, источники не дают для этого оснований. Д.Н. Бантыш-Каменский в труде «История Малой России» писал, что вскоре после начала Гилянского похода «Лизогуб и Горленко были потребованы в Петербург, по ложному на них доносу одного монаха, и потом отпущены в Персию, где несколько лет находились (здесь историк ошибался. – *Д.С., Н.Ш.*), с предводимым ими отрядом, под главным начальством Кандибы, бывшего Полковника Корсунскаго»¹⁰. Казачьими предводителями похода Н.Д. Бантыш-Каменский считал бунчуковых товарищей – С.Е. Лизогуба, А.Д. Горленко и обозного Прилуцкого полка М.Г. Ограновича. Наконец, лапидарное описание документов по делу об извете Серапиона, отложившихся в архи-

---

⁷ *Лазаревский А.* Люди Старой Малороссии. I. Лизогубы // Киевская старина. 1882. Январь. С. 101–125.

⁸ *Павленко С.* Указ. соч. С. 97.

⁹ Летопись Самовидця. Додатки. Краткое описание Малороссии // Изборник [Электронный ресурс] // URL: <http://litopys.org.ua/index.html> (дата обращения: 11.01.2015).

¹⁰ *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России. Часть третья. От избрания Мазепы до уничтожения Гетманства. М., 1830. С. 166.

ве Синода, содержится в «Описании документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода»¹¹.

Применительно к теме исследования коснемся проблемы *умолчания источника* – в Лизогубовском летописце история с арестом С.Е. Лизогуба и его товарища красноречиво опущена. В одной из записей за 1725 г. лишь сказано, что «тогож году бунчуковые товариство в Кгилян командированы и с ними 20,000 козаков с Семеном Лизогубом; и в том походе бавылысь бунчуковые до трех год и иние до пяти, акции з горскими черкесами отправаючи; в яком походе Антоний Андреевич Лизогуб, бунчуковый товарищ, умер и погребен в Астрахани епископом Леницким»¹². Таким образом, вывод В.Б. Антоновича о «мелочных подробностях» в передаче летописцем *всех* сведений о деяниях «лиц, принадлежащих к фамилии Лизогубов»¹³, находит свое подтверждение не во всем.

Важные сведения, имеющие отношение к заявленной теме, содержатся в дневнике современника событий – генерального подскарбия Я. Марковича. Один из вопросов, связанных с источниковедческой критикой дневника, связан с разночтениями в его двух опубликованных изданиях – А. Марковича (1859 г.)¹⁴ и А. Лазаревского (1892 г. – в данном случае речь о годе издания интересующей нас части дневника). Первое из изданий содержит в себе многочисленные сокращения (выпуски) текста публикуемой рукописи Я. Марковича, что необходимо учитывать при работе с данным источником. При сравнении интересующих нас текстовых фрагментов каждого из изданий особых разночтений не обнаружилось, но выяснилось другое:

---

¹¹ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода. Т. 5 (1725 г.). СПб., 1897. Стб. 579–584.

¹² Летописец, или Описание краткое знатнейших действ и случаев, что в котором году деялося в Украины малороссийской обеих сторон Днепра и кто именно когда гетманом был козацким / публ. и предисл. В.Б. Антоновича // Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси. Киев, 1888. С. 57.

¹³ Там же. С. VIII.

¹⁴ Дневныя записки малороссийскаго подскарбия генеральнаго Якова Марковича. М., 1859. С. 91. Фрагмент истории изложен на с. 91–92.

публикуя дневник, А. Маркович выпустил целый день, 23 июля 1725 г., описанный у А. Лазаревского и сообщающий интересные детали содержания под арестом главных участников анализируемой истории. А.Д. Горленко, например, имел возможность перемещаться по табору, общаться и принимать разнообразную пищу¹⁵. Похожая информация о времяпрепровождении того же А.Д. Горленко пропущена А. Марковичем при воспроизведении текста рукописи за 24 июля, зато она имеется в публикации А. Лазаревского¹⁶.

События, которые привели к извету монаха Серапиона на бунчуковых товарищей, связаны с участием украинских казаков в Сулакско-Гилянском (Гилянском) походе российских войск, начавшемся в 1725 г. Российские власти задействовали тогда 2 тыс. украинских, слободских и гетманских казаков под командованием М.Г. Ограновича, С.Е. Лизогуба и А.Ф. Кандыбы. Поход был предпринят с целью укрепления России на Северо-Восточном Кавказе и подавления недовольства со стороны кавказских владетелей, в т.ч. шамхала Тарковского¹⁷. Кратко описывая сюжет с участием в походе украинских казаков, И.В. Курукин пишет, что в 1725 г. «степью на Царицын и Астрахань шли три тысячи слободских и «бунчуковых» казаков под командой Семена Лизогуба»¹⁸. Итоги похода носили противоречивый характер. В ноябре того же года понадобилась новая экспедиция против местных «бунтовщиков», участие в которой снова приняли украинские казаки. Как отмечают исследователи, изначально казаки собирались в поход неохотно, прибегая к разным ухищрениям, направленным на уклонение от участия в грядущей кампании¹⁹. Казачье-

---

¹⁵ Дневник генерального подскарбия Якова Марковича // Киевская старина. 1892. № 8. С. 266.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Курукин И.В.* Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М., 2010. С. 135–160.

¹⁸ Там же. С. 143.

¹⁹ *Дубровський В.В.* Про Гилянський похід 1725 року // Кочубей Ю.М. В.В. Дубровський (1897–1966) як сходознавець. К., 2011. С. 67.

му войску определено было идти к Царицыну и поступить под команду полковника Нарвского полка Д.Ф. Еропкина.

Путь казачьего войска, выступившего в поход в мае 1725 г., проходил и через территорию Войска Донского. Именно здесь в июле 1725 г. произошло примечательное событие – под караул были взяты наказный гетман С.Е. Лизогуб и бунчуковый товарищ А.Д. Горленко. Случай нашел отражение на страницах дневника генерального подскарбия Я. Марковича, о котором писалось выше: «Семен Лизогуб и Андрей Горленко за караул взятии по доношению ченця некоего монастыра Мигулинского (Троицкого Мигулинского мужского монастыря. – Д.С., Н.Ш.)»²⁰. По сути, этими словами описание случая исчерпано – автор дневника не собирался (не хотел?) останавливаться на деталях происшествия, или же они были ему неизвестны. Обращает на себя внимание авторская манера подачи материала – буднично констатируется задержание *наказного казачьего гетмана*, которое в сложных условиях похода на Северо-Восточный Кавказ сомнительно считать рядовым событием. Среди других событий 22 июля 1725 г., удостоившихся внимания автора и отразившихся в дневнике – приезд в Царицын бригадира А. Ветерания (Ветерани) и наказание за упрямство некоего «хлопца Вежевского», дважды наказанного в тот день за упрямство²¹.

В более обстоятельной публикации дневника Я. Марковича в редакции А. Лазаревского (1892 г.), нежели в публикации А. Марковича (1859 г.), находим любопытные детали, связанные с *режимом* пребывания казаков под караулом, отличавшимся возможностью их перемещения, общения с другими казаками и даже приема пищи в подходящей компании²². Такое вопиющее нарушение режима содержания арестантов продолжалось несколько дней: «Так же и с Горленком у нашей квартире, до которого много товариства приездило, а то для того, что они завтра меют быть отослани в Ахтирку до

---

²⁰ Дневник генерального подскарбия Якова Марковича... С. 266.

²¹ Там же.

²² Там же.

князя Голецина (речь идет о генерал-фельдмаршале и «командующем над Украинским корпусом» М.М. Голицыне, пребывавшем в Ахтырке – полковом центре Слобожанщины. – Д.С., Н.Ш.)»²³. В дневнике Я. Марковича взятие казаков под караул датировано 22 июля 1725 г., а их отправка к бригадирю А. Ветеранию – 25 июля того же года: «Семен Лизогуб и Андрей Горленко попроважены отсюда за караулом до лагеру к брегадиру Ветеранину, а оттуду в Ахтирку до его сиятельства князя Голецина»²⁴.

На личностях Семена Ефимовича Лизогуба и Андрея Дмитриевича Горленко остановимся подробнее. Это необходимо для того, чтобы лучше представить их органическую связь с той социокультурной средой, выходцами из которой они являлись. Включив биографии гетманцев в контекст политической культуры украинского казачества и его непростых отношений с самодержавием, мы получаем дополнительные исследовательские возможности для анализа разбираемого случая и для ответа на важный вопрос: могли ли С.Е. Лизогуб и А.Д. Горленко в *действительности произнести слова*, якобы услышанные иеромонахом Серапионом?

Старинный старшинский род Лизогубов неслучайно был причислен к династиям «изменников», наряду с фамилиями Миновичей, Гамалиев, Герциков, Максимовичей и Дорошенко²⁵. Основанием для такого причисления стала позиция многих старшинских родов в связи с переходом гетмана И.С. Мазепы в стан шведского короля Карла XII, случившегося в октябре 1708 г. Родителями С.Е. Лизогуба были Е.Я. Лизогуб, генеральный хорунжий (1688–1698 гг.), впоследствии – черниговский полковник, и Л.П. Дорошенко, дочь гетмана П.Д. Дорошенко. Дедом С.Е. Лизогуба по мужской линии являлся Я.К. Лизогуб, наказный казачий гетман во время второго Азовского похода, которому благоволил гетман И.С. Мазепа.

---

²³ Дневник генерального подскарбия Якова Марковича... С. 266.

²⁴ Там же.

²⁵ Українська держава другої половини XVII–XVIII ст.: політика, суспільство, культура. К., 2014. С. 181.

Выходец из старинного старшинского рода, сын черниговского полковника, воспитанник Киево-Могилянской академии, бунчуковый товарищ Черниговского полка, С.Е. Лизогуб приходился зятем гетману И.И. Скоропадскому. С.Е. Лизогуб находился вместе с И.С. Мазепой при осмотре уничтоженного в начале октября 1708г. российскими войсками Батурина. Тогда же в октябре С.Е. Лизогуб ушел к шведам вместе с гетманом И.С. Мазепой, причем А. Оглоблин указывает, что в гетманской свите, помимо С.Е. Лизогуба, мог находиться тогда и Андрей Горленко²⁶, другой фигурант нашей истории.

С.Е. Лизогуб вернулся в Россию летом 1709г. после Полтавского сражения, но не был сослан, «как другие, только за свойство с гетманом (И.И. Скоропадским. – *Д.С., Н.Ш.*)»²⁷. 29 июля 1709 г. он был приведен к присяге на верную службу царю и вскоре выслан к своему тестю²⁸. Однако сколь-нибудь значительной карьеры С.Е. Лизогуб потом не сделал. Его родной брат, Яков Ефимович, впоследствии генеральный обозный, «внук и сын приближенных к Ивану Мазепе Лизогубов, сумел избежать жестокой расправы над восставшими мазепинцами, поскольку в то время находился в составе Черниговского полка, который полностью контролировался российской армией»²⁹. Т.Г. Таирова-Яковлева, возможно, права, когда пишет, что полковники и казаки четырех полков, в т.ч. Черниговского, *не могли* присоединиться к И.С. Мазепе потому, что находились в расположении российских полков³⁰. За протесты против злоупотреблений со стороны Малороссийской коллегии

---

²⁶ *Оглоблин О.* Гетьман Иван Мазепа та його доба / ред. Любомир Винар, упор. Ігор Гирич, Алла Атаманенко. Вид. 3-є. Нью-Йорк-Київ-Львів-Острого-Торонто, 2003. С. 316.

²⁷ *Кривошея В.В.* Козацька старшина Гетьманщини. К., 2010. С. 471.

²⁸ *Кочегаров К.А.* «Не замай, король швецкий пропадет и загинет...»: к вопросу о судьбе канцеляриста Якова Гречаного, бежавшего из ставки И.С. Мазепы в день Полтавской битвы // *Славяноведение*. 2014. № 6. С. 57.

²⁹ *Українська держава другої половини XVII–XVIII ст. ...* С. 181.

³⁰ *Таирова-Яковлева Т.Г.* Иван Мазепа и Российская империя... С. 214.

в 1723–1724 гг. Я.Е. Лизогуб был арестован вместе с другими представителями казачьей старшины и заточен на несколько лет в Петропавловскую крепость вместе с тестем А.Д. Горленко – миргородским полковником Д.П. Апостолом и с генеральным есаулом В. Жураковским. Таким образом, есть основания говорить о сомнительной лояльности некоторых Лизогубов по отношению к российскому самодержавию в постмазепинский период истории Гетманщины.

В том же отношении примечательна фигура А.Д. Горленко, отец которого, прилуцкий полковник Дмитрий Лазаревич Горленко, принадлежал к ближайшему окружению гетмана И.С. Мазепы и являлся активным сторонником выхода Гетманщины из-под юрисдикции Москвы³¹. Без колебаний последовавший за И.С. Мазепой, Д.Л. Горленко все-таки вернулся в 1714 г. в Россию и свои последние годы проживал в ссылке в Москве. Андрей Горленко находился в 1708 г. вместе с отцом, но в начале 1709 г. вместе с женой вернулся в Россию. В 1711 г. его заподозрили в сношениях с отцом. Канцлер Г.П. Головкин настоял на отправке А.Д. Горленко, тогда значкового войскового товарища, из Глухова в Москву³², где тот проживал в ссылке до 1715 г. Важно отметить, что при этом А.Д. Горленко *лишили владений*, некоторые из которых достались представителям центральных российских властей³³. Таким образом, во время похода 1725 г. у обоих казаков – С.Е. Лизогуба и А.Д. Горленко – представители ближайших родственников и свойственников были наказаны российской властью, а некоторые из них еще продолжали пребывать в заключении или в ссылке по состоянию на 1725 год. Подобные факты, как и отобранные у А.Д. Горленко владения, могли послужить веским основанием для формирования у казаков недовольства властью при внешней демонстрации лояльности или даже верноподданнических чувств.

---

³¹ Павленко С. Указ. соч. С. 44–45.

³² Лазаревский А. Очерки малороссийских фамилий. Горленки // Русский архив. 1875. Кн. 2. № 7. С. 252.

³³ Павленко С. Указ. соч. С. 46; Кривошея В.В. Указ. соч. С. 290.

Основанием для ареста С.Е. Лизогуба и А.Д. Горленко на Дону летом 1725 г. послужил извет монаха Троицкого Мигулинского монастыря Серапиона, волею судеб встретившегося на их пути и обратившего внимание на крамольные слова казаков. Оригинал извета пока не обнаружен. Отправка С.Е. Лизогуба и А.Д. Горленко к бригадиру А. Ветеранию, как указывает в своем дневнике Я. Маркович, была связана с тем, что именно ему Серапион письменно «известил» на гетманских казаков в Царицыне³⁴. Это случилось в период между 29 июня и 22 июля 1725 г. Сначала в Царицын были доставлены казаки-гетманцы. Следствие было начато полковником Нарвского полка Д.Ф. Еропкиным. Согласно ведению от 13 ноября 1725 г., поступившему из Правительствующего Сената в Святейший Правительствующий Синод 15 ноября 1725 г., Серапион был доставлен в Санкт-Петербург от генерал-фельдмаршала М.М. Голицына 29 октября 1725 г. 12 ноября того же года в Сенате слушали выписки из допросов, а также из очных ставок «помянутых иеромонаха Серапиона и бунчуковых Лизогуба и Горленка»³⁵, случившихся, очевидно, уже в Санкт-Петербурге³⁶.

Содержание части следственных документов известно по копиям делопроизводственных материалов 1727 г. В частности, в них подробно представлена версия произошедшего в описании иеромонаха Серапиона. По его словам, 29 июня 1725 г. «гетманских полков наказный гетман помянутой Лизогуб, прибыв с своими табары, стал Мигулинского монастыря близ мельницы по речке Тишанке»³⁷. Непонятно, почему именно Серапион явился к казакам с просьбой, чтобы они «той мельнице обиды не учинили», после чего бунчуковый товарищ Андрей Горленко, «не допустя ево до гетманского намету, зазвал к себе в кибитку... и спрашивал его о вестях»³⁸. Иеро-

---

³⁴ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 6. Д. 359. Л. 2.

³⁵ Там же. Л. 1.

³⁶ Там же. Л. 39.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

монах рассказал А.Д. Горленко, что «носится у них по речке, будто блис соли Маницкой на копанях стоит Бактыгирей с Некрасовым. И Горленко говорил, чтоб де к нам тот Бактыгирей с Некрасовым поближе пришли, то бы де нам добре было, но покуда де нам гетманцом разорятца; а как такие слова говорил, в те поры в кибитке у него Горленка никого не было»³⁹. После этого собеседники якобы перешли под «намет» (шатер) к наказному гетману С.Е. Лизогубу, которому А.Д. Горленко передал «вести радостные», услышанные от иеромонаха. Наказный атаман, по словам иеромонаха Серапиона, в ответ на вторичный рассказ Серапиона о Бахты-Гирее и И. Некрасове произнес: «Может де Бог слышанное повелит им и видеть»⁴⁰.

Здесь мы подходим к важному этапу в развитии последующей ситуации, связанной с *реакцией* иеромонаха на слова гетманских казаков, которые заставили его подумать, «что не хотят ли они с ними, Некрасовым и Бактыгиреем, соединитца»⁴¹. Рассудив таким образом, Серапион решил донести на казаков. Заслуживает внимания ход мыслей иеромонаха, который придал услышанному значению важной информации, «достойной» извета. По-своему оценив *информационный повод*, ставший толчком к написанию и подаче извета, Серапион рассуждал вполне логично. Дело в том, что кубанский султан Бахты-Гирей и казачий атаман И. Некрасов, хорошо известные жителям пограничных территорий и правящим дворам России, Крыма и Османской империи, выступали в первой трети XVIII в. серьезным раздражающим фактором в политике центральных российских властей и ряда пограничных администраций. «Некрасовская угроза», исшедшая с Кубани от казаков, возглавляемых И. Некрасовым, требовала от России поисков новых форм нейтрализации. Еще больше Россия теряла от многочисленных набегов на российские окраины, организованных «бешеным султаном» Бахты-Гиреем, которого власти неоднократно пытались как переманить на российскую службу, так и убить⁴².

---

³⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 6. Д. 359. Л. 39.

⁴⁰ Там же. Л. 39 об.

⁴¹ Там же.

⁴² Грибовский В.В., Сень Д.В. Кубанский султан Бахты-Гирей: феномен нелегитимной власти в Крымском ханстве первой трети XVIII в. //

Решение Серапиона *донести* на гетманских казаков свидетельствует о понимании им «политического момента» и ожидаемой реакции со стороны властей. Поиски *мотива* к совершению доноса, очевидно, нужно искать в этой плоскости. Впрочем, извечник мог также знать, что его ждет *награда*, практикуемая государством⁴³. Напротив, для организации *ложного* доноса на казаков, которых иеромонах *впервые* видел перед собой и которые не нанесли ущерба ни ему лично, ни монастырю, ни мельнице, оснований у него не было. О серьезности намерений Серапиона свидетельствует тот факт, что свой письменный извет он решил подать не войсковому или своему монастырскому начальству, а представителю российского военного командования в Царицыне. Иеромонах утверждал, что во время разговора в намете у С.Е. Лизогуба там «было много людей, все черкасы»⁴⁴, которые могли слышать его разговор с атаманом.

А.Д. Горленко не стал отрицать на допросе и во время очной ставки своего общения с Серапионом, но отмел обвинения в якобы сказанных им словах, столь взволновавших иеромонаха. А.Д. Горленко заявил, что Серапион, узнав о походе казаков на Сулак, почему-то сказал, что «на Царицын им итить криво, а надобно де итти мимо Манич, толко де там Кубанская орда стоит, Бактыгирей с Некрасовым, и он де ведает, что казачские войска идут, а кубанского де войска тысяч с тритцать, а про казачкое слышно, что тритцать восем тысяч..»⁴⁵. Анализируемый источник интересен не только тем, что одновременно упоминает султана Бахты-Гирея и Игната Некрасова: такие свидетельства нечасто, но встречаются в других источниках⁴⁶. Обратим внимание на другую деталь – Серапион ука-

---

Тюркологический сборник 2011–2012: политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств / ред. кол. С.Г. Кляшторный и др. М., 2013. С. 92–137.

⁴³ Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 165–166.

⁴⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 6. Д. 359. Л. 39 об.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Российский государственный архив древних актов. Ф. 89. Оп. 1. 1717 г. Д. 4. Л. 1 об.; Там же. Ф. 111. Кн. 23. Л. 416, 888.

зал на предполагаемое место тогдашнего пребывания кубанского султана и атамана. Это были соляные копи («копани») на Маныче, которые издавна разрабатывались и привлекали к себе различные категории русского населения. Крымцы и ногайцы знали об этом и могли совершать туда набеги для захвата полона. Например, так поступали раньше по отношению к г. Тору (Соляному) на р. Торце (Торе) азовцы и первые кубанские казаки, где имелись богатейшие соляные озера, привлекавшие «большое собрание русских людей за солью»⁴⁷. Вот почему султан Бахты-Гирей и атаман Игнат Некрасов, по слухам, оказались замечены *именно* в указанном районе. В рассмотрении с другими аналогичными данными, сведения иеромонаха Серапиона могут быть использованы при изучении вопроса о традиционных занятиях некрасовских казаков на Кубани в 1720-е гг.

Допрошенный С.Е. Лизогуб тоже опроверг слова иеромонаха Серапиона, заявив, что «помянутой чернец пьян придет к нему в намет» в день празднования святых Петра и Павла «после обеда перед вечернями»⁴⁸. Не желая слушать «скарденых песней» пьяного чернеца (пристрастие которого к горячительному позже подтвердила монастырская братия), атаман, по его словам, вышел из намета и отправился со всей компанией к Андрею Бурковскому, а «Горленко пошел в свой шатер, а он чернец, вышед, куда пошел, не знает». Отрицая свой разговор с Серапионом, атаман в подтверждение сослался на казаков, с которыми он отмечал праздник в намете – на Андрея Бурковского, Василия Кочубея, Федора Сулима и на Степана Терновского. Допрошенные бунчуковые товарищи, В. Кочубей и Ф. Сулим, заявили, что атаман не имел разговора с по-

---

⁴⁷ *Сень Д.В.* Казаки Крымского ханства: начальный этап складывания войсковой организации и освоения пространства (1690-е гг. – начало XVIII в.) // Тюркологический сборник 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / ред. кол. С.Г. Кляшторный и др. М., 2011. С. 309.

⁴⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 6. Д. 359. Л. 40.

мянутым иеромонахом, которому оба они дали нелестную характеристику⁴⁹.

Наверняка неизвестно, на каком этапе розыска и почему чаша весов склонилась на сторону обвиняемых казаков. Вероятно, перелом ситуации случился уже во второй половине 1725 г. В ведении Правительствующего Сената от 29 марта 1727 г., адресованном в Святейший Правительствующий Синод, сказано, что «по вышеписанным обстоятельством (эта фраза следует за пересказом речей всех допрошенных, о которых речь в статье выше. – *Д.С., Н.Ш.*) тот ево старца Серапиона извет явно изобличился лживой...»⁵⁰. Свою роль сыграли здесь не только показания украинских казаков, но и собранные из разных источников сведения о неблаговидном поведении незадачливого изветчика. Обвиненный Серапионом атаман С.Е. Лизогуб показал, что когда «с Царицына провадил их под арестом офицер Кроншлотского полку з драгунами»⁵¹, то им снова довелось оказаться на Дону. Одна из остановок пришлось на местность неподалеку от Троицкого Мигулинского монастыря, куда Серапион испросил разрешения охраны написать письмо с просьбой о продуктах. Из монастыря приехал казначей Карион «з другим старцем», вручивший Серапиону просимые продукты и деньги.

Однако дальше произошло следующее – Карион объявил сопровождавшим арестантов офицерам, каптенармусу и С.Е. Лизогубу (!) многочисленные сведения о неблаговидном поведении иеромонаха во время проживания в монастыре и даже раньше⁵². Доносительство, пьянство, самовольные отлучки из монастыря в донские станицы... Особенно показательны слова Кариона о том, что Серапион был прислан в их монастырь (из другого документа узнаем, что это случилось в

---

⁴⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 6. Д. 359. Л. 40 об. – 41.

⁵⁰ Там же. Л. 41.

⁵¹ Там же. Л. 1.

⁵² Там же. Л. 1 об.

1721 г. – Д.С., Н.Ш.) «за плутовство такое, что доносил он на донских казаков некоторые притчины, а после в Москве в Преображенску (Преображенском приказе. – Д.С., Н.Ш.) повинился, что с пьянства зболтал»⁵³. Таким образом, Серапион уже имел опыт ложного доноса и понес за него наказание 13 ноября 1725 г. Сенат определил Синоду привлечь к освидетельствованию состояния Серапиона других монахов Мигулинского монастыря – «подлинно ли он Серапион такова состояния, как выше сего показано, и то свидетельство за руками их прислать в Сенат немедленно...»⁵⁴. Синод оперативно принял к руководству резолютивную часть сенатского ведения – братия Троицкого Мигулинского монастыря во главе с игуменом, общей численностью 41 чел. (!), вскоре подтвердила все, о чем Карион раньше публично поведал многочисленным свидетелям о неугомонном и непокорном Серапионе.

Мы полагаем, что Серапион, донося на казаков, правдиво отразил реакцию гетманцев на известие о Бахты-Гирее и И. Некрасове. Наше суждение основано на следующих косвенных доказательствах. *Во-первых*, мы не видим серьезного мотива для ложного доноса, например, из мести: встреча иеромонаха с казаками была случайной и по сути бесконфликтной: гетманцы не нанесли урона мельнице, а Серапион за свои якобы «скабрзные песни» наказан казаками не был. *Во-вторых*, не так давно изветчик понес наказание за ложный донос на донских казаков – попасться во второй раз с ложным изветом было делом большого риска. *В-третьих*, обратим внимание на место и на форму извета. Серапион мог донести на казаков игумену своего монастыря, однако проделал немалый путь и лично явился к представителю российского военного командования в Царицыне. Явочная форма извета, облеченного в *письменный* вид, свидетельствовала о значении, придаваемом Серапионом услышанному в ходе встречи с казаками.

Какое значение могли придавать гетманские казаки известию Серапиона о Бахты-Гирее и И. Некрасове? *Во-первых*,

---

⁵³ РГИА. Ф. 796. Оп. 6. Д. 359. Л. 1 об.

⁵⁴ Там же.

гетманцы проявили информированность о людях, слава которых привлекала к ним новых сторонников, *нелояльных* к России. Известен эпизод 1709 г., когда 50 «агентов» И. Некрасова, действуя в Гетманщине, «возмущали и поговаривали» тамошних жителей уходить к И. Некрасову, находившемуся тогда на р. Берде⁵⁵. Безусловно, таких контактов было больше, а И. Некрасов и его казаки вызывали к себе пристальный интерес украинского казачества. *Во-вторых*, в извете Серапиона отразилась *эмоциональная реакция* казаков на известие о «шалном султани» и «воровском атамане». Об этом говорит содержание фразы, сказанной А.Д. Горленко атаману, «что сей де чернец сказывает нам вести радостные...»⁵⁶. С.Е. Лизогуб и вовсе помянул Имя Божие, полагая возможной (желаемой?) встречу с *государевыми врагами*. Произнося такие слова, казаки не могли не понимать, что рискуют быть обвиненными в *государственной измене*. Поэтому они упорно отрицали произнесение именно этих слов, двусмысленный характер которых и подвиг Серапиона на извет. *В-третьих*, ключом к пониманию описанной выше реакции казаков может служить другая фраза А.Д. Горленко о том, «чтоб де к нам тот Бактыгирей с Некрасовым поближе пришли, *то бы де нам добре было, но покуда де нам гетманцом разорятца* (выделено нами. – Д.С., Н.Ш.)»⁵⁷. У Серапиона не должно было возникнуть проблем с передачей этого слова по-русски, поскольку по-украински оно звучит как «розорятися». Одна из групп значений глагола в обоих языках практически одинакова – лишиться достатка, богатства, впасть в бедность, обнищать (рус. яз.); позбуватися багатства, достатку, майна; ставати бідним, убогим, впадати в злидні (укр. яз.)⁵⁸. Анализ фра-

⁵⁵ *Сень Д.В.* Русско-турецкая война 1710–1711 гг. и начальный период жизни казаков-некрасовцев на Кубани // Січеславський альманах: Зб. наук. праць з історії українського козацтва. Дніпропетровськ, 2011. Вип. 6. С. 18.

⁵⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 6. Д. 359. Л. 39–39 об.

⁵⁷ Там же. Л. 39.

⁵⁸ *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1999. С. 652; Большой академический словарь

зы позволяет говорить о критическом отношении ее автора к положению гетманских казаков, резко выраженному в присутствии чужого человека.

Но как появление группировки Бахты-Гирея и И. Некрасова могло избавить казаков от разорения? Вероятно, это могло случиться в случае боевого столкновения обеих сторон, после чего поход казачьего войска на Кавказ мог не состояться (задержаться?). Вот почему гетманцы были столь эмоциональны, конечно, не помышляя об объединении с Бахты-Гиреем и с И. Некрасовым. О последствиях возможного столкновения вскользь обмолвился сам А.Д. Горленко: «...Коли Бог даст сойтитца, тогда увидимся и спробуемся. А ежели не сила наша будет, то и от Царицына мы, может, не пойдём»⁵⁹. А ведь из Царицына казаки должны были проследовать на Северо-Восточный Кавказ...

Итак, всем главным героям этой истории суждено было осенью 1725 г. вновь увидеться в Санкт-Петербурге. Извещик Серапион, судя по сенатским документам, еще до того успел предстать в Ахтырке перед генералом-фельдмаршалом М.М. Голицыным, а уже оттуда был препровожден в столицу Российской империи. Поскольку пока обнаружены не все следственные материалы, трудно утверждать, были ли доставлены в Ахтырку главные обвиняемые – С.Е. Лизогуб и А.Д. Горленко. Возможно, так и было, что перед отправкой в Санкт-Петербург их препроводили в Ахтырку. Однако судьба обвиняемых казаков должна была решиться в Санкт-Петербурге – это при том, что отношения Гетманщины и российского самодержавия после смерти гетмана И.И. Скоропадского переживали не лучшие времена. Недавняя трагическая судьба П. Полуботка и его товарищей⁶⁰ явно не добавляла уве-

---

русского языка / гл. ред. А.С. Герд. М., 2013. Т. 22. С. 483; Словник української мови: в 11 томах. Т. 8: Природа-Ряхтливий / ред. В.О. Винник [та ін.]. К., 1977. С. 754.

⁵⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 6. Д. 359. Л. 39 об. – 40.

⁶⁰ *Смолій В.А., Степанков В.С.* Згасання державної ідеї // *Історія українського козацтва: Нариси у 2 т.* К., 2006. Т. 1. С. 277–278.

ренности казакам в благополучном исходе дела. Дело тянулось медленно – новый, 1726 год, гетманцам довелось встретить в Санкт-Петербурге. В дневнике Я. Марковича находим запись за 16 ноября 1726 г., сообщающую о получении им письма от некоего «пана Михайлы», датированного 23 сентября 1726 г. В контексте изветного дела на гетманских казаков большой интерес представляют сведения о том, что «полковник Миргородский, так же Семен Лизогуб и Андрей Горленко з С.П. Бурху в доми приехали»⁶¹. Данное свидетельство опровергает мнение некоторых исследователей о том, что после оправдания и освобождения, случившегося в конце правления Екатерины I, эти казаки-гетманцы смогли продолжить свою службу на Кавказе.

История с изветом не оказала существенного негативно-го влияния на последующую жизнь С.Е. Лизогуба и А.Д. Горленко. Первый из них, как бунчуковый товарищ Черниговского полка, ездил в августе 1727 г. в столицу с «благодарственными письмами от полков»⁶², когда на российский престол возшел Петр II. Подробности этой поездки находим у Я. Марковича. Запись дневника от 8августа 1727 г. гласит, что С.Е. Лизогуб, «также сотник сребранский Троцина и стародубский Галецкий поехали в С.П-бурх з чолобитними от полков благодарственными до двору монаршого»⁶³. А дневниковая запись от 20 октября 1727 г. сообщает, что «послание наши Семен Лизогуб с товарищи принятии милостиво в С.П. Бурсе (sic! – Д.С., Н.Ш.) и сподобились его величеству персонально кланяться»⁶⁴. Умер Семен Ефимович Лизогуб во время Польского похода 1734 г. и похоронен в г. Гродно. Андрей Дмитриевич Горленко, приходившийся, как отмечалось, зятем Д.П. Апостолу, несколько поправил свои дела после полу-

---

⁶¹ Дневник генерального подскарбия Якова Марковича (1717–1767 гг.). Часть вторая (1726–1729 гг.). Киев, 1895. С. 101.

⁶² *Модзалевский В.Л.* Малороссийский родословник. Киев, 1912. Т. 3. С. 102.

⁶³ Дневник генерального подскарбия Якова Марковича (1717–1767 гг.)... С. 165.

⁶⁴ Там же. С. 185.

чения тестем гетманской булавы в 1727 г. А.Д. Горленко были возвращены конфискованные ранее владения. Однако в 1735 г. он снова попал в царскую немилость и был отправлен с сыном в Санкт-Петербург, где пребывал несколько месяцев до своего освобождения⁶⁵. Снова отобранные у А.Д. Горленко владения были возвращены ему в 1742 г. императрицей Елизаветой Петровной. Умер Андрей Дмитриевич Горленко в 1756 г.

История с изветом Серапиона совсем не закончилась после освобождения казаков и отъезда их в Украину. Причем, если бы слова незадачливого изветчика не потеряли своего значения в связи с обрушившимися на него самого разоблачениями, и если бы не твердость (круговая порука?) всех допрошенных казаков, история могла бы иметь иной финал. Окончательное решение о судьбе иеромонаха Серапиона было принято, скорее всего, в марте 1727 г. Резолютивная часть сенатского ведения от 29 марта 1727 г., адресованного в Синод, гласила: «...означенного иеромонаха Серапиона для учения за вышеписанное ево ложное доношение наказания, и для ссылки куда надлежит в далной монастырь, отослат в Святейший Синод, в котором монастыре содержать ево в заточении по смерть ево без выпуску...»⁶⁶. Из протокола Синода от 28 апреля 1727 г. узнаем, что Серапиона надлежало жестоко наказать плетью, после чего сослать под караулом в Кандалакшский монастырь Кольского острога Холмогорской епархии «по смерть ево, дабы никуды не ушел»⁶⁷. В случае «предерзостного» поведения Серапиона его повелевалось «наказывать без всякия пощады». Соответствующий указ был отправлен из Синода епископу Устюжскому и Тотезжскому Лаврентию⁶⁸. Путь Серапиона в ссылку оказался более извилистым – в итоге он попал в Пертоминский Спасо-Преображенский монастырь Архангельской губернии. Неумный характер «изветчика со стажем» сказался и здесь – Серапион бежал из монастыря 15 июля 1728 г. и не был найден

---

⁶⁵ Павленко С. Указ. соч. С. 46.

⁶⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 6. Д. 359. Л. 41.

⁶⁷ Там же. Л. 42.

⁶⁸ Там же. Л. 45 об. – 46 об.

по состоянию на 16 августа 1728г.⁶⁹ Дальнейшая судьба беглеца остается неизвестной...

В статье рассмотрен случай, отражающий определенные характеристики положения казачьей старшины Гетманщины, ее политического кругозора и сомнительной политической лояльности по отношению к самодержавию. Авторами сделан вывод о том, что иеромонах Серапион отразил в своем извете слова, действительно произнесенные С.Е. Лизогубом и А.Д. Горленко. Именно указанные в извете лица имели веские основания для того, чтобы «проговориться» в ситуации, спровоцированной встречей с Серапионом летом 1725 г. Ведь иеромонах общался с разными «черкасами», а донес только на этих двух казаков. Анализ их речей указывает не только на критическое отношение гетманцев к своему положению в походе, на их «странную» реакцию о пребывании на Дону врагов империи – кубанского султана Бахты-Гирея и изменника – атамана И. Некрасова. Поведение казаков-гетманцев, вербализованное в их словах, можно включить в широкий социокультурный контекст, связанный с кризисом политической культуры украинской казачьей элиты в 1720-е гг. Период 1722–1727 гг., от смерти гетмана И.И. Скоропадского до избрания гетманом Д.П. Апостола, занимает особое место в истории новых надежд и разочарований казачьей старшины Гетманщины. Старшина, по справедливому замечанию В. Пришляка, «стала определенным отражением всех тех отчасти кардинальных социальных сдвигов, которые происходили в украинском обществе на протяжении длительного времени (с середины XVII в. и до конца XVIII в.), пока казачья автономия почти окончательно не растворилась в российском имперском пространстве»⁷⁰. Случай 1725 г., повлекший за собой арест и следствие над С.Е. Лизогубом и А.Д. Горленко, представляется содержательным и важным для комплексного изучения политических практик казачьей старшины в такой насыщенный событиями период ограничения автономии Гетманщины, как 1720-е гг.

---

⁶⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 6. Д. 359. Л. 57 об.

⁷⁰ Українська держава другої половини XVII–XVIII ст. ... С. 159.

Организация убийств как инструмент политической борьбы в южном пограничье первой трети XVIII в. (случай султана Бахты-Гирея)

Проблематика статьи не выступала раньше объектом специального научного изучения. В историографии, вместе с тем, встречаются отдельные упоминания о попытках убийства кубанского султана Бахты-Гирея (Дели-султана) с ведома российских властей¹. О жизнедеятельности мятежного Дели-султана, напротив, в последние годы появились новые исследования в российской и украинской историографии². В статье речь пойдет о предварительных наблюдениях автора над некоторыми случаями организации / исполнения убийств конкретных лиц. Эти случаи расширяют представления о политической и иной борьбе именно в южном пограничье XVIII в., о взаимоотношениях между участниками местной пограничной жизни и т.п. актуальных вопросах. Соответствующие меро-

---

¹ *Батыров В.В.* Кубанский правитель Бахты-Гирей Салтан во взаимоотношениях между Калмыцким и Крымским ханствами в XVIII в. // Сарепта: Историко-этнографический вестник. Вып. 2. Волгоград: ООО «Мириа», 2006. С. 48; *Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них Торгоутского и поступок их ханов и владельцев, сочиненное статским советником Васильем Бакуниным, 1761 года // Красный архив. Исторический журнал. 1939. Т. 3(94). С. 229.

² *Грибовский В.В., Сень Д.В.* Кубанский султан Бахты-Гирей: феномен нелегитимной власти в Крымском ханстве первой трети XVIII в. // Тюркологический сборник 2011–2012: политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М.: Восточная литература, 2013. С. 92–137; *Сень Д.В.* Биографические данные об элитах Крымского ханства: проблемы источниковедческого изучения (случай султана Бахты-Гирея) // Источниковедение и историография истории Крыма XV–XX вв.: проблемы и перспективы: сборник научных статей. Симферополь: ГАУ РК «Медиационный центр им. И. Гаспринского», 2016. С. 457–473; *Его же.* Взаимоотношения калмыков и кубанского султана Бахты-Гирея: тактика и стратегия пограничного сотрудничества (середина – вторая половина 1720-х гг. // *Magna adsurgit: historia studiorum.* 2019. № 1. С. 125–161.

приятия российских властей на Юге – в условиях нового пограничного порядка и продолжающейся борьбы с Крымским ханством и Османской империей за упрочение позиций в регионе – находили применение в разных формах, способах, а также активно поддерживались в Санкт-Петербурге. Среди таких форм и способов (помимо тех, о которых чаще пишут в специальной литературе – торговля, шертование, аманатство и пр.) назовем переговоры, угрозы и шантаж, подкуп и пр. «мероприятия» со стороны российских администраторов разного уровня. Результативность таких действий, направленных не только на достижение лояльности местных элит, зависела от стечения многих факторов, порой принося России существенные политические дивиденды. Однако история механизмов принятия российскими властями решений по ряду «деликатных» для империи политических вопросов по-прежнему имеет существенные исследовательские лакуны. В более широком смысле тема статьи относится к пространству т.н. «тайной», или «криминальной», истории российской дипломатии и истории борьбы российских политических кругов (элит) с противниками/врагами императорской власти, династии, etc.

Создается впечатление, что попытки властей организовать убийство того или иного «противника» России (среди которых мы находим подданных разных государств) вполне отвечали тому актуальному набору средств и методов, с помощью которых как тактически, так и стратегически обеспечивались российские интересы в беспокойных, т.н. пограничных областях. География той «выборки», которой мы располагаем сегодня, убедительно об этом свидетельствует. Вряд ли стоит говорить о частом и всегда планируемом использовании российскими властными структурами такого метода борьбы с «изменниками» и царскими «недругами», как организация их физического устранения. Но назвать *случайным* применение к ним подобного метода расправы тоже нельзя. Тем внимательнее историки должны отнестись к анализу конфликтных ситуаций, порождавших такие радикальные замыслы и намерения и, конечно, к тем личностям, которых предполагалось захватить живьем или убить.

К слову, превращение человека в объект преследования и предполагавшейся расправы со стороны российских властей дополнительно свидетельствует о том значении, которое придавалось Российским государством конкретной личности, как правило, заметной, неординарной и действительно выделяющейся среди своих современников. Отметим, что все такие люди, попавшие в нашу предварительную сводку – *лидеры* (в т.ч. военные) – фигуры заметные и статусные. Случайных людей, в этом смысле, среди них нет! Обратим внимание также на то, что в ряде случаев сообщества, с которыми так или иначе были связаны подобные лица, по-своему реагировали на известия об убийствах своих лидеров или на чьи-то попытки лишить их жизни. Следовательно, необходимо будет изучить и такую информацию, включая способы и формы ее передачи (слухи, показания очевидцев и даже организаторов/участников!) и закрепления в народной памяти. Слухами и новыми «детальями» обросла среди современников история с убийством Нитар-Дорджи (о которой рассказывается ниже) – вплоть до появления в калмыцком фольклоре легенды о Митройоне. Любопытная деталь отмечена в фольклоре некрасовских казаков: в исторических преданиях говорится о попытках врагов погубить атамана И. Некрасова, действовавших с помощью подкупа изменников из числа кубанских казаков³. Выскажем гипотезу, что в таких текстах содержатся отголоски неких попыток со стороны царских властей ликвидировать И. Некрасова при помощи наемных убийц. В свое время мы высказали мнение о возможном обнаружении в каком-либо из российских архивов соответствующих документов⁴. Прямые документальные свидетельства на данную тему, к сожалению, пока не выявлены. Среди косвенных данных – архивная находка О.Г. Усенко. Весной 1718г., согласно документам из

---

³ *Тумилевич Ф.В.* Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов н/Д.: Ростовское книжное изд-во, 1961. С. 154–155.

⁴ *Сень Д.В.* «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Краснодар: КубГУ, 2001. С. 88.

РГАДА, донской казак Е. Щедрин объявил за собой «государево слово». Он утверждал, что с помощью магии сможет захватить И. Некрасова, собиравшегося с кубанскими казаками и татарами «для разорения русских городов»⁵. Свои магические действия Е. Щедрин собирался осуществить с помощью камня, извлеченного из ворона, сидящего на яйцах. Однако в ходе проверки магических способностей казак «действия никакого не показал», за что был высечен кнутом и наказан 10-летней каторгой⁶.

Заметим, что в отдельных случаях соответствующая инициатива (о поимке или об убийстве конкретного лица) исходила от региональных властей, в других – от высших или центральных органов (напр., от Кабинета министров или Коллегии иностранных дел) – поручавших воеводам, губернаторам или военным чинам реализацию специальных (в т.ч. тайных) мероприятий или акций, касающихся злободневных вопросов русско-крымских, русско-османских или русско-калмыцких отношений. При этом не стоит думать, что «пограничная дипломатия» (а также неофициальные пути ее реализации) целиком и полностью направлялась из российской столицы. Напротив, «пограничные начальники» (к слову, не только российские, но также крымские и османские – напр., представители крымского хана на Кубани или мухавыз Ачучева) получили после 1700 г. определенную «свободу рук» в разрешении пограничных конфликтов и иных дел – активно взаимодействуя со своими крымскими и османскими «визави».

Тематика статьи имеет прямое отношение к управлению Россией своими пограничными владениями на Юге, в истории изучения которого необходимо уделить внимание *неформальным* связям российских администраторов с местными пограничными элитами, механизмам их стравливания со стороны

---

⁵ Усенко О.Г. Некоторые черты массового сознания донского казачества в XVII – начале XVIII вв. («субидеологические» представления, установки, стереотипы) // Казачество России: прошлое и настоящее: сб. науч. ст. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. Вып. 1. С. 102.

⁶ Там же.

имперских структур, поддержки ими одних деятелей – и маргинализации/дискредитации других. Это наглядно проявлялось в неоднократных попытках российских властей повлиять на передачу/переход власти среди местных элит, например, в Калмыцком ханстве после смерти хана Аюки, последовавшей в феврале 1724 г. Также необходимо заметить, что физическая ликвидация конкретного человека порой соответствовала интересам не одних лишь российских властей: устраняя конкурентов, местные элиты регулярно объединяли свои усилия с российскими администраторами.

В будущем необходимо расширить пространство анализируемых кейсов за счет обращения к типологически близким ситуациям, к которым были причастны Крымское ханство или Османская империя. Так, в 1699 г. нурэдун Саадет-Гирей организовал убийство черкесами своего родного брата – тогдашнего калги Шахбаз-Гирея⁷. Проникнув, по одной из версий, в дом крымского царевича в Черкесии, они застрелили его и искололи саблями, сумев затем ускользнуть. Позже убийцы были схвачены и отправлены в Крым на расправу к хану Девлет-Гирею II.

Российские власти, в лице астраханского губернатора А.П. Волынского, оказались причастны к нейтрализации авторитетного среди части калмыков Нитар-Дорджи – сына Чакторжапа и внука хана Аюки, первоначально поддержавшего в борьбе за ханский престол своего родного брата Дасанга⁸. К слову, губернатор, как и родственники «шального» Нитар-Дорджи, предполагал разные способы достижения необходимой цели – от поимки Нитар-Дорджи живым до его отравления. Впрочем, отравы не понадобилась: уже после убий-

---

⁷ *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты: в 2 т. / отв. ред. С.Ф. Орешкова. М.: Рубежи XXI, 2005. Т. 1. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. С. 468–469.

⁸ *Митиров А.Г.* Истоки. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 2002. С. 154–161; *Шараева Т.И.* К вопросу о происхождении этнической группы үлдчнр // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 4. С. 64.

ства Нитар-Дорджи она была возвращена другим внуком хана Аюки и братом Нитар-Дорджи – П. Тайшином (Бакдасаем-Дорджи) по просьбе губернатора А.П. Волынского и вылита при свидетелях⁹. Именно с П. Тайшином рассорился Нитар-Дорджи прежде других своих родственников. Кроме того, он стал преследовать российских администраторов, включая А.П. Волынского, за то, что «они защищали калмыцкие улусы от произвола и междоусобий владельцев, будучи на стороне его крещеного брата Петра Тайшина»¹⁰. В убийстве Нитар-Дорджи участвовали сами калмыки, включая его родного брата Дасанга: он был избит и задушен 12 сентября 1725 г., а его тело отвезено в Дмитриевск «для удостоверения» самим губернатором¹¹. Заметим, что несколько позже российские власти попытались применить тот же метод нейтрализации «неугодных» в отношении еще одного внука хана Аюки – калмыцкого лидера Дондук-Омбо, политические амбиции которого не устраивали многих, включая наместника Калмыцкого ханства – Церен-Дондука. Наместник готовил убийство Дондук-Омбо: А.В. Цюрюмов пишет, что это выполнялось по решению Верховного тайного совета (ВТС)¹². В феврале 1729 г. ВТС указал: «Сего ради потребно то зло упредить и зделать, чтоб того противника Дондук-Омбу таким способом убить или умертвить. Ежели такова способа, чтоб ево Дондук-Омбо одного убить или умертвить сыскать не мочно, то надобно послав войска, улус ево весь разорить»¹³. Впрочем, столь радикальный план нейтрализации Дондук-Омбо не сработал, и со своими приверженцами он даже сумел в 1731 г. откочевать на Кубань.

Поведение и активность же Нитар-Дорджи, обладавшего строптивым характером, внушали опасения российским вла-

---

⁹ Митиров А.Г. Истоки... С. 161.

¹⁰ Митиров А.Г. Избранные труды / вступ. ст. Н.Г. Очировой, подг. текстов и указателей Т.И. Шараевой. Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 68.

¹¹ Митиров А.Г. Истоки... С. 161.

¹² Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: Хроники династийных междоусобиц. Элиста: Джангар, 2005. С. 79.

¹³ Там же.

стям еще и потому, что у них появились данные о его «пересылках» с кубанским султаном Бахты-Гиреем, а также о подговоре калмыков к откочевке с Волги на Кубань¹⁴. Так, 3 июля 1729 г. П. Тайшин сообщал А.П. Вольнскому, что Нитар-Дорджи решил бежать из калмыцких улусов к кубанским татарам¹⁵. Несколько позже власти узнали о наиболее радикальной части замыслов Нитар-Дорджи и до поры до времени связанного с ним интересами Дасанга: захватив П. Тайшина и А.П. Вольнского, уйти со своими улусами на Маныч и на Кубань¹⁶. Обратим внимание на то, что в 1720-е гг. именно султан Бахты-Гирей, еще раньше захвативший *фактическую* власть на Кубани, представлял собой особенную угрозу военно-политическим интересам Российской империи на Юге. В новых исторических условиях султан Бахты-Гирей почти безнаказанно позволял себе то, что уже не позволяли себе открыто ни крымские ханы, ни их официальные представители: совершать успешные и богатые «добычей» походы, либо создавать для своих подданных, недовольных новым пограничным порядком, необходимые условия для продолжения набегов. По сути, султан являлся последним крупным политиком и военачальником в Крымском ханстве и на Северном Кавказе, которому удавалось проводить набег без санкции крымских ханов в условиях начавшегося и активизировавшегося в первой четверти XVIII в. установления на Юге линейных границ. Сознательно нарушая новые границы, пренебрегая правовыми условностями, необходимыми крупным игрокам в межгосударственных отношениях, привлекая к себе всех недовольных новым пограничным порядком, Дели-султан сумел утвердиться на Кубани в условиях «вакуума» официальной власти. С конца XVII в. Бахты-Гирей стал выстраивать собственную систему отношений с кочевыми и с другими народами Северного Кавказа, Поволжья, сохранение традиционного уклада жизни которых было немыслимо без фронтального (други-

---

¹⁴ Митиров А.Г. Истоки... С. 154.

¹⁵ Митиров А.Г. Избранные труды... С. 70.

¹⁶ Там же. С. 72.

ми словами – неустойчивого / неконтролируемого, с точки зрения империй) состояния причерноморской степи, Поволжья и ряда кавказских территорий.

Специфика анализируемой нами ситуация состояла, в частности, в том, что в нейтрализации / физическом устранении султана Бахты-Гирея, старшего сына крымского хана Девлет-Гирея II, оказались заинтересованы правящие дворы Крымского ханства, Османской империи и России. Нам неизвестен ни один другой подобный пример неожиданного, на первый взгляд, совпадения (по крайней мере, применительно к XVIII веку) интересов Бахчисарая, Стамбула и Санкт-Петербурга по отношению к одному и тому же лицу. Особенно заметными попытки устранения Бахты-Гирея стали в 1720-е гг., в т.ч. на фоне его крепнущих связей с калмыками. Впрочем, намерения крымских ханов и российских властей предусматривали, помимо прочего, достижение договоренностей с Бахты-Гиреем, обещания милостивого к нему отношения и даже прощения, но, при случае – все же его поимки или убийства. Такой системный подход российских администраторов и военных чинов отражал самое серьезное отношение России к реально возросшему влиянию Бахты-Гирея на дестабилизацию обстановки в южном пограничье и даже за его пределами, к масштабу его «подрывных» действий против империи.

Документы Национального архива Республики Калмыкия (НАРК) 1720-х гг. свидетельствуют о расширении российскими властями способов физической нейтрализации султана Бахты-Гирея – от его поимки и заключения под стражу до убийства. К слову, инициативу иногда проявляли и сами местные сообщества, с которыми у Бахты-Гирея отношения оставались, мягко сказать, неровными. Так, предполагая поимку Дели-султана, кабардинские князья сообщали, что черкесы, живущие «в Хатукае да в Жаду» (на Северо-Западном Кавказе. – Д.С.), которым Бахты-Гирей «отчасти верит», информировали их о том, что «ежели он, Бахты-Гирей, к ним приедет, чтоб ево поймали или им, черкесским князьям, ведомость подали. И когда то учинится, в таком случае могут (в тексте – «му-

гут». – Д.С.) они, князи черкаские, в том его царскому величеству службу свою показать и его, Бахты-Гирея, поймать»¹⁷. Таким образом, еще в 1718г. могла состояться «операция» по захвату Бахты-Гирея, причем и черкесы, и кабардинцы превосходно понимали, сколь ценный «подарок» они могут преподнести российской стороне. Из Коллегии иностранных дел кабардинцам указывалось в следующем году на то, что «ежели они могут того Бахты-Гирея каким образом поймать и в руки его царскому величеству отдать, и покажут в том к его величеству свою верность, то наипаче получают от его царского величества милость и жалованье»¹⁸.

В 1720-е гг. российские власти активизировали шаги по «нейтрализации» непредсказуемого Дели-султана, рассматривая самые разные варианты: от призвания его в «протекцию» Е.И.В. до организации заказного убийства, в т.ч. при помощи калмыков. Так, однажды Бахты-Гирей отпустил живыми трех калмыков, нанятых по совету донского войскового атамана А. Лопатина для его убийства. Приехав из Черкасска к Бахты-Гирею, калмыки «весь секрет сами ему объявили, и он, их подаря (т.е. одарив. – Д.С.), *от себя отпустил* (выделено мною. – Д.С.)»¹⁹. О другом, возможно, случае пишет В.В. Батыров: однажды ни с чем вернулись трое калмыков, нанятые генерал-майором А. Таракановым для убийства Бахты-Гирея, которым в случае успеха обещалась огромная сумма – 5 тыс. руб.²⁰.

Отметим исключительную осторожность Дели-султана во время кочевания с одной территории на другую, а также во время остановок между кочеванием/походами. Между тем, российскими властями предполагались и более «щадящие» меры по усмирению Дели-султана. Например, генерал-фельдмаршал М.М. Голицын писал В.П. Беклемишеву о том,

---

¹⁷ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 115. Оп. 1. 1718 г. Д. 1. Л. 26–28 об.

¹⁸ РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1718 г. Д. 2. Л. 38.

¹⁹ Бакунин В.М. Указ. соч. С. 229.

²⁰ Батыров В.В. Указ. соч. С. 48.

что если Бахты-Гирей согласится войти в протекцию²¹, то его следует отвезти в город, который подполковник сам «за способнее расудит, и там бы его содержать тайно до указа, дабы не проведали на Кубане и в Азове»²². Другой вариант содержания Бахты-Гирея предполагал его отправку и пребывание в Хоперской крепости.

Российские власти активизировались в связи с готовившимся походом Бахты-Гирея и калмыков на Кубань, решая в начале 1727 г. вопрос о его «перезывании» или о его поимке / убийстве. От Царицынской линии в степь были отправлены две «партии» во главе с капитанами Державиным и Елагиным²³. Кроме того, В.П. Беклемишев («который у калмыцких дел») должен был добиваться личной встречи с Дели-султаном. Другой подполковник – И.М. Квашнин-Самарин – был определен М.М. Голицыным в Транжамент для принятия комиссии о призыве Бахты-Гирея под российскую протекцию. Впрочем, еще 17 ноября 1726 г. был издан императорский указ, «пущенный» через Верховный тайный совет, в котором тоже речь шла о призывании Бахты-Гирея и Джан-Темира Ширинского в российскую протекцию²⁴. В нем содержались повеления, к которым власти вновь обратились в начале 1727 г. Так, В.П. Беклемишеву, если тому станет известно о возвращении Бахты-Гирея из похода или о его пребывании в калмыцких улусах, надлежало ехать туда в «самой скорости» и «трудитца и призывать его, Бакты-Гирея, а ежели с ним и Джантемира Ширинбея под протекцию всякими возможными образы, хотя и не требуя от них в том писменного или какова другаובה надеживания...»²⁵.

Подобные действия повелевалось проводить осторожно, «дабы не могло произойти эха до Азова и протчей турецкой об-

---

²¹ Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК). Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 159.

²² Там же. Л. 159–159 об.

²³ Там же. Л. 21 об.

²⁴ Там же. Л. 71.

²⁵ Там же. Л. 73.

ласти...». Императорский указ от 15 февраля 1727 г., полученный генерал-фельдмаршалом князем М.М. Голицыным 27 февраля того же года, предполагал меры по призыванию Бахты-Гирея в российскую протекцию: «А ежели не пойдет, *то б поймать или хотя и убить...* (выделено нами. – Д.С.)»²⁶. 29 марта 1727 г. князь М.М. Голицын рапортовал не только о срыве похода калмыков на Кубань, но также об отправке В.П. Беклемишеву указа о поимке или об убийстве Бахты-Гирея – в случае его отказа принять российскую протекцию. В таких условиях Дели-султан действительно мог опасаться за свою жизнь; причем, «имея страх, дабы не был пойман», Дели-султан никогда не кочевал на одном месте более двух суток²⁷.

Дальнейшее развитие ситуации нашло отражение в аналитической переписке подполковника и царицынского воеводы В.П. Беклемишева с вышестоящим начальством. В частности, он отмечал, что если Бахты-Гирей не пойдет на примирение, то поймать его с помощью российских войск не удастся. Другое дело, что сам Дели-султан «ото всех в страхе на одном месте не живет и не бес караулов ж у него»²⁸. Если же попытаться застать его врасплох, то Бахты-Гирей со своими людьми, как точно выразился В.П. Беклемишев, «для таковых случаев... имеют они лошадей резвых. И сколко от кубанскова салтана за ним посыланы, но и от всех ухораниваетца», а когда и наезжали, то уходят»²⁹. Подполковник скептически отнесся к поиску наемных убийц среди калмыков, как знатных, так и простых. По его мнению, если кто-то из простых калмыков решится застрелить или зарезать Дели-султана, то ему «самому убиту быть»³⁰. Поимку Бахты-Гирея, часто пребывающего на р. Куме, В.П. Беклемишев предлагал поручить донским казакам, которые там живут и занимаются звериной ловлей³¹. При этом он полагал возможным объединить усилия с кубанцами

---

²⁶ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 21.

²⁷ Там же. Л. 26.

²⁸ Там же. Л. 255.

²⁹ Там же. Л. 255 об.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

и с даже с Салат-Гиреем для поисков Бахты-Гирея в степи³². А в инструкции И. Бахметеву, данной из Коллегии иностранных дел на основании императорского указа, «состоявшегося» в Верховном тайном совете 24 января 1728 г., вновь предусматривались *разные* меры по нейтрализации султана, и снова – вплоть до его убийства. Для решения наболевшего вопроса капитану лейб-гвардии Ивану Шувалову надлежало иметь секретный разговор с атаманом Войска Донского А. Лопатыным, для начала попытавшись призвать султана в российскую протекцию. В случае же отказа со стороны Бахты-Гирея – его надлежало поймать или убить, «ибо на то убийство... есть желание и повеление от стороны турецкой, за что повелено обещать им донским казаком некоторую сумму»³³. Причем, судя по всему, речь шла о другом случае, нежели об описанном выше – когда того же атамана А. Лопатина привлекли к организации убийства Бахты-Гирея при помощи донских калмыков. Нас не должны удивлять совпадение интересов Порты и России по устранению Бахты-Гирея, а также контакты османских и российских властей по данному вопросу. К слову, Россия еще раньше требовала от османского правительства поймать или убить Бахты-Гирея, о чем находим упоминание в одном из документов начала 1730-х гг.³⁴. И, как выясняется, Россия была готова объединить соответствующие усилия по устранению Бахты-Гирея и с властями Крымского ханства.

В завершение статьи отметим, что ни один из вариантов физического устранения кубанского султана Бахты-Гирея – с ведома или при участии крымских, османских, российских властей – не был реализован. Дели-султан погиб во время одного из походов на кабардинцев в 1729 г.³⁵ Сегодня мы распола-

³² НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 255 об. – 256.

³³ НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 30. Л. 10.

³⁴ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 115. Оп. 1. 1731–1732 гг. Д. 2. Л. 130–137.

³⁵ АВПРИ. Ф. 115. Оп. 1. 1731–1732 гг. Д. 2. Л. 137; *Бакунин В.М.* Указ. соч. С. 231–232; *Якубова И.И.* «Кабардинский вопрос» в русско-турецких отношениях в середине XVIII в. // Исторический вестник. Нальчик: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН, 2005. Вып. 2. С. 116.

гаем многочисленными документальными свидетельствами об основательном и разнообразном наборе средств борьбы властей трех государств с мятежным царевичем, анализ которых указывает на особое место «*проблемы Бахты-Гирея*» в реализации ими своей пограничной политики в северокавказском регионе и за его пределами. Завидное упорство правящих дворов, с которым они пытались решить указанную проблему на протяжении *более полутора десятилетий*, не только само по себе выразительно и симптоматично. Многолетняя история попыток убийства или нейтрализации Бахты-Гирея другими способами свидетельствует, в числе других фактов, о реальном влиянии этого военно-политического деятеля не только на состояние и дестабилизацию обстановки в южном пограничье, но и на ход русско-крымских, русско-османских и даже крымско-османских отношений.

Проанализированные нами примеры подтверждают, в числе других аргументов, вывод о том, что на протяжении многих лет (до 1729 г.) султан Бахты-Гирей оставался одним из важнейших действующих лиц в сложнейших военно-политических комбинациях на Юге, которые элиты пограничных обществ вели со своими имперскими сюзеренами, организуя регулярные набеги в самых разных направлениях. Многократно лишавшийся официальных «должностей» и ресурсов, Бахты-Гирей являлся в течение второго и третьего десятилетий XVIII в. едва ли не главным самостоятельным политическим игроком на Северном Кавказе, располагавшим огромным влиянием, простиравшимся и за пределы данного региона. Вот почему его физическое устранение отвечало долгосрочным интересам ведущих государств, а также некоторой части элит пограничных сообществ. В изучении планов устранения конкретного царевича-Чингисида, состава их организаторов/посредников/участников и механизмов возможной реализации сегодня появились новые исследовательские перспективы.

Ногайская Кубань и проблемы внутриполитического развития Крымского ханства середины XVIII в.

Хронология исследования охватывает главным образом 1740-е – 1750-е гг., время усиления в Крымском ханстве конфронтационных процессов, связанных с ростом недовольства ногайскими ордами внутренней (ограничительной) политикой крымских ханов. Данным обстоятельством несколько позже весьма успешно воспользовалась Российская империя, распатывая обстановку в Крымском ханстве. Хань, в свою очередь, пытались проводить реформы и усиливать различный контроль над ногайцами, которые не только активно мигрировали по территории ханства, но и взаимодействовали друг с другом на почве сопротивления правящим Гиреям и их политике. На территории Кубани часть недовольных сконцентрировалась вокруг бывших сераскеров Кубанской орды – братьев Гази-Гирея и Сеадет-Гирея, сыновей крупного военно-политического деятеля – султана Бахты-Гирея (Дели-султана). Потеряв официальную власть к началу 1750-х гг., они продолжили борьбу за сохранение своего влияния среди ногайцев и черкесов. Тема заявленной нами статьи, таким образом, является актуальной по нескольким основаниям. Прежде всего, ее изучение позволяет системно уяснить общее и особенное в политике нескольких крымских ханов по реформированию государства и по выходу из сложных внутри- и внешнеполитических проблем середины – второй половины XVIII в. Одним из самых сложных направлений для «новой» внутренней политики правящих Гиреев стало т.н. ногайское направление. Кроме того, важно изучить роль и место ногайской Кубани в трансграничных процессах на Юге и в жизни пограничных сообществ, все еще пытавшихся нарушать государственные (линейные) границы, извлекая из этого определенную выгоду. На Кубани же продолжали находить прибежище многие недовольные

действиями центральных и местных российских властей, в т.ч. калмыки.

Предполагается определить роль и место ногайской Кубани в политических и иных процессах, сопровождавших деятельность правящих крымских ханов по усилению своих управленческих структур в ногайских ордах. Необходимо выявить общее и особенное в деятельности именно кубанских элит (прежде всего – кубанских сераскеров), направленных на сопротивление подобным устремлениям правящих Гиреев. Пик такого сопротивления, в пределах указанного выше десятилетия, пришелся на конец 1750-х гг., выразившись в восстании ногайцев 1758 г. против крымского хана Халим-Гирея и его родственного окружения. Многие кубанские ногайцы, руководимые бывшим кубанским сераскером Сеадет-Гиреем, приняли в этом восстании самое деятельное участие.

Источниковая основа статьи представлена документальными и нарративными документами XVIII в., как опубликованными, так и впервые вводимыми в научный оборот. Это, в частности, делопроизводственные документы российского происхождения (дипломатическая переписка, документы губернских канцелярий, расспросные речи и т.д.). Они извлечены из фондов трех федеральных архивов (АВПРИ, РГАДА, РГВИА) и двух государственных архивов (ГАРО и ГАО) Российской Федерации.

Во второй трети XVIII в. ногайцы оставались одной из самых серьезных проблем для крымских ханов, с которыми Гиреем приходилось как договариваться, так и конфликтовать. Участились небезопасные для правящих Гиреев ситуации, когда ногайцы разных орд стали обращаться за покровительством к России, даже предполагая уйти с территории ханства и принять российское подданство. И здесь мы сталкиваемся с разными, хотя и взаимосвязанными тенденциями в действиях ногайцев и крымских ханов. Правящие Гиреи продолжали искать выходы из непростых для ханства внутри- и внешнеполитических ситуациях, реагируя на новые вызовы времени и модернизируя административно-управленческую структуру управ-

ления. В частности, ханы пошли на поддержку и развитие института сераскер-султанств в существовавших тогда ногайских ордах. Справедливы слова о том, что в ходе централизации административного управления ногайцами со стороны Бахчисарая «хану даже удалось назначить на важнейшие посты ор-бея и сераскеров Буджакской и Едисанской орд своих сыновей, а также снизить градус напряженности внутри рода Гиреев, дав привилегии многим близким и дальним родственникам. Все это существенно снизило напряженность как в самом ханстве, так и на крымско-украинской и крымско-польской границе, что было с удовлетворением отмечено в Стамбуле»¹. Ханской власти также необходимо было искать новые формы нейтрализации ногайцев – в условиях продолжавшихся с их стороны набегов на российские территории. Одной из таких форм взаимоотношений сторон стало более-менее регулярное привлечение ногайцев к пограничной службе в ханстве, начиная с правления хана Арслан-Гирея (1748–1755 гг.).

Ногайцы, в свою очередь, все более открыто и решительно выражали недовольство усилением государственной регламентации их жизни, а также контролем со стороны крымских ханов по сдерживанию набеговой активности своих подданных. Ханы все более жестко наказывали ногайцев за это, заодно усиливая налоговое и иное административное давление на них. Таким образом, в период 1739–1768 гг. действительно возросли «объемы интеграции... ногайских орд в государственную систему Крымского ханства, которое посредством учреждения администрации сераскер-султанов и предоставления должности каймаканов ногайским мурзам смогло удерживать под контролем степную периферию»². Вместе с тем обо-

---

¹ История Крыма: в 2 т. / отв. ред. А.В. Юрасов. М.: Кучково поле, 2019. Т. 1. С. 502.

² *Грибовский В.В.* Управление ногайцами Северного Причерноморья в Крымском ханстве (40–60-е годы XVIII в.) // Тюркологический сборник. 2007–2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран / ред. кол.: С.Г. Кляшторный и др. М.: Восточная литература, 2009. С. 95.

стрилась борьба между разными Гиреями (включая «местные» ответвления этого рода) за обладание статусом и полномочиями сераскеров, на что чутко реагировали ногайцы разных орд, причем как элиты, так и рядовое население.

Продолжавшиеся в 1740-е гг. нарушения кубанцами границ беспокоили не только Санкт-Петербург, но также турок-османов, которые часто находили общий язык с российской стороной. Нам не кажутся лукавством слова великого везира Хаджи Мехмет-паши о том, что хан Селим-Гирей II действительно старался удерживать своих подданных от набегов³. Важная деталь определенно новых настроений ногайцев, о которых подробнее будет сказано ниже, следующая: великий везир просил канцлера А.П. Бестужева-Рюмина в 1747 г. о содействии, если найдутся такие «татары», которые «бегом или како» станут искать прибежища в России⁴. В том же году великий везир сообщал в Стамбуле российскому резиденту И.И. Неплюеву о том, что Порта намерена построить неподалеку от Темрюка небольшую крепость «для лутчаго кубанцов обуздания» и для воздержания от «своевольств»⁵. Российскому резиденту несколько позже была показана ланд-карта с указанием на место постройки будущей земляной крепости.

Обратимся к мнению А.В. Мальгина о том, что именно четырем ногайским ордам Причерноморья отводилась главная роль в отторжении Крымского ханства от Османской империи⁶. Ученый имел в виду Едисанскую, Буджакскую, Едичкульскую и Джембуйлукскую орды. Не стоит, однако, забывать о положении и влиянии среди прочих орд еще одной – Кубанской, а также о более поздних (но органически связанных с рассматриваемым временем) планах Российской империи именно с ее

---

³ Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 14–15 об.

⁴ Там же. Л. 15 об.

⁵ Там же. Л. 16.

⁶ *Мальгин А.В.* Присоединение Крыма к России в конце XVIII в. в свете мотивов имперской экспансии // История и современность. 2013. № 1 (март). С. 57.

помощью создать независимое от Крыма *Кубанское ханство* во главе с одним из Гиреев. Безусловно, для описываемого периода характерно переплетение нескольких векторов трансграничных связей Кубани, не считая, конечно, ее связей с другими территориями Крымского ханства. Прежде всего, сохранялись калмыцко-ногайские связи, выгодные обеим сторонами, вызывавшие неудовольствие как в Бахчисарае, так и в Санкт-Петербурге. В частности, речь идет о взаимной посреднической и иной торговле среди местного населения, издавна существовавшей в степном пограничье. Имели место отдельные контакты между калмыцкими и кубанскими элитами, например, между Дондук-Даши и кубанским сераскером⁷. Коллегия иностранных дел и высшие сановники России, включая канцлера А.П. Бестужева-Рюмина, всячески старались пресечь такие контакты, включая взаимную работорговлю – со стороны как ногайцев, так и калмыков⁸. Наместник Калмыцкого ханства Дондук-Даши и другие представители калмыцких элит неоднократно намеревались в 1740-е гг. откочевать в Крым или на Кубань, о чем российские власти периодически получали информацию, например, от Войска Донского из Черкаска⁹.

После побега в начале 1742 г. с территории Калмыцкого ханства ханши Джан в Кабарду произошло следующее: на Кубань откочевало большинство из сопровождавших ханшу нескольких сот кибиток тюркоязычных томутов¹⁰, не желавшую мириться с утратой власти после смерти хана Дондук-Омбо.

---

⁷ Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: Джангар, 2007. С. 268.

⁸ Там же. С. 268–269.

⁹ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 287.

¹⁰ Очиров У.Б. Тюркоязычные этнические группы в составе Калмыцкого ханства (XVII–XVIII вв.) // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2008. № 2. С. 100; *Торопицын И.В.* Противодействие тайного советника и губернатора В.Н. Татищева планам ханши Джан разыграть персидскую карту в русско-калмыцких отношениях в середине XVIII в. // Вестник Калмыцкого института гу-

Наместник Дондук-Даши и астраханский губернатор В.Н. Татищев пытались добиться возвращения беглых томатов. Однако кубанский сераскер заявил, что «хотя те толмуты на Кубань и пришли и находятся тамо, но он их по однозаконию с ним без указа сиятельного хана отдать не может»¹¹. В российских источниках данный случай упоминается наряду с бегством на Кубань в 1742 г. группы «Малого Ногаю», мурзы которой сумели перед откочевкой забрать из Кизлярской крепости своих детей, «во аманатах данных»¹². На Кубани они были приняты местными султанами, ранее подговорившими их к побегу. Указанных томатов и ногайцев российские власти требовали вернуть еще в 1756 г.¹³ Какое-то время после этих событий начала 1740-х гг. на Кубани находил пристанище влиятельный нойон Бодонг¹⁴ – двоюродный брат покойного хана Дондук-Омбо.

Что касается наместника ханства Дондук-Даши, то в историографии обычно отмечают его слабость как лидера и уступчивость по отношению к В.Н. Татищеву. Со временем конфликт между ними усугубился – и в 1745 г. российские власти снова получили информацию о возможной откочевке наместника ханства на Кубань, т.к. калмыки пришли «в непорядок и во убожество от наместниковой слабости»¹⁵. Несколько раньше на Кубань предполагали уйти зайсанги Багацохуровского улуса, опасавшиеся его раздела российскими властями¹⁶. Выразительна формулировка императорского указа о том, что

манитарных исследований РАН. 2010. № 1. С. 53–54; *Цюрюмов А.В.* Указ. соч. С. 250–251.

¹¹ Российско-северокавказские отношения в XVIII веке: сборник документов / составитель, автор предисловия, комментариев и именного указателя И.И. Якубова. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2011. С. 39.

¹² ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1961. Л. 295 об.

¹³ Там же. Л. 295–296 об.

¹⁴ *Цюрюмов А.В.* Указ. соч. С. 252; ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 2. Л. 23 об. – 24 об.

¹⁵ *Цюрюмов А.В.* Указ. соч. С. 257.

¹⁶ Там же. С. 261.

«как то и наперед сего было, хан крымской и сераскер кубанской всячески будут старатца, и ласкать, и подкупать наместника ханства Калмыцкого и его зайсангов к принятию их стороны...»¹⁷. В то же время Россия опасалась бегства на Кубань части подвластных ей ногайцев и калмыков, а также усиления крымско-калмыцких связей¹⁸. Особенно тревожны были известия 1747 г. о намерении наместника Калмыцкого ханства Дондук-Даши и его зайсангов «через Кубань уйти в Крым» – в случае начала новой русско-турецкой войны¹⁹. Консолидированными усилиями разных российских властей контакты калмыков и кубанских ногайцев в целом прекратились в 1750-е гг.

В исторической науке недостаточно разработан вопрос о роли кубанских сераскеров во внутренней и даже во внешней политике Крымского ханства указанного периода. Отсутствует и *верифицированный* перечень имен сераскер-султанов хотя бы по одной из ногайских орд. Почти не введены в научный оборот сведения о том, каким образом ханы осуществляли свой выбор при назначении *новых* сераскеров и за что – лишали власти так называемых старых сераскеров. То же самое можно сказать о повседневных управленческих практиках сераскеров ногайских орд, конечно, многократно вынужденных договариваться и с местными ногайскими элитами и даже с рядовым населением. Указанные вопросы являются составляющими более масштабной и очень важной научной проблемы – об эволюции управленческих структур в Крымском ханстве, в т.ч. об управлении правящими Гиреями ногайскими ордами²⁰. Сераскеры осуществляли различные формы контроля над местным населением, причем не только над ногайцами. В пределах конкретной орды сераскер «считался полноправным хозяином: он имел всю полноту военно-административной, фискальной и судебной власти, а также полномочия представ-

---

¹⁷ ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 8об. – 9.

¹⁸ ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 2. Л. 23–25.

¹⁹ ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 7–9.

²⁰ Грибовский В.В. Управление ногайцами Северного Причерноморья в Крымском ханстве... С. 67–97.

лять интересы ногайцев в сношениях с российской и польской пограничными администрациями и Запорожский Сечью. Среди их прочих функций выделялось военное управление...»²¹. Перед нами – общие характеристики функций сераскеров *разных* ногайских орд, имеющие некоторые отличия в зависимости от территории кочевания Буджакской, Едисанской, Джембуйлукской или Кубанской орд. Сераскеры Кубанской орды располагали своей резиденцией – укрепленным местечком Копыл (Каплу), а также активно разъезжали по Кубани, осуществляя свои полномочия, но потом все равно возвращались в Копыл. По всей видимости, институт сераскер-султанов возник на Кубани в 1720-е гг. (быть может, в контексте борьбы ханов с султаном Бахты-Гиреем (Дели-султаном)?²²), отражая совершенствование правящими Гиреями системы управления территориями, находящимися за пределами Крымского полуострова.

О семье кубанского султана Бахты-Гирея²³ вспомним в той связи, что она уже была прочно интегрирована в местное пространство, в этническую и культурную среду кубанского региона. Согласимся с мнением о том, что «многие из кубанских сераскеров завязывали родственные отношения с

---

²¹ Грибовский В.В. Управление ногайцами Северного Причерноморья в Крымском ханстве... С. 74.

²² Грибовский В.В., Сень Д.В. Кубанский султан Бахты-Гирей: феномен нелегитимной власти в Крымском ханстве первой трети XVIII в. // Тюркологический сборник 2011–2012: политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств / ред. кол. С.Г. Кляшторный и др. М.: Восточная литература, 2013.

²³ Сень Д.В. Биографические данные об элитах Крымского ханства: проблемы источниковедческого изучения (случай султана Бахты-Гирея) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского Серия «Исторические науки». 2016. Т. 2 (68). № 4. С. 105–117; *Его же*. Кубанский султан Бахты-Гирей: историческое пространство индивидуальной биографии и его реконструкция // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: материалы XXXIII Международной научной конференции. Москва, 2020 г. / отв. ред. И.Г. Коновалова, Е.В. Пчелов. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 355–358.

местной ногайской аристократией и знатными семьями горских народов. Некоторые после того, как крымский хан лишил их должности, оставались на Кубани и основывали местные династии султанов, сохранявшие принадлежность к фамилии Гиреев»²⁴. Амбиции и связи кубанских Гиреев порождали любопытные казусы и... гнев Бахчисарая. Один из сыновей Бахты-Гирея, султан Гази-Гирей, уже после смерти отца ставший кубанским сераскером, выдал свою сестру замуж за сына одного из кабардинских князей Арсланбека (кабардинского владельца Хаммурзы Росланбекова) – Аспата. Крымский хан Арслан-Гирей организовал в 1751 г. преследование своего племянника – вплоть до согласия убить его, т.к. «прежде того у них, татар, такого (так в тексте. – Д.С.) во обыкновении не бывало. А он, Казы-Гирей салтан, учинил тем безславию»²⁵. Нет сомнения в том, что после гибели Дели-султана в 1729 г. часть его семьи осталась на Кубани, по-прежнему сохраняя известное влияние на ногайцев и, скорее всего, на кабардинцев и на черкесов. Так, некоторые из сыновей Бахты-Гирея находили у них убежище после потери официальной власти, использовали их ресурсы в борьбе с новыми кубанскими сераскерами, тоже назначаемыми крымскими ханами.

Другим конкретным выражением такого влияния со стороны указанной семьи можно считать и то, что в 1730–1760-е гг. *несколько* сыновей Бахты-Гирея становились кубанскими сераскерами, включая Селим-Гирея, Сеадет-Гирея и Гази-Гирея. Первым из названных братьев стал кубанским сераскером, по всей видимости, султан Селим-Гирей (1730-е гг.)²⁶. Нам удалось найти свидетельство о том, что он со своими ближай-

---

²⁴ Грибовский В.В. Управление ногайцами Северного Причерноморья в Крымском ханстве... С. 73.

²⁵ Российско-северокавказские отношения в XVIII веке: сборник документов / составитель, автор предисловия, комментариев и именного указателя И.И. Якубова. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2011. С. 64, 65, 68.

²⁶ Фелицын Е.Д. Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области. Екатеринодар: Кубанский областной статистический комитет, 1904. Т. 1. С. 138, 141.

шими родственниками («сераскер-солтан з Бахты-Гиреевыми детми») сумел укрыться в труднодоступных местах от российско-калмыцких войск – во время их похода на Кубань летом 1736 г.²⁷ Селим-Гирей оставался сераскером еще в начале 1740-х гг.²⁸ Выражение «Бахтыгиреевы дети» весьма любопытно, оно встречается в источниках не единожды. В 1733 г. эти самые «Бахтыгиреевы дети» содействовали сбору ногайцев в поход на Персию крымско-османских войск и «збирают... кубанских татар, с которыми де будет наряд из некрасовских изменников казаков, а сколко числом, неизвестно ж, токмо де над оным войском иметь будет каманду салтан Девлет Гирей хан с Бахтыгиреевым сыном»²⁹. Значит, какая-то часть семьи Дели-султана продолжала на Кубани держаться вместе, что косвенно свидетельствует о поддержке братьями друг друга.

Выскажем версию о том, что Сеадет-Гирей являлся следующим из сыновей Бахты-Гирея, кто вослед своему брату Селим-Гирею стал сераскером на Кубани, вероятно, уже в середине 1740-х гг. Какое-то время еще в 1751 г. он оставался кубанским сераскером³⁰, будучи в том же году лишен своего чина³¹. Как можно предположить, причиной «отставки» послужила поддержка им своего мятежного брата, Гази-Гирея, бросившего вызов хану Арслан-Гирею³². Впрочем, еще летом 1751 г. Сеадет-Гирей оставался сераскером. Действия братьев, в т.ч. Гази-Гирея, получившего поддержку в Кабарде, вызвали тревогу в Стамбуле, присоединившемся к их нейтрализа-

---

²⁷ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 177. Оп. 1. 1736 г. Д. 98. Л. 3–3 об. См. также о нем: *Фелицын Е.Д.* Указ. соч. С. 138, 141, 150–153.

²⁸ Российско-северокавказские отношения в XVIII веке... С. 39.

²⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 473. Л. 24–24 об. Документ любезно предоставлен д.и.н. В.И. Мильчевым.

³⁰ Российско-северокавказские отношения в XVIII веке... С. 83; *Фелицын Е.Д.* Указ. соч. С. 183; Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 115. Оп. 1. 1752 г. Д. 1. Л. 28–28 об.

³¹ Российско-северокавказские отношения в XVIII веке... С. 60.

³² Там же. С. 85.

ции³³. Недаром хан Арслан-Гирей в переписке с Портой возлагал большую долю ответственности за обострение обстановки именно на Сеадет-Гирея, т.к. «помянутый сераскер от ханского послушания отстал и к смятению приступил»³⁴. Новый кубанский «бунт» был опасен для крымцев и для турок-османов также тем, что представители «Кашкатаусской партии» в Кабарде поддержали братьев-султанов³⁵. Правда, нельзя согласиться с С.И. Алиевой в том, что эти бывшие сераскеры, якобы «старавшиеся примкнуть к кабардинцам, пали в немилость у Османской империи и Крыма *из-за своей непопулярной политики*» (выделено мною. – Д.С.)³⁶. К слову, в нашем распоряжении имеется свидетельство о том, что еще до «отставки» своего брата, случившейся в 1751 г., султан Гази-Гирей тоже успел побывать кубанским сераскером³⁷. Отношения между братьями, как можно судить, были, как минимум, «ровными» и явно невраждебными. Уже при хане Крым-Гирее, приходившемся братьям дядей по отцу, султану Бахты-Гирею, Гази-Гирей *вновь* был назначен до 28 ноября 1761 г. кубанским сераскером³⁸.

После «отставки» Сеадет-Гирея на Кубани началась своеобразная чехарда с назначением в орду новых сераскеров, причем в историографии специального внимания на столь важный аспект раньше не обращалось. Косвенно это свидетельствует о том, что «отставка» Сеадет-Гирея не только затронула интересы семьи султана Бахты-Гирея, но еще вызвала неприятие «чужих» сераскеров какой-то частью кубанских ногайцев. С некоторыми такими сераскерами султан Сеадет-Гирей несколько

---

³³ Российско-сеveroкавказские отношения в XVIII веке... С. 89–90.

³⁴ Там же. С. 85.

³⁵ *Алиева С.И.* Ногайские турки (XV–XX вв.). Баку: Şərq-Qərb, 2009. С. 98.

³⁶ Там же. С. 99.

³⁷ Российско-сеveroкавказские отношения в XVIII веке... С. 64.

³⁸ Канцелярія Новосербського корпусу / упорядники: В. Мільчев, О. Посунько / передмови: С. Гаврилович, С. Лалич, В. Мільчев, О. Посунько // Джерела з історії Південної України. Т. 7. Запоріжжя: ЗНУ, 2005. С. 315.

раз вступал в военное противостояние. Сераскерами на Кубани недолго «продержались» Максуд-Гирей; Бахадыр-Гирей³⁹; Селим-Гирей, сын крымского хана Арслан-Гирея; Крым-Гирей, приходившийся сыном Халим-Гирею, вступившему на престол в начале 1756 г. (или в конце 1755 г.). У Ш. де Пейссонеля находим выразительную характеристику образа правления этим Крым-Гиреем (не путать с будущим ханом Крым-Гиреем!) Кубанью и Черкесией, вызвавшего резкое неприятие местного населения⁴⁰. Несколько таких свидетельств о сераскерстве Крым-Гирея относится к ноябрю 1754 г.⁴¹ Согласно разведанным российской стороны, кубанцы обеспокоились, что если Сеадет-Гирей не станет вновь сераскером, «то для их стороны последовать может худо». Многие кубанские ногайцы, в т.ч. солтанаульцы, были по-прежнему «весма склонны и во всем ему крайне послушны»⁴². При этом, как отмечал донской казак В. Закалиев, они *ненавидели* тогдашнего сераскера Крым-Гирея и вообще не приезжали к нему в Копыл.

Источники свидетельствуют о восстановлении (попытке восстановления?) Сеадет-Гирея кубанским сераскером *уже в 1755 г.* В историографии столь важный исторический сюжет был обойден исследователями стороной. Причем, как нами установлено, таких случаев было два – не только в 1755 г., *но также в 1758 г.* Еще в первой половине 1755 г. Сеадет-Гирей сумел изгнать с Кубани «официального» сераскера, приняв «все кубанское войско... под свое владение»⁴³. Особую тревогу вызвало то, что «оной де Сеадет Гирей солтан со всем кубанским войском и з горскими черкесами под властию у хана крымского (Арслан-Гирея. – Д.С.) быть не желают»⁴⁴.

³⁹ Российско-северокавказские отношения в XVIII веке... С. 97, 98.

⁴⁰ *Пейссонель Ш.-К., де.* Записка о Малой Татарии / пер. с фр. В.Х. Лотошниковой / вступ. ст., прим. и ком. В.В. Грибовского. Изд. 2-е: испр. и доп. Киев: б/и, 2013. С. 76–77.

⁴¹ Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф. 394. Оп. 1. Д. 1958. Л. 5–6, 7.

⁴² ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1958. Л. 7.

⁴³ Российско-северокавказские отношения в XVIII веке... С. 100.

⁴⁴ Там же.

Нельзя исключать того, что в данном случае Сеадет-Гирей использовал проверенные временем методы своего отца – султана Бахты-Гирея, сумевшего долгие годы удерживать на Кубани именно фактическую власть, вопреки воле Бахчисарая! При этом влияние Сеадет-Гирея распространялось и на другие группы ногайцев (едисанцев и джембуйлуковцев), даже намеревавшихся переселиться на Кубань и просивших Сеадет-Гирея о таком содействии⁴⁵.

Переговоры ногайцев Едисанской и Джембуйлукской орд с Сеадет-Гиреем обратили на себя внимание Коллегии иностранных дел (далее – КИД). В Санкт-Петербурге знали о том, что перевод едисанцев и джембуйлуковцев предполагался через Дон и Азов, что особой тревоги само по себе не вызвало. Более того, в КИД полагали, что в дальнейшем этим можно будет воспользоваться для переселения ногайцев в Россию⁴⁶. Летом 1755 г. российская дипломатия намеревалась поддержать эту провокацию, направленную на расшатывание внутриполитической обстановки в Крымском ханстве. Для этого был продуман план действий с участием Войска Донского, администрации которого *рекомендовалось* не чинить преграды султану Сеадет-Гирею, если он с войском станет переправляться через Дон⁴⁷. После же переправы султана на крымскую сторону атаману Войска Донского С.Д. Ефремову надлежало написать жалобу на Сеадет-Гирея... хану Арслан-Гирею (!)⁴⁸. Сеадет-Гирей, в свою очередь, активизировав решение вопроса о переселении на Кубань едисанцев и джембуйлуковцев, даже попытался оказать соответствующее давление на калгусултана летом 1755 г.⁴⁹ Фактически произошло «отложение» Сеадет-Гирея от крымского хана, к тому же ставшего собирать войско среди черкесов, умело используя противоречия

---

⁴⁵ Российско-северокавказские отношения в XVIII веке... С.100.

⁴⁶ Там же. С. 102.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 103.

⁴⁹ Там же. С. 101.

между ними и ханом Арслан-Гиреем⁵⁰. Какое-то влияние оказал Сеадет-Гирей и на переселение из Крыма на Кубань группы солтанаульцев (случившееся до 10 августа 1756 г.), которое было санкционировано крымским ханом⁵¹.

Возвращаясь к «запутанному» в историографии вопросу о сераскерстве Сеадет-Гирея, отметим, что к его решению оправданно подключился Бахчисарай: от хана Арслан-Гирея на Кубань прибыл калга-султан. Он действительно встречался с Сеадет-Гиреем – один раз в период до 4 июля 1755 г., затем, как минимум, еще один раз⁵². Из рапорта ротмистра И. Мещерякова кизлярскому коменданту И.Л. фон Фрауендорфу от 11 октября 1755 г. следует, что приехавший из Крыма калга-султан был вынужден вступить в переговоры с «кубанским народом» по вопросу о новом сераскере. Примечательно, что какая-то часть договорных отношений калги-султана и «кубанского народа» оказалась оформлена *присягой*, а калга-султан «выбрал (выделено мною. – Д.С.) в кубанские сераскеры с обшаго кубанского народа согласия бывшего сераскера Сеадет-Гирея Бахтыгиреева сына»⁵³. В доношении донского казака П. Грекова войсковому атаману, отправленного на Кубань 21 декабря 1755 г. и приехавшего в Копыл, Сеадет-Гирей фигурирует как *сераскер*⁵⁴. Другой источник, независимый от предыдущего, также относит обладание Сеадет-Гиреем интересующим нас статусом к 1755 г.⁵⁵ Однако российские источники 1756 года именуют сераскер-султаном *Крым-Гирея*, сына «нового крымского хана»⁵⁶, т.е. Халим-Гирея. По всей видимости, противоречие можно объяснить тем, что новый хан, вступивший на престол в конце 1755 г. или в начале 1756 г., назначил на Кубань своего «официального» сераскера.

⁵⁰ Российско-северокавказские отношения в XVIII веке... С. 100, 104.

⁵¹ Там же. С. 108.

⁵² Там же. С. 100–101.

⁵³ Там же. С. 105.

⁵⁴ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1961. Л. 66–66 об.

⁵⁵ Российско-северокавказские отношения в XVIII веке... С. 101.

⁵⁶ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1961. Л. 366–369 об.; Там же. Д. 1958. Л. 2–3.

В 1756 г., или несколько ранее, Сеадет-Гирей вступил в еще большую крупную и рискованную игру – заявив о желании перейти в российскую протекцию вместе с солтанаульцами⁵⁷. Впрочем, свидетельство о возможной откочевке солтанаульцев за Волгу под его руководством встретилось нам в документе более раннего времени. Еще в 1754 г. посланец Войска Донского В. Закалиев получил соответствующую информацию на Кубани от местных жителей⁵⁸. Безусловно, этот случай надо рассматривать на фоне *аналогичных устремлений* со стороны других ногайских орд. Ногайцы Едисанской орды с середины XVIII в. все активнее стали проявлять интерес к переходу в российское подданство, например, в конце 1750-х гг.⁵⁹ Достаточно характерная для описываемого периода ситуация произошла в ходе восстания едисанских и буджакских ногайцев против крымского хана Халим-Гирея и его ближайшего окружения (1758 г.)⁶⁰ Еще за несколько лет до восстания едисанцы отправили в Санкт-Петербург посольство с указанной целью⁶¹. А во время восстания они сделали то же самое, причем буджакские ногайцы их поддержали. Российское правительство, в свою очередь, просчитывая риски принятия неверного решения и в чем-то разделяя опасения Крыма и Порты, отказало ногайцам в подданстве. Более того, оно приказало приграничным форпостам их «не токмо в здешнюю сторону не пропускать, но и силою от границ здешних отбивать»⁶².

В случае же с предложением Сеадет-Гирея дело обстояло иным образом. Во-первых, переход солтанаульцев полагался возможным на том основании, что они якобы ранее были российскими подданными. Во-вторых, касательно фигуры самого Сеадет-Гирея, – в случае перехода в христианскую веру его

⁵⁷ Российско-северокавказские отношения в XVIII веке... С. 109–110.

⁵⁸ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1958. Л. 7.

⁵⁹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 551. Ч. 1–5.

⁶⁰ *Пейссонель Ш.-К., де*. Записка о Малой Татарии... С. 73–89.

⁶¹ *Грибовський В.В.* Ногайські орди в політичній системі Кримського ханства // Південна Україна XVIII–XIX століття. Запоріжжя: ЗНУ, 2008. С. 118–119.

⁶² Там же. С. 120.

готовы были принять на Дону, в Кизляре или в Астрахани⁶³. Настойчивость Сеадет-Гирея обращает на себя внимание: похожая история имела место в ноябре-декабре уже 1757 г., причем позиция КИД о солтанаульцах не претерпела существенного изменения: «А они между тем до того времени могут спокойно побыть в прежних их местах»⁶⁴.

В 1757–1758 гг. ситуация в Крымском ханстве, в т.ч. на Кубани, обострилась еще больше. Авторитет и влияние хана Халим-Гирея в ногайских ордах стремительно падали⁶⁵. Султаны Сеадет-Гирей и Бахадыр-Гирей умело воспользовались недовольством черкесов, потребовав от хана свержения султана Крым-Гирея, угрожая в обратном случае «не останавливаться ни перед чем»⁶⁶. В марте 1758 г. на Кубань прибыл калгасултан Девлет-Гирей, намеревавшийся «выпросить у хана смещение Крым-Герая и назначение на его место Сеадет-Герая черкесского»⁶⁷. Мы вновь наблюдаем переговорный процесс между калгой-султаном и кубанцами, даже согласившимися на выдачу ему аманатов. Заметим, что фигура Сеадет-Гирея по-прежнему интересовала российские власти. В 1758 г. были получены сведения о том, что должности сераскера он был лишен *именно* Халим-Гиреем, «и что он самовольно в околичностях Кубани оставался не иначе, но противником хана крымскаго, следовательно, и Порты Отоманской...»⁶⁸. Далее отмечалось, что именно благодаря поддержке кубанцев, недовольных сераскером Крым-Гиреем, Сеадет-Гирей вновь сумел возвыситься, сделавшись «некоторым образом тамошних хану крымскому противных народов предводителем»⁶⁹.

---

⁶³ Российско-северокавказские отношения в XVIII веке... С. 110.

⁶⁴ Там же. С. 112.

⁶⁵ *Пейссонель Ш.-К., де*. Записка о Малой Татарии... С. 82–86; *Пономарьов О.М.* Ногайський заколот 1758 року та сходження Крим-Гірея на ханський престол (за документами Архіву Коша Нової Запорозької Січі) // Архіву України. 2015. № 2. С. 157–168.

⁶⁶ *Пейссонель Ш.-К., де*. Записка о Малой Татарии... С. 77.

⁶⁷ Там же. С. 78.

⁶⁸ ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 19.

⁶⁹ Там же.

Хронология последующих событий такова, что ханский сын и сераскер-султан Крым-Гирей все-таки был изгнан ногайцами с Кубани в том же 1758 году. Впрочем, хан Халим-Гирей отказался от слова, данного им калге-султану – «назначить сераскиром Кубана Сеадет-Герая черкесского»⁷⁰. Сеадет-Гирей не собирался сдавать свои позиции: вместе с султаном Бахадыр-Гиреем он сумел закрыть на Кубани и в Черкесии все пути. Они «запретили торговлю, грабили караваны и похищали лошадей, скот и рабов почти под пушечными выстрелами крепостей великого повелителя»⁷¹. Мы располагаем данными о том, что уже в конце августа 1758 г. Крым-Гирей был лишен своей официальной власти на Кубани. Правда, в начале осени того же года он планировал «итит войною на Кубань» против Сеадет-Гирея и Бахадыр-Гирея⁷². Причем оба султана и кубанские мурзы действовали вполне согласованно, планируя свои дальнейшие действия против Халим-Гирея. При этом мурзы желали, чтобы «сероскером бы у них учинен был тот ково он сами пожелают из них ж солтанов»⁷³, т.е. либо Сеадет-Гирей, либо Бахадыр-Гирей.

Ногайцы Эдисанской и Буджакской орд восстали в 1758 г. против хана Халим-Гирея и его сыновей, поддержав в борьбе за крымский престол Крым-Гирея (сына хана Девлет-Гирея II), бывшего в свое время буджакским сераскером. В конце октября 1758 г., будучи поддержанным ногайцами нескольких орд, Крым-Гирей был провозглашен Портой новым крымским ханом. Отметим, что кубанские ногайцы во многом координировали свои действия с ногайцами Эдисана и Буджака. Их недовольство, конечно, имело общие корни – «протест против усиления государственной регламентации Крымского ханства и стабилизации границ, лишавших кочевников

---

⁷⁰ *Пейссонель Ш.-К., де.* Записка о Малой Татарии... С. 79, 81.

⁷¹ Там же. С. 80.

⁷² Канцелярія Новосербського корпусу... С. 306.

⁷³ Там же.

возможности совершать набеги на соседей»⁷⁴. Вместе с тем неверно отделять важнейшие амбиции и мотивации бывшего сераскера Сеадет-Гирея *от настроений и устремлений кубанских ногайцев*, как считает В.В. Грибовский. Он пишет, что Сеадет-Гирей и Бахадур-Гирей стремились «занять должность кубанского сераскера, хотя сами кубанские ногайцы заявили о желании самостоятельно избирать сераскеров и выступили против их назначения крымским ханом»⁷⁵. Напротив, мы доказали, что поддержка кубанскими ногайцами султана Сеадет-Гирея носила массовый характер, и что именно они повлияли на его назначение сераскером в 1755 г., оказав давление на калгу-султана. В последующие годы, в т.ч. в 1758 г., они также неоднократно поддерживали *своего* султана Сеадет-Гирея в борьбе за сераскерство в Кубанской орде. Потомки султана Бахты-Гирея тем самым действительно сумели сформировать *свою систему неформальной власти* на Кубани, успешно прошедшую проверку временем. Более того, султан Сеадет-Гирей добился большего влияния в местном черкесском мире, чем его знаменитый отец.

После прихода к власти осенью 1758 г. новый хан Крым-Гирей не забыл о Кубани. Он несколько раз инициировал слухи о скором начале войны между Османской и Российской империями, давая ногайцам повод надеяться на возобновление набегов, что обеспечивало ему на первых порах популярность в ханстве⁷⁶. Порта, что вполне ожидаемо, достаточно прохладно отнеслась к новому хану, поскольку была вынуждена уступить нажиму со стороны ногайцев. Российский резидент в Стамбуле А.М. Обресков сообщал 12 декабря 1758 г. о том, что Крым-Гирей Порте «делается весьма несносным», и что она желает видеть его переехавшим в Крым, от чего всячески уклоняется⁷⁷. Опасения хана в том и состояли, чтобы

---

⁷⁴ Грибовский В.В. Управление ногайцами Северного Причерноморья в Крымском ханстве... С. 84.

⁷⁵ Там же. С. 83.

⁷⁶ Там же. С. 87.

⁷⁷ ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 31.

Порта, воспользовавшись его приездом в Крым, «тем... его не свергла»⁷⁸. Между тем, в 1759 г. Крым-Гирей намеревался переехать из Каушан не в Крым, а на Кубань, «и для того охотнее быть на Кубане, нежели в Крыму»⁷⁹. А все потому, как точно отмечено в императорском указе от 24 июля 1759 г., адресованном атаману С.Д. Ефремову, что хан Крым-Гирей «вымог себе сие достоинство от Порты Отоманской, по преданству к нему бунтовавшего пред сим против оной Эдисанского народа. Следовательно, Порта принуждена его токмо до тех пор сносить, пока случая не получит без дальняго затруднительства его сменить»⁸⁰. В Коллегии иностранных дел отмечали нестандартность ситуации, поскольку давно не было такого случая, «дабы ханы крымские на Кубань ездили», и опасались последствий прибытия хана на Кубань⁸¹. Наконец, с аналитической точки зрения важны слова о том, что в случае переезда на Кубань Крым-Гирей «может найти себе прибежище у тамошних в горах живущих народов, по примеру многих крымских солтанов, родственников ханов крымских, а также от Порты отверженных и противниками объявленных»⁸². Однако, насколько известно, планировавшаяся поездка хана Крым-Гирея на Кубань осталась нереализованной.

Между тем, беглый калга-султан – Хаджи-Гирей, скрывавшийся за пределами ханства от хана Крым-Гирея, выразил в 1759 г. желание сменить подданство и переселиться в Россию⁸³, поддержав соответствующее обращение едисанских и буджакских мурз. При этом сам Крым-Гирей опасался Хаджи-Гирея и его поддержки ногайцами. Нами обнаружен уникальный архивный источник – перевод с «турецкого письма», поданного буджакскими и едисанскими мурзами

---

⁷⁸ ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 31 об.

⁷⁹ Там же. Л. 22 об.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. Л. 21–22 об., 26–26 об.

⁸² Там же. Л. 22 об.

⁸³ Там же. Л. 35.

султану Хаджи-Гирею⁸⁴. 49 ногайских мурз (!) излагали свою позицию в конфликте с ханом Крым-Гиреем, выражали опасение за свою жизнь и просили бывшего калгу «придумать, в Кубани ли нам быть, или у давнишних соседей»⁸⁵. Необходимо заметить, что Хаджи-Гирея иногда ошибочно именуют *калгой-султаном Халим-Гирея*⁸⁶. Однако он был назначен калгой именно ханом Крым-Гиреем после прихода к власти⁸⁷.

Новым кубанским сераскером хан Крым-Гирей назначил родного брата Хаджи-Гирея – Сеадет-Гирея⁸⁸. Правящему хану, Крым-Гирею, султаны Хаджи-Гирей и Сеадет-Гирей приходились племянниками по их отцу – Махмуд-Гирею, сыну крымского хана Девлет-Гирея II. Причем во время восстания 1758 г. султан Хаджи-Гирей пользовался поддержкой Крым-Гирея и активно ему помогал. Через какое-то время Хаджи-Гирей был лишен Крым-Гиреем сана – новым калгой-султаном стал Селим-Гирей, сын предыдущего хана – Арслан-Гирея, родного брата Крым-Гирея. А после смерти Селим-Гирея, подчеркнем, калгой-султаном в Крымском ханстве стал... *султан Сеадет-Гирей*⁸⁹ – многократно упоминаемый нами сын султана Бахты-Гирея. Халим-Гирей писал, что вскоре после назначения он умер, но это не так. Еще в конце декабря 1761 г. калга-султан Сеадет-Гирей был жив, приехав из Крыма на родную ему Кубань, где сераскером тогда был его родной брат – Гази-Гирей⁹⁰. Более того, сохранился документ о его калгайстве за первую половину 1762 г.⁹¹ Главное, впрочем, в другом: во-первых, при помощи документальных источников уда-

---

⁸⁴ ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 40–41 об.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ *Грибовский В.В.* Управление ногайцами Северного Причерноморья в Крымском ханстве... С. 87.

⁸⁷ *Пейссонель Ш.-К., де.* Записка о Малой Татарии... С. 82; *Халим Гирей Султан.* Розовый куст ханов, или история Крыма / транскрипция, перевод переложения А. Ильми. Симферополь: Доля, 2004. С. 127.

⁸⁸ ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 35–35 об.

⁸⁹ *Халим Гирей султан.* Указ. соч. С. 127.

⁹⁰ Канцелярия Новосербьского корпусу... С. 324.

⁹¹ Там же. С. 353–354.

лось верифицировать свидетельство Халим-Гирея о калгайстве Сеадет-Гирея. Во-вторых, имя этого калги-султана практически «выпало» из историографии и из соответствующих сводок и перечней имен Гиреев, в т.ч. из представленных в авторитетном сборнике⁹². Столь незаслуженно забытый исторический факт (о котором не упомянул даже В.Д. Смирнов) исключительно важен при анализе биографии не только этого султана (ставшего вторым лицом в ханстве!), но и в ходе уяснения самых разных сценариев борьбы за власть в Крымском ханстве середины XVIII в. И, конечно, сказанное имеет значение для исследования *коллективной биографии* семьи кубанского султана Бахты-Гирея, в изучении которой появились новые направления и новые перспективы.

Изучив ситуацию, связанную с просьбой Хаджи-Гирея, КИД отклонила просьбу Хаджи-Гирея, поручив одному из своих членов В.М. Бакунину внушить ему, «что они не только со всем ногайским народом, но и одни при нынешних обстоятельствах в подданство... и на время в здешние границы приняты быть не могут»⁹³. При этом для Хаджи-Гирея предусматривалась возможность «пробраться» со своими сторонниками через земли донских казаков «ниже Черкаска» на Кубань, где сераскером пребывал его брат Сеадет-Гирей (не путать с другим Сеадет-Гиреем, сыном султана Бахты-Гирея!)⁹⁴. Верхушке Войска Донского – генерал-майору Д.Е. Ефремову и войсковому атаману С.Д. Ефремову из КИД были направлены соответствующие указы, суть которых сводилась к тому, что ногайцам не следует препятствовать в переходе на Кубань⁹⁵. Донцам цинично предписывалось «смотреть на такое их перехождение сквозь перстов», лишь бы перебежчи-

---

⁹² Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı / Présenté par Alexandre Bennigsen, Pertev Naili Boratav, Dilek Desaiwe, Chantal Lemerrier-Quelquejay. Paris: École des Hautes Études en Sciences Sociales and Mouton Éditeur, 1978. P. 368.

⁹³ ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 35–35 об.

⁹⁴ Там же. Л. 35 об.

⁹⁵ Там же. Л. 39.

ки «вместо Кубани в калмыцкия улусы не ходили»⁹⁶. Планы бывшего калги-султана, Хаджи-Гирея, одинаково встревожили и Санкт-Петербург, и Бахчисарай. Так, Крым-Гирей, узнав о подобных планах своего бывшего калги, учредил «крепкия караулы», после чего Хаджи-Гирею и его сторонникам «через Крым и ехать уже невозможно»⁹⁷. Именным же императорским указом (1759 г.?) Хаджи-Гирею сообщалось, что его прошение удовлетворят только тогда, когда с турецкой стороны «воспоследует» война с Россией⁹⁸. Что касается кубанского сержанства, то через какое-то время после прихода к власти хан Крым-Гирей «вспомнил» о своих племянниках – сыновьях Бахты-Гирея (судя по всему, их отношения были весьма хорошими; вероятно, случайное совпадение – но одного из своих сыновей Крым-Гирей назвал *Бахты-Гиреем*), назначив на указанную должность султана Гази-Гирея. Не исключено, что поводом для этого послужила поддержка предыдущим сержантом, Сеадет-Гиреем, неугодного хану Крым-Гирею бывшего мятежного калги – Хаджи-Гирея. Повторимся, что другой из братьев, Сеадет-Гирей, стал калгой-султаном при хане Крым-Гирее: таким образом, именно при нем оба брата не только вернули себе официальную власть, но и приумножили ее. Имеются основания полагать, что Сеадет-Гирей продолжительное время (в пределах 1758–1764 гг.) сохранял доверие хана Крым-Гирея. Ужесточая политику в отношении ногайцев⁹⁹, именно своему калге он поручил в 1762 г. вывести ногайцев с Кубани¹⁰⁰. Согласно сведениям, поданным атаманом С.Д. Ефремовым в Главную канцелярию Новосербского корпуса, эта задача была успешно решена Сеадет-Гиреем до 10 мая 1762 г.¹⁰¹ Ногайцев вывели «на крымскую сторону»,

---

⁹⁶ ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 3. Л. 39.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же. Л. 42 об.

⁹⁹ *Грибовский В.В.* Управление ногайцами Северного Причерноморья в Крымском ханстве... С. 88.

¹⁰⁰ Канцелярия Новосербского корпусу... С. 353.

¹⁰¹ Там же. С. 353–354.

часть которых, сообщал информатор «будут... кочевьем находитца по Конским и Молочным Водам даже до Берд»¹⁰². Пытавшийся препятствовать таким действиям бывший союзник Сеадет-Гирея – Бахадыр-Гирей, был разгромлен «кубанцами» под руководством сына калги Сеадет-Гирея.

В статье были установлены и проанализированы новые исторические факты, подтверждающие заметную роль ногайской Кубани во внутривосточной обстановке на территории Крымского ханства середины XVIII в. Кубань продолжала оставаться регионом, где пытались, и небезуспешно, находить убежище подданные разных государств, в т.ч. России, конфликтовавшие с властями и завязывавшие все новые связи с кубанскими элитами и с рядовым населением. Заметную роль в политическом пространстве кубанского региона продолжала играть после 1729 г. семья (сыновья) кубанского султана Бахты-Гирея Дели-султана. Как минимум, *трое* его сыновей являлись обладателями должности сераскер-султана в 1730-е – начале 1750-х гг., некоторые из них не отказались от борьбы за власть и позже. Было доказано, что кубанские ногайцы приняли заметное участие во внутривосточной жизни Крымского ханства, активно сопротивляясь многим жестким административным решениям правящих Гиреев – усилению контроля над набеговой системой, над миграциями по территории ханства и пр. Недовольство кубанских ногайцев начала 1750-х гг. активно подогревалось бывшими кубанскими сераскерами – братьями Гази-Гиреем и Сеадет-Гиреем, сыновьями султана Бахты-Гирея.

Установлено, что поддержка кубанскими ногайцами султана Сеадет-Гирея в середине 1750-х гг. носила массовый характер, и что именно ногайцы повлияли на его назначение кубанским сераскером в 1755 г., оказав давление на калгу-султана. Впервые в историографии установлено, что в 1758 г. повторилась аналогичная ситуация – когда между кубанцами и Бахчисараем был достигнут новый компромисс (оставшийся нереализованным) о восстановлении кубанским сераскером

---

¹⁰² Канцелярія Новосербського корпусу... С. 354.

Сеадет-Гирея. Впервые в историографии доказано, что впоследствии он был назначен калгой-султаном при хане Крым-Гирее. Выявлена непосредственная связь между «бунтом» сыновей Бахты-Гирея против крымского хана и последующей активностью кубанских ногайцев в восстании 1758г. Установлены новые данные о связях кубанских ногайцев, изгнавших с Кубани сераскера Крым-Гирея, с лидерами этого восстания и с другими ногайскими ордами. Приведены факты, доказывающие, что после прихода к власти хана Крым-Гирея кубанский регион сохранял свою привлекательность для разных участников недавнего многостороннего противостояния – начиная от хана Крым-Гирея (даже планировавшего перебраться на Кубань) и заканчивая буджакскими и едисанскими ногайцами.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЗДАНИЙ, В КОТОРЫХ ВПЕРВЫЕ ОПУБЛИКОВАНЫ ТРУДЫ, ВКЛЮЧЕННЫЕ В КНИГУ

1. Администрация российского Азова и население Кубани: пограничные отношения в конце XVII в. – начале XVIII в. // Ломоносовские чтения. Востоковедение: тез. докл. науч. конф. М.: Ключ-С, 2013. С. 264–267.
2. Азовские походы и их последствия в истории Крымского ханства. Рубеж XVII–XVIII вв. (на примере ногайской Кубани) // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к будущему: мат-лы Второй Междунар. науч.-практ. конф. (г. Черкесск, 12–13 октября 2016 г.). Черкесск: б/и, 2016. С. 87–92.
3. Ахреяне как образы «чужого»: славяне Приазовья и Кубани XVII – начала XVIII вв. // CAUCASICA. Труды Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона. Т. 2 / под ред. В.А. Захарова. М.: ИПСИЧКР, «Русская панорама», 2013. С. 128–150.
4. «Бил челом ахреянскому атаману...»: плен, рабство и выкуп на южном пограничье (конец XVII в. – начало XVIII в.) // Вестник Калмыцкого Института гуманитарных исследований РАН. 2018. № 1. С. 36–46.
5. Биографии лидеров донских и кубанских казаков-старообрядцев конца XVII в. – начала XVIII в. // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VI Токаревские чтения): мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 4–5 мая 2017 г.) / отв. ред. к.и.н. А.Л. Бойко, д.и.н. Д.В. Сень, д.ф.н. А.В. Яровой. Ростов н/Д.: Альтаир, 2017. С. 111–120.
6. Биографические данные об элитах Крымского ханства: проблемы источниковедческого изучения (случай султана Бахты-Гирея) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского Серия «Исторические науки». 2016. Т. 2 (68). № 4. С. 105–117.
7. Взаимоотношения калмыков и кубанского султана Бахты-Гирея: тактика и стратегия пограничного сотрудничества (середина – вторая половина 1720-х гг.) // Magna adsurgit: historia studio-rum. 2019. № 1. С. 125–161.

8. Из истории борьбы России за Азов в 1695–1696 годах: участие ахреян в защите османской крепости // Меншиковские чтения – 2014: научный альманах / гл. науч. ред. П.А. Кротов. СПб.: XVIII век, 2014. Вып. 5 (13). С. 160–167.
9. Информационное пространство Булавинского выступления и повстанческая переписка 1708г. с Кубанью // Казачество России в бунтах, смутах и революциях (к столетию событий 1917 года): материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 4–5 октября 1917 г.) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. С. 89–97.
10. Кубанский султан Бахты-Гирей: историческое пространство индивидуальной биографии и его реконструкция // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: материалы XXXIII Международной научной конференции. Москва, 2020 г. / отв. ред. И.Г. Коновалова, Е.В. Пчелов. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 355–358.
11. Крымское ханство в конце XVII – начале XVIII вв.: внешняя и внутренняя политика в условиях новых исторических «вызовов» // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2018. № 2. С. 88–95.
12. Новые данные о представителях потестарных структур кубанского казачества (конец XVII в. – XVIII в.) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: материалы XXXII Международной научной конференции. Москва, 11–12 апр. 2019 г. М.: ИВИ РАН, 2019. С. 359–362.
13. Ногайская Кубань и проблемы внутривосточного развития Крымского ханства середины XVIII в. // Oriental studies. 2020. Т. 13. № 3.
14. Организация убийств как инструмент политической борьбы в южном пограничье первой трети XVIII в. (случай султана Бахты-Гирей) // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы исторической науки (к 100-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 22–23 марта 2019 г.) / Отв. ред. Д.П. Исаев, Д.В. Сень, М.Е. Шалак. Ростов н/Д.: Альтаир, 2019. С. 548–558.

15. Освоение Черномории казачеством в конце XVIII в.: случай Петра Малого и Андрея Мазанова // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (V Токаревские чтения): мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. к.и.н. А.Л. Бойко, д.и.н. Д.В. Сень (г. Ростов-на-Дону, 6–7 мая 2016 г.). Ростов н/Д.: Альтаир, 2016. С. 30–44.
16. Переговоры о переходе кубанских ногайцев в российское подданство (рубеж XVII–XVIII вв.) // Magna adurgit: historia studiorum. 2019. № 2. С. 109–119.
17. Пограничные владения Османской империи на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII – начале XIX вв. и казачьи сообщества региона // Казачество России: прошлое и настоящее: сб. науч. ст. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2010. Вып. 3. С. 47–63.
18. После взятия Азова: российско-османское пограничье и его население в 1696–1697 гг. (на материале расспросных речей) // Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы, 1517–1918 / ред.-сост. К.А. Кочегаров, Л.К. Новосельцева, А. Форго, О.В. Хаванова. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 153–168 (в соавт. с П.А. Аваковым).
19. Толмачи и переводчики в деятельности воеводской администрации Азова (конец XVII – начало XVIII вв.) // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы Международной научной конференции. М.: ИРИ РАН, 2019. С. 134–143.
20. Управленческие практики Российской империи в Северном Причерноморье и судьба Крымского ханства: проблемы историографии // Национальная политика и модернизация системы управления на Юге России: исторический опыт и современные вызовы: мат-лы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 27–28 сентября 2012 г.) / отв. ред. академ. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2012. С. 130–137.
21. «Чтоб де к нам тот Бакты-Гирей с Некрасовым поближе пришли, то бы де нам добре было»: случай из истории казачьей старшины Гетманской Украины 1720-х гг. // Меншиковские чтения – 2015: научный альманах / гл. науч. ред. П.А. Кротов. СПб.: XVIII век, 2015. Вып. 6 (15). С. 160–170 (в соавт. с Н.И. Швайба).

Научное издание

Сень Дмитрий Владимирович

**РУССКО-КРЫМСКО-ОСМАНСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ:
ПРОСТРАНСТВО, ЯВЛЕНИЯ, ЛЮДИ
(КОНЕЦ XVII – XVIII в.)**

Избранные труды

Ответственный редактор
доктор исторических наук В.В. Трепавлов

Корректоры: А.В. Стахеева, М.С. Шипитко
Верстка и дизайн: И.М. Сиренко

Сдано в набор 02.09.2020. Подписано в печать 19.10.2020.

Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 26.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Тираж 500 экз. Заказ № 706.

Отпечатано в типографии ООО «Альтаир»:

г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55.

Тел. 8(958)- 544-59-27, 8(863) 219-84-25.

E-mail: oooaltair_office@mail.ru.

<http://altair-rostov.ru/>